

Боспор. Предметы украшения «полихромного стиля» из склепа 24 VI 1904.
Конец IV—начало V в.

а — браслет; б — накладки на пояс; в — пряжка; г — фибула (рис. Е. С. Матвеева).

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

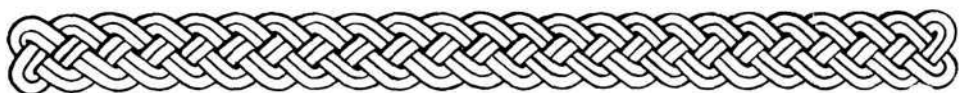
А. Л. Я К О Б С О Н

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ К Р Ы М

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
И
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО " НАУКА "
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД
1 9 6 4

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая книга посвящена древней Таврике — небольшому Крымскому полуострову. Без знания ее прошлого многое будет непонятным в истории культуры всего Юга нашей Родины и в античный период (VI в. до н. э. — IV в. н. э.), и в средние века (V—XV вв. н. э.). Много останется непонятным в истории и культуре древнейшего русского государства — Киевской державы: долгое время оно было связано с соседней Таврикой.

Здесь в греко-сарматской среде веками складывалась своеобразная и самобытная культура, формировавшаяся на эллинистической основе и оставившая замечательное наследство средневековью.

Древних греков Таврика привлекала обилием продуктов скотоводства и хлеба, которые производили обитавшие здесь местные племена тавров и скифов. Еще в VI в. до н. э. выходцы из малоазийских греческих городов начали основывать здесь торговые фактории; некоторые из них довольно скоро превратились в значительные города. Таков Херсонес, таков и Пантикапей, ставший затем столицей Боспорского царства. Города эти были не только торговыми, но и развитыми ремесленными центрами; они стали рассадниками передовой в то время античной греческой культуры среди многочисленных племен, населявших Северное Причерноморье, коренных обитателей Таврики — тавров и скифов, позднее — среди сарматских племен, заселивших значительную часть полуострова. Но не только греки несли свою культуру в массу этих племен. В свою очередь и скифы, и сарматы вносили свой еще полностью не учтенный вклад в быт и искусство самих греков. Уже в ту древнюю эпоху Таврика оказалась на стыке великих культур Азии и Европы.

Так было и в средние века.

Наследница Римской империи — Византия через свои крымские города-форпосты — Херсон и Боспор (Пантикапей) в V—VII вв. связывалась с гуннами, занявшими северопричерноморские степи, в VII в. — с хазарами, на короткое время завоевавшими большую часть полуострова, в X—XI вв. — с печенегами, властителями южнорусских степей, угрожавшими отсюда могуществу Византии и подходившими под стены византийской столицы — Константинополя, в XII в. — половцами.

Но это были не только политические сношения, посредством которых Византия постоянно стремилась привлечь на свою сторону этих кочевников, заключая с их вождями союзы и вербуя среди них наемное войско. Политические связи сопровождались торговлей, несшей в среду «варваров» высокую культуру греко-сарматских городов Таврики и самой Византии: из северопричерноморских степей в Боспор и Херсон — главные центры края — стекались продукты скотоводства (скот, мех, кожи, шерсть) в обмен на продукцию городского ремесла — металлические изделия, глиняную посуду, вероятно ткани, предметы украшения и пр.

Так было и позднее, в XIII—XV вв., когда в Крыму свили себе прочное, казалось, гнездо купцы итальянских торговых республик, сначала венецианцы, а затем вытеснившие их генуэзцы. Через захваченные ими порты Крыма, особенно Кафу (совр. Феодосия), а также Солдайю (совр. Судак), и Приазовья (Тану — совр. Азов) шла обширная торговля Западной Европы со Средней Азией и Дальним Востоком. В эту торговлю включились и московские купцы — гости-сурожане. Проторенные караванные пути служили не только торговле, но и культурному обмену. Крым и в это время — время позднего средневековья — служил своеобразным мостом между Европой и Азией.

Со второй половины IX в. с Таврикой было тесно связано и молодое Русское государство. Северное Причерноморье как бы продолжало южнорусскую равнину и давало выход Руси к морю. Византийское владычество в Таврике всячески препятствовало этому исторически неизбежному движению. Именно здесь завязывался узел русско-византийских отношений, которые осуществлялись обычно через Херсон (Корсунь). Вековая борьба за Причерноморье привела в конце X в. к русско-византийской войне (поход Владимира на Корсунь), окончившейся победой Русского государства. Эта победа дала возможность Руси создать на юге свой форпост — Тмутараканское княжество, зачатки которого возникли здесь, по всей вероятности, более чем на столетие раньше. К Приазовью тянуло и русские поселения Нижнего Дона (именно с этим районом, вероятно, и связана была так называемая Черноморская Русь). В сложении русской государственности Таврика сыграла, по-видимому, большую роль. Связь Руси и Крыма продолжалась и в XII—XIII вв., в период феодальной раздробленности Крыма, и в XIV—XVI вв., когда на полуострове господствовали татары, а затем турки. Угнетенное и подавленное ими коренное население Крыма тянулось к Московскому царству и ждало отсюда своего освобождения от татарского ига. Присоединение Крыма к России в конце XVIII в. было закономерным завершением этого многовекового процесса.

Русско-византийская война конца X в. привела к важнейшим последствиям и в области культуры — принятию Русью христианства. Русско-крымская торговля XIV—XV вв. открыла доступ в Московскую Русь потоку восточных товаров, в том числе и произведениям восточного искусства.

Все эти вопросы призвана осветить настоящая работа. Она содержит сжатые очерки истории и истории культуры, прежде всего материальной культуры, средневекового Крыма на возможно более широком фоне истории Северного Причерноморья в целом. Надобность в такой общей работе уже давно ощущается, ибо со времени издания аналогичной по своим задачам книги Ю. Кулаковского «Прошлое Тавриды» (Киев, 1914) прошло уже полстолетия. Книга эта очень помогла правильному пониманию истории Северного Причерноморья, особенно в эпоху средневековья, но ныне во многих своих чертах она, естественно, устарела.

Наша книга включает результаты многочисленных исследований средневекового Крыма, которые велись в дореволюционное и особенно в советское время, как опубликованные, так по возможности и не опубликованные, включая и исследования автора.

Однако следует отметить, что история средневекового Крыма, как и история его культуры, еще совершенно недостаточно и неравномерно изучена, особенно в отношении периода раннего средневековья: многие важнейшие вопросы, прежде всего экономического, социального и культурный облик сельских поселений, остаются до сих пор не выясненными. Это не могло не сказаться и на данной работе, в которой ранние периоды жизни средневекового Крыма освещены слабо.

Работа строится по хронологическому принципу. Каждая глава охватывает различные районы Северного Причерноморья с акцентом на те из них, которые в данный период экономически и культурно доминировали.

Главы начинаются характеристиками экономической и политической истории края. Они основаны главным образом на известных фактах и в своих отдельных частях не претендуют на оригинальность. Эти характеристики призваны составить историческую канву для всего последующего изложения, посвященного собственно истории культуры — по возможности во всех ее вещественных проявлениях; она оставалась в центре внимания автора.

Рисуя общую картину истории Северного Причерноморья в средние века, преимущественно в историко-культурном ее аспекте, автор стремился донести эту историю до читателя в максимально ясном и доходчивом виде. С этой целью он не углублялся в детали, чтобы не отвлекать внимания от основного.

Для удобства пользования книгой к ней приложены указатель памятников, о которых идет речь в тексте, а также схематическая карта южной части Крыма.

Глава I

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВАЯ ТАВРИКА (V—VII вв.)

1

Значительное пространство восточной Таврики, Таманского полуострова и всего Приазовья в античное время занимало большое рабовладельческое государство — Боспорское царство. Многие века оно являлось экономическим средоточием всего Северного Причерноморья.¹ В середине III в. Боспор начал клониться к упадку. Отпадение северо-восточного Приазовья (Танаиса), затем восточных его районов сильно сузило экономические и военно-стратегические возможности Боспорского царства. Процесс упадка резко усилился вследствие грозного варварского движения: начиная с середины III в. один за другим на Боспор совершали набеги различные германские племена (боранов, остготов, затем герулов, гепидов и других), во главе которых большей частью стояли готы. Поэтому их именем обычно называют эти варварские походы. События эти привели к коренным изменениям в экономической и политической жизни края и всей его культуре.

Вторжение варваров в северо-восточные провинции Римской империи и в Таврику, особенно опустошительные в середине III в., заставили римских правителей отвлечь свои силы от полуострова; вследствие этого Боспор, как, вероятно, и Херсонес, надолго освободился от римской опеки. Временами власть империи как будто восстанавливалась, но это не было возвращением к прежней тесной зависимости. Таков первый и непосредственный результат варварского нашествия на Римскую империю и Таврику во второй половине III в. Боспор, лишившийся собственной военной силы и поддержки Рима, так и не оправился от нанесенного ему удара. Судя по монетам, династия Тибериев Юлиев в середине IV в. прекратилась, а вместе с ней сошло со сцены и Боспорское царство, в конце этого века завоеванное гуннами.² Таков второй результат варварского вторжения в Таврику.

Производство хлеба в Приазовье, нарушенное нашествием варварских племен, резко сократилось. Торговля некогда богатых боспорских городов пала; золотая монета постепенно была вытеснена медной, обесценилась, но и ее выпуск прекратился в середине IV в. Хозяйственная жизнь Боспора и боспорских городов все более натурализовалась. Таковы были экономические последствия варварского нашествия на Боспор.

Города Боспора, находясь на восточном краю Таврики, были ближайшими к сармато-аланскому массиву племен Приазовья и междуречья Дона и Нижней Волги. Боспор издавна вошел в тесное общение с этими племенами, что и определило интенсивный процесс проникновения сюда

сарматских элементов, процесс сарматизации местного населения и всей его культуры.³ Об этом свидетельствуют многочисленные сарматские имена, начертанные на позднеримских погребальных памятниках,⁴ и особенно художественная культура, столь ярко представленная в украшениях так называемого «полихромного стиля», о котором нам предстоит говорить.

Все эти явления еще рельефнее выступили в IV в. с появлением гуннов, которые, по словам современников,⁵ «обитают за Мэотийским озером», а в начале 70-х годов IV в. опустошили придонские степи с их полуседлым-полукошевым аланским населением, что окончательно подорвало экономическое значение Боспора, так как приток хлеба и продуктов скотоводства сюда, надо полагать, прекратился. С тех пор гунны, по сообщению византийского писателя VI в. Прокопия,⁶ заняли обширную область Северного Причерноморья, включая Пантикапей. Сам Пантикапей и окружающие его города были разорены гуннами; большинство этих городов перестало существовать.⁷ Это был конец Боспорского царства. Название его теперь закрепилось за единственно уцелевшим его центром — Пантикапеем, который и стал называться Боспором. Город при этом сильно пострадал и сократился: древний акрополь (плато горы Митридат) превратился в пустырь, а восточные и северные склоны занял некрополь.⁸

В результате всех этих событий Боспор утратил значение передового района Таврики. Экономическая роль его перешла к Херсонесу (Херсону, как его называли в средние века), который, по-видимому, избежал гуннского опустошения, хотя примыкающий к нему район юго-западного Крыма тоже сильно пострадал от гуннов.⁹

Однако после гуннского погрома Боспор стал понемногу возрождаться, как показывает его история на протяжении двух следующих столетий (V—VI вв.), но прежнего своего положения он уже не достигал никогда. Начали, видимо, возрождаться и некоторые из окружавших город поселений: относительно Тиритаки это выяснено раскопками 1935 и следующих годов. В возрождении этих поселений несомненно были заинтересованы и сами гунны, нуждавшиеся в продукции городского ремесла в обмен на продукты своего скотоводческого хозяйства. О том, что такой торговый обмен между «ромеями» и гуннами совершался в Боспоре, упоминает византийский писатель Малала, а с его слов — Феофан.

Власть гуннской знати на Боспоре продолжалась по крайней мере до начала VI в., когда здесь (вероятно, с помощью Византии) на некоторое время восстановилась старая династия Тибериев Юлиев, о чем говорят надпись царя Диптуна 522 г., в которой он назван «другом кесарей и другом ромеев»,¹⁰ а также сообщение Прокопия о зависимости Боспора от императора Юстина (518—527 гг.): «Лежащее между Херсоном и Боспором пространство занято гуннами. Боспориты были в древности независимы, но незадолго перед тем решили подчиниться императору Юстину».¹¹

Но если сам Боспор с ближайшей территорией вновь подпал под протекторат империи, то вся окружающая область вплоть до появления тюрок, т. е. до конца VI в., оставалась под властью гуннов, особенно усилившихся здесь во второй половине V в., когда после распада державы Атилы гуннские орды отхлынули из области Дуная на восток — в Приазовье и Таврику.

Эту силу византийские правители стремились привлечь на свою сторону в качестве наемного войска и таким путем подчинить их себе или по крайней мере ослабить. Внимание и интерес Византии к Таврике, в частности к Боспору, определялись именно соседством этой области с «варварским» населением Северного Причерноморья; последнее не раз

служило исходной территорией для варварских походов на запад, угрожавших Византийской империи. Особое значение имело соседство с гуннскими племенами, еще недавно столь грозными, а теперь, в VI в., возможными «федератами»: свои войны Византия старалась вести силами наемных «варваров» — такова была характерная черта военной организации Византии того времени. Кроме того, прочность византийского влияния здесь была важна и для укрепления тыла восточной экспансии Византии в разгоревшейся тогда войне с Персией.

Для осуществления этой политики император Юстин послал на Боспор к гуннам «патриция Прова . . . с большими деньгами с целью склонить гуннское войско на помощь изидам»,¹² но неудачно: гунны отказались стать византийскими федератами. Однако в начале VI в. Боспор уже подчинился империи, о чем неоспоримо свидетельствует упомянутая надпись 522 г. царя Диптуна, в которой названы чины византийской администрации — эпарх Исгудий и комит Опадин.

Ту же политику усиления влияния Византии и тем самым подчинения местных племен Приазовья, осуществлявшуюся через Боспор, продолжал и император Юстиниан I. Ему удалось склонить на свою сторону гуннского князька Грода, который ездил в Константинополь, там крестился, а затем в качестве византийского ставленника отправился на Боспор «блюсти интересы империи». Его сопровождал военный отряд, которому было поручено не только поддерживать новоявленного властителя, но и собирать с гуннов дань (скотом). Грод разбил золотые и серебряные идолы и начал переливать их в монеты, что вызвало восстание гуннов. Грода убили, был перебит и византийский гарнизон.¹³ Это восстание показало всю слабость византийских позиций в Таврике. Юстиниан I принял поэтому более решительные меры: он послал на Боспор сушей и морем несколько военных отрядов, которые прогнали гуннов и восстановили византийскую власть; по словам Прокопия, «и стал жить Боспор в мире под управлением римлян». Так установилась полная зависимость Боспора от Византии.

Для закрепления этой зависимости Боспор был тогда же превращен в сильную крепость, о чем также сообщает Прокопий: «. . . особенно он (Юстиниан I) укрепил стенами Боспор; с давних пор город стал варварским и находился под властью гуннов; император вернул его под власть римлян».¹⁴ Под византийскую власть подпал тогда и Таманский полуостров.¹⁵

Стремясь ослабить приазовских гуннов, потенциальных врагов империи, Византия натравливала одно гуннское племя на другое и не без успеха, о чем тоже рассказывает нам Прокопий.¹⁶ Такая политика осуществлялась преимущественно через Боспор, ближайший к району обитания гуннских племен. Именно такого рода задачи стояли в центре внимания византийских правителей. Вот почему мы вправе считать, что прежде всего политические, а не экономические интересы лежали в основе византийской политики в Таврике, в частности на Боспоре. Город составлял тогда важное звено в системе владений Византии в Северном Причерноморье, центром которых являлся Херсон.¹⁷

Боспор в VI в. оставался сравнительно большим городом и рынком для основного аланского населения восточной Таврики, как и для кочевавших в Приазовье степняков-гуннов.

Однако вся эта область в VI в. была еще довольно пустынной: вокруг Боспора уцелели лишь немногие поселения. Да и в самом Боспоре население поредело. О натурализации хозяйства и всеобщем упадке красноречиво говорит тот факт, что на Боспоре до сих пор не встречались монеты VI в.

Несколько иначе сложилась судьба Херсона. Город в противоположность Боспору не подвергся ни готскому нападению, ни гуннскому завоеванию; он остался, таким образом, в стороне от движения варваров и от их основного удара, направленного на Боспор. Может быть, этим и следует объяснить, что в конце III—начале IV в., когда варвары были отброшены от границ империи, в Херсоне снова, и только здесь, появились имперские силы и, следовательно, вновь установилась определенная зависимость от Рима. О военном отряде в 500 человек, прибывшем сюда в 325 г. в качестве сопровождения миссионера епископа Капитона, рассказывает житие епископов Херсонских,¹⁸ наличии здесь римских военных сил говорят и другие источники.¹⁹ Херсон в IV—V вв. выступает как отдаленный и крайний пункт империи среди сплошь враждебного населения, римское господство над которым было далеко не прочным. Диким и голодным рисуют Херсон в конце IV в. современники.²⁰

Обстановка изменилась только во второй половине V в., когда гунны в борьбе с восточноримской империей, т. е. Византией, потерпели поражение, а вскоре распалась и держава Аттилы. Победа над варварами позволила византийским правителям вновь обратиться к своим северо-причерноморским владениям и усилить их оборону. Это было необходимо, так как после распада гуннской державы часть гуннов отхлынула на восток, заняла всю Таврику и подступила к самому Херсону.

Из дозорного пункта, каким по преимуществу был Херсон в IV и первой половине V в., он превратился в опорный пункт Византии в Северном Причерноморье, включая Боспор.

С этим временем — второй половиной V в. — связано было, вероятно, и другое важное событие внутренней жизни Таврики — заселение горного юго-западного Крыма «готами», оттесненными сюда гуннами-утургурами, наводнившими Таврику после распада державы Аттилы.

Процесс этого заселения начался, конечно, задолго до того. К V же веку немногочисленные «готы» уже вполне обжили этот район, слившись с довольно сложным по своему происхождению местным населением, основу которого в раннее средневековье составляло несомненно аланское земледельческое население.²¹ Территория распространения последнего включала и Таврику, и не только восточную ее часть,²² ближайшую к основным районам обитания аланов,²³ но и южный земледельческий район (юго-западного нагорья), где аланы ассимилировали и аборигенов этого края — потомков тавро-скифов.²⁴ Уже «Перипл» Анонима (V в.) отселял аланов с таврами, а древние Фуллы (вероятнее всего современное Чуфут-Кале), существовавшие уже в VI в., находились, согласно более поздней исторической традиции, в стране асов, т. е. аланов.²⁵ Об аланском населении этого района в XIII в. говорит и послание епископа Феодора.²⁶

С этим оседлым населением юго-западного нагорья Таврики и слились остатки готских дружин, которых Прокопий называет «издавна» там живущими земледельцами. Кочевавшие в степях гунны также, возможно, выделили определенную группу, осевшую в этом земледельческом районе.

Все эти численно небольшие этнические группы на территории юго-западной Таврики в рассматриваемое время еще не представляли собой, по-видимому, единого массива: по крайней мере в культурном отношении этот район был далеко не однороден. Но об этом — далее.

Мы не имеем сведений о социальной организации земледельческого населения юго-западной Таврики — области Дори — в раннее средневековье, но вряд ли можно сомневаться в господстве у них общинного

стройка (речь идет, конечно, о соседской территориальной общине). Это была община свободных земледельцев, хотя и существовавшая в обстановке политической зависимости страны от Византии.

Центром этого относительно большого и в сущности основного района оседлого земледельческого населения, занимавшего юго-западную горную Таврику, уже на заре средневековья стал Херсон, к которому естественно тяготел весь район. В Херсоне совершался обмен продуктов земледелия и скотоводства на продукцию городского ремесла, отчасти местного, но главным образом привозного — металлические изделия (сельскохозяйственные орудия, украшения и пр.), гончарные изделия (амфоры, пифосы и т. д.) и, вероятно, ткани.²⁷ Потребность Херсона в продовольствии в конце V и в VI в. несомненно возросла в связи с появлением византийского гарнизона и концентрацией рабочих-каменщиков, осуществлявших здесь большое строительство. Стекавшиеся в Херсон продукты степи служили, надо думать, и предметом вывоза в Заморье.

Эти наладившиеся хозяйственные связи Херсона с окружающим населением повлекли определенный экономический подъем города, начавшийся, по-видимому, в конце V в.; особенно ощущался этот процесс в VI в., когда развившийся обмен вызвал необходимость выпуска собственной бронзовой монеты,²⁸ притом была выработана и собственная монетная система. Кстати сказать, на Боспоре своя монета уже не выпускалась.

Экономическому оживлению Херсона несомненно способствовала и общая благоприятная политическая обстановка — определенная стабилизация внешних сил, наступившая при императоре Юстиниане I в Северном и Южном Причерноморье. Персидские же войны Византии велись за пределами Таврики и Малой Азии. Следует подчеркнуть, что совершавшийся в Херсоне обмен происходил преимущественно за счет привозных товаров и в меньшей степени за счет местного ремесла.

Отсутствие ясных свидетельств о сколько-нибудь развитом ремесленном производстве Херсона в раннесредневековый период²⁹ косвенно указывает на определенную натурализацию хозяйства города. Что это так и было, убедительно показывают археологические факты — массовая ликвидация больших рыбозасолочных цистерн первых веков нашей эры, которые в V и VI вв. засыпали, превращали в мусорные ямы и т. д.,³⁰ иначе говоря, прекратилась заготовка на продажу рыбы, которая теперь ловилась и заготавливалась каждым херсонитом для себя. В V—VI вв. в городе были ликвидированы и винодельни, существовавшие до этого времени. А за пределами Херсона, в ближайшей периферии его — на Гераклеяском полуострове, — прекратили существование большие виллы с крупными винодельнями.

И все же Херсон того времени рисуется нам как сравнительно большой город, наиболее крупный в Таврике и более населенный, чем в античное время, на что указывает большая густота застройки, как это выяснили раскопки последних лет.

Зависимость Херсона от Византии, под ярмом которой оказался Херсон в конце V в., стала еще теснее в следующем столетии. Это то, что принесло Херсону средневековье. Уже при императоре Зиноне вполне определились положение и место города в системе византийских владений того времени, о чем можно судить по так называемой надписи Зинона, которая, как установлено, относится к 488 г.³¹ В надписи дается указание использовать деньги, «собираемые из мытницы местного викарата преданных баллистариев», на строительство крепостных стен.³² Таким образом, надпись говорит, во-первых, о наличии в Херсоне византийского гарнизона (баллистариев, т. е. отряда войска, снабженного метательными орудиями), содержавшегося на местные средства; во-вто-

рых, о наличии викарата — учреждения, собиравшего с населения подати и торговые пошлины; в-третьих, о соединении в руках византийской администрации власти военной и гражданской.

То, что крепостное строительство при Зиноне было предпринято именно в Херсоне, указывает на значение его для Византии в качестве ее опорного пункта на северо-восточной периферии империи, может быть единственного в Таврике (Боспор тогда еще занимали гунны). Крепостное строительство может служить убедительным показателем политической ситуации.

Особенно обширное крепостное строительство в Херсоне было предпринято в VI в. при Юстиниане: была сооружена мощная береговая линия стен, усилены и надстроены остальные куртины в соответствии с византийской стеностроительной практикой того времени.

Но этим дело не ограничилось. Помимо Херсона, строительство охватило весь прилегающий к нему юго-западный нагорный район Таврики. Речь идет о так называемой области Дори (центр ее Дорос (совр. Мангуп)), которая, по-видимому, занимала весь этот район и достигала побережья. Эту область, по словам Прокопия, населяли готы-земледельцы, являвшиеся, по существу, византийскими федератами («они . . . отправлялись с ними [византийцами] в поход, когда императору это было угодно»);³³ они жили в неукрепленных поселениях, но «так как казалось, что их местность легко доступна для нападения врагов, то император укрепил все места, где можно врагам вступить, длинными стенами».³⁴

К числу этих византийских укреплений, высящихся до сих пор или открытых раскопками, относятся сравнительно хорошо сохранившееся Сюреньское укрепление на р. Бельбек, контролировавшее один из наиболее важных горных проходов второй гряды Крымских гор, ведущих к Херсону;³⁵ укрепление на плато Дороса,³⁶ Эски-Кермена,³⁷ Каламиты в ближайшем соседстве с Херсоном)³⁸ и, вероятно, в Фуллах (совр. Чуфут-Кале?) — на границе со степью.

Кроме того, по словам Прокопия, Юстиниан I «воздвиг там и два укрепления, так называемое Алустон и в Горзувитах»,³⁹ расположенные на южном побережье. Эти два пункта представляли собой крупные поселения местного аланского населения. О Горзувитах в этом отношении мы можем судить по его обширному и богатому раннесредневековому могильнику Суук-Су, о котором нам еще придется говорить. Именно этот могильник и показывает, что Горзувиты этнически и по своей культуре были отнюдь не византийским поселением, но превращенным в стратегически важную византийскую крепость.

Сказанное в полной мере относится и к Мангупу, и к Эски-Кермену — наиболее крупным поселениям края, существовавшим, как и Горзувиты, задолго до VI в. Вряд ли можно сомневаться, что превращение этих поселений в крепости имело в виду не только внешнюю опасность со стороны степняков, но и преследовало цели внутренней византийской политики в Таврике — цели закрепления зависимости коренного населения этой области от Византии и подавления возможного сопротивления.

Таким путем в эпоху Юстиниана I было завершено создание *limes tauricus*⁴⁰ из укрепленных местных поселений юго-западной Таврики, ставших теперь плацдармом византийского господства в Северном Причерноморье с центром в Херсоне. Так происходило всюду, где византийские правители стремились закрепить свою власть — в пограничных и во внутренних областях империи, как для защиты от внешних врагов (особенно от нападения славян и гуннов), так несомненно и для удержания в зависимости местного населения. Крепости строились в Греции, во

Фракии, в Малой Азии, Египте, Северной Африке и других местах империи. Крепостное строительство в Таврике лишь дополняет общую картину.⁴¹

Той же политической задаче укрепления византийского господства служили усиленная пропаганда и насаждение христианства среди коренного населения Таврики.

Еще при императоре Диоклетиане в 300—303 гг. сюда начали присылать христианских миссионеров, но все они здесь погибали от ^{северных}, а в 325 г. епископ Капитон прибыл под защитой военного отряда.⁴² Тогда же была организована и особая Херсонская епархия.⁴³

По-видимому, еще раньше христианство проникло на Боспор, что обычно ставят в связь с пленниками-христианами из Малой Азии, в частности из Каппадокии, выведенными на Боспор во время готских походов III в.⁴⁴ В IV в. здесь также возникла христианская община, включавшая и местное негреческое, но сильно огреченное население.⁴⁵

Однако это не было массовым распространением христианства ни на Боспоре, ни в Херсоне ни в IV в., ни в V в. Христианство принимала прежде всего социальная верхушка общества независимо от греческого или негреческого происхождения. Именно к этому кругу принадлежали Саваг и Фанспарта, богатая усыпальница которых с датой 491 г. открыта в Керчи,⁴⁶ а в Херсоне об этом позволяет говорить богатый христианский некрополь, ведущий свое начало с IV в.⁴⁷ Основная же масса населения продолжала оставаться языческой как в VII в., так и в VIII—начале IX в., даже в XIII в.⁴⁸

Но несомненно и другое: в конце V, особенно в VI в. пропаганда и насаждение христианства резко усилились и не только в городах, но и на всей подвластной Византии территории. Это приобрело, по-видимому, характер важнейшей государственной задачи. Такая политика повсеместно вызывала необходимость массового строительства крещален, храмов, что потребовало соответствующих материальных затрат, на которые византийское правительство, как видно, не скупилось. Вместительные храмы в форме базилик начали строить в огромном для того времени количестве: чуть ли не каждый квартал города получил базилику, некоторые из них выделялись размерами и росписью. Базилики строили во всех крупных поселениях: они открыты в Доросе, Эски-Кермене; судя по мраморным капителям VI в., найденным на плато Чуфут-Кале (Фуллы?) и в Партенитах (около Горзувит), базилики существовали и там, а в районе Боспора базилика открыта в Тиритаке. Подробнее об этих базиликах, как об одном из проявлений художественной культуры, нам предстоит говорить далее. А пока отметим тот факт, что больше всего таких храмов строилось именно в Херсоне и его ближайшей периферии. В этом тоже сказалась ведущая политическая роль Херсона, ставшего в VI в. столицей Таврики.

И все же язычество еще крепко и долго держалось в народе. Конечно, в самом Херсоне и сопредельных районах усиленная пропаганда христианства и связанное с этим насаждение византийской культуры не могли не делать успехов соответственно той настойчивости, с которой проводилась здесь эта политика. Но чем дальше от Херсона, тем слабее ощущалось культурное влияние Византии. Культура раннесредневековой Таврики была далеко не однородной: к такому заключению приводят все имеющиеся факты. Мы можем констатировать и определенные контрасты в облике этой культуры как проявление ее неоднородности и как следствие несомненной разобщенности многих районов Таврики в раннее средневековье.

К изучению этих явлений мы и перейдем.

Наши возможности для историко-культурного исследования ранне-средневековой Таврики крайне ограничены. Очень скудный материал по сельским поселениям этого времени, только начатым археологически изучаться, почти не дает представления о культуре деревни. То немногое, что добыто раскопками последних лет, относится к VIII—IX вв. Немногим лучше обстоит дело в отношении городского населения. Исключение составляет лишь строительная культура, о которой мы можем сравнительно полно судить по крепостным стенам и многочисленным монументальным зданиям — храмам, которыми изобилует Херсон.

Но особенно важен небольшой, но яркий материал, характеризующий художественную культуру раннесредневековой Таврики — предметы украшения, происходящие из некрополей различных районов края. Это замечательное наследство, которое оставила здесь античность: вполне сформировавшийся, развитый и самобытный стиль, проявившийся в ювелирных изделиях — предметах украшения, драгоценных сосудах, богатых конских уборах и отделке оружия. В них широко применялась инкрустация цветными драгоценными камнями или только цветными стеклами, или пастой, что и позволило условно назвать этот стиль полихромным.

Достаточно определенно прослеживаются три больших этапа развития этого стиля. Первый из них характеризует золотые украшения (особенно фибулы), словно осыпанные драгоценными камнями, вставленными в выступающие на поверхности гнезда, которые образованы вертикально напаянными ободками. Эти яркие предметы, в которых глубокого тона красные камни эффектно контрастируют с золотым фоном, представлены находками в различных областях Причерноморья, но прежде всего самого Боспора и на путях продвижения разнородных дружин Причерноморья в Восточную Европу и далее на запад.⁴⁹ Эти украшения датируются преимущественно первой половиной IV в. и, следовательно, предшествуют средневековью. Мы не ставим себе задачу проследить процесс сложения этого стиля. Но одно то, что «полихромный стиль» выступает в этих ювелирных изделиях уже во вполне выработанном и развитом виде, показывает, что он формировался длительное время.

Уже давно признано, что стиль этот был создан именно здесь, в греко-сарматских мастерских Пантикапея: в них достижения и традиции эллинистического искусства получили приложение к собственно сарматскому творчеству, которое наполняло жизнь Боспора во II—III вв.

На рубеже античности и средневековья этот стиль получил дальнейшее развитие: рельефная инкрустация была заменена плоскостной, зато усилена полихромность. Фигурные цветные пластинки, чаще всего красные, зеленые, лиловые, из алмадина, темного янтаря, граната, паст различных оттенков или кусочков цветного стекла, сплошь покрывали поверхность предмета, размещаясь в ячейках-перегородках, образующих орнаментальный узор (см. фронтиспис). Игра ярких тонов независимо от назначения предмета (будь то эфес или ножны меча, части уздечного набора, пряжки и пр.) становится в центре внимания боспорских ювелиров, достигших в своих изделиях большого эффекта.⁵⁰

В этой перемене М. И. Ростовцев видел «новую волну», которая «разлилась на почти чисто сарматскую культуру Пантикапея. Это была, бесспорно, германская волна, волна готов».⁵¹ Однако такая этническая атрибуция не убедительна, так как ничем не может быть обоснована. Нет даже хронологического совпадения этих перемен, относящихся к IV в., с вторжением варварских племен (III в.). Разумеется, и гунны, появившиеся здесь в IV в., не были носителями нового художественного

творчества. Развитие полихромного стиля как на этом этапе, так и на следующем происходило в той же греко-сарматской (аланской) среде Боспора, доживавшего в начале средневековья свой век большого культурного центра.

Большое историческое значение имеет тот факт, что своеобразная сармато-аланская художественная культура с ее замечательным полихромным стилем, генетически связанным с Боспором, получила в IV—V вв. распространение в Западной Европе, где приобрела популярность и новую жизнь.⁵² Произведения полихромного стиля известны в Трансильвании, Венгрии, Австрии и в северной Франции. Скорее всего это явление обязано было тем же аланам,⁵³ которых гунны, по Аммиану Марцеллину, увлекли в своем движении на запад. Так, в частности, может быть объяснена связь искусства греко-сарматского Боспора и мерovingской Франции.

На рубеже IV и V столетий, в период еще большей варваризации Боспора и начавшегося упадка города, этот стиль начал вырождаться. Это был третий период полихромного стиля. О нем мы можем судить по довольно многочисленным фибулам, пряжкам и другим предметам личного убора из некрополя Госпитальной улицы в Керчи и некрополей в других местах Таврики, где находили спрос такие украшения. Множество их дает возможность полнее представить не только форму, но и содержание этого искусства.⁵⁴

Погребения совершались в земляных могилах с деревянным покрытием или в могилах, обложенных и перекрытых массивными каменными плитами, или, наконец, в семейных усыпальницах — земляных склепах, квадратных в плане со скругленными углами и лежанками с трех сторон (общие размеры около 2.5×2.5 м). Погребенных клали в вытянутом положении на спине, иногда на боку, головой приблизительно на запад. Негреческий («варварский») облик придают погребенным деформация их черепа, столь характерная для сарматов.⁵⁵

На погребенных многочисленные украшения: на голове — заплетавшиеся в волосы большие золотые серьги с многогранной бусинкой, украшенной драгоценными камнями или цветными стеклами (табл. I, а); на шее — пронизи различных бус, чаще всего из янтаря или цветных стекол, позолоченных, синих, зеленых, черных, красных, бирюзовых и других расцветок; на руках — серебряные браслеты, концы которых нередко изображают змеиные головки (табл. I, б, в), различные перстни, нашивные бляшки и пр. Но особенно интересны массивные бронзовые или серебряные застёжки (фибулы), скреплявшие на груди верхнюю легкую одежду (их всегда употребляли парами) (табл. I, г, д), и большие поясные пряжки.

Одна (нижняя) сторона фибул (их полукруглый щиток) обычно украшена птичьими и змеиными головами, противоположный (верхний) конец заканчивается головкой змеи-чудовища, по сторонам которого иногда помещено по птичьей головке с крупным глазом и изогнутым клювом. Кроме того, фибулы украшены красными вставными камнями или цветными стеклами и орнаментом в виде симметрично расходящихся завитков, выполненных штампом.

Большие прямоугольные пряжки (табл. I, е) также украшены драгоценными камнями или стеклом и аналогичным орнаментом. С одной стороны они имеют дужку с язычком, обработанным в виде головки змеи, а с противоположного конца к прямоугольному щитку пряжки примыкает головка птицы с сильно изогнутым клювом и с большим глазом из вставного красного камня.

В этих богатых украшениях полихромия уже лишилась ведущей роли. На первый план выступили сама форма предметов, выработанная еще в IV в., и особенно звериные изображения, которые придали новый облик

этим украшениям, облик средневековый. Но и эти изображения тоже были унаследованы от античности, но античности «варварской», скифо-сарматской: именно в скифском и сарматском искусстве и шире — во всем их быту — еще задолго до V в. (и задолго до прихода сюда готов) мы находим изображения птиц и змей, являющихся старыми местными мотивами. Звериные изображения на фибулах и пряжках олицетворяли языческие представления, уходящие своими корнями в глубокую древность скифо-сарматского мира.⁵⁴ Птица как бы олицетворяла стихию неба, змея — стихию земли. На фибулах и пряжках были изображены, таким образом, основные силы природы, которым некогда поклонялся человек.

В виде пережитков и смутно осознаваемых образов, но еще не утративших значение оберегов, отвращавших нечистую силу от человека, эти изображения дошли до раннего средневековья и оставались обычными и излюбленными мотивами прикладного искусства коренного населения Таврики.

Такого рода украшения из Боспора распространялись и в некоторые другие крупные поселения края: комплексы аналогичных украшений известны по могильникам Горзувит (Суук-Су)⁵⁷ и Херсона.⁵⁸ Однако других могильников с боспорскими вещами V в. мы в Таврике пока не знаем. Как ни условен этот факт, можно думать, что такое отсутствие не случайно: оно может указывать, во-первых, на упадок поселений Таврики в то время в результате вторжения гуннов, а во-вторых, на разобщенность уцелевших поселений с Боспором, где изготовляли эти украшения. Те же фибулы «керченского типа» (как их называет Б. А. Рыбаков) нередко встречаются в составе кладов и в Поднепровье.⁵⁹ Возможно, что появление их там было связано с контактами поднепровских племен с Таврикой, но не исключено, что эти украшения были занесены на север варварскими дружинами в их движении на запад.

Так или иначе, но это была лебединая песня своеобразного прикладного искусства, рожденного и созревшего на Боспоре. В дальнейшем — в VI в. — это искусство вырождалось. И происходило это уже не на почве самого Боспора, который в VI в., как говорилось, пришел в полный упадок и, по-видимому, влачил жалкое существование, а западнее — в поселениях южного побережья и юго-западного нагорья, куда, быть может, так и не дотянулись гуннские орды.

Полнее всего об этой, можно сказать, деградации некогда процветавшего боспорского искусства дают представление украшения из многочисленных могил и семейных склепов нижнего слоя большого некрополя Горзувит (Суук-Су и Артек близ Гурзуфа), которые несомненно датируются VI и началом VII в., а таких большинство.⁶⁰

В наборе украшений Суук-Су удерживаются знакомые нам формы, но это не более, как подражание боспорским образцам предшествующего столетия, притом крайне упрощенное: от цветных инкрустаций фибул (табл. II, а — в) здесь остался лишь намек в виде небольших обесмысленных выступов по бокам верхнего щитка; головки птиц, обрамляющие нижний полукруглый щиток, превратились в ажурный узор, в котором как бы растворился рисунок следующих друг за другом птичьих голов.⁶¹ Античный по своему характеру мотив украшения штампованными спиралями выродился в упрощенную гравировку, а затем простые кружочки; змеиная головка на верхнем конце фибулы утратила всякую связь со звериным изображением; головка заменена утолщенным выступом. Этим упрощенным фибулам соответствуют и упрощенные формы пряжек⁶² (табл. II, г — е).

Это не был «местный гурзуфский вариант», как писал Л. А. Мапулевич:⁶³ те же упрощенные фибулы и пряжки известны в Ко-

реизе⁶⁴ и Байдарской долине (Узеньбаш — у дер. Родниковое, бывш. Скеля).⁶⁵

Много общего с могильником Суук-Су имеет могильник близ Чуфут-Кале, открытый в 1946 г. и в настоящее время раскапываемый В. В. Кропоткиным.⁶⁶ Судя по вещам и монетам, могильник относится к VI—VII вв. Большинство погребений совершено в склепах (по 4—5 в каждом). Инвентарь большей частью состоит из браслетов с расширенными концами, больших серебряных пряжек с цветными вставками по краям и тисненым орнаментом, иногда с птичьей головой (как в Суук-Су), перстней, янтарных, хрустальных и сердоликовых бус, поясных наборов из ажурных бляшек. Но бросается в глаза одна особенность: пальчатых фибул, очень характерных для Суук-Су, здесь почти нет. Важно отметить и наличие деформированных черепов, притом главным образом в подбойных могилах, т. е. одиночных, а не в семейных склепах.

Приблизительно тот же облик имеет и большой раннесредневековый могильник близ с. Скалистое (к северо-востоку от Чуфут-Кале и в нескольких километрах от городища Баклы), почти сплошь раскопанный в последние годы Е. В. Веймарном. Могильник существовал с V или с VI в. и функционировал, как и в Суук-Су, до IX—X вв. Он состоял по преимуществу из прямоугольных и круглых склепов; 23 могилы подбойные, несколько — грунтовых. Погребенных чаще клали в деревянные колоды. Предметы личного убора также очень близки к вещам из могильника Суук-Су: те же браслеты с несомкнутыми расширенными концами, ажурные пряжки, бляшки от поясного набора, трехперые (в сечении) стрелы, ножи; почти в каждом погребении находили кувшины со сливом, украшенные белыми полосами (ангоба).⁶⁷ Но, как и в Чуфут-Кале, здесь не встречены пальчатые фибулы, обычные в Суук-Су. Вместе с тем здесь мало было и деформированных черепов. То и другое обстоятельство, возможно, является признаком иной этнической или культурной среды, теснее связанной с Херсоном. В этом отношении показательно большое сходство, которое имеют оба могильника с могильником Эски-Кермена (о нем — далее).

Еще предстоит исследовать большой раннесредневековый могильник близ с. Баштановка (бывш. Пычки) на р. Каче, где уже открыто несколько склепов (в одном из них в 1961 г. найдена пряжка с птичьей головой, две пальчатые фибулы типа Суук-Су и бронзовый бубенчик). Аналогичный инвентарь, притом бедный, вообще без фибул и состоящий лишь из мелких украшений, встречается в могильниках южного берега, но только открытых и еще почти не исследованных — в Кекенеизе, Ореанде, близ Ай-Даниля и др.⁶⁸

Близкий по составу инвентарь хорошо известен на северокавказском побережье Черного моря: имею в виду Борисовский могильник близ Геленджика.⁶⁹ С другой стороны, те же пальчатые фибулы типа Суук-Су часто встречаются отдельно или в составе кладов в среднем Поднепровье и на широком пространстве лесостепи между Днепром и Доном, вплоть до Оки (Подболотьевский могильник),⁷⁰ куда они попали, вероятно, тем же путем, что и боспорские фибулы V в. (см. выше).⁷¹

В самом же Боспоре такие украшения крайне редки, как редки там и сами погребения того времени.

Чем объясняется такое упрощение и огрубение, которому подверглись боспорские образцы V в.? Полагаем, что это было одним из косвенных проявлений той новой обстановки, которая сложилась в Таврике в VI в. Боспор в это время захирел, Херсон развивался под политической и культурной эгидой Византии. Зато вне этих центров, прежде всего на южном побережье и в глухих местах нагорья, где византийская власть в то время или слабо ощущалась, или проявляла себя только

в политической сфере, получили возможность развиваться фактически независимые поселения, а что они интенсивно развивались, показывают обширные размеры того же могильника Суук-Су (древних Горзувит).⁷² Появилось и местное производство такого рода украшений, ибо потребность в них увеличилась. А это и привело к упрощению боспорского образа ради его удешевления.

В местное искусство, пронизывавшее всю культуру южной и восточной Таврики, были вкраплены византийские элементы. В частности, существенным вкладом Византии являлись здесь те несколько храмов-базилик, которые были построены в наиболее крупных поселениях для насаждения христианства — в Эски-Кермене, древнем Доросе и, судя по находкам византийско-коринфских капителей, в Чуфут-Кале близ Бахчисарая и Партенитах (около Гурауфа). Базилики эти были по-византийски украшены декоративными мраморами, стенными росписями и мозаичными полами; об облике таких храмов дают представление базилики Херсона, о которых речь пойдет далее.

Византийское владычество в Таврике олицетворяли крепости, византийские не только по происхождению и стратегическим целям, но и по своей строительной технике. До нас, как уже сказано, дошла значительная часть Сюреньского укрепления, остатки крепости Эски-Кермена, Дороса, Каламиты и Фулл (Чуфут-Кале?).

Но несмотря на настойчивое насаждение византийской культуры, местные традиции и местное искусство почти повсеместно продолжали господствовать.

С другой стороны, столь характерные для Суук-Су украшения в виде упрощенных фибул и небольших пряжек полностью отсутствуют в Херсоне и редки в могильниках ближайших к нему поселений. В этом отношении показателем раскапывавшийся в 1928—1929 гг. могильник Эски-Кермен, принадлежавший сравнительно большому раннесредневековому полугородскому поселению, которое расположено по соседству (в 12 км) с Херсоном. Формы могильных сооружений здесь, правда, близки к тем, которые обычны в Суук-Су (простые земляные могилы и семейные усыпальницы-склепы), но инвентарь погребений в значительной мере состоит из вещей византийского происхождения;⁷³ они встречались и в Суук-Су, но в Эски-Кермене эти украшения в большей мере определяют облик личного убора погребенных. Особенно наглядно это видно по набору украшений в раннесредневековом некрополе Херсона. Здесь встречаются, как говорилось, только фибулы боспорского типа, т. е. фибулы V в., хронологически предшествующие горзувитским, и то в незначительном количестве. Но с тех пор как исчезают боспорские фибулы на самом Боспоре (распространение их ограничивается началом VI в.), они исчезают и в Херсоне. А фибулы нового типа, выработанного в VI в. на основе боспорских фибул где-то в сармато-аланских поселениях южной Таврики, в Херсоне не привились: они здесь ни разу не встретились, хотя некрополь города раскапывался в течение нескольких десятилетий. По-видимому, богатые слои городского населения, являвшиеся потребителями таких фибул, отвергали эти «варварские» украшения, и не столько потому, что они представляли собой огрубение и упрощение боспорских образцов, сколько потому, что византийизированная культура Херсона не признавала «варварское» искусство остальной Таврики.

Такое заключение подтверждает и остальной мелкий инвентарь раннесредневекового некрополя Херсона (VI—VII вв.). Это материал массовый и потому очень показательный.

Из всего довольно богатого ассортимента пряжек (рис. 1) наиболее часты и обычны три вида их. Первый из них (рис. 1, 1—2) — с двумя симметричными аканфовыми листочками на щитке; они представлены

в Суук-Су, Эски-Кермене, Борисовском могильнике (на Северном Кавказе), а с другой стороны, имели самое широкое распространение в Византии, Греции, Италии, Сицилии, городах западного побережья Малой Азии, они доходили до Египта и Персии⁷⁴ и являлись в Таврике скорее всего привозными. Сказанное в полной мере относится и ко второму типу пряжек с треугольным ажурным щитком (рис. 1, 3—7; сюда же от-

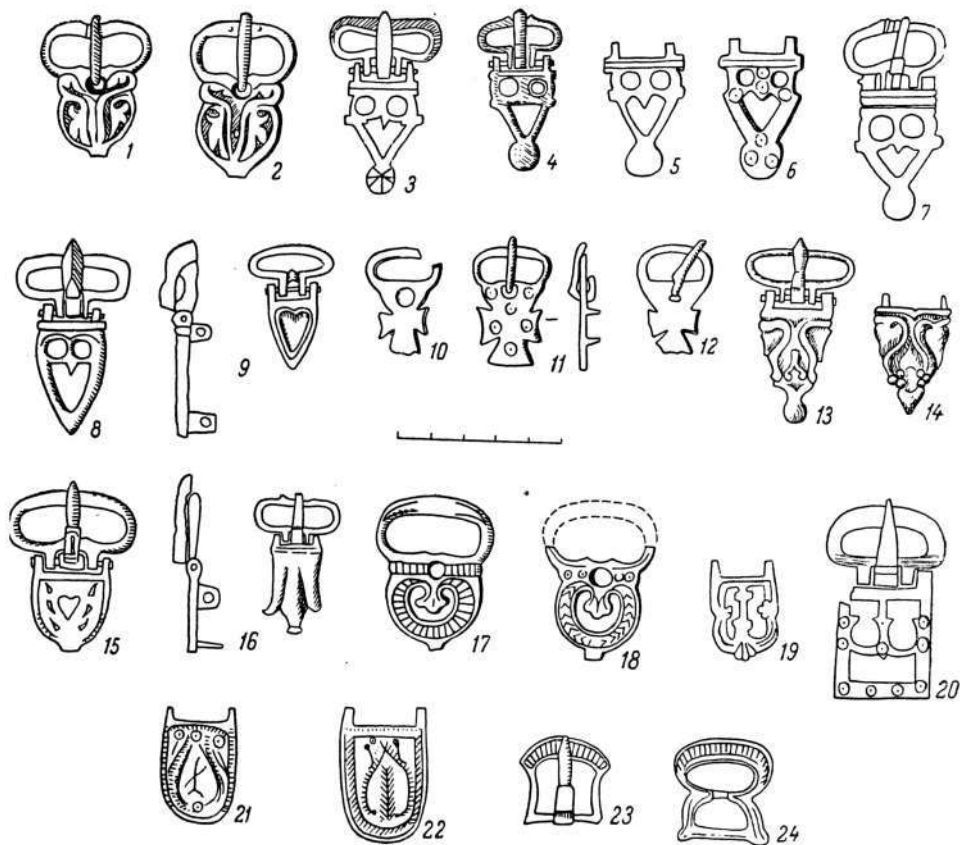

Рис. 1. Херсонес. Пряжки (1—24) из раннесредневекового могильника VI—VII вв.

носятся близкий тип — 8—9), имевшему столь же широкий ареал, но главным образом они встречались в Византии и центральной Европе (Венгрии); можно поэтому думать, что эти пряжки в Таврике и на Северном Кавказе также привозные. Только третий тип пряжек (рис. 1, 10—12) в виде крестика, столь характерный для некрополей Таврики и полностью отсутствующий за ее пределами, местного происхождения.⁷⁵ Таким образом, наиболее часто встречаемые в херсонском некрополе VI—начала VII в. типы пряжек являются по происхождению византийскими, во всяком случае не местными. В могильниках Суук-Су и Эски-Кермена они, очевидно, того же происхождения. С культурой Боспора эти пряжки не связаны, хотя изредка и встречаются там. Византийская культура, как видим, дает себя чувствовать даже в таких мелочах, как поясные пряжки.

В связи с этим отметим и другое характерное явление: почти полное отсутствие в раннесредневековом некрополе Херсона деформированных

черепов. Обычай деформации, часто наблюдаемый в III—IV вв. в эпоху варваризации городов Таврики, держался в южных и юго-западных ее районах очень долго.⁷⁶ Местами до XVI в. Обращает внимание то, что в III—IV вв. погребенные с деформированными черепами в Херсонесе встречены только в самых бедных могилах и, по-видимому, они принадлежали низшему социальному слою, а может быть, отличались и этнически. Теперь же, в раннее средневековье (VI—VIII вв.), обычай деформации черепа отошел, как видно, в прошлое, а придерживавшееся его население к тому времени оставило этот обычай, вероятно, под влиянием возобладавшей византийской культуры.

Настойчиво и, в сущности, насильно прививавшаяся византийская культура еще сильнее сказывалась в монументальном искусстве Херсона — его многочисленных больших храмах с настенными фресками и мозаичными полами, в крещальнях с богатым декоративным убранством. В эту эпоху византийская культура определила, можно сказать, весь облик Херсона.

Планировка прямоугольными кварталами с прямыми улицами была унаследована от античности (рис. 2). Правда, в раннее средневековье они претерпели некоторые изменения, не нарушившие, однако, общий принцип планировки: многие кварталы соединились и, таким образом, увеличились в размере. Это было результатом увеличившейся заселенности кварталов и соответственно большей густоты застройки. По-видимому, Херсон в VI в. стал населеннее, чем раньше. Главная из улиц (табл. III, 1) длиной около 1 км пересекала город с юго-запада на северо-восток. Она была немного шире остальных (6—7 м), имела канализацию в виде выложенных из камня желобов и водопровод, сложенный из глиняных труб. Эта главная улица пересекала акрополь, который был занят центральной площадью города с рынком и двумя христианскими храмами. В северо-восточном конце улица упиралась в большой храм-базилику и площадь перед ней, тщательно выложенную еще в античные времена большими плитами. К юго-западу от акрополя на главную улицу выходил своим фасадом большой дворец.⁷⁷ Ближе к восточному концу улицы находился высеченный в скале подземный мавзолей, вероятно V в., в форме четырехлистника, принадлежавший какому-то знатному херсонцу; по планировке этот своего рода мавзолей следовал греко-восточной, вернее сиро-палестинской, традиции — традиции тех областей, откуда в Херсон пришло христианство.

Мавзолей херсонской знати в виде крестообразных построек с куполом, возвышавшимся на средокрестье, сохранились и в других местах города. Чаще всего их пристраивали к храмам-базиликам (таковы мавзолеи у Западной и Восточной базилик — рис. 3), два других мавзолея стояли отдельно: один на акрополе, другой — рядом с упомянутым дворцом (так называемый храм с ковчегом — серебряной мощехранильницей; рис. 4 и табл. III, 2); третий — за городом, позднее, в VI в., перестроенный в храм загородного монастыря Богородицы Влахернской,⁷⁸ расположенного среди богатого христианского некрополя (табл. IV). Этот загородный храм замечателен своим мозаичным полом, относительно хорошо сохранившимся (к моменту открытия) (табл. V). В центральном квадрате изображена большая двуручная ваза (канфар) с произрастающей из нее виноградной лозой, а по сторонам вазы — два павлина, олицетворявшие, согласно древнехристианской символике, бессмертие и райскую жизнь (табл. V, 2). Квадрат окружен ковровым рисунком, состоящим из множества переплетенных кругов, в каждом из которых помещены различные изображения птиц, зверей, рыб, плодов и пр., условно воспроизводящие библейский райский сад со всем разнообразием его растительного и животного мира.

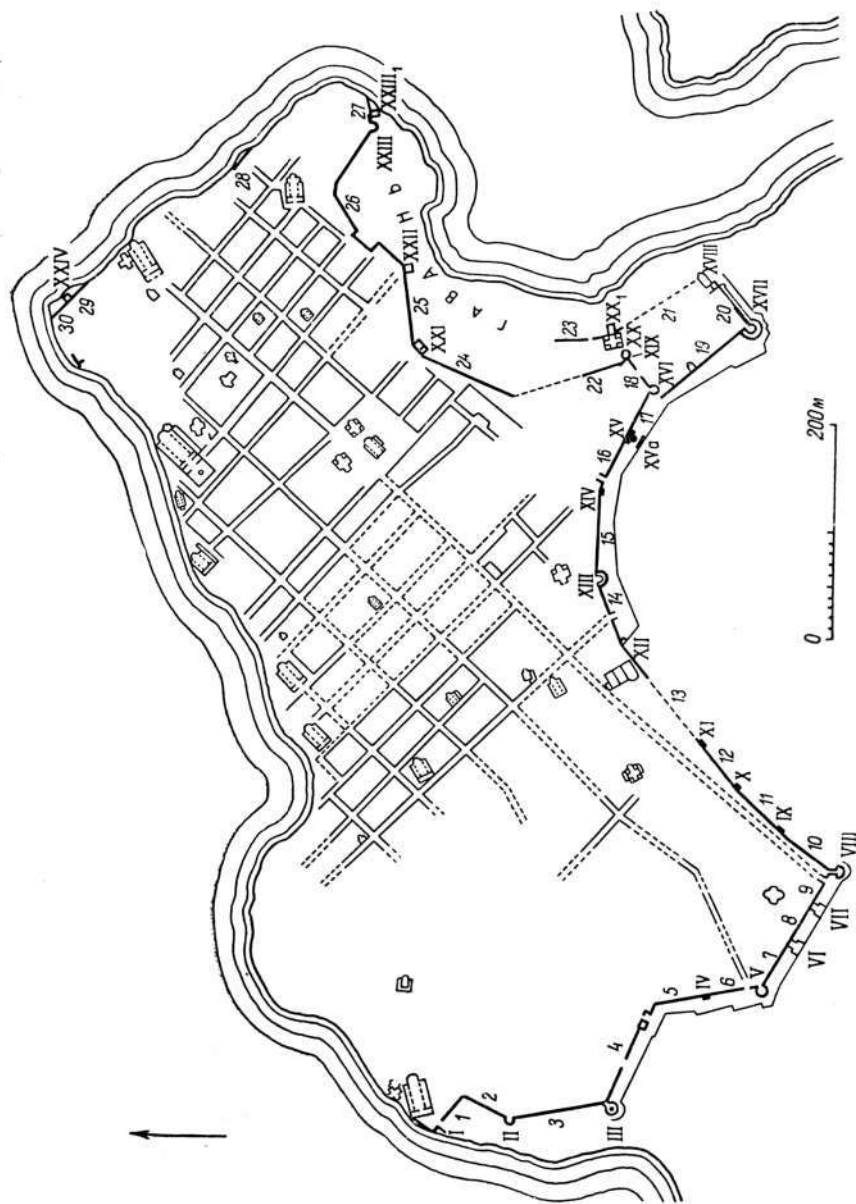

Рис. 2. Херсонес (Херсон). Общий план города.
I—XXIV — куртины крепостных стен; I—XXIV — башни.

В той или иной степени сохранились в Херсонесе и некоторые другие мозаичные полы. Среди них выделяется пол базилики, открытой в 1889 г. близ северного берега. К сожалению, от большого и сложного

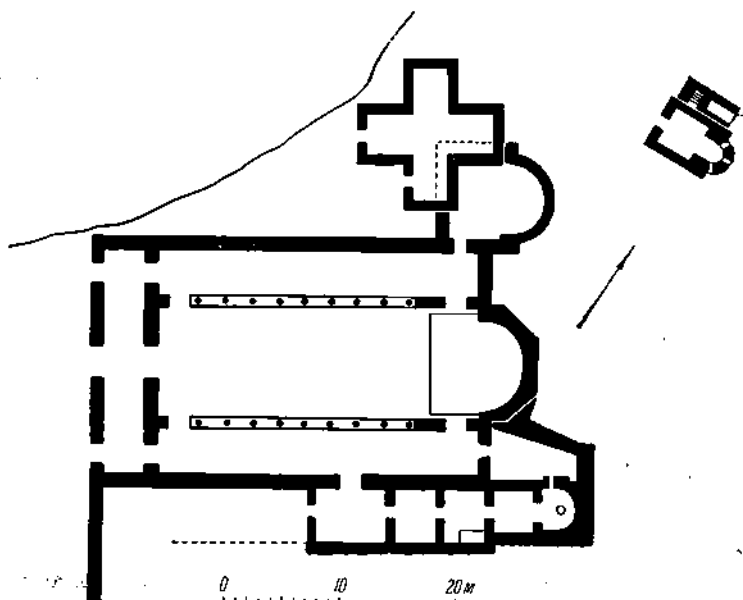

Рис. 3. Херсон. Западная базилика. План.

по композиции пола в центральном нефе уцелели лишь фрагменты. Зато очень интересна мозаика в северной пристройке базилики: в широком прямоугольнике заключен шестиугольник, сплетенный с четырьмя кругами, заполняющими углы; внутри шестиугольника помещен павлин в фас с распущенным хвостом в виде елочек с яркими зелеными глазками на перьях, напоминаая античные изображения такого рода.⁷⁹

Сохранилась и большая часть мозаичного пола в южном нефе большой Уваровской базилики (о ней см. далее).⁸⁰ Рисунок мозаики здесь геометрический и состоит из восьмигранников с крестами внутри: они как бы зеркально отражают на полу кессоны свода. Центр мозаичной полосы занимает квадрат с вписанным в него кругом, внутреннее поле которого заполняют радиусообразно расходящиеся треугольники чередующейся расцветки.

Другие раннесредневековые мозаичные полы проще по рисунку и большей частью украшены перекрещивающимися кругами, зигзагами, ромбами и прочими орнаментальными фигурами.

Все эти изобразительные и орнаментальные мотивы античного происхождения, и в качестве античного наследия они полностью перешли в арсенал византийских мозаистов. Но вместе с тем в мозаичных полах Херсона, как и вообще в византийских мозаиках и в ранневизантийском искусстве в целом, ясно ощущается отход от того реализма и живо-

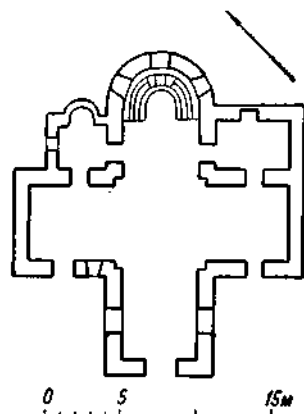

Рис. 4. Херсон. Крестообразный храм «с ковчегом». План.

писности, которые были свойственны античной мозаике. Реалистически переданные пейзажи и жанровые сцены (сцены охоты, рыбной ловли и пр.) заменялись условными и статичными, словно застывшими изображениями, олицетворявшими христианские символы, или только орнаментом. Это было выражением новых задач, поставленных перед искусством христианской церковью, которая требовала не реализма, а отрешения от реализма, абстрагирования и аскетичности. Эти черты пронизывали все византийское искусство VI—VII вв. Только в восточных областях империи — в Сирии и Палестине — в то время еще крепко держались античных живописных традиций, но в центральных византийских областях, где сильнее проявлялась власть церкви, искусство было иным. Этому искусству, византийскому по своим задачам и стилю, и следовали херсонские мозаичисты, приехавшие сюда, вероятно, из городов Малой Азии, самой столицы или Греции, где имеется немало близких аналогий херсонским мозаикам.⁸¹

Для Херсона особенно характерны многочисленные христианские храмы-базилики, являвшиеся в полном смысле слова общественными зданиями средневековья. Это большие удлиненные залы, разделенные двумя рядами колонн как бы на три коридора, из которых средний был почти вдвое шире боковых и возвышался над ними.

По всей вероятности, каждый район города, объединявший несколько кварталов, имел свою базилику. Они стояли на наиболее видных местах, преимущественно вдоль берега и на главных площадях: одна — на площади акрополя, другая, как сказано, на восточном конце центральной улицы, третья находилась на западном краю города (рис. 3 и табл. VI, 1), несколько базилик, местами подряд, было расположено вдоль северного берега и т. д.

Одна из них, наибольшая по размеру, была, можно думать, главным храмом города (рис. 5 и табл. VI, 2). Сюда вела более широкая улица, чем подчеркивалось особое положение этого здания. От базилики, открытой А. С. Уваровым более ста лет назад (1853 г.), как и от остальных, сохранились лишь нижние части стен, но, исходя из данных раскопок, можно составить представление о ее былом виде и убранстве.

Западный притвор (экзонартекс) базилики расположен точно по оси широкой улицы и представлял собой как бы ее продолжение. Входящего в базилику осенял высокий полуциркульный свод, выложенный голубой и синей мозаикой, изображавшей небесный свод. Налево от входящего открытый портик вел в большой двор (атриум) с тенистыми галереями по сторонам и фонтаном (водоемом) под навесом в центре. Здесь, в полусветской-полудерковной части здания, происходили общественные собрания, здесь и отдыхали, вели беседы. Направо от экзонартекса через три широких входа, некогда облицованные мраморными наличниками, проходили в другой притвор (нартекс), полумрак которого еще больше оттенял следовавшую за ним сравнительно светлую основную часть базилики — ее большой трехнефный зал, длиной более 36 м с двумя рядами колонн, по 11 колонн в каждом. Средний неф, более широкий, освещенный сверху рядами окон, был выложен мраморными плитами, а боковые нефы — упомянутой мозаикой геометрического рисунка. В глубине зала находилось широкое алтарное полукружие, полукупол (конха) которого был покрыт настенной мозаикой (но от изображения ничего не сохранилось).

Следует добавить, что к Уваровской базилике, как и к некоторым другим крупным базиликам, примыкал мавзолей. Он был пристроен к северной части нартекса, из которого в него вел проход. Но это был не крестообразный, а квадратный в плане мавзолей с одной большой и тремя малыми камерами. Наиболее близкой аналогией может служить ранне-средневековый мавзолей близ с. Вашнари в Абхазии, открытый в 1949 г.⁸²

Исследователь мавзолея убедительно реконструирует его в виде двухъярусной постройки с глухой нижней частью и портиком в верхнем ярусе. Такая композиция очень характерна для мавзолеев на греческом Востоке, как в позднеримское, так и в раннесредневековое время.

Уваровская базилика первоначально была построена еще в V в. и, возможно, называлась храмом св. Петра,⁸³ но затем была перестроена в VI в.; перестраивалась она, и притом основательно, и в X в. Прибли-

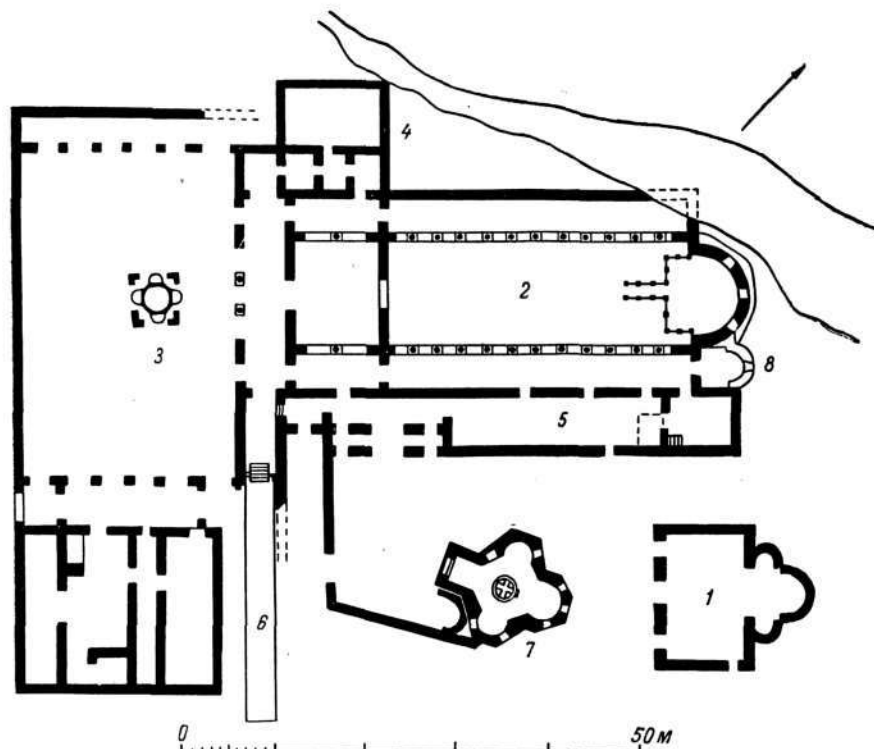

Рис. 5. Херсон. Уваровская базилика. План. (По К. К. Косцюшко-Валюжиничу и Р. Х. Леперу).

1 — базилика V в.; 2 — базилика V—VI вв.; 3 — атриум с фиадом; 4 — мавзолей; 5 — южная галерея с пещерной усыпальницей; 6 — улица, переходящая в экзонартес базилики; 7 — крещальня VI в.; 8 — пристройка X в.

зительно так же выглядели и другие базилики как в Херсоне, так и в других местах Таврики.

Существенно отличаются лишь две базилики: одна, расположенная близ древней гавани (на спуске к Карантинной бухте), другая — рядом с Уваровской базиликой. Отличительной чертой обоих зданий является трехлопастный план восточной части, состоящей как бы из трех апсид.⁸⁴ Такого рода тройная (триконхиальная) апсида генетически восходит к позднеантичному погребальному склепу с тремя лежанками. В раннее средневековье эта композиция перешла в архитектуру наземных мавзолеев. В наземном храме трехлопастная апсида может указывать на мемориальное значение здания. Следует подчеркнуть, что такая композиция не характерна для столичной архитектурной школы, зато широко представлена в архитектуре Ближнего Востока — Сирии, Месопотамии, Египта,⁸⁵ как и Малой Азии,⁸⁶ главным образом в V в.

Рядом с Уваровской базиликой в VI в. было построено небольшое, но одно из наиболее богато отделанных зданий города — крещальня

в виде трех полукружий-экседр (как в базиликах с тройной апсидой), обращенных к центральному круглому пространству, перекрытому куполом (рис. 6, табл. VI, 3). В центре крещальни, под куполом, была устроена купель, выложенная мрамором. Мрамором были облицованы и стены здания, а купол и здесь покрывала мозаика.⁸⁷

Другая крещальня, близкая по планировке, находилась в западной части города (так называемое четырехапсидное здание).

Мраморные архитектурные детали этих зданий — колонны, капители, предалтарные преграды, амвоны, наличники входов — в массе привозились сюда в виде готовых изделий с о. Проконнес в Пропонтиде (о. Мрамора в Мраморном море), где еще с римских времен существовали императорские мрамороломни и мастерские по обработке мрамора. Отсюда эти изделия развозили по всему Средиземноморью — в Константинополь, Италию, Грецию, Египет и в далекую Таврику (табл. VII).

Все эти монументальные постройки — крытые деревом базилики (с одной апсидой или тройной), купольные крещальни и мавзолеи (как крестообразные, так и квадратный в плане мавзолей Уваровской базилики) — почти не находят себе параллелей в византийской столице, где базилик вообще почти не строили. В эпоху раннего средневековья зодчество Херсона исходило из форм, почерпнутых на византийском Востоке, прежде всего в Малой Азии, особенно в прибрежных ее областях.⁸⁸ Именно там мы наблюдаем ту монументальную архитектуру, которая стала типичной для Херсона и которой, видимо, следовали херсонские строители. И это понятно: на протяжении всего многовекового существования Херсон — и географически, и экономически, и в отношении культуры — всегда тяготел к этому району. Так было в античную эпоху, так было

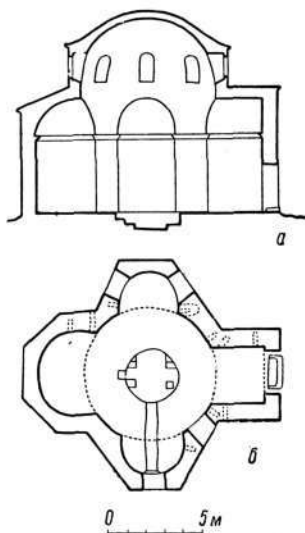

Рис. 6. Херсон. Крещальня при Уваровской базилике. VI в.

а — разрез (реконструкция по А. Л. Бертье-Делагарду); б — план.

и в средние века. Надо при этом иметь в виду, что Малая Азия постоянно находилась в оппозиции к византийской власти, именно там находились очаги возникшего в раннее средневековье могучего народного движения — павликианства, там позднее, в IX в., созрело восстание Фомы Славянина. Антивизантийские тенденции, господствовавшие в Малой Азии, были несомненно близки населению Херсона, вся жизнь которого была наполнена борьбой за свою самостоятельность; это, надо думать, также сближало его с Заморьем.

Но в V и в VI столетиях Херсон еще крепко держали в руках византийские правители, которым он был важен как опорный пункт в борьбе с варварами, населявшими Северное Причерноморье.

Этим целям, как говорилось, служило и насаждение христианства. Вот почему можно думать, что по инициативе не городской общины, а византийского правительства строились в Херсоне его многочисленные храмы, хотя и делалось это (полностью или частично), вероятно, на средства, взимавшиеся с горожан.

Тем более это относится к мощным крепостным стенам, строительство которых особенно широко развернулось в VI в. Крепостные стены Херсона и система окружающих его укреплений были акцией Византии, на что указывает приводившаяся надпись Зинона, а не местного населения.

Эти грандиозные стены (мы имеем в виду их средневековые ярусы), частью сохранившиеся до сих пор, поражают всякого, кто их видел. Крепостные стены венчались треугольными в сечении зубцами (как это показали раскопки западной части стены). Вся оборонительная линия (рис. 2) членилась на куртины, каждая протяженностью приблизительно от 50 до 90 м, ограниченные прямоугольными башнями. Некоторые башни, в основе еще античные, были круглыми. Одна из них, наиболее мощная, находилась на юго-восточной оконечности всей крепости и цитадели Херсона (рис. 2 и табл. VIII, 2) и имела диаметр 21 м. Это так называемая башня Зинова (с ней обычно связывают упоминавшуюся надпись этого императора) с двумя поясами утолщения — конца V и VI вв. (времен Зинова и Юстиниана I). Толщина самих крепостных стен (табл. VIII, 1)

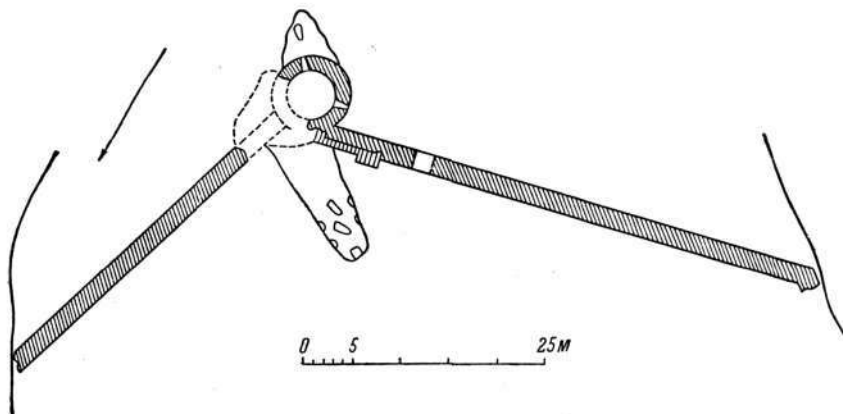

Рис. 7. Сюреньское укрепление. VI в. План.

достигала 2,5—3 м; они сложены из очень крупных блоков камня (табл. IX, 1), составляющих с обеих сторон стены громадные два панциря, пространство между которыми заполняет бут на очень прочном известковом растворе с цемянкой (толченым кирпичом). Самый принцип такой кладки тоже античного происхождения, он продолжал техническую традицию стеностроительства первых веков нашей эры (римского периода).

Но система кладки не оставалась без изменений: если в конце V в. еще держалась римская техника кладки с чередованием блоков, уходящих узкой стороной в глубь стены, и блоков, положенных вдоль стены т. е. точком или ложком) и таким путем прочно сцепляющих панцири и забутовку, то позднее, в VI в., система несколько упростилась и вместе с тем стала еще монументальнее: толстые массивные плиты были заменены большими блоками — параллелепипедами, выступающими на поверхность стены своими точками (табл. VIII, 1). Такая техника была типична для византийского стеностроительства времени Юстиниана I. Однако византийская кладка не везде была одинаковой: в монументальном строительстве центрально-византийских областей (в самой византийской столице, городах ее ближайшей периферии, например в Никее, и в смежном районе Западного Причерноморья — во Фракии и Мезии) продолжали применять принцип смешанной кладки (opus mixtum) римского времени: описанную кладку из квадров чередовали со слоями кирпича. Но в Херсоне такая система встречается редко и, по-видимому, не была принята. Это позволяет предположить, что строители херсонских раннесредневековых крепостных стен, как и строители базилики, были преимущественно связаны с византийской провинцией.

В полной мере это относится и к византийским крепостям юго-западной Таврики, к упоминавшимся Сюреньскому укреплению, оборонительным стенам Эски-Кермена, Дороса, Каламиты, Фулл. Из них полное всего сохранилось Сюреньское укрепление, расположенное на высоком скалистом мысе над долиной р. Бельбек (рис. 7). Укрепление состоит из двух куртин общей длиной 94 м, отгораживающих мыс, где, вероятно, размещался византийский гарнизон. На стыке куртин возвышалась круглая башня, перекрытая сводом, украшенным росписью (табл. IX, 2). Рядом с башней находился проход в укрепление. Кладка стен и башни (в виде двух панцирей квадратной кладки с забутовкой между ними) очень близка к кладке крепостных стен Херсона.⁸⁹ Несущественным отличием от херсонской кладки является лишь менее крупный размер блоков камня, сложенных на столь же крепком растворе с морским песком.

Та же строительная техника наблюдается на сохранившихся от раннего средневековья отрезках крепостных стен Дороса, Фулл и Эски-Кермена. Это убеждает, что византийские крепости Таврики возводились теми же строительными артелями, что и херсонские, или по крайней мере под руководством тех же византийских техников.

По своей культуре Херсон и его округа — это совсем иной мир в сравнении с южными и восточными районами Таврики. Ясно видны две линии развития: здесь — город, византийский по своим экономическим связям, политическому положению и по культуре; там — общинные поселки и городки, в которых византийская власть еще только начинала закрепляться, а влияние культуры Византии было еще слишком слабым. Различны были эти районы (по крайней мере отчасти) и этнически. По-разному и в дальнейшем сложилась их жизнь.

Глава II

ТАВРИКА В VIII И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ IX в. ПРОЦЕСС ФЕОДАЛИЗАЦИИ

Различия в исторических судьбах Херсона и всей остальной Таврики не только не исчезли в VIII—IX вв., но, по-видимому, усилились. Контрасты в культуре стали резче.

Сам Херсон остался, можно сказать, единственным мало-мальски крупным полисом Таврики. Но и он разделил судьбу многочисленных византийских городов, пришедших в VII—VIII вв. в глубокий упадок в результате крушения рабовладельческого строя. В падении Херсона сказались, вероятно, и хазарское завоевание Таврики (конец VII в.), и отрыв его от экономически передовых районов Византии. Херсон в VIII в., видимо, обнищал и обезлюдел.

Иную картину в то время (в VIII и IX вв.) наблюдаем в юго-западном нагорье: сельские общинные поселения этого района в условиях определенной стабилизации, наступившей тогда в северопричерноморских степях, в условиях затишья и ослабления кочевников (хазар),¹ да и ослабления самой Византии, правителям которой в эпоху иконоборческого движения было не до Таврики, продолжали жить и развиваться.

Интенсивнее шел этот процесс в восточной части страны, где и до того византийское господство ощущалось слабее и где общие политические условия того времени — относительная независимость края — были благоприятнее. В VIII—IX вв. восточная Таврика переживала несомненный подъем. На пепелище старых античных поселений, заброшенных после гуннского нашествия, возрождалась жизнь, налаживался торговый обмен, возникли даже центры ремесленного производства. Восточная Таврика, как и юго-западная, вошла в круг той своеобразной культуры, которая распространилась из районов Северного Кавказа и Приазовья и охватила затем обширное пространство степной и лесостепной полосы нашего юга. Речь идет о так называемой салтово-маяцкой культуре, которую мы вправе именовать северопричерноморской, ибо Таврика стала важнейшим очагом ее дальнейшего развития.

Рассмотрению этих изменений в жизни края и посвящена II глава.

1

В VII в. начался упадок Херсона. Об этом красноречиво говорит такой факт, как прекращение в начале столетия, после императора Маврикия (582—602 гг.), выпуска собственной монеты. Монет, охватывающих VII—первую половину IX в., найдено ничтожное количество, а относящихся к VIII в. не найдено вовсе.² Это резкое сокращение денежного

обращения уже одно указывает на определенную экономическую депрессию и натурализацию хозяйства Херсона. С другой стороны, это свидетельствует об ослаблении, а временами о полном прекращении торговых связей с Византией. Важно иметь в виду, что упадок Херсона, продолжавшийся два с лишним столетия (VII и VIII вв.) и затянувшийся до второй половины IX в., отнюдь не был исключительным явлением. Наоборот, экономический застой охватил, можно сказать, всю Византийскую империю — и Грецию, и Македонию, и Северную Африку, и Италию, как и Малую Азию, — и связан был с упадком ремесла и аграризацией городов, которые приобрели натурально-хозяйственный облик.³

В ходе этого процесса, который местами совершался, по-видимому, катастрофическими темпами, большое значение, конечно, имели и внешне-политические факторы. В 20-х годах VII в. возобновилась война с Персией, захватившей Сирию, Палестину и Египет и угрожавшей самой византийской столице. Вскоре, правда, Византия перешла в наступление, в 627 г. разгромила Персию и освободила эти страны, но в 40-х годах VII в. уже появились полчища арабов: Сирия и Палестина, а затем и Египет вновь отпали от империи. Малая Азия еще оставалась в руках Византии, но экономически она ослабела; ее восточную и центральную части в середине VII в. захватили и опустошили арабы. В силу этого экономическим связям Таврики с Малой Азией был нанесен тяжелый удар, тем самым и всей экономике Херсона.

Немаловажное значение для Таврики, как для восточной, так и для западной ее частей, имело и появление новой политической силы — хазар, отделившихся в середине VII в. от обширного тюркского каганата, к тому времени уже ослабевшего и распавшегося. К 70-м годам VII в. хазары уже занимали степи Прикаспия и Приазовья.⁴ В самом конце VII в. хазарский тудун (наместник) уже сидел в Фанагории и на Боспоре;⁵ тогда же хазарский правитель в звании тархана появился и в Сугдее.⁶ В конце VII в. хазарам была уже подчинена большая часть страны, не только ее степные просторы, но и значительная территория юго-западного нагорья, так как даже соседний с Херсоном Дорос (совр. Мангуп) (расстояние между ними не более 20 км) уже был, по смыслу рассказа византийского хрониста Феофана, вне пределов византийской власти. Таким образом, хазарское политическое влияние к концу VII—началу VIII в. в Таврике было преобладающим. Лишь Херсон с ближайшей округой номинально продолжал оставаться византийским.

Захват Таврики хазарами был, можно думать, отнюдь не мирным событием. Очень вероятно, что именно с их нашествием связано было разрушение византийских крепостей, что вернее всего отнести ко времени хазарского нападения на Таврику (т. е. к VII—началу VIII в.), ибо иные события, с которыми можно было бы связать такие разрушения, здесь неизвестны вплоть до печенежского нашествия. Вряд ли можно сомневаться, что хазары проявляли себя в Таврике не лучше, чем все другие степняки-завоеватели средневековья.⁷

Нашествие хазар не могло не усилить упадок Херсона, ибо на некоторое время неминуемо нарушило экономические связи города с земледельческим населением юго-западной Таврики, как и торговый обмен с кочевниками причерноморских степей, где теперь господствовали хазары. Экономическая изоляция Херсона в результате прекращения регулярных торговых связей с городами Малой Азии, которые сами в VII—VIII вв. переживали депрессию, с одной стороны, и с земледельческими поселениями юго-западной Таврики — с другой, и привела Херсон к аграризации и крайнему упадку.

Вряд ли преувеличивал папа Мартин, 'сосланный в Херсон в 655 г., когда писал своему другу: «... в этих краях ... голод и нужда такие.

что хлеб здесь известен разве по названию, а его и видом не видеть. . . . В этой стране нельзя располагать даже продуктами, удовлетворяющими самым умеренным потребностям»; «Ни разу, право, не мог я приобрести в здешнем крае хлеба хоть на тримиссий⁸ и равным образом и съестных продуктов какого-либо рода, кроме как . . . с судов, изредка заходящих сюда с тем, чтобы уходить с грузом соли. Таким образом, мы могли покупать 3 или 4 модия⁹ за золотой до настоящего сентября месяца».¹⁰ Херсон, как видно, переживал тогда тяжелое время голода и нищеты.

Византийское господство в Херсоне и его зависимость от империи также, по-видимому, ослабели. Этим вполне объясняется такой важный факт внутренней истории города, как появление там в конце VII или в начале VIII столетия протополита («первенствующего»), т. е. главы местного самоуправления.¹¹ В предшествующее время, скажем в VI в., такими правами херсонцы, по-видимому, не обладали. Характерно, что одним из первых актов карательной экспедиции императора Юстиниана II, против Херсона в 710 г.¹² было именно уничтожение местного самоуправления: протополита Зоила, как и хазарского тудупа, схватили и в оковах отправили в Константинополь. Как видно из этого сообщения византийского хрониста, местное самоуправление Херсона вполне уживалось с хазарским наместником, деятельность которого была, возможно, связана преимущественно с поступлением доходов в пользу хазар. Но вскоре «жители тех крепостей», т. е. местное население, узнав о готовящейся вновь карательной экспедиции императора Юстиниана II, обратилось к хазарскому кагану за военной помощью против Византии.¹³ В Херсоне поднялось восстание против Юстиниана II, был провозглашен новый император — сосланный в Херсон армянин Вардан-Филиппик. Юстиниан II, остерегаясь усложнить отношения с хазарами, возвратил Зоила и хазарского наместника, но это не изменило отношения херсонцев к Юстиниану II, а присланный им отряд был отправлен к хазарам. Вызванная этим третья экспедиция против Херсона была с помощью подросшего хазарского войска разгромлена. Юстиниан II был низложен, а на византийский престол в 711 г. вступил Вардан-Филиппик.

Эти события начала VIII в. с призывом хазар для защиты города от карательных экспедиций Юстиниана II были несомненно проявлением резкой оппозиции местного населения к византийской власти, засилье и произвол которой постоянно возбуждали ненависть горожан, антивизантийские тенденции которых до поры до времени тлели, но зато ярко вспыхивали при первом удобном случае.

Как видно из всей истории Юстиниана II, захолустный и отдаленный Херсон (именно таким он был в представлении византийцев того времени), заброшенный на край империи, вынесен был силой сложившихся обстоятельств на гребень политической волны и сыграл видную роль в государственной жизни Византии.

С другой стороны, эти события способствовали сближению Византии и хазар, в чем империя тогда крайне нуждалась, находясь в непрерывающейся борьбе с арабами. Не менее нуждались в этом союзе и хазары, которым арабы угрожали из Закавказья и вели с ними войны вплоть до конца VIII в.

Мы слишком мало знаем внутреннюю жизнь Таврики в хазарский период, в VII и особенно в VIII в., чтобы получить мало-мальски ясное представление о жизни сельских поселений в юго-западном нагорье. Только за самое последнее время в результате раскопок¹⁴ начали обозначаться некоторые реальные черты жизни этого района. Археологический материал рисует нам разбросанные по долинам небольшие, но довольно многочисленные земледельческие поселки того времени, состоящие из полутора-двух

десятков глинобитных домов на каменном основании с открытым очагом в одном из помещений. Что это были именно земледельческие поселки, убеждают частые находки при раскопках круглых ручных жерновов для размола зерна, горелая солома на глинобитном полу (от кровли?) и зерна, замешанные в глиняное тесто, из которого изготавливались черепицы; косвенно свидетельствуют о том же и большие пифосы, обязательные в каждой сельской усадьбе, в которых обычно хранилось зерно. С земледелием, вероятно, сочеталось и скотоводство, о чем позволяют говорить, помимо костей, многочисленные находки глиняных (реже каменных) пряслиц, которые употреблялись для прядения волокна (в Крыму это была скорее всего шерсть).¹⁵ Важно отметить, что по своей культуре эти поселения близки к поселениям восточной Таврики и, наоборот, резко отличаются всем своим культурным обликом от соседнего Херсона. О культуре речь впереди; пока лишь отметим, что эта оторванность вполне понятна, так как Херсон — ближайший и наиболее крупный город Таврики — находился тогда в упадке. Сельские поселения вследствие этого лишились прежнего экономического центра, что, конечно, не могло не тормозить их развития, ибо нарушало обмен города и деревни.

Для представления о социальных отношениях в то время этот материал пока еще ничего не дает.

Однако вряд ли можно сомневаться, что земледельческие поселения Таврики VIII—IX вв., как восточной, так и западной, представляли собой соседские (территориальные) общины с еще независимым, незакрепощенным населением. На это косвенно указывает глубокая традиционность в Крыму общинного строя, к которому уже в позднее средневековье, постепенно оседая, приобщились и татары. Актонский материал о крымско-татарском землевладении в XVII—XVIII вв.¹⁶ рисует нам ясно выраженную территориальную земледельческую общину — «джемаат» — с общим владением выгонами (пастбищами) и сенокосами (что отражало преимущественное значение у татар скотоводства), колодцами¹⁷ и даже общественными дорогами,¹⁸ нередко коллективной обработкой земли (артелями, состоящими из нескольких, большей частью из четырех семей).¹⁹ Номинально джемаат являлся обладателем и распорядителем всей земли данного селения,²⁰ но фактически пахотная общинная земля распределялась по «паям» (долям) между семьями — членами общины, к которым она переходила на правах личной собственности; однако община удерживала право предпочтительной покупки земли (право шеф'а), которую ее владельцы не могли продавать на сторону;²¹ существовала круговая порука.²² Таковы некоторые, самые главные черты крымско-татарского джемаата.²³

В таком виде общинный строй не мог быть создан татарами, в большинстве кочевниками-скотоводами, начавшими переходить к оседлости и к земледелию лишь в XVI—XVII вв., притом очень медленно.²⁴ Весь строй крымско-татарской общины XVII—XVIII вв. ясно показывает, что она возникла в среде оседлого земледельческого населения и, очевидно, задолго до появления в Крыму татар, которые застали ее там в сложившемся виде; оседая на землю, сливаясь и смешиваясь с местным земледельческим населением, они неизбежно включались в его социальную организацию и усваивали ее. Удивительны не те черты общины, которые внесли в нее татары-скотоводы (преимущественное значение пастбищ и сенокосов), а архаические черты ее, как форма распределения земли по паям (долям), а наряду с ней общественная запашка, право предпочтительной покупки земли общиной, круговая порука и пр.

Между тем черты эти очень напоминают особенности старой византийской земледельческой общины, насколько мы можем судить о ней по «Земледельческому Закону», относящемуся скорее всего к VIII в.²⁵ В этом

законе община подобно позднему джемаату рассматривалась как собственник земли.²⁶ В общине также имелись общие земли, иначе говоря, коллективная земельная собственность, в частности общие пастбища.²⁷ Однако процесс разложения общины и в Византии привел к распадению собственности на «доли» и «жребии», ставшие личной собственностью общинника.²⁸ С течением времени земельные участки стали предметом купли-продажи, что вело к отчуждению общинной земли и тем самым к подрыву самих основ общины, ее полному распаду. Это вызвало к жизни так называемое предпочтительное право (протимисис) общины и общинников на покупку земельных участков в границах своей сельской округи, волости (право, существовавшее, вероятно, издавна,²⁹ но законодательно подтвержденное в 922 г.³⁰). Право это стало характерной чертой византийской общины того времени, как и круговая порука.³¹

Все эти черты были присущи и крымско-татарскому джемаату; они приближают его к византийской общине. Это позволяет рассматривать татарский джемаат не как привнесенный из Азии социальный институт, а как потомок именно местной независимой земледельческой общины глубокого средневековья, может быть времен «Земледельческого Закона», т. е. VIII—IX вв. Мы вправе поэтому предполагать, что уже в рассматриваемое время в земледельческих районах Таврики общинный строй господствовал.

Заключение это исходит из позднесредневекового материала, ибо современных сведений о внутренней жизни края мы, как сказано, не имеем. Тем ценнее один письменный источник, который, правда глухо, рассказывает о важных событиях, происходивших здесь в конце VIII в., — событиях, говорящих о напряженной борьбе местного населения с хазарами-завоевателями.

Речь идет о каком-то восстании «народа Готии», т. е. населения юго-западной Таврики против хазар с целью изгнать их из страны. Об этом кратко сообщает «Житие Иоанна Готского»: ³² «... епископ Иоанн... вместе со своим народом (своей паствой) выдан был властителям хазарским, потому что он вошел в сношения (заговор) с господином Готии и его властями и всем его народом, чтобы не владели страной их... хазары. Ибо каган, пославши, занял крепость их, называемую Дорос, и поставил в ней вооруженных стражей». Однако епископа Иоанна предало одно селение, он был захвачен хазарами и заточен в Фуллах, но ему удалось бежать за море — в Амастриду. События произошли сразу же после Никейского Собора, т. е. около 787 г.

В житии много неясностей, объясняемых отчасти краткостью и недоговоренностью рассказа. Так, в одной из редакций жития говорится о том, что Иоанн бежал в Амастриду, преследуемый своим народом, и что «они (жители Готии, т. е. местное население) прибегали к кагану».³³

Эти события очень напоминают то, что происходило в юго-западном загорье Таврики за 70 лет перед тем, в начале VIII в., когда местное население или только местная знать ближайших к Херсону поселений-крепостей (а Дорос принадлежал именно к их числу) искало у хазар поддержки против Византии, выбирая из двух зол меньшее. Вряд ли и теперь — в конце VIII в. — народное движение в юго-западной Таврике было вызвано хазарами, экспансия которых к тому времени сократилась, ибо хазарский каганат начал клониться к упадку, а сила и влияние его в Таврике ослабели.³⁴ Не угрожали местному населению и карательные экспедиции вроде тех, которые предпринимал Юстиниан II. Зато появились другие, сложные и глубокие причины, постоянно вызывавшие волнения местного населения. Речь идет об остром социальном кризисе в Византийской империи, охватившем и Таврику, где именно в VIII и первой половине IX в. шел интенсивный процесс роста феодального монастырского

землевладения, о чем позволяют догадываться источники. Вся обстановка в Таврике в конце VIII в. дает понять, что сущность событий, о которых говорится в житии Иоанна Готского, заключается не столько в борьбе «готов» с хазарами, сколько в восстании против местной власти, иначе говоря, во внутренней социальной борьбе, хотя мы, конечно, не в состоянии конкретизировать непосредственные причины восстания. Местное население и на этот раз вынуждено было, по-видимому, искать защиту от произвола местных властей, покровительствовавших феодальному землевладению. А хазары не преминули воспользоваться благоприятным моментом и приблизили свои позиции к Херсону, захватили Дорос, что и вызвало военное выступление, организованное «господином Готии» (т. е. топархом этой области) и церковным главой Иоанном.

Социальный кризис VIII—первой половины IX в., так называемое иконоборчество, охвативший всю обширную Византийскую империю, не миновал и Таврику. Он знаменует наступление нового исторического периода в жизни края. Судя по всему, это было время обостренной социальной борьбы, сопровождавшей процесс феодализации.

Смысл иконоборчества заключался, как известно, в борьбе не столько против икон, сколько против монастырей, сосредоточивших в своих руках огромные земельные владения с сидевшим на этих землях зависимым крестьянством. Разросшиеся монастыри, особенно в центральных областях империи, владея феодальными привилегиями, лишали государство денежных и натуральных доходов.³⁵ В течение почти всего VIII в. продолжалось массовое уничтожение монастырей, имущество которых продавалось, чтобы пополнить государственную казну, опустошенную войной с арабами, или передавалось в виде пожалования феодальной знати. Монахи насильно возвращались в мир.

Уничтожение монастырей, преимущественно в центральных частях империи, вызвало сильную монашескую эмиграцию — больше всего в южную Италию, где особенно проявлялась оппозиция иконоборческому правительству Византии. Другим направлением явился византийский восток — юг Малой Азии, Кипр, побережье Сирии и Палестины. Третья волна направилась на «северные склоны Евксинского Понта», т. е. в Таврику — в области «Боспора, Херсона, Никопсиса по направлению к низменной Готии», вероятно в юго-западный Крым.³⁶ Однако далеко не сразу монашество закрепилось в Таврике; об этом позволяет говорить то, что предшествовавший Иоанну Готскому епископ — глава Готской епархии в Таврике, руководивший ею в 50—60-х годах VIII в., был приверженцем антимонастырской политики.³⁷ Но в дальнейшем, по смыслу сообщения жития Стефана Нового, этой политике было оказано противодействие,³⁸ что не может не указывать на слабость центральной византийской власти в Таврике во второй половине VIII в.

Очень вероятно, что именно к этому времени³⁹ относится возникновение ряда «пещерных» монастырей в юго-западном нагорье Крыма: Чылтер, Шулдан, Инкерман с его небольшой, несомненно раннесредневековой (не позднее VIII в.), трехнефной базиликой,⁴⁰ Тепе-Кермен. Надо иметь в виду, что сохранившаяся «пещерная» часть этих монастырей была лишь подземным дополнением к надземной части, являвшейся основной.

Все эти монастыри еще слабо изучены, но что они в основном относятся к VIII—IX вв., говорит близость их форм к пещерным сооружениям того времени в южной Италии, где есть аналогичные природные условия — удобная для вырубки скала. Подобные пещерные монастыри тогда же, вероятно, возникшие, известны в Малой Азии (в Каппадокии),⁴¹ в западном Черноморье (близ Констанцы)⁴² и в районе Константинополя.⁴³

Монастыри строились и на южном берегу Таврики. Был расширен, сущности создан заново, большой монастырь Апостолов, расположенный в Партенитах — у восточного подножья Медведь-Горы,⁴⁴ неподалеку от Горзувит, т. е. в наиболее обжитой части побережья; к западу от этих мест побережье было очень слабо заселено из-за отсутствия дорог и удобных земель. (О самих храмах см. далее).

В центре юго-западного нагорья — района интенсивного монастырского строительства — находился Херсон, являвшийся в то время в Крыму, вероятно, центром идейного сопротивления антимонастырскому курсу византийской политики. Здесь скапливались силы оппозиции, чему способствовала ссылка сюда опальных иерархов.⁴⁵

Быстрый рост монастырского феодального землевладения был подготовлен всей предшествующей историей Таврики, прежде всего концентрацией земель у местной племенной знати, на которую опирались византийские правители в своей политике порабощения края и которой они несомненно содействовали и покровительствовали. Напомним такую фигуру, как гуниский князь Грод времен Юстиниана I. Монастырское землевладение также имело, конечно, своих предшественников: одним из таких был упомянутый загородный монастырь в Херсоне.

Объектом эксплуатации со стороны вновь возникших монастырей были, очевидно, те самые общинные поселения, которые в VIII—IX вв., как говорилось, продолжали здесь существовать и расширяться.

Процесс роста феодальных монастырей не только в самой Византии, но и в Таврике проходил, по-видимому, в напряженной борьбе. Некоторые намеки на это содержатся в письмах Феодора Студита, вождя реакционного монашества, относящихся к началу IX в. Из них мы узнаем о каких-то волнениях в монастырской среде Таврики, самовольном переходе монахов из одного монастыря в другой и даже о бегстве их. В письмах сообщается о каких-то вмешательствах в монастырские дела, может быть вмешательстве светской власти, иначе говоря, о нарушении монастырского иммунитета.⁴⁶ Феодор Студит упоминает и «рабов» в монастырях Таврики, что нельзя не воспринять как одно из проявлений безудержного роста в этом крае монастырей и монастырского феодального хозяйства, свободного от какого-либо контроля.

Возможно, что именно с этой борьбой против разраставшихся монастырей, захватывавших, надо полагать, лучшие земли, и было связано то зародное восстание, о котором глухо говорит житие Иоанна Готского.

Еще одним намеком на оппозицию народных масс церкви и на антицерковные настроения может служить замечание монаха Епифания (конец VIII—начало IX в.) о херсаках (т. е. херсонцах): они «народ коварный и до нынешнего дня туги на веру, лгуны и поддаются влечению всякого ветра».⁴⁷

Победителем в этой борьбе вышла церковь с ее сильной организацией, создавшей в Таврике целую сеть феодальных монастырей: в эпоху иконоборчества церковное землевладение завоевало себе здесь, по-видимому, господствующее положение. Характерно, что именно в VIII в. церковная организация в этом крае получила небывалый до того размах: возникли две новые обширные епархии — Готская и Сугдейская, охватившие почти весь южный Крым, причем Готская получила ранг митрополии;⁴⁸ Херсонская епархия распространилась на весь юго-западный район, продолжала существовать и Боспорская епархия.

Вся внутренняя, крайне напряженная обстановка в самой Византии в эпоху иконоборчества и почти непрерывавшаяся в то время борьба с арабами и болгарами отвлекали внимание византийского правительства от Таврики, что несомненно являлось благоприятным обстоятельством для роста общинных поселений, а вместе с тем для развития местной цер-

ковной организации и расширения монастырского землевладения. Монастыри долгое время, вплоть до середины IX в., были вне воздействия и влияния центральной византийской власти, а во второй половине века с воцарением Македонской династии получили полную поддержку правительства.

Захиревшие и почти замершие города, в первую очередь Херсон, и многочисленные общинные земледельческие поселения, жившие натуральным хозяйством, развитие которого, однако, замедлялось оторванностью от городов; усиление процесса феодализации и постепенное вовлечение деревни в сферу феодальной эксплуатации — такова в самых общих чертах картина в юго-западном нагорье в VIII—IX вв.⁴⁹

Несколько иначе сложились исторические судьбы восточной Таврики. В этой части страны и на примыкавшем к ней Таманском полуострове в VIII и в начале следующего столетия наступило настоящее возрождение: на развалинах старых и давно заброшенных античных поселений возникали, а в IX в. развивались многочисленные поселения и даже поселки ремесленников-гончаров, открытые археологическими раскопками и разведками последних двух-трех десятилетий.

Такие поселения выросли в ближайшем окружении Боспора, где их особенно много: в Тиритаке (совр. Камыш-Бурун), Героевском, Илурате (близ дер. Ивановка),⁵⁰ близ дер. Алексеевка (в центральной части Керченского полуострова),⁵¹ на северном (азовском) берегу полуострова и в других местах; несколько поселений того же времени уже известно по соседству (на Таманском полуострове): в Таматархе (будущей Тмутаракани),⁵² Фанагории⁵³ и Патрее. Наконец, сам Боспор, некогда цветущий город, тоже оживился и начал возрождаться; об этом красноречиво говорит факт возведения в VIII в. рядом с портом, т. е. в оживленной части города, монументального и богатого храма Иоанна.

Поселения VIII—IX вв. известны и западнее, в степной и предгорной частях Крыма: близ с. Меловое (Зуйский район) (поселение очень большое),⁵⁴ близ дер. Марьяно (Белогорский район)⁵⁵ и на перевале между Белогорском и с. Приветное. Но они еще совершенно не исследованы.

Поселения VIII—IX вв. охватили всю восточную часть Таврики, причем некоторые из них сильно и быстро разрослись и превратились в полугородские поселения. Таким стало поселение на горе Тепсень близ сел. Планерское (бывш. Коктебель); на его населенность указывают раскопанная недавно обширная базилика и несколько других храмов.⁵⁶ Рядом с Планерским на берегу моря у мыса Мальчин открыт небольшой, вероятно рыбацкий, поселок. Судя по находкам керамики, поселение существовало и в Судаке.

О заселенности всего этого района свидетельствует существование в районе Судака (близ селений Морское (бывш. Капсихор) и Приветное (бывш. Ускют)) нескольких крупных очагов гончарного производства со множеством больших гончарных печей, функционировавших в VIII—IX вв., причем по соседству каких-либо поселений нет. Следовательно, гончарное производство (здесь изготавливали главным образом амфоры и пифосы) было рассчитано на вывоз продукции по всему побережью во вновь народившиеся поселки, где, очевидно, имелся достаточный спрос на гончарные изделия (подробнее см. далее).

Важно отметить, что далее к западу поселений того времени нет, если не считать Партенит (у Медведь-Горы), где в конце VIII в. обосновался упомянутый монастырь. В Горзувитах же, еще незадолго до того сравнительно крупном городе, жизнь уже во второй половине VII в. замерла, как это показывает обширный могильник Суук-Су.

Чем объясняется возрождение жизни в восточной Таврике?

Наиболее важным благоприятным фактором, определившим этот процесс, явилась определенная стабилизация, которая в тот период наступила в Северном Причерноморье; угроза вторжения степняков на долгое время исчезла. Основные массы болгар еще в 70-х годах VII в. ушли в северную Добруджу, где вместе с коренным славянским населением создали Болгарское царство; другая часть болгар продвинулась на Каму, а остальные болгары, вероятно, еще больше приблизились к Таврике, а скорее всего проникли в ее восточные районы. Именно приазовских болгар («черных болгар»), очевидно, и имел в виду русско-византийский договор 945 г., по которому русская сторона обязывалась защищать от них Херсонские климаты. Мадыры, теснившие хазар и продвигавшиеся на запад, по-видимому, не занимали Таврику; имели место лишь эпизодические нападения. Вплоть до конца IX в. мы не знаем и других степняков, которые совершали бы нападения на страну.

Одним из важных факторов, в сильной степени способствовавшим ожилению этого края, явился несомненно отрыв его от Византии, фактическая независимость от империи, что связано было с изменившейся международной обстановкой в VIII и первой половине IX в. Силы империи были поглощены возобновившейся войной с Персией, а затем нашествием арабов; на севере империи возникла болгарская угроза. Внутри империи не утихла классовая борьба как следствие безудержного податного гнета. Независимость от Византии продолжалась и в первой половине IX в., хотя вся Таврика номинально и оставалась византийским владением. Непрерывные войны на западных, северных и восточных рубежах империи (с арабами и болгарами), не говоря уже о всеобщем народном восстании Фомы Славянина, охватившем почти всю Малую Азию и не прекращавшемся в течение трех лет (822—824), — все это полностью отнимало силы византийских правителей Исаурийской династии.

Немалое значение имело и то, что население восточной Таврики находилось в стороне от Херсонских климатов, где сосредотачивалось феодальное землевладение, неизбежно расширявшееся за счет общинной собственности.⁵⁷

Не менее важно было то, что и хазары, господствовавшие в Таврике на протяжении большей части VII и в VIII в., к концу этого столетия уже, по-видимому, утратили здесь прочные позиции; их власть стала призрачной. А в начале IX в. изменилась и общая обстановка в степях Северного Причерноморья. Господство хазар в этой обширной области в результате вторжения мадьяр, а затем и печенегов значительно ослабло, особенно к середине IX в., когда в Поднепровье и Причерноморье утвердилась Русь, прославившаяся своими далекими походами на Византию.⁵⁸ Северные и северо-западные пределы сократившегося Хазарского каганата находились уже не в Таврике, а на Дону. Эти пределы обозначает основанная в 30-х годах IX в. пограничная хазарская крепость Саркел. Ослабление хазар в Таврике началось, вероятно, еще в конце VIII в.⁵⁹ Во всяком случае таким событиям, как поход на южное побережье в начале IX в. русской рати легендарного князя Бравлина, который «плени от Корсуня до Корча»,⁶⁰ хазары, как видно, препятствовать уже не могли.

Затишье в северопричерноморских степях, наступившее в VIII в. и продолжавшееся до конца IX в., отрыв от Византии и ослабление хазар, иначе говоря, освобождение от иноземного ига создавали новую обстановку, благоприятствовавшую возрождению края. В новых условиях независимости и относительной безопасности ожили и стали интенсивно развиваться общинные земледельческие поселения прибрежной полосы восточной Таврики. Процесс этот, повторяем, шел здесь, по-видимому, значительно быстрее, чем в западном ее районе, где сказывались и упадок

городов, и рост феодальных поместий — светских, но главным образом церковных.

Несомненно, что в VIII в. в восточные районы края потянулось и новое население: и с Северного Кавказа (Прикубанья), куда ведут многие нити культурной преемственности, и из Приазовья (имеем в виду черных болгар).⁶¹ Пришельцы вливались в общинные поселения и способствовали их росту и укреплению. Рост населения вызвал усиление внутреннего обмена, возрождение ремесла, некоторые отрасли которого (гончарство) достигли относительно высокой степени развития.

Проследить ход этого процесса мы пока еще не в состоянии, так как археологически восточный Крым слишком слабо изучен. Но что процесс этот шел очень интенсивно, показывает приблизительная одновременность появления довольно многочисленных поселений восточной Таврики. Об интенсивности процесса красноречиво говорит и факт возникновения упоминавшихся гончарных центров в районе Судака (близ сел. Морское), указывающих и на значительную населенность восточной Таврики, где находила себе сбыт продукция нескольких десятков больших гончарных печей, и на высокую степень разделения труда.⁶²

Различие судеб западной и восточной Таврики в пору VIII—IX вв. сказывалось и в культуре этих соседних районов.

2

Обратимся к поселениям восточного Крыма VIII—IX вв., насколько это возможно по данным раскопок, которые здесь производились в очень ограниченном масштабе и не систематично.

Из поселений Керченского полуострова больше всего материала дали раскопки античного города Тиритаки, расположенного к югу от Пантикапея; возник он еще в VI в. до н. э. и прожил до VI в. н. э. включительно.⁶³ Затем жизнь в городе прервалась, а в конце VIII или начале IX в. здесь приютилось небольшое поселение, просуществовавшее еще 1½—2 столетия.

Культурный слой и строительные остатки VIII—IX вв. сохранились во многих местах городища.⁶⁴ Открыт целый ряд жилых помещений, некоторые из них со следами перестроек (произведенных в пределах того же VIII—IX вв.). Каменные стены везде сложены на глине «в елку», что характерно для строительства всех поселений того времени в восточной Таврике, в противоположность Херсону, где такая система кладки наблюдается сравнительно редко. Возможно, что сохранившиеся каменные стены являлись лишь основанием вышележащей глинобитной кладки из сырцового кирпича, подобно тому как это практиковалось в одновременных постройках Таматархи (на Таманском полуострове). Любопытно, что такая особенность кладки наблюдается и в Закавказье; примером могут служить и жилые постройки Байлакана (Орен-Кала) в Мильской степи (40 км севернее р. Аракса).⁶⁵ Эти кавказские аналогии важны как одно из указаний на южные связи средневековой культуры восточной Таврики.

В углу помещений⁶⁶ находилась печь-каменка, традиционная для жилищ средневековой Тиритаки, как и для жилищ-полуземлянок наиболее крупного поселения IX в. на Дону — Саркела, по культуре своей вообще очень близкого к поселениям восточной Таврики. Хозяйственная (может быть, зерновая) яма внутри другого помещения также типична для жилищ того же времени на нашем Юго-Востоке, в частности они обычны в нижнем слое Саркела. Сходство жилого комплекса в Тиритаке и в Саркеле дополняет такая деталь, как устройство открытого очага, обложенного плитами, очень напоминающего обычные очаги в Саркеле.⁶⁷

Жернова, неоднократно встречавшиеся в помещениях средневекового слоя Тиритаки, ясно указывают на сельскохозяйственный характер поселения.⁶⁸

О дате, как и о культурном облике поселения, дает представление добытый раскопками массовый материал — керамика. Она принадлежит двум основным видам. Первый из них — это домашняя кухонная и столовая, отчасти походная посуда, преимущественно горшки; такого рода керамика доминирует на городище. Второй вид — это домашняя тара: амфоры и большие кувшины.

Горшки имеют толстый и грубый, но довольно прочный черепок с примесью толченных раковин или морского песка. Корпус шаровидный, венчик резко выделен и обработан насечками в виде витого жгута. Поверхность горшков почти сплошь покрыта грубоватым рифлением, а сверху украшена гребенчатой волной. В целом эта группа довольно однородна по своему характеру; сосуды различаются главным образом своими размерами; большинство их — это собственно кухонные горшки диаметром 14—15 см, диаметр некоторых из них достигает 35—45 см.

Сосуды эти абсолютно тождественны многочисленным горшкам из нижнего (хазарского) слоя Саркела (табл. X, 2), хорошо датируемого периодом с конца IX в. (основания Саркела) до середины X в. (прихода русских). Конечно, этот тип бытовал и в предшествующее время, но он не древнее VIII в., в чем убеждает материал из раскопок городища на горе Тепсень, где указания на дату дают и византийские монеты VIII в. (см. далее).

К этой основной группе местной посуды с серым черепком примыкают фрагменты больших широкогорлых сосудов прекрасной выделки, с красно-бурым или серым черепком. Сосуды украшены врезным пояском и полосами лощения — в сетку или вертикально.⁶⁹ Керамика эта встречена в незначительном количестве и является скорее всего привозной с Северного Кавказа, как и изящный сосудик с широким дном, украшенный широкими полосами лощения и врезными треугольниками. Такие сосуды не редкость в могильниках Северного Кавказа и Салтова.⁷⁰

Второй вид керамики — это домашняя тара в виде амфор и кувшинов, у тех и других красный черепок. Амфоры имеют продолговатую круглодонную форму и резко выраженную бороздчатость (как результат ленточной техники изготовления), массивные ручки и невысокое горло (рис. 8, а, б).⁷¹ Такие амфоры были широко распространены в средневековых поселениях восточного Крыма и Тамани. Они характерны и для Саркела, встречались и в Херсонесе. Саркельские амфоры, находимые только в нижних слоях городища, т. е. в слоях IX—первой половины X в., надежно датированы этим временем, хотя бытовали, вероятно, уже в предшествующее время. Они несомненно местного ремесленного производства и характерны только для северопричерноморского круга поселений. Того же времени или немного более ранние яйцевидные амфоры с гладким корпусом, украшенные зонами мелкого рифления. Эти амфоры тоже местного производства. Следует отметить, что для салтовских поселений такие формы мало характерны.

Другой вид домашней тары — это высокогорлые кувшины с плоскими ручками; сосуды имеют темно-красный черепок, внутри покрыты смолистым темным веществом. Такие кувшины представляют собой массовый вид керамики в средневековых поселениях Северного Причерноморья: они встречаются повсеместно и в большом количестве.⁷² В Херсоне они датируются совместными находками монет IX—X вв. К IX в. эти кувшины скорее всего относятся и в Тиритаке. За пределами Северного Причерноморья кувшины с плоскими ручками неизвестны (за исключением Саркела).

Мы довольно подробно остановились на керамическом комплексе Тиритаки потому, что он очень характерен и для всех остальных средневековых поселений восточной Таврики.

По-видимому, средневековая Тиритака занимала лишь часть территории прежнего античного поселения. На это указывает то, что на северо-восточном краю города, с тыльной стороны античной крепостной стены, находилась, как выяснили раскопки, гробница, обложенная крупными плитами, что обычно для устройства могил того времени.⁷³ Следовательно, в VIII—IX вв. северо-восточная окраина античной Тиритаки уже не была заселена.

Небольшой поселок VIII или начала IX в. обосновался и на развалинах античного Мирмекия (в 5 км к востоку от Керчи). Средневековый

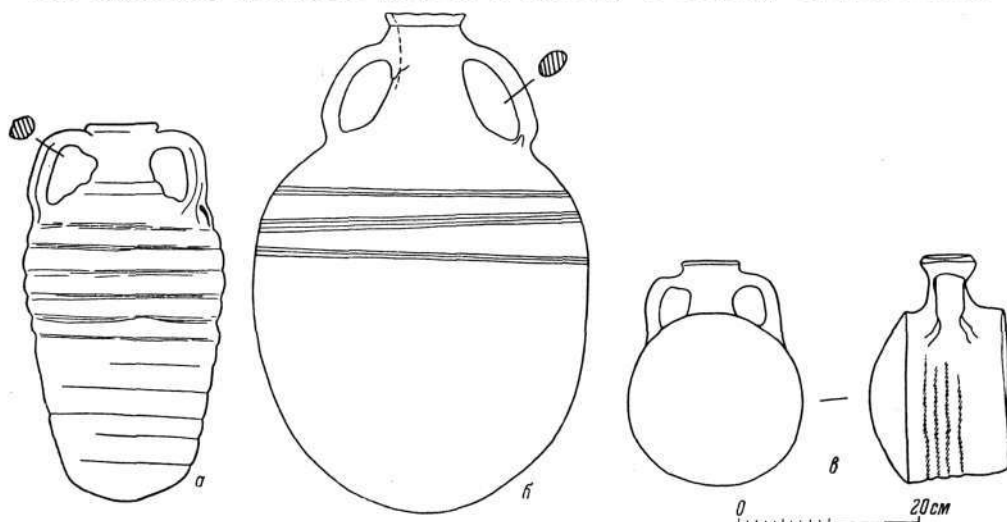

Рис. 8. Керамика VIII—IX вв.

а, б — амфоры причерноморского типа (а — из Тиритаки; б — из музея Ялты); в — фляга из Старого Крыма (Областной музей в Симферополе).

культурный слой здесь выражен значительно слабее, чем в Тиритаке,⁷⁴ но все же и в Мирмекии открыты строительные остатки того времени, в частности прямоугольное жилое помещение (один угол его скруглен) и в нем печь с глинобитным перекрытием. Здесь же найдено несколько жерновов и каменные круглые ступы.⁷⁵

Одновременно с Тиритакой и Мирмекием существовал средневековый поселок и на развалинах некогда сильной крепости Илурат (близ дер. Ивановка).⁷⁶ Раскопанный здесь удлинённый дом (рис. 9), как и в других поселениях Таврики того времени, состоял из двух помещений (4.8 × 3.7 и 7.5 × 3.7 м), сложенных, как и в Тиритаке, из бутовых камней на глине «в елку». В меньшем помещении, вероятно жилом, в углу был устроен очаг из вертикально поставленных плит со столбиком посередине; на него опиралось плоское глиняное перекрытие, служившее плитой для приготовления пищи. Как и в Тиритаке, никакой преемственной связи между античным и средневековым строительством не было; между тем и другим был большой перерыв.

В центральной части Керченского полуострова (близ дер. Алексеевка) существовало еще одно поселение, начатое раскопками в 1954 г.⁷⁷ Был открыт небольшой жилой комплекс с очагом в углу. Кладка также бутовая, «в елку». Имеются указания и на многие другие поселения того же времени в этом районе.

По-видимому, густо населен был в VIII—IX вв. соседний Таманский полуостров, неразрывно связанный с Таврикой. Несомненно крупным поселением являлась Фанагория.⁷⁸ К сожалению, строительные комплексы здесь пока не удалось выявить вследствие сильной разрушенности верхних слоев городища, но керамический материал (сероглиняные горшки различных размеров со сплошным рифлением, лощеные сосуды, яйцевидной формы амфоры, пифос, о чем еще пойдет речь) ясно говорит о существовании поселения в VIII—IX вв.⁷⁹

Другое одновременное Фанагории средневековое поселение существовало на месте античного города Патрея (на северном берегу Таманского залива).⁸⁰ На городище открыт довольно мощный культурный слой (толщиной до 1.35 м), остатки построек с глинобитными стенами, сырцовые кладки и типичная для того времени керамика в виде тех же сероглиняных горшков со сплошным рифлением.

Значительно больше нам известно о городище близ станицы Таманской — античной Германассе, средневековой Таматархе (Матрахе), русской Тмутаракани. Оно давно привлекало внимание археологов, но впервые научные раскопки здесь велись в 1930—1931 гг. (А. А. Миллером) и в 1952—1955 гг. (Б. А. Рыбаковым).

На городище под верхним слоем, образовавшимся в период существования русской Тмутаракани, выявлен слой предшествующего времени (VIII — начала X в.), правда, менее мощный, но ясно выраженный.⁸¹ В этом слое открыты остатки сырцовых построек на каменном основании, очень близкие по своему типу к каменным кладкам в Тиритаке и Илурате. Для жилищ Таматархи характерны глинобитные прямоугольные печи, сложенные из сырцового кирпича или вылепленные в глине; печи перекрыты глинобитным сводом с круглым отверстием сверху. Печи эти почти тождественны глинобитным печам нижнего (хазарского) слоя Саркела, т. е. слоя IX — первой половины X в. Внутри печи обычно имеется саманный столбик, служивший, вероятно, подставкой под сосуд при варке пищи.

Керамика из средневекового слоя Таматархи⁸² дает совершенно те же формы, что и другие одновременные поселения восточной Таврики: главным образом сероглиняные горшки со сплошным рифлением и гребенчатой волной (обычных размеров и крупные), большие двуручные сосуды прекрасной выделки, с полосами лощения, а также красноглиняная керамика — яйцевидные амфоры и высокогорлые кувшины с плоскими ручками, особенно часто встречающиеся; фрагменты пифосов находили редко.

Те несколько давно открытых плитовых могил, которые принадлежат некрополю Таматархи, по своему устройству и инвентарю очень близки к погребениям Тиритаки и верхнего слоя могильника Горзувит (Суук-Су), т. е. IX—X вв.; с ними нам еще предстоит познакомиться.

Таким образом, то, что мы знаем о Таматархе, дополняет общую картину поселений восточной Таврики. По-видимому, и здесь только в VIII в., т. е. через два с лишним столетия после гуннского нашествия, наступило оживление и начался резкий подъем всей жизни, что нашло выражение в развитии ремесленного производства (на смену лепной по-

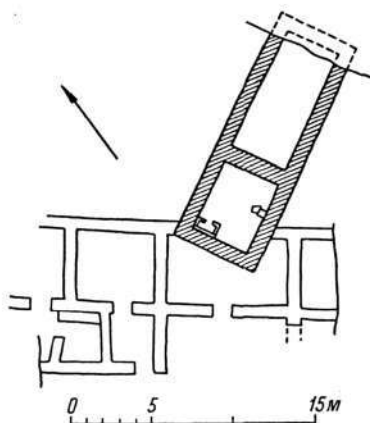

Рис. 9. Илурат. Жилой дом VIII—IX вв. План. (По В. Ф. Гайдукевичу).

суде, которой пользовалось население в раннее средневековье, пришла гончарная, т. е. ремесленная). Подобно Тиритакке и Илурату, где средневековое поселение смогло освоить лишь часть их древней территории, Таматарха в тот период тоже не успела развиться в город. Это произошло только в конце X и в XI в., когда Таматарха стала русской Тмутарканью.

Район к западу от Керченского полуострова в отношении средневековья еще очень слабо исследован, но и здесь уже известно несколько поселений VIII—IX вв.

Пожалуй, наиболее крупным среди них являлось поселение в Планерском (бывш. Коктебель), расположенное на горе Тепсень. Здесь раскопками 1954—1956 гг. (их вел М. А. Фронджуло) открыто несколько жилых комплексов, совершенно аналогичных тиритакским: небольшие удли-

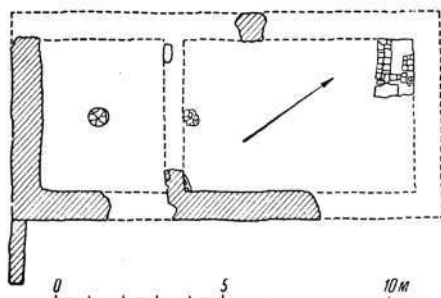

Рис. 10. Планерское. План жилого дома VIII—IX вв. (По В. П. Бабяичеву).

ненные дома с двумя помещениями, сложенные из необработанного камня на глине «в елку» с глинобитным полом и с печью-каменкой в углу (рис. 10). Внутри домов обычны находки жерновов.

Керамика,⁸³ которой насыщен культурный слой городища, полностью повторяет ассортимент посуды из других одновременных поселений. Это сероглиняные горшки со сплошным рифлением, реже встречаются большие сосуды прекрасной выделки с лощеной поверхностью, красноглиняные яйцевидные амфоры причерноморского типа и высоко-

горлые кувшины с плоскими ручками; попадались фрагменты пифосов с горизонтальными желобками, характерные для слоев VIII—IX вв. средневековых поселений Крыма. Наконец, изредка находили обломки белоглиняной поливной посуды IX—X вв., несомненно привозной из византийских центров.⁸⁴ Особо отметим небольшие красноглиняные кувшины с выступающим носиком у горла, украшенные горизонтальными полосами ангоба. Сосуды эти происходят из некрополя; в частности, они лежали в могилах, сооруженных в базиличном храме, и датированы найденными вместе с ними византийскими монетами VIII в.⁸⁵ Тожественные кувшины с такой же орнаментацией известны в Верхне-Салтовском могильнике (близ Харькова),⁸⁶ который также относится преимущественно к этому времени.⁸⁷ Но они широко бытовали и в VI—VII вв., как это показали раскопки обширного могильника близ Баклы (рядом с сел. Скалистое) в Крыму.⁸⁸

Поселение в Планерском было очень большим. На населенность его указывает наличие нескольких христианских храмов, открытых раскопками на горе Тепсень. Один из них — трехнефная базилика, первоначально сравнительно скромная по размерам, но позднее значительно расширенная, так что ранее построенный храм полностью вместились в средний неф нового.⁸⁹ Новая базилика (рис. 11) выделяется огромными размерами: ее длина 37 м. Она имела три апсиды, с западной стороны к ней примыкал нартекс, в котором устроены могилы; одна из них обложена саманным кирпичом. Нефы разделялись не колоннами, как в херсонских базиликах, а массивными прямоугольными столбами. В таком виде храм напоминает базилику монастыря Апостолов в Партенитах (у восточного подножья Медведь-Горы), построенную во второй половине VIII в.⁹⁰

Более поздняя базилика, судя по монетам VIII в. в могиле нартекса, была построена не позднее IX в., так как, во-первых, вряд ли погребенному клали в могилу древнюю монету, а во-вторых, ничего более позднего, чем IX в., на городище не встречено.⁹¹ Следовательно, первоначальная базилика относится к более раннему времени, вероятно к VIII в.

Поселение в Планерском — один из наиболее важных памятников для понимания всей истории средневековой Таврики. Городище это требует более интенсивного исследования.

Весь рассмотренный материал из поселений VIII—IX вв. в восточной Таврике и Таманском полуострове и прежде всего массовый материал — керамика — позволяют говорить об определенной общности культуры этих поселений. Всем обликом она связывается с культурой так называемых салтово-маяцких городищ.⁹² Культура эта, о которой обычно судят по могильнику в Верхнем Салтове (на р. Северный Донец, в районе Харькова), отчасти по Салтовскому городищу и городищу Маяцкому в верховьях Дона (откуда и пошло название культуры салтово-маяцкой), была широко распространена на нашем Юго-Востоке: она известна и в других местах к югу от лесостепной полосы — в Зливах, на Донце (в слободе Покровской, ст. Каменской), в ряде пунктов среднего и нижнего Дона (у ст. Суворовской, в районе ст. Цимлянской — в Саркеле, у хут. Карнаухова, на правобережном городище), затем в Приазовье (на Золотой Косе), на Кубани (Тлюстенхабль около Краснодара),⁹³ на Таманском полуострове и во многих местах восточного Крыма.

Эта общность указывает на тесную связь носителей салтово-маяцкой культуры — населения, занимавшего обширные пространства степных районов в бассейнах Дона и Кубани, в Приазовье вообще, с населением восточного Крыма. Однако очень возможно, что существовала и этническая близость: мы имеем в виду «черных болгар», которые, как известно, концентрировались в северном и восточном Приазовье, а вместе с тем составляли, вероятно, заметный элемент и среди населения восточной Таврики.

Очень убедительным показателем культурной связи этих районов может служить сходство рассмотренной керамики Крыма с керамикой из нижних слоев Саркела (близ станицы Цимлянской), о чем уже говорилось. Близость и даже полное тождество форм и орнаментации сероглиняной кухонной посуды (табл. X, 2), как и состава глиняного теста (с примесью песка или толченых раковин), бросаются в глаза. Аналогичен и состав комплекса красной глиняной посуды (тары) в виде удлиненных бороздчатых и яйцевидных амфор и кувшинов с плоскими ручками.

Однако важна не только легко устанавливаемая близость форм и техники массовой сероглиняной посуды VIII—IX вв. из степных поселений обширного района Приазовья, включая сюда и поселения восточной

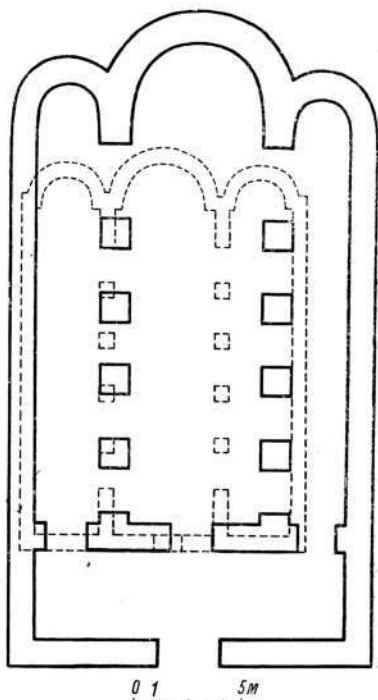

Рис. 11. Планерское. Базилика VIII—IX вв. Схематический план. (По В. П. Бабенчикову).

Таврики. Не менее существенно выявить и черты своеобразия, которые восточнокрымская керамика несомненно имеет.

Разумеется, мелкие отличия в орнаментике несущественны. Важнее такая деталь, как отсутствие у сероглиняных сосудов из восточного Крыма внутренних ушек (для подвешивания сосудов над очагом или костром), которые, наоборот, очень характерны для больших сосудов-котлов из степных поселений на Золотой Косе и из Саркела. Внутренние ушки у глиняных котлов были вызваны, очевидно, условиями кочевого быта. Отсутствие внутренних ушек на восточнокрымской керамике объясняется, возможно, более поздней датой последней, чем, например, керамики Золотой Косы. Но вместе с тем эта деталь может служить определенным, хотя и косвенным указанием на иной строй хозяйственной жизни, всей экономики этих поселений, в которых основное значение получило земледелие, о чем прямо свидетельствуют многочисленные находки ручных жерновов для размола зерна (в Тиритаке, Планерском).

Интересна и другая особенность, выявленная недавними раскопками гончарных печей в районе Судака, — наличие выполненной по ангобу простой орнаментальной росписи красной краской, нанесенной толстой кистью. Такой росписью украшена лицевая, выпуклая поверхность круглых фляг (табл. X, 3); орнамент состоит из расположенных по их краю круга и обращенных к центру двойных (одна в другой) дужек, иногда чешуек, нарастающих к центру, гирлянд, клиньев с точками между ними или просто радиальных мазков. Роспись такого рода не встречается ни в Салтове, ни в других салтовских поселениях,⁹⁴ зато известна на целой серии памятников Северного Кавказа.⁹⁵ Это вновь указывает на непосредственные связи восточной Таврики с аланским населением Предкавказья, откуда и идет, вероятно, художественная традиция такого рода керамической орнаментации.

Наконец, ясно выступает и различие состава керамического комплекса средневековых поселений восточного Крыма и самого Салтова, где пока неизвестны ни сероглиняные сосуды с внутренними ушками, ни красноглиняные кувшины с плоскими ручками, столь распространенные в Таврике. Зато там, в Салтове, значительно шире представлена сероглиняная керамика с полосами лощения, сравнительно редкая в поселениях восточной Таврики и почти неизвестная в западных ее районах.⁹⁶ Несмотря на скудность данных о самих жилищах в восточнокрымских средневековых поселениях, все же можно наметить некоторые особенности в сравнении с кругом цимлянских поселений того же времени, где мы не находим ни каменных оснований в виде кладок «в елку», ни саманных кладок,⁹⁷ а с другой стороны, в восточнокрымских поселениях мы не встречаем глинобитно-деревянных конструкций и полуземлянок. Эти отличия объясняются, конечно, не только различными естественными условиями (чем, в частности, и определяется выбор строительных материалов), но и местной строительной традицией, которая уже существовала в восточных районах Таврики, а кроме того, возможно, и различиями в этническом составе населения.

К сказанному следует добавить несколько слов относительно различий в устройстве некрополя — в типе погребальных сооружений. В Салтове и в Маяцком городище они представляют собой склепы, куда ведет дромос,⁹⁸ в восточном Крыму — в виде обложенных плитами гробниц (в Тиритаке, Планерском). Аналогичный тип гробниц хорошо известен в смежном районе — на северо-восточном побережье Черного моря — в Борисовском могильнике,⁹⁹ третья группа которого, относящаяся к VIII—IX вв., современна названным могильникам восточной Таврики.

Все эти особенности придавали культуре средневековых поселений восточной Таврики VIII—IX вв. специфически местный облик. Носители

той культуры продолжали несомненно находиться в тесном общении с населением юго-востока нашей страны — с населением Приазовья и Прикубанья, как и Северного Кавказа; с этими районами восточную Таврику объединяла, по всей вероятности, и этническая общность, объясняемая притоком оттуда населения.

Вряд ли можно сомневаться, что и вся масса находимой в восточно-крымских поселениях керамики производилась на месте. В отношении красноглиняных амфор VIII—IX вв. это теперь можно считать окончательно доказанным, так как раскопками открыты сами гончарные печи, где такие амфоры изготовлялись, притом в больших количествах.

Печи эти имеют очень большое значение, так как благодаря им мы впервые получили определенное представление о ремесленном производстве средневековых поселений восточной Таврики и всей их экономике. Открыто уже три гончарных центра в районе Судака: один близ с. Морского (бывш. Капсихор), два других — в Канакской балке (западнее с. Приветного, бывш. Ускют). Археологически исследован, хотя и не полностью, лишь комплекс гончарных печей близ с. Морского.¹⁰⁰

Печи расположены цепочкой по краям продолговатой возвышенности, идущей вдоль моря. Остатки печей ясно выделяются наличием пережженных кирпичей, местами выступающих кладок и мощными завалами битой керамики, которые сосредоточены около печей и представляют собой выброс брака и керамического лома. Всего здесь было не менее 20 печей, из которых две раскопаны.

Они одинаковы по устройству (рис. 12) и представляют собой довольно монументальное сооружение (5.6×5.2 м). Печи врезаны в склон

возвышенности и сложены из сырцового кирпича 36×23 см, толщиной 13 см. Нижняя топочная камера имеет два параллельных продольных канала, разграниченных стенкой (длина каналов 4.2—4.3 м, ширина 0.5—0.8 м, высота 1.8 и 2.1 м) (табл. XI). От продольных каналов ответвляются короткие, ступенчато поднимающиеся боковые каналы, по 5 с каждой стороны, выходящие в верхнюю обжигательную камеру круглыми отверстиями, через которые туда проходили топочные газы (табл. XI, 2). Обжигательная камера имела квадратную форму (шириной 3.84 м), очень ровный и твердый пол, неоднократно возобновлявшийся. Здесь в определенном порядке ставились предназначенные к обжигу амфоры; для придания им устойчивости употреблялись особые подставки в виде клина; на некоторых из них имеются знаки собственности владельца подставки — в виде условного знака, иногда греческой буквы (N). Обжигательная камера была перекрыта сводом, начинавшимся почти снизу, на что указывает легкий наклон стенок внутрь камеры.

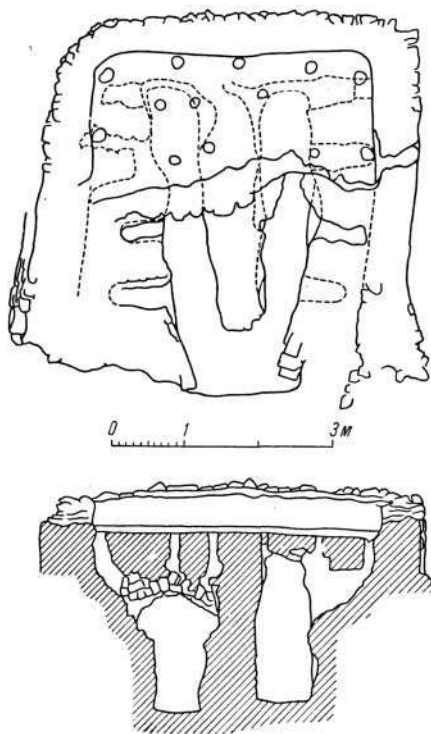

Рис. 12. Гончарная печь близ Чобан-Куле (план и разрез).

Аналогичные печи с двойным продольным каналом пока нам неизвестны, но в общей форме устройство таких печей было, по-видимому, обычным в средневековой Таврике. В этом смысле показательна одновременная гончарная печь близ Мисхора, одинаковая по устройству и приблизительно такого же размера, но более простая — с одним, а не с двумя продольными каналами.¹⁰¹ В качестве аналогии можно привести две черепице-обжигательных печи XI—XII вв., открытые в Херсонесе, с той же системой продольного и поперечных каналов и приблизительно тех же размеров;¹⁰² то, что эти печи овальные и поперечных каналов в них меньше, не меняет сути дела. Ближе к нашей прямоугольная печь в болгарском селении Мадара, относящаяся к IX—X вв., имеющая два продольных и пять пар поперечных каналов.¹⁰³

Гончарная печь около Чобан-Куле несомненно следовала древней, еще античной традиции, в чем убеждают гончарные печи позднеримского времени и в Западной Германии, и в Румынии;¹⁰⁴ такое устройство печей несомненно практиковалось и в позднеантичной Таврике.¹⁰⁵ Традиция эта, конечно, развивалась, устройство печей технически совершенствовалось, что наглядно показывает наша печь, представлявшая большое и сложное сооружение — более сложное, чем предшествующие ей античные печи Таврики.

В гончарных печах около Чобан-Куле, как и в Канакской балке, производили главным образом круглодонные яйцевидные амфоры, того самого типа, который мы постоянно встречали в восточнокрымских поселениях VIII—IX вв. Завалы бракованных кусков таких амфор, находящиеся рядом с печами, достигают огромных размеров. Бросаются в глаза однородность и однообразие керамического материала из этих завалов — и по типам, и по хронологии. Это показывает, что завалы накопились за сравнительно короткий период интенсивной эксплуатации печей, срок службы которых не превышал 20—30 лет, после чего старая печь приходила в негодность. Однако все печи, судя по керамике из завалов, функционировали в течение одного исторического периода — в пределах VIII—IX вв., так как ничего более позднего здесь встречено не было.

Помимо амфор, в небольшом количестве здесь производились большие плоскодонные сосуды, напоминающие по форме большие сероглиняные лощеные сосуды из нижних слоев Саркела, круглые плоские фляги с росписью красной краской, о которых уже шла речь, и, возможно, пифосы. Для производства которых, кроме того, была специально предназначена одна из печей в Канакской балке (в районе Приветного).

Большое число гончарных печей, сосредоточенных в двух-трех смежных пунктах, дает основание полагать наличие здесь определенного ремесленного центра со значительным (по масштабам средневековья) гончарным производством. Говоря о рынке сбыта его продукции, надо иметь в виду, что ни около печей, ни в ближайших их окрестностях неизвестно никаких следов крупного средневекового поселения, где бы эта продукция могла сбываться. Весь комплекс печей расположен, таким образом, вне связи с поселениями. Выбор места для них определялся, очевидно, наличием хорошего сырья (глины) и пресной воды. Такое изолированное положение комплексов гончарных печей позволяет предположить, что гончарная продукция не оседала на месте, а развозилась отсюда морем и, следовательно, предназначалась не для узкоместного рынка, а для широкого сбыта в районе восточной Таврики, очевидно в тех крупных и мелких поселениях, которые возникли и развивались в VIII—IX вв. и о которых говорилось выше.

На рубеже IX и X вв., может быть в начале X в., гончарное производство в районе Судака прекратилось, а весь производственный центр за-

глох. Как возникновение, так и ликвидация его были связаны с историческими судьбами всей восточной Таврики.

Значительно меньше у нас материала, который позволил бы судить о культуре юго-западного Крыма, являвшегося в предшествующий период экономическим средоточием края.

В этом районе в последние восемь лет (с 1956 г.) велись, как говорилось, раскопки двух средневековых поселений: в Байдарской долине (близ с. Бобровка) и в смежной Бельбекской долине (близ с. Поляны), а также сплошные разведки. Раскопки и разведки показали, что в VIII—IX вв. долины юго-западной Таврики были сравнительно густо заселены. Небольшие поселки местами следовали чуть ли не один за другим. В боль-

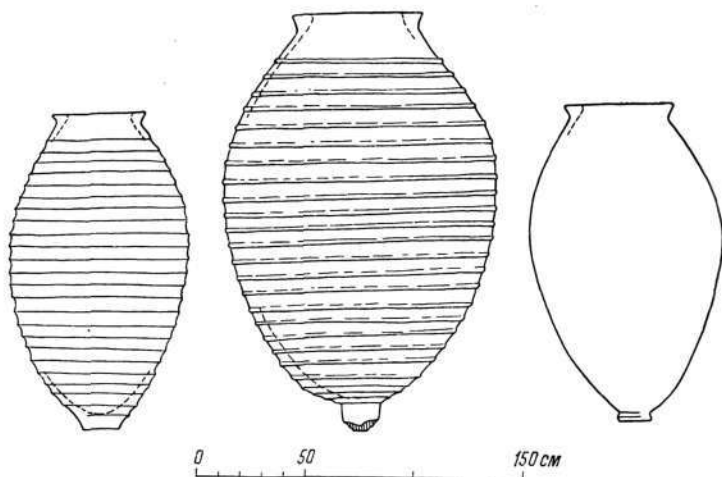

Рис. 13. Поселение близ с. Поляна. Пифосы.

шинстве они возникли на обжитых местах старых, еще античных поселений, а некоторые просуществовали без перерыва до VIII—IX вв.

Датировка верхнего слоя поселений именно этим временем определяется массовым керамическим материалом, как подъемным, так и из раскопок. К наиболее массовой керамике относятся кровельные черепицы с массивным, широким и высоким бортиком, нередко с сужением в нижней части и водосливными валиками и большей частью со светло-красным черепком) и пифосы вытянуто-яйцевидной формы, сужающиеся к узкому массивному днищу, нередко с желобчатым корпусом или с рельефными горизонтальными валиками — особенностями, еще не характерными для пифосов X в.; эти особенности отражают более раннюю традицию (рис. 13).

Датировку VIII—IX вв. подтверждают находки причерноморского типа яйцевидных амфор («салтовских»), частых на поселениях восточной Таврики (зато полностью отсутствуют амфоры X в., которые мы хорошо знаем по Херсону), далее — находки раннего варианта кувшинов с плоскими ручками, правда редкие.¹⁰⁶ Не менее показательны «салтовские» шаровидные горшки со сплошным рифлением и многорядной волной в верхней части сосуда, столь характерные для восточнокрымских поселений. Не противоречат датировке и херсоно-византийские монеты императора Маврикия (582—602 гг.). Одна найдена на полу в жилом помещении одного из домов близ Бобровки. Монета стертая и, видимо, находилась в обращении очень долго. Другая — на поселении около с. Гончарное.

Для характеристики культуры рассматриваемых поселений важен тот факт, что основным и самым употребительным видом керамики были

не гончарные, а лепные горшки с бурым, черным черепком неравномерного обжига, с примесью песка и толченых раковин. Лепные горшки обычно имеют широкое, слабо расширяющееся горло, непрофилированный венчик и находят себе аналогии в нижних (дорусских) слоях Саркела, т. е. слоях IX—начала X в. Эти горшки являлись продукцией, очевидно, домашнего хозяйства; они показывают, что гончарство еще не выделилось в самостоятельную отрасль производства, не стало ремеслом, хотя процесс этот в VIII—IX вв. уже несомненно начался. На это указывают черепицы, отличающиеся от херсонских, как сказано, плотным и большей частью светло-красным черепком и несколько иным химическим составом теста. Эти отличия вернее всего объяснить тем, что черепицы эти (а их большинство) производились на месте, в близлежащих поселениях с микрорайонным сбытом продукции. Такое предположение подтверждают неоднократно встречающиеся на черепицах рельефные знаки ремесленников, вырезавших свой знак на деревянной матрице, в которой они формовали черепицы, причем почти все эти знаки не совпадают с известными знаками на черепицах Херсона.¹⁰⁷

Возникновение местного гончарного ремесленного производства было, очевидно, связано с определенным подъемом юго-западного Крыма в VIII—IX вв. Ремесло Херсона не могло удовлетворить возросший спрос на черепицы, как и вообще на ремесленную продукцию, ибо город находился еще в упадке.

Раскопки поселений юго-западного нагорья дали уже 24 различных знака, большей частью в виде отдельных греческих букв (Π, Λ, Ψ, Υ, Θ, Γ) или греческой монограммы (Χ); некоторые знаки в виде креста (простого или на треугольной подставке) (рис. 14).

Последние имеют особый интерес. Очень вероятно, что эти кресты обозначали монастырскую гончарную мастерскую, ибо их вряд ли могли усвоить в качестве своего знака гончары-миряне. Именно в то время в юго-западном Крыму начали возникать монастыри (об этом шла речь выше), которые, конечно, обзаводились и своим хозяйством, и своим ремеслом.¹⁰⁸

Приведенные знаки на черепицах, как и знаки собственности в виде монограмм на некоторых пифосах, важны и еще в одном отношении: они указывают на господство среди местного населения греческой письменности.

Как видим, одни виды керамики, бытовавшие в сельских поселениях юго-западной Таврики в VIII—IX вв., бесспорно местного, домашнего производства (лепные горшки и миски); другие, также местные по происхождению (большинство черепиц и пифосов), указывают на зарождение местного гончарного ремесла. Одни формы керамики (кувшины с плоскими ручками, гладкостенные пифосы), которые вернее всего отнести к IX в., свидетельствуют об определенных связях с Херсоном, вновь ожившим во второй половине этого столетия, зато другие формы — «салтовские» шаровидные горшки со сплошным рифлением, серые парадные сосуды с полосами лощения и лепная посуда (имеем в виду ее формы), не характерные для Херсона, ясно говорят о связях с восточными районами Таврики. Это обстоятельство тем важнее, что речь идет об основных формах бытовой керамики, которой пользовалось местное население.

В этой лепной посуде проявилась несомненно отсталость местной деревенской культуры по сравнению с культурой соседнего Херсона, что делает еще более рельефным различие материальной культуры города и деревни юго-западной Таврики того времени. В деревне еще слабо прививались «городские» формы керамики, такие, как амфоры или кувшины с плоскими ручками, столь обычные в Херсоне в слоях IX и X вв., тем более дорогая поливная керамика, привозившаяся из Византии и появившаяся уже в IX в. (за 6 лет раскопок нами найдено всего два обломка).

Наоборот, в соседнем Херсоне почти не встречены ни «салтовские» горшки, ни парадные сосуды с лощением, ни тем более лепная посуда, возможно, по причине этнических отличий Херсона, в греческой среде которого так, по-видимому, и не прижились эти болгарские и аланские формы бытовой керамики, господствовавшие в деревне.

Для представления о культуре сельских поселений юго-западного нагорья в VIII—IX вв. очень важен тип жилого дома, о котором позволяют судить раскопки близ Бобровки, Полян и Кыз-Кермена (около

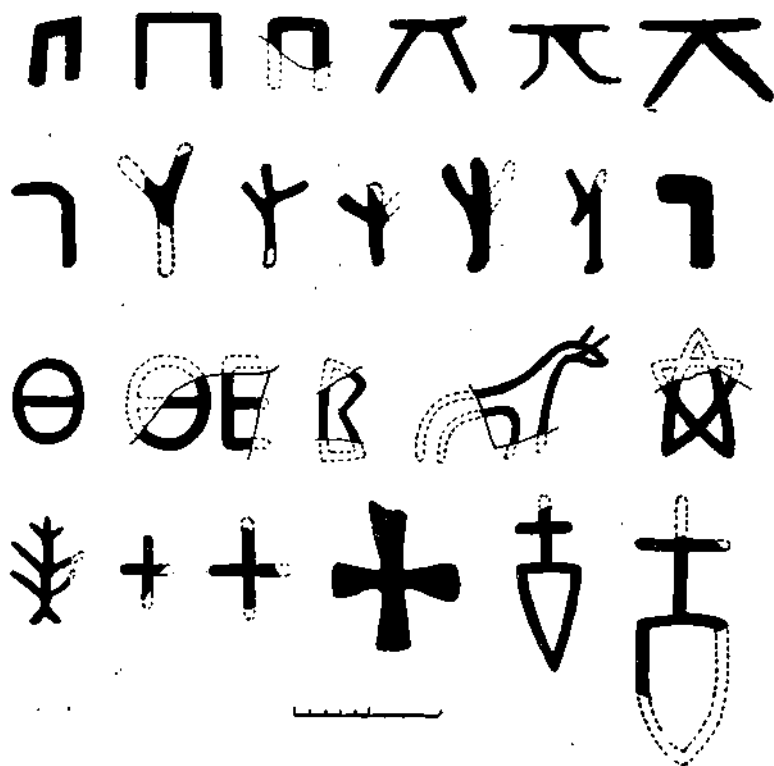

Рис. 14. Ремесленные знаки на черепицах из поселений юго-западного Крыма VIII—IX вв.

Бахчисарая). Здесь открыто уже несколько жилых домов того времени, имеющих ряд общих черт, являющихся, по-видимому, типичными.

Небольшой дом состоял, как правило, из двух помещений (рис. 15), из которых одно было несомненно жилым, на что указывает, в частности, открытый очаг в середине помещения или в углу, иногда печи-каменки (также в углу). К жилому помещению во всю его ширину примыкало хозяйственное помещение, служившее и кладовой.¹⁰⁹ В этом помещении стояли пифосы, предназначенные для зерна, и хранился хозяйственный инвентарь (например, ручные жернова). Нередко большие пифосы устанавливались вне дома, рядом с ним. Общие размеры помещений — жилого и хозяйственного — довольно близки.¹¹⁰ Приблизительно одинаковой во всех поселениях являлась и ориентировка домов — по странам света. Общие черты носит и строительная техника, которая являлась, видимо, традиционной для сельских поселений юго-западного нагорья. Дома построены на каменном основании в один или несколько рядов; кладка выполнена из разномерного бутового камня приблизительно выдержан-

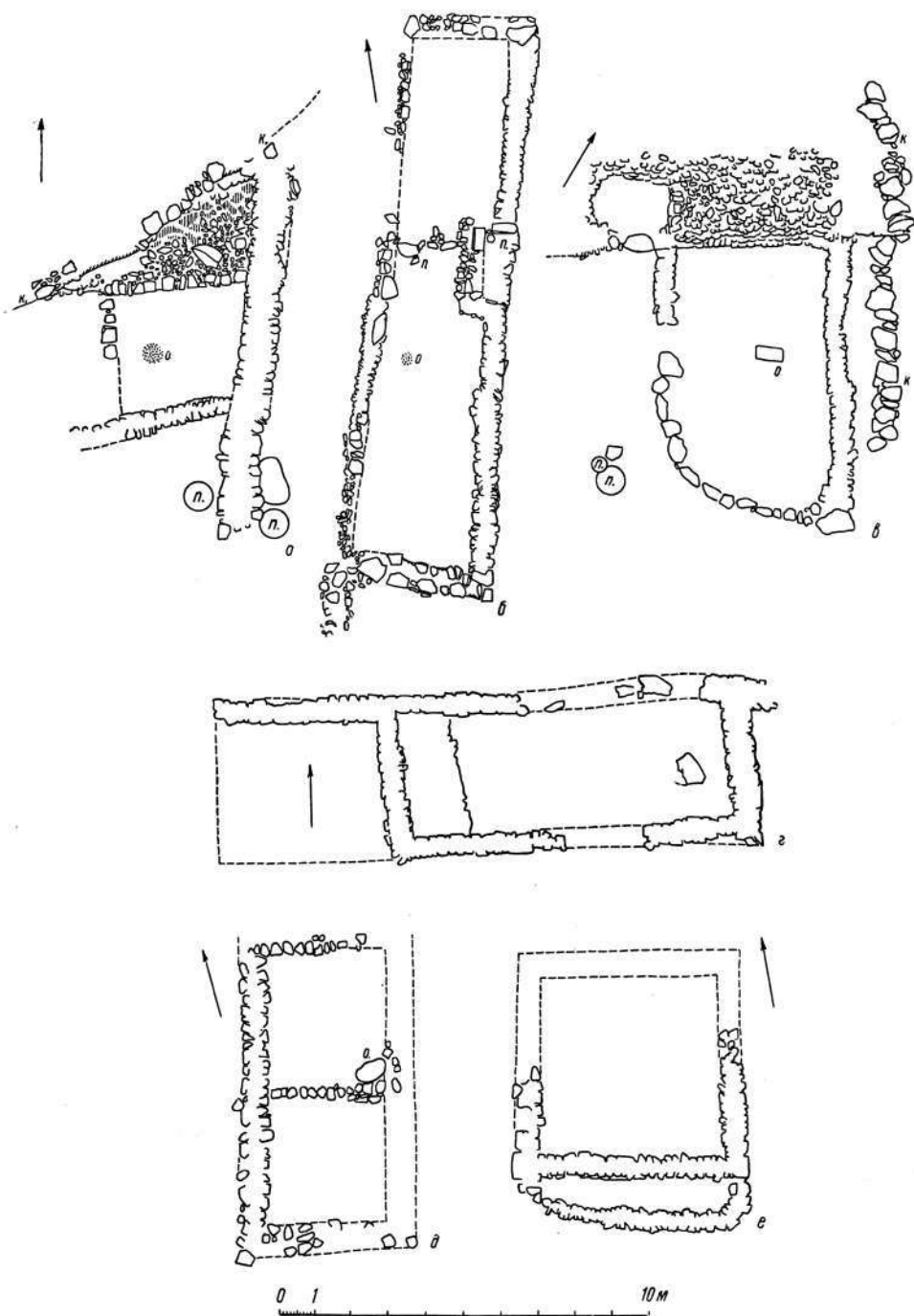

Рис. 15. Планы жилых домов VIII—IX вв. в юго-западном нагорье Крыма.
 Поселение близ с. Бобровки: а — раскоп 2 (1956 г.); б — раскоп 4—5 (1957—1958 гг.); в — раскоп 7 (1959—1960 гг.). Поселение Кыз-Кермен: г — раскоп 1 (1961 г.). Поселение близ с. Поляна: д — раскоп 1 (1960 г.); е — раскоп (1961 г.). п. — пифосы; о. — очаги; к. — крепиды.

заны рядами на глине, иногда в системе кладки «в елку».¹¹¹ На каменное основание опирается глинобитно-жердевая конструкция в виде нетолстых стоек-жердей, горизонтально соединенных плетнем, покрытым толстым (3—4 см) слоем глиняной обмазки. Стойки поддерживали, очевидно, деревянные стропила, по которым была уложена черепичная кровля. Впрочем, помимо черепиц, являвшихся дорогим кровельным материалом, для кровли использовалась, вероятно, и солома. Пол помещения везде был очень плотный, глинобитный, в хозяйственных помещениях очень неровный. Нельзя не отметить одну особенность домов, выясненную раскопками: жилые помещения, по крайней мере в некоторых домах, были углублены по сравнению с окружающей поверхностью и являлись своего рода полуземлянками.

К дому примыкал дворовый участок, в котором ставили большие пифосы (зарывавшиеся на большую часть высоты в землю), составлявшие обязательную принадлежность домашнего хозяйства.

В таком виде жилой дом не характерен для Херсона (см. главу III); отличия состоят не только в планировке, но и в применении глинобитно-жердевой конструкции сельских домов, как и в архаической технике их каменной кладки, которая следовала очень старой традиции. Зато такой дом являлся, по-видимому, типичным для поселений восточного Крыма, о которых шла речь выше. Те же черты прослеживаются и далее на северо-восток — в Подонье.¹¹² Общность типа жилого дома еще больше сближает в культурном отношении юго-западный Крым и его восточные районы.

Эта близость, ясно проявляющаяся в различных сферах материальной культуры, и, наоборот, резкое отличие от всего того, что наблюдается в Херсоне, могут найти себе объяснение лишь в реальных связях носителей самой культуры. Ведь само расширение старых и возникновение новых поселений в юго-западном нагорье в VIII в., в чем получил выражение определенный подъем этого края, не могли иметь места без притока нового населения. Приток этот направился, как можно думать, именно из восточного Крыма или смежных районов Приазовья и Северного Кавказа, населенных преимущественно аланами (о которых свидетельствует еще раннесредневековая историческая традиция,¹¹³ как и археологический материал¹¹⁴) и болгарскими племенами, бывшими в интересующий нас период уже оседлыми,¹¹⁵ т. е. теми этническими элементами, для культуры которых особенно характерна так называемая салтовская керамика — горшки со сплошным рифлением и многорядной волной, серые сосуды с полосами лощения, причерноморские («салтовские») амфоры и специфической формы лепная посуда и пр. — вся та керамика, которая бытовала среди населения Байдарской и Бельбекской долин.¹¹⁶ К числу этих восточнокрымских признаков следует отнести и тип описанного жилого дома.

Зато в иной мир мы попадаем, как только обращаемся к памятникам феодального строительства юго-западной Таврики, тем из них, которые принадлежат рассматриваемому нами времени — VIII—IX вв. В них ясно ощущается византийская ориентация. Речь идет об архитектуре монастырей, возникших в Крыму, вероятно, именно в пору монашеской иммиграции «на северные склоны Евклинского Понта», т. е. в VIII в. Наиболее крупным и богатым среди них был, судя по его значению в церковной организации Таврики, упоминавшийся монастырь Апостолов в Партепатах у подножья Медведь-Горы, с восточной ее стороны.

Основным зданием монастыря являлся его храм, построенный в конце VIII в.; раскопан он был в 1907 г.¹¹⁷ Это небольшая трехнефная базилика с нартексом общей длиной 17,8 м (рис. 16); она в два раза меньше, чем на горе Тепсень. Как и в последней, нефы разделялись не колоннами, а столбами (по пяти в каждом ряду). С трех сторон (кроме восточной)

здание охватывает галерея. Пол базилики имел узорчатую вымостку из плиток в виде квадратов чередующейся расцветки (красные — из кирпича, желтые — из песчаника и полевого шпата), уложенных в косом шахматном порядке. Вымостка покрывала весь пол базилики, но в среднем нефе она не сохранилась.

Византийскому типу здания вполне соответствует и кладка его первоначальных частей из тесаных штучных инкерманских камней. Уже указывалось,¹¹⁸ что применение здесь инкерманского известняка является исключительным для южного берега и свидетельствует о связи строителей

монастыря Апостолов с районом Херсона, около которого (в Инкермане) еще в древности добывался камень.

Общий облик здания носит провинциально-византийский характер. Ощущению упрощенности его способствует и замена легких колонн массивными столбами, дробящими внутреннее пространство храма, рассчитанного не на массы прихожан, а главным образом на монастырскую братию. Резкое упрощение сказалось и на узорчатой вымостке, предельно простой и однообразной. Во всех этих чертах Партенитской базилики нельзя не видеть сознательного отхода от классической византийской архитектуры V—VI вв. и определенного стремления к своего рода архитектурному аскетизму — стремления, вполне понятного в монастырском строительстве иконопочитателей, приверженцев идей Феодора Студита.

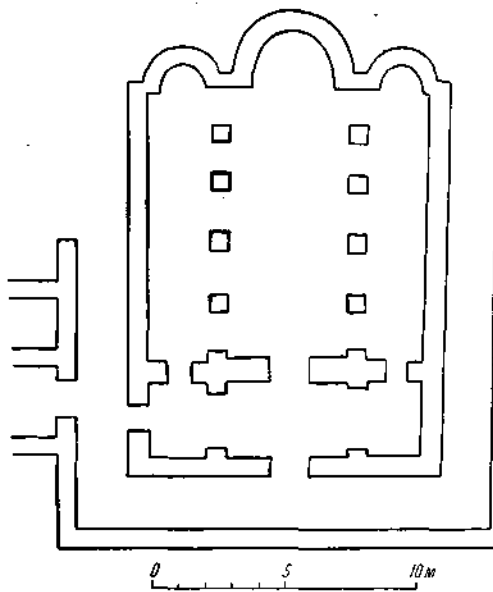

Рис. 16. Партениты. Храм монастыря Апостолов. Конец VIII в. План.

Аналогичная базилика, только еще меньших размеров и приблизительно того же времени, открыта в 1961 г. в маленькой крепости, еще раннесредневековой, на скале Пампук-Кая, высящейся над долиной р. Бельбек [около с. Куйбышево (бывш. Албат)]; благодаря открытой местности храм был виден издали. Храмик также трехнефный¹¹⁹ и трехапсидный, с нартексом и узорчатой вымосткой пола (здесь рисунок в виде зигзага или паркета). Строители его, очевидно, знали о знаменитом в то время монастыре в Партенитах и, вероятно, следовали его архитектуре.

Византийская ориентация очень ясно выражена и в архитектуре некоторых полупещерных монастырей в юго-западном нагорье Крыма, создававшихся, вероятно, в ту же пору монашеской эмиграции в Таврику. Для устройства «пещерных» монастырей в этом районе Крыма имелись хорошие природные условия — достаточно крепкая и вместе с тем легко поддающаяся вырубке скала. Монастыри состояли из наземных построек, являвшихся основными, и подземных (пещерных) сооружений, в том числе келий и церквей, как бы подчеркивавших отрешенность монахов от внешнего мира.

Наиболее крупным среди таких монастырей был, по-видимому, монастырь в Инкермане (древняя Каламита), расположенный в устье р. Черной, т. е. вблизи Херсона. Многочисленные пещерные сооружения Инкер-

мана — жилые, хозяйственные и культовые — расположены в нескольких ярусах, сообщающихся между собой внутренними лестницами, также высеченными в скале (табл. XII). Все эти сооружения представляли подземную часть монастыря в дополнение к надземной, разрушенной при строительстве более позднего времени.

Центральным и наиболее интересным сооружением пещерного монастыря является высеченный в скале храм Георгия в виде короткой трехнефной базилики с нартексом (общая длина 10.6 м). Нефы разделены тремя парами устоев-колонн, увенчанных капителями, которые украшены листьями лотоса. Базилика имеет одну широкую апсиду с синтроном. Большую часть конхи занимает четырехконечный процветший крест, к расширенным концам которого примыкают маленькие кресты в круге. Форма этого креста ясно указывает, что базилика сооружена не позднее VIII—IX вв. Нефы завершены потолками в форме полуциркульных сводов. Стены были покрыты штукатуркой с фресковой росписью.¹²⁰ В основе своей храм повторяет форму раннесредневековых наземных базилик, столь хорошо знакомых нам по Херсону, но в сильно уменьшенном и упрощенном виде.

К базилике примыкает простая (в виде прямоугольника) церковь Мартина с одним опорным крестчатым столбом. Имелись в Инкермане и другие пещерные храмы: крестообразный (с левой стороны Каменоломного оврага),¹²¹ повторяющий форму крестообразных храмов VI в. в Херсоне, и маленькая, вероятно мемориальная, триконхальная церковь,¹²² также очень близкая некоторым херсонским раннесредневековым постройкам.¹²³ Инкерманский пещерный храм, очень скромный по размеру, был предназначен для небольшого числа молящихся: старая вместительная базилика как форма общественного здания, доступная всем, уже отмирала, так как замкнутым монастырям и поместьям эпохи феодализма нужны были иные архитектурные формы — не обширные базилики, а ограниченные сравнительно небольшим пространством церкви, обслуживавшие немногочисленный и замкнутый приход.

Правда, в этих ранних пещерных монастырях эпохи иконоборчества еще удерживалась, как видим, старая форма базилики, хотя и в резко сокращенном размере, во-первых, потому, что ее еще не успели вытеснить новые архитектурные формы, к тому времени и не вполне выработанные, а во-вторых, потому, что большое значение в Таврике сохраняли старые традиции малоазийских пещерных монастырей, хорошо известных во внутренних областях Малой Азии — в Каппадокии, где имелись сходные естественные условия. Традиция эта, носителем которой явилось эмигрировавшее в Таврику монашество, нашла здесь благоприятную почву.¹²⁴ Некоторые пещерные церкви Каппадокии действительно близки к инкерманской базилике.¹²⁵ Среди них имеются и крестообразные, и триконхальные храмы.¹²⁶

Надо сказать, что пещерные монастыри того же времени известны и в Западном Причерноморье — во Фракии. Там мы также находим высеченную в скале базилику, очень схожую с базиликой в Каламите и тоже восходящую, вероятно, к восточновизантийским источникам.¹²⁷

В отношении архитектурной ориентации строителей западнокрымских монастырей очень показательна пещерная церковь Тепе-Кермена (в 6 км к юго-востоку от Бахчисарая), являвшегося, по всей вероятности, небольшим пещерным монастырем, а не крепостью.¹²⁸ Это сравнительно большая церковь (9.8—11.2×4.2—5.4 м), сильно вытянутая не по оси, направленной к алтарю, а в ширину, с тем чтобы молящиеся могли разместиться полукругом относительно сильно выступающего в церковь предалтарного помещения, ограниченного преградой с арками, где происходило богослужение — театрализованное культовое действо (рис. 17 и табл. XIII, 1).

Аналогичные черты имеет одна из пещерных церквей Инкермана.¹²⁹ Поперечная ориентация внутреннего пространства, являющаяся особенностью пещерной церкви Тепе-Кермена, как и церкви в Инкермане, очень характерна именно для архитектуры византийского Востока, в противоположность столично-византийской,¹³⁰ что явно говорит о господствовавшем в монастырском строительстве Таврики архитектурном направлении.

Однако несомненно, что непосредственным образцом архитектурных форм пещерных храмов юго-западной Таврики часто служили местные базилики и центрические храмы, т. е. восточновизантийские формы. столь хорошо представленные в Херсоне.

Таким образом, пещерная архитектура западной Таврики, следовавшая преимущественно местной архитектурной традиции, придавала много-

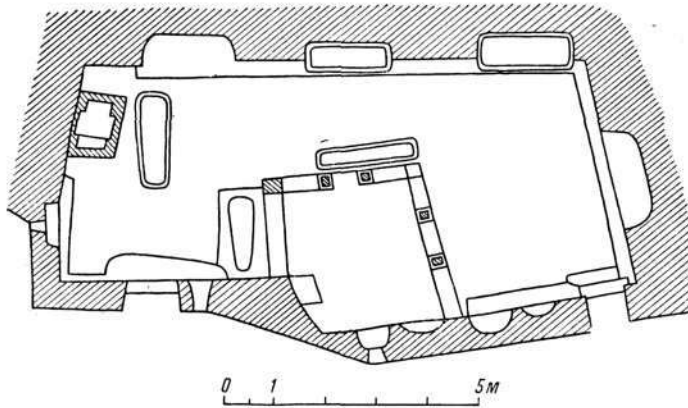

Рис. 17. Тепе-Кермен. Пещерная церковь. VIII—IX вв.
План.

численным монастырям этого края восточновизантийский облик. Такой была, в сущности, и вся культура тех социальных групп, которые завоевали себе здесь во времена иконоборчества господствующее положение.

Однако базилика уже отходила в область прошлого. В течение всего раннего средневековья постепенно вырабатывалась другая композиция, ставшая с IX в. основной в архитектуре как центрально-византийских областей, так и на византийском Востоке: базилику сменил небольшой четырехстолбный крестовокупольный храм с четырьмя устоями, поддерживавшими купол на световом барабане.

Эта принципиально новая архитектура представлена в Херсоне храмом, воздвигнутым на акрополе (ныне на площади нового собора) во второй половине IX в. Однако здание это, воспроизводящее композицию вписанного креста, теснее связано с архитектурой X в., поэтому уместнее сказать о нем в следующей главе.

Разоренный Херсон, по-видимому, только в конце IX в. начал восстанавливаться, поэтому других памятников предшествующего времени мы здесь назвать не можем. Но то немногое, что известно о культуре западной Таврики, включая Херсон, — культуре, правда не народной, а только господствующего класса, ясно указывает на его византийскую ориентацию.

В процессе дальнейшего развития крестовокупольной византийской архитектуры тип здания с вписанным крестом был изменен: стенки, отделяющие угловые помещения, отпали, опорные столбы стали свободно

стоящими, внутреннее пространство благодаря этому объединилось. Такова византийская культовая архитектура X в. и последующего времени.¹³¹

Промежуточное звено в развитии этой композиции дает памятник за почве Боспора, т. е. в самой Керчи, — упомянутый храм Иоанна Предтечи, единственная в полном смысле византийская постройка того времени в восточном Крыму. Если судить по композиции и технике кладки здания с чередованием рядов кирпича и камня и учитывать надпись на колонне храма, то он вероятнее всего построен в конце VIII в. (рис. 18 и табл. XIII, 2).¹³²

В этом выдающемся здании композиция вписанного креста с выделенными угловыми частями ясно выражена лишь в верхней его части, а в нижней части нарушена постановкой отдельно стоящих колонн; центральный крест снаружи выделен и доминирует в композиции всего здания. Несомненно, что источником такой композиции была малоазийская архитектура, хотя и своеобразно претворенная боспорским (или приглашенным в Боспор) зодчим.

Храм Иоанна — свидетель кратковременного оживления Боспора в VIII в., продолжавшегося и в следующем столетии. Сам город существовал, вероятно, и в X в. Но о всех остальных поселениях восточной Таврики в это время уже ничего не слышно. Их жизнь где-то за рубеже IX и X вв. резко оборвалась. Это с бесспорностью показывает археологический материал, который не выходит за пределы IX — начала X в. Население восточной Таврики испытало, по-видимому, новое потрясение и было вынуждено оставить насиженные места. От нового удара оно уже оправиться не смогло. С тех пор жизнь здесь замерла вплоть до XIV в.¹³³

Чем была вызвана эта катастрофа? При современных наших знаниях можно указать только на один фактор — новое нашествие кочевников, на этот раз печенегов.

Печенеги появились со стороны Волги в 70-х годах IX в. Их первое появление в 867 г. отмечает и русская летопись.¹³⁴ В 70—80-х годах IX в. они окончательно вытеснили из южнорусских степей мадьяр и стали фактическими хозяевами степных просторов между Доном и Днепром. Византийский писатель Константин Багрянородный указывал, что это произошло за 55 лет до написания его сочинения,¹³⁵ т. е. на рубеже IX и X вв., а в его время, в середине X в., печенеги являлись, по-видимому, наиболее грозной силой в Северном Причерноморье: «Этот печенежский народ живет в соседстве с областью Херсона, и если они не состоят с нами (т. е. с византийцами, — А. Я.) в дружбе, то могут выступать против Херсона, делать набеги и грабить самый Херсон и так называемые Клишты».¹³⁶ Печенеги, по словам того же автора, «очень близки к Херсону, а еще ближе к Боспору»,¹³⁷ где активность печенегов, вероятно, особенно сильно ощущалась.

Как происходило вторжение печенегов в Северное Причерноморье, мы не знаем, ибо у нас нет ни одного свидетельства современников об этом завоевании. Но мы вправе расценить в качестве такого свидетельства факты, выявленные археологически, — гибель большинства поселений как раз в той части Таврики, к которой немного позднее (в середине X в.) особенно близко подходили кочевья печенегов. Ту же судьбу и приблизи-

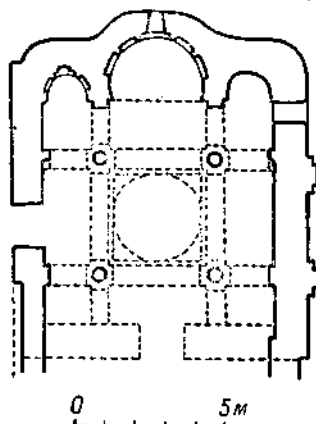

Рис. 18. Боспор (Керчь).
Храм Иоанна Предтечи.
VIII—IX вв. План.

тельно в то же время испытали, как мы знаем, и многочисленные поселения в бассейне Дона и Донца, так называемые салтово-маяцкие. Общая судьба их скрывает, может быть, и общую причину гибели. Прекратили печенеги и торговые связи Боспора с мадьярами, о торговле с которыми рассказывает ибн-Росте (начало X в.).¹³⁸

В этих событиях, катастрофически отразившихся на жизни восточной Таврики, устояли лишь два города — Боспор и Таматарха, в существовании которых, возможно, были заинтересованы и сами кочевники, хотя и эти города вряд ли избежали их грабительских набегов. А вскоре, во второй половине X столетия, оба центра вошли в состав формировавшегося тогда русского Тмутараканского княжества.

Но само существование Боспора и Таматархи в X и XI вв. было связано с новым процессом — процессом возрождения в конце IX в. западной Таврики, экономика которой вступила в полосу нового подъема.

К этому периоду мы и обратимся.

Глава III

ТАВРИКА В IX—X вв. ВОЗРОЖДЕНИЕ ХЕРСОНА. ГОРОД И ДЕРЕВНЯ

1

Во второй половине IX в. обозначился определенный перелом в истории Таврики — и в экономической, и в политической жизни края. Переломные моменты были вызваны многими факторами, находившимися в тесном взаимодействии.

Об одном из них уже говорилось: имеем в виду ослабление, а затем (приблизительно к середине IX в.) и падение господства хазар; их дружины оставались, вероятно, лишь в районе Боспора и Таманского полуострова. Новым и самым важным было усиление Руси, выдвинувшейся в IX в., и нашествие печенегов, наводнивших в 70-х годах IX в. Причерноморские степи; сыграло свою роль и вторжение в степные районы Причерноморья мадьяр. Хазарский каганат находился в то время на грани полного распада.

Особенное значение в Северном Причерноморье в IX в. приобрела Русь, заявившая себя могучей державой; смелые походы русских дружин в Малую Азию и в Пропонтиду (Мраморное море) угрожали самой Византии. В районе Приазовья и в восточной Таврике Русь в IX в. была весьма активной и к тому времени представляла собой большую силу. Именно тогда, вероятно, обосновались здесь поселения русской дружинной воли — работоторговцев и купцов¹ — зародыш будущей Тмутаракани. С течением времени «русская опасность» стала ощущаться все сильнее: патриарх Фотий в своем послании 865 г. предостерегающе указал, что Русь уже подчинила себе соседние народности, а в послании 860 г., потрясенный русским набегом на Царьград, говорил об «опасности и грозном нашествии народа» неизвестного, но ставшего знаменитым, «достигшего блистательной высоты и несметного богатства».²

Усилившаяся Русь грозила уничтожить господство хазар в междуречье Дона и Днепра, ослабить хазарскую державу и тем самым нарушить в ущерб Византии то соотношение сил в Северном Причерноморье, какое установилось здесь в VII—VIII вв. с приходом хазар, вошедших в союз с империей. Союзом с хазарами Византия и в IX в. очень дорожила ввиду продолжавшейся борьбы с арабами и напряженных войн с болгарами.

Эта новая ситуация заставила византийских правителей вновь обратиться к Таврике. Важным политическим шагом для противодействия русской активности было создание в 833—834 гг. Херсонской фемы — особого военно-административного округа,³ вошедшего в состав восточных фем Византийской империи. Центром фемы стал Херсон, вновь возвращенный, таким образом, на авансцену византийской политики. Создание

фемы преследовало прежде всего политические цели — цели установления господства в районе, откуда могла исходить военная угроза империи, но не экономические, так как сам Херсон как ремесленный и торговый центр тогда находился еще в состоянии глубокого упадка. Еще в 60-х годах IX в. Херсон казался запустевшим, его население немногочисленным.⁴

В связи с организацией в Херсоне фемы и усилением военной власти местное самоуправление там было постепенно уничтожено; последние остатки его были ликвидированы во всей империи в 80-х годах IX в.⁵ Хотя в Херсоне еще долгое время существовала должность протевона как представителя городской общины, но практически его значение сводилось к нулю.

Общие тенденции внутривизантийской жизни Византии во второй половине IX и в X в. — рост феодального землевладения (светского и церковного), сопутствуемый распадом крестьянской общины и закрепощением крестьян (об этом см. выше), усиление податного гнета и фактическое уничтожение городского самоуправления — не могли не вызывать социальные протесты, особенно на таких далеких окраинах, как Таврика. На обострение в Херсоне того времени классовой борьбы указывают такие факты, как убийство в 892 г. херсонского стратига Симеона,⁶ иначе говоря, городское восстание, и то беспокойство и настороженность, которую выразил в упомянутом трактате Константин Багрянородный, предупреждая сына о возможных городских волнениях в Херсоне;⁷ император исходил, очевидно, из реальной действительности, о которой ему доносили его агенты.

В X в. стратегическое и политическое значение Херсона и херсонских климатов для Византии еще больше возросло. Это было обусловлено всей внешнеполитической обстановкой, сложившейся в Северном Причерноморье: усилением Руси, что представлялось Византии очень опасным, и активизацией печенегов. Цель византийских правителей заключалась не только в борьбе с Русью и с печенегами, но и в том, чтобы наладить с ними связи и по возможности оказывать на них влияние. Относительно печенегов Константин Багрянородный писал в своем трактате: «Когда Ромейский император живет в мире с печенегами, то ни Русь, ни Турки не могут совершать враждебных нападений на Ромейскую державу... А печенеги, связанные дружбой с императором и побуждаемые им посредством посланий и даров, легко могут нападать на землю Русских и Турок, брать в рабство их женщин и детей и опустошать их земли».⁸ Такова была роль печенегов в жизни Византии. По словам одного исследователя. «Союз с печенегами являлся центром византийской системы поддержания политического равновесия в X в.»⁹

Временами дипломатические сношения с печенегами приобретали исключительное, можно сказать решающее, значение для империи; так было в начале X в., в период возобновившейся в 913 г. войны византийцев с болгарями, когда те и другие стремились привлечь печенегов на свою сторону.

Осуществлялась же эта политика преимущественно через Херсон.

За время с IX до середины X в. резко возросла роль в Таврике и Русского государства. Его стремлению получить доступ к Черному морю всячески препятствовала Византия, захватившая таврическое побережье. Ослабление Руси составляло важную задачу всей причерноморской политики империи, осуществлявшейся также через Херсон. Борьба Руси с Византией за причерноморские владения наполняет всю историю русско-византийских отношений в X в.

Русскому государству, по-видимому, все же удалось закрепить за собой в восточной части Таврии, на что указывает русско-византийский до-

говор 945 г., где сказано, что в «Корсунстей стране, елико же есть городов на той части, да не имать волости князь русский»; ¹⁰ в другой статье русский князь (Игорь) обязывался защищать Корсунскую землю от черных булгар, ¹¹ обитавших в Приазовье, что возможно было лишь при заделении определенной территории в восточной части Таврики или на Таманском полуострове, ¹² где, по-видимому, уже тогда — в начале или середине X в. — складывалось будущее Тмутараканское княжество.

Таково было политическое положение Таврики, вновь оказавшейся в IX и X вв. под пятой византийского владычества.

Большие изменения произошли и в экономической жизни края. Конец IX в. открывает, можно сказать, новую страницу истории Таврики — начало ее экономического возрождения, продолжавшегося весь X в. Собственно, речь идет только о западных районах Крыма, в первую очередь о Херсоне, в то время как восточные районы полуострова в X в. оставались в запустении.

Об экономическом подъеме Херсона свидетельствует факт возобновления выпуска собственной бронзовой монеты (выпуск ее, как говорилось, прекратился в начале VII в.). С 866—867 гг. выпуск херсонских местных монет шел непрерывно до конца X в. ¹³ Монеты встречаются в очень большом количестве (до 30 монет в отдельных помещениях). Возобновление выпуска собственной монеты, иными словами, резкое усиление денежного обращения, может быть объяснено только значительным расширением производства и торговли. О том же говорят и свинцовые печати херсонских коммерциантов, ведавших сбором торговых пошлин; часть этих печатей относится именно к X в. ¹⁴

О возрождении Херсона дает понятие усиленная застройка города в конце IX и в X в., что устанавливается раскопками. Археологический слой того времени, датируемый множеством монет, наиболее мощный среди других средневековых слоев городища и содержит обильный бытовой материал, указывающий на развитие городского ремесла и торговли, благодаря которой в Херсон попадали изделия византийского ремесла, в частности художественного (поливная посуда, резная кость и пр.), предметы культа и т. д.

Чтобы понять причины экономического подъема юго-западной Таврики и самого Херсона, следует прежде всего иметь в виду, что это не было изолированным явлением, наоборот, было отражением широкого процесса, шедшего в Византийской империи с конца IX в. повсеместно: большинство городов причерноморских стран после глубокого упадка VIII—IX вв. вновь начало расти, ремесло вновь развивалось, росло денежное обращение, натуральные формы повинности начали вытесняться денежной рентой. ¹⁵

Византийская экономика, как известно, достигла в IX—X вв. высокого развития. Этому в сильной степени способствовала и благоприятная для Византии внешнеполитическая обстановка того времени. Победы над арабами на Востоке, над лангобардами — на Западе, раздвинувшие границы империи от Армении до Италии, а затем победа в Болгарии упрочили международное положение Византии. Вновь наладилась обширная морская торговля, в которой огромное значение имели малоазийские центры Черного моря, такие, как Трапезунт, Синоп, через которые совершался повседневный торговый обмен Византии с Востоком. Развитие мировой торговли, сопутствуемое быстрым ростом городского ремесла, привело к новому экономическому подъему Византийской империи.

В этой общей благоприятной обстановке в Византии быстрее проявляли себя и местные факторы, роль которых очень сильно сказывалась в экономической жизни Таврики той поры. В торговые связи с ее городами неизбежно вступали все те кочевники, орды которых одна за другой за-

нимали припонтийские степи. Известно, что в конце IX—начале X в. торговлю с восточнокрымскими городами вели мадьяры; по словам арабского географа ибн Росте, они «воюя славян и добывши у них пленников, проводят они этих пленников берегом моря к одной из пристаней Румской (т. е. византийской, — А. Я.) земли, который зовется Карх» (вероятно, Керчь).¹⁶ В обмен на пленных мадьяры получали греческую парчу, ковры и другие изделия местного и заморского ремесла.

Несравненно большее значение с течением времени — в конце IX и в X в. — приобрели печенеги, долгое время кочевавшие на огромных степных пространствах нашего Юга. О важности для Византии мирных взаимоотношений с печенегами говорилось ранее. Но для городов Таврики это имело и экономическое значение: уже в конце IX столетия печенеги оказались вблизи Херсона и вскоре завязали с ним торговлю, в которой обе стороны, очевидно, были весьма заинтересованы. Херсон, наиболее крупный тогда торговый центр Таврики, стал для печенегов рынком, где они сбывали продукты своего скотоводческого хозяйства и то сырье, которое захватывали во время набегов на Русь или выменивали там меха, воск, различное продовольствие. В обмен печенеги получали в Херсоне изделия местного и заморского ремесла — металлические предметы, ткани и пр. Суть этих связей ясно выражена в трактате Константина Багрянородного: «Если херсониты не будут ездить в Романию и продавать шкуры и воск, которые скупают у печенегов, то не могут существовать»;¹⁷ в другом месте того же трактата перечислены и те товары, которые особенно интересовали печенегов (вернее, печенежскую знать): шелковые ткани, перевязи, муслины, бархат, перец, красные парфянские кожи и пр.¹⁸ Судя по словам Константина Багрянородного, торговые связи с печенегами в середине X в. прочно вошли в экономический быт Херсона и имели для него огромное значение.

Менее определенны сведения о торговых связях городов Таврики с Русью. Несомненно, что сношения эти направлялись преимущественно в восточные районы края — в Боспор и Таматарху, где в X в. скапливались русские дружины,¹⁹ хотя и об этих связях в источниках содержится мало сведений. В том же трактате Константина Багрянородного (в главе 9) подробно описывается днепровский путь русских торговых караванов, но по этому пути русские купцы направлялись, конечно, в Царьград, где они, судя по русско-греческим договорам X в., были довольно частыми гостями.²⁰ Зато в том же трактате (глава 9) упоминаются херсониты, которые у Крайрйской переправы на Днепре (ныне Кичкас) «переправляются на пути из Руси». Следом этих торговых связей Херсона с Русью является, вероятно, клад херсоно-византийских монет X в., найденный на горе Киселевке в Киеве.²¹ Но непосредственные торговые связи русских купцов с Херсоном не были, как видно, развиты.²² Русская торговля с ним шла, по-видимому, через посредство печенегов, которые, как сказано, добывали и выменивали на Руси различное сырье и везли его в Херсон.

Свозившиеся в Херсон продукты печенежских степей и русское сырье отправлялись дальше — в Малую Азию, торговля с которой имела для Херсона жизненное значение, так как именно оттуда ввозились в Херсон хлеб и другие основные продукты питания. По словам Константина Багрянородного, «если не будут привозиться продукты из Амиса, Пафлагонии, Вукеллариев и с окраин Армениаков, то херсонцы не могут существовать».²³ В обмен вывозилось то, что доставлялось сюда из причерноморских степей.²⁴ В случае городских восстаний в Херсоне «царские чиновники должны воспретить кораблям пафлагонским, вукелларийским и побережным понтийским отправляться в Херсон с хлебом, вином и какими-то ни было другими нужными им предметами».²⁵

Названные фемы (Вукеллариев, Пафлагония и Армениак), расположенные в северной части Малой Азии, ясно определяют район экономических связей Херсона с Заморьем в X в. Этот исконный район связей Херсона не только торговых, но и культурных установился еще в античную эпоху и определялся самим географическим положением Херсона, откуда обычный морской путь даже в Царьград всегда пересекал Черное море, а уже затем поворачивал вдоль малоазийского берега.

Следует иметь в виду, что малоазийским провинциям Византии в общем экономическом развитии империи принадлежало тогда одно из первых мест: эти области, особенно Пафлагония, выдвинулись как экономически передовые. Находясь с ними в постоянных торговых связях, Херсон шло таким путем в круг всей византийской экономики IX—X вв.

Интенсивный торговый обмен, происходивший в городах Таврики в X в., особенно в Херсоне, в значительной мере способствовал быстрому росту городского ремесла и тем самым общему подъему городов.

Дальнейшая история Таврики — второй половины X в. — была тесно связана с Киевской Русью, выступившей при князе Святославе (умер в 972 г.) как могущественное государство с обширной политической программой. Русь стала наиболее активной силой в Северном Причерноморье.

Походы Святослава в Поволжье и на Северный Кавказ в 965 г. окончательно сокрушили ослабевший Хазарский каганат. Победа Святослава над хазарами и усилившаяся затем славянская колонизация Подонья означали еще большее укрепление Руси в Приазовье и тем самым ослабление влияния Византии в этом крае.

Еще большую тревогу византийских правителей вызвали победоносные походы Святослава в Болгарию, начатые в 968 г. Привлеченный Византией для борьбы с болгарами, Святослав преследовал, однако, свои задачи — задачи создания обширной славянской державы, включавшей Балканы. Но русско-болгарская война перешла в русско-византийскую. При втором походе Святослав в 970 г. захватил Фракию и угрожал византийской столице. Не сразу византийский император Цимисхий смог выступить против Святослава, так как вынужден был направить свое войско на борьбу с восставшим в Малой Азии Вардой Фокой. Только в 972 г. совместными усилиями византийцев и болгар Святослав был побежден. Руси был навязан мир на крайне тяжелых условиях.²⁶ Он содержал не только обязательство Руси не нападать на Корсунскую страну «и елико есть городов их», как и на Болгарию, но и обязательство — быть ли не в качестве вассала — помогать Византии в ее войнах. В этом договоре не было даже упоминания о черных болгарях, которых Русь раньше обязывалась не допускать на полуостров. Теперь Русь, очевидно, была лишена возможности вступать в соприкосновение с ними; иначе говоря, была лишена плацдарма в восточной Таврике. Таким образом влияние Русского государства здесь было фактически устранено.

Все это привело к крайнему напряжению русско-византийских отношений. Столкновение назревало десятилетиями и было неминуемо. Оно произошло в конце X в. при сыне Святослава Владимире: русский поход на Херсон (Корсунь — как на Руси называли этот город) в 989 г. был началом войны с Византией за возвращение Руси доступа к Черному морю.²⁷ Победа сулила Руси возвращение ее прежнего положения в Северном Причерноморье, что приобрело жизненное значение для Русского государства.

Длительная осада Корсуни кончилась победой Русского государства. Город был взят.²⁸ Византия была вынуждена заключить с Владимиром равноправный союз, признать политические права Руси в Таврике и в Северном Причерноморье вообще и даже заключить с Владимиром политический союз (в форме его брака с царевной Анной). Тем самым по-

зициям Византии в Таврике был нанесен тяжелый удар. Не удивительно после этого, что влияние империи в последующее время ощущается здесь все слабее и слабее, а в XII в. сходит на нет.

Киевское государство в результате победы восстановило свое положение в Таврике и Приазовье, создав Тмутараканское княжество на Таманском полуострове, к которому, может быть тогда же (в конце X в.), был присоединен и Боспор, получивший русское название Корчев (от слова «корча» — кузница). Русское государство закрепились и в Днепровском лимане — у выхода Днепра в море, снова заняв эту важную стратегическую позицию в Северном Причерноморье.

Таковы итоги вековой борьбы Руси с Византией, ареной которой нередко и подолгу была Таврика. Русская победа и основание Тмутараканского княжества явились по существу завершением большого периода истории этого края и открыли новую ее страницу.

2

Если мы можем достаточно четко обозначить основные линии исторического процесса в средневековой Таврике, то значительно труднее проследить развитие ее материальной культуры. Имеющийся материал очень ограничен, так как систематических раскопок средневековых поселений в Крыму производилось слишком мало, притом главным образом в Херсоне. Все же можно сказать, что и в рассматриваемый период культура Таврики была далеко не однородной.

На юго-западной оконечности страны находился Херсон, ремесленный и торговый центр, византийизированный по своей культуре, чего, по-видимому, нельзя сказать про сельскую округу Херсона, в культурном отношении сильно отсталую. На южном берегу продолжали существовать немногочисленные поселения, унаследовавшие своеобразную «варваризованную» культуру раннего средневековья. На восточном краю Таврики среди запустевших земель доживал свой век старый полузабытый Боспор, присоединенный, наконец, к русскому Тмутараканскому княжеству.

Столицей края был Херсон, наиболее крупный город тогдашней Таврики, да и всей восточной Европы (пока не поднялись древнерусские города); в период своего экономического подъема он значительно вырос и стал большим городом с густо застроенными кварталами и относительно развитым ремеслом.

Характерной чертой исторической топографии средневекового Херсона является устойчивость городской планировки в виде прямоугольных кварталов, разделенных узкими улицами, — планировки, установившейся еще в античную эпоху и удержавшейся в Херсоне на протяжении всего средневековья (рис. 2). Это античное наследие придавало совершенно своеобразный облик средневековому городу.

Правда, сами кварталы не оставались неизменными. С течением времени они расширялись путем объединения нескольких смежных кварталов, хотя входившие в них жилые усадьбы имели, наоборот, явную тенденцию к мельчанию. Слияние кварталов происходило и в первые века нашей эры (в римский период), но в средние века существенно изменился самый характер внутренней планировки кварталов. Вместо одного-двух зданий квартал теперь занимали несколько усадеб, число которых все увеличивалось, хотя сами по себе они уменьшились. Примером могут служить усадьбы в квартале XV—XVI в северной прибрежной части города, раскопанном в 1937 г., где сохранились остатки помещений нескольких домов IX—X вв. (в эллинистическое время в этом квартале находилось всего три дома). В XII—XIII вв. внутри квартала образовалась небольшая площадь с приходской церковью. Появление

такой внутриквартальной площади, вокруг которой и размещались жилые дома, означало сокращение территории жилой застройки, которая со временем стала более тесной и скученной.²⁹ Другой наглядный пример аналогичного явления дают две усадьбы в кварталах XVII и XVIII (рис. 19).³⁰ Очень вероятно, что само расширение кварталов (соединение их) и стояло в связи с увеличением плотности застройки, иначе говоря, объяснялось увеличением заселенности кварталов города.

Особенно интенсивно это происходило именно в X в. — в период экономического подъема города. Однако росту населения Херсона пре-

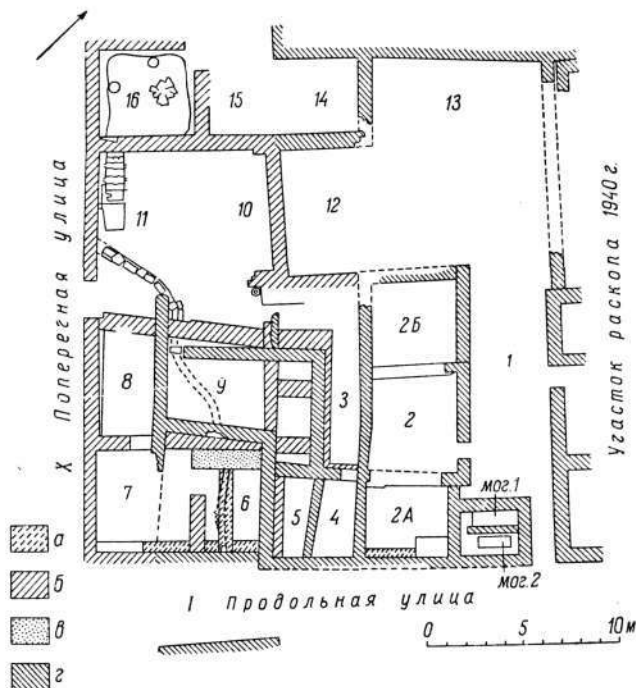

Рис. 19. Херсон. Жилой квартал XVIII в северной прибрежной части города. План.

а — стены V—VI вв.; б — стены IX—X вв., в — стены XI—XII вв.; г — стены XIII в.; 1—16 — номера помещений.

пятствовала ограниченность территории города, находившейся под защитой его оборонительных стен. Как уже говорилось в главе I, античные стены в V—VI вв. были полностью восстановлены и усилены, но после этого оставались без существенных изменений: за пределы этих стен средневековый Херсон так и не вышел. В таких условиях рост Херсона мог происходить только за счет уплотнения жилых кварталов, за счет увеличения их скученности.

С другой стороны, недостаток места внутри кварталов вел к дороговизне участков застройки; дороговизна эта росла в условиях налогового гнета, который в пору возобновления зависимости Херсона от Византии стал, надо полагать, особенно сильным; это также способствовало сокращению площади городских усадеб, которые поэтому стремились строить компактнее.

Преемственность проявлялась не только в планировке кварталов, но и в планировке самих жилых усадеб. Такая преемственность обычна в постройках вдоль улиц, ограничивавших объединенные кварталы, что объясняется устойчивостью их границ. Такая же связь (преемственность)

вышележащих построек X в. с нижележащими раннесредневековыми наблюдается (хотя и в меньшей степени) и внутри кварталов. Выразительный пример дает дом в квартале XVIII (в северной прибрежной части города) с двором (помещения 10 и 11) и кладовой (помещение 16). Стены этих помещений, построенных в конце IX или в X в., целиком основаны либо на раннесредневековых стенах, либо на римских (первых веков нашей эры).³¹ Явление это было характерно и для жилых кварталов северо-восточной части города.

Как и в античных усадьбах, обязательными элементами средневекового дома X в. являлся двор и хозяйственное помещение (кладовая), под которое нередко использовали цистерны первых веков нашей эры.³² Двор большей частью граничил с улицей, и через него шел проход в дом (рис. 19); лишь в отдельных усадьбах дворы располагались позади усадьбы.

Забегая вперед, отметим, что позднее (в XII—XIII вв.), когда кварталы стали еще более плотно населенными, когда застройка стала скученнее, а место в квартале приходилось еще более экономить, усадьбы как бы сжались, их стали ориентировать не вдоль улицы, а большей частью в глубь квартала. Дворы поэтому стали чаще размещать позади домов. а входы в усадьбы устраивать не с улицы, а с внутриквартальной площади, куда с улицы вели проулки.³³

Жилые помещения группировались около двора и часто были двухэтажными. Верхний жилой этаж, вероятно, возвышался над кладовыми. часто углубленными по сравнению с другими помещениями и потому не имевшими проходов в своих стенах. В такие кладовые попадали, очевидно. сверху, из верхних жилых помещений.

Прогрессировавшая густота застройки была результатом быстрого роста города. Этот процесс не мог не ускорить развития местного производства, которое вместе с тем и само способствовало росту Херсона. Город в X в. стал несомненно ремесленным центром, наиболее крупным во всей Таврике и Северном Причерноморье.

Правда, не о всех отраслях херсонского ремесла того времени мы можем получить представление, но о некоторых из них благодаря раскопкам мы имеем немало сведений. Больше всего мы знаем о гончарном ремесле, продукция которого находила особенно широкий сбыт как в самом городе, так и в прилегающих районах. Об этом свидетельствует массовая керамика из раскопок городища, почти исключительно гончарная, т. е. ремесленная.

Материал этот показывает, что наиболее распространенные виды гончарных изделий IX и особенно X в., например амфоры (рис. 20, а—в) или горшки, непосредственно исходят из форм предшествующего времени. Известных нам по поселениям восточной Таврики. Что близкие к восточно-крымским амфоры изготавливались в Херсоне, показывает гончарная печь с завалами кусков таких амфор (керамического брака), открытая недавно на восточном берегу Карантинной бухты, т. е. вне стен города, и относящаяся, вероятно, ко второй половине IX в. Можно поэтому говорить об определенной преемственности ремесла, которое из опустевших поселений восточной Таврики словно перебралось в возрожденный Херсон, где и продолжало развиваться.

Другая гончарная печь в Херсоне, открытая в 1957 г., того же приблизительно времени или немного более поздняя, расположена на западном конце города, но также вне стен его — близ башни I, и примыкает к скалистому обрыву берега.³⁴ Печь была сооружена из песчаника и сырцового кирпича и состояла из одного широкого продольного канала и трех пар узких поперечных, поднимающихся концами к поду (рис. 21), напоминающая по планировке большие гончарные печи близ Чобан-Куле (см. главу II). Но амфоры, обжигавшиеся в печи, уже ближе к типу X в.

Херсонские амфоры IX в. дают промежуточное звено в сложении той формы амфоры, которая стала обычной и устойчивой в X в. Они небольшие (высотой 35—40 см, диаметром 22—25 см), черепок их темно-красный;

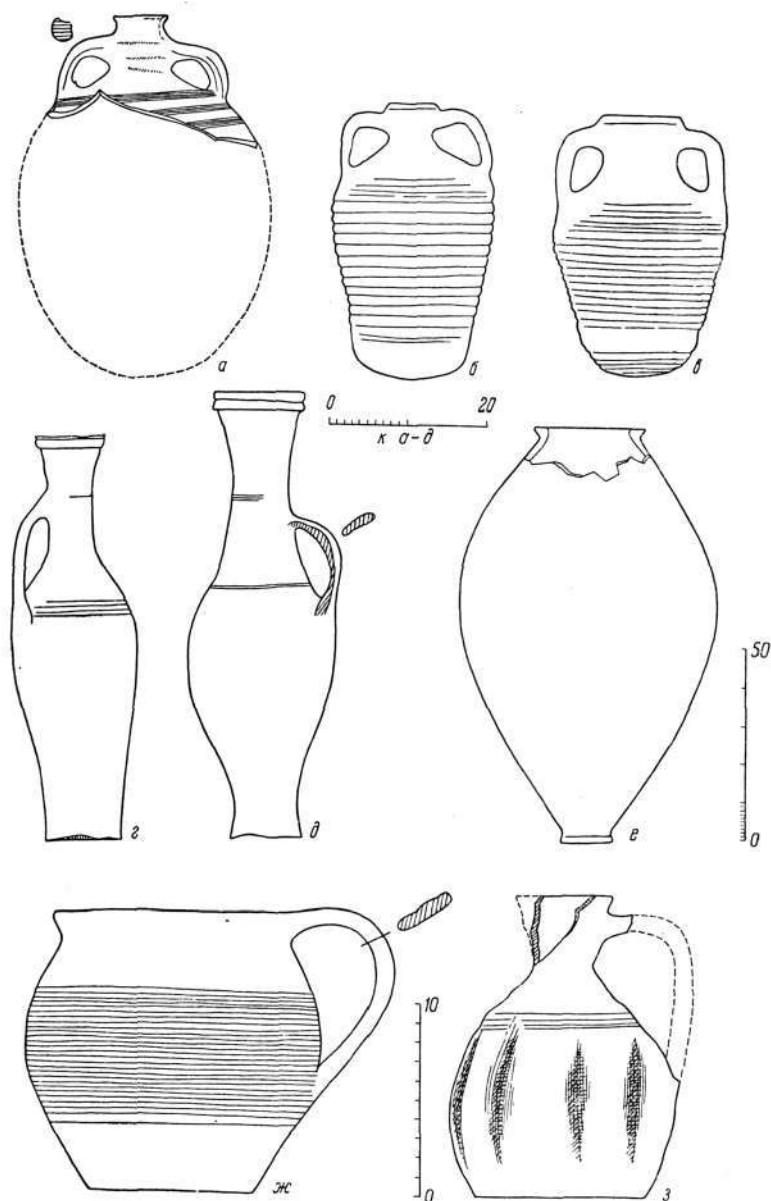

Рис. 20. Бытовая керамика IX—X вв.

а — амфора причерноморского типа (из гончарной печи на восточном берегу Карантинной бухты); б, в — амфоры X в. из Херсона; г — кувшин с плоской ручкой из Тиритаки; д — кувшин с плоской ручкой из Саркела; е — пифос из Херсона (помещение 16 в квартале XVIII); ж — горшок со сплошным рифлением и плоской ручкой из Херсона; з — кувшин с вдавлениями из Херсона.

тулово их имеет укороченные пропорции, форма их слегка грушевидная, днище округлое, горло короткое, поверхность бороздчатая (рис. 20, б).

Тожественные амфоры были распространены по всему Северному и Западному Причерноморью — в Болгарии, Румынии и на Дону; только

ими пользовались в Саркеле, куда они несомненно привозились из Херсона ибо производство их в других местах Таврики пока неизвестно, как и в самом Саркеле. Вывоз из Херсона таких амфор в качестве продукции гончарного ремесла уже сам по себе указывает на интенсивное производство их в городе.

Надо сказать, что такие же амфоры в X в. изготавливали и в Константинополе или поблизости от него, как это показали раскопки дворца в квартале Манганы.³⁵ Несомненно, что оттуда подобные амфоры, возможно наполненные маслом или вином, привозили и в Херсон. Это доказывают

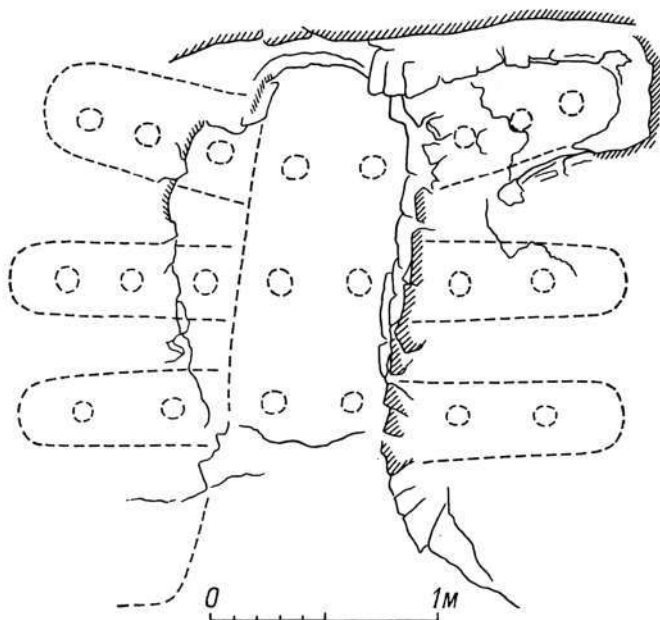

Рис. 21. Херсон. Гончарная печь, расположенная к западу от города, вне крепостных стен.

клейма на некоторых из найденных в Херсоне таких амфор, совершенно аналогичные (иногда в точности совпадающие) клеймам на амфорах из раскопок в Константинополе.³⁶ Клейма содержат большей частью монограммы или сокращенное написание имени и являются знаками ремесленников.³⁷

Обращает внимание определенное ограничение ассортимента керамической тары в X в.: прежнее разнообразие форм свелось к одному-двум типам, что стояло скорее всего в связи с расширением их производства, рассчитанным не только на местный спрос, но и на вывоз. А это и могло привести к определенной стандартизации продукции.

Другим массовым и еще более употребительным в IX—X вв. видом домашних сосудов как в Херсоне, так и в других поселениях Таврики являлись высокогорлые кувшины с вытянутым, стройным туловом (высотой 50—60 см) и плоской ручкой, также с темно-красным черепком (рис. 20, з).

Помимо Херсона, где такие кувшины, по-видимому, преобладали, они встречаются на Боспоре, Саркеле (где продолжали бытовать и в XI в.) и на Тамани (Таматархе—Тмутаракани), где в слоях IX—XI вв. они тоже доминировали.

Вне городов Таврики и связанных с ней Подонья и Тамани высокогорные кувшины не встречаются. Можно поэтому не сомневаться в их местном производстве,³⁸ хотя сами гончарные печи до сих пор не открыты.³⁹

Производилась в Херсоне и крупная керамическая тара — пифосы (рис. 20, е), имеющие яйцевидный корпус, гладкий или реже с горизонтальными желобами,⁴⁰ узкое днище (пифосы вкапывались в землю или крепились на каменной подставке); черепок их темно-красный. Высота пифосов 1.10—1.30 м, диаметр 70—80 см. Судя по множеству таких пифосов, найденных в Херсоне в слое IX—X вв., они там и производились; вывозились они в смежные районы, как это показали раскопки поселения того времени в долинах юго-западного нагорья.

Домашняя посуда херсонцев состояла по преимуществу из горшков и кувшинов. Горшки также являлись ремесленной продукцией. Они имеют шаровидное тулово с широким днищем и слабо отогнутый венчик, нередко плоские ручки (рис. 20, ж); черепок темновато-красный. Поверхность таких горшков иногда украшена сплошным рифлением, что сближает их с восточнокрымскими горшками VIII—IX вв., о которых говорилось выше (глава II); в этом тоже проявилась культурная преемственность.

Кувшины отличаются от горшков лишь немного более вытянутым туловом и более узким горлом (часто с выступом-сливом). Кувшины иногда украшались вертикальными вдавлениями, придающими поверхности гофрированный вид (рис. 20, з); у некоторых сосудов вмятины округлые. Прием такой декоративной обработки генетически связан с украшением металлической посуды, которой гончары стремились подражать.⁴¹ Особенно широкое распространение такой прием украшения керамики получил в странах Закавказья — в Армении (в Ани), Азербайджане (Байлакане, ныне городище Орен-Кала)⁴² и Грузии (Дманиси).⁴³ Таким образом, херсонские кувшины с вмятинами несут на себе черты определенного влияния культуры Закавказья, связи с которым осуществлялись скорее всего через район Трапезунта в Малой Азии.

Высокого развития в X в. достигло в Херсоне производство строительной керамики — кровельных черепиц, что связано было, очевидно, с широко развернувшимся жилым строительством в городе. Производство черепиц было, по-видимому, в полном смысле массовым. О степени развитости его можно судить по количеству встреченных на черепицах различных ремесленных знаков. Знаки вырезались на деревянных матрицах, в которых формовались черепицы (керамиды), и путем оттиска переходили на готовое изделие.

Херсонские черепицы несомненно местного производства, потому что, во-первых, такие черепицы со знаками встречаются только в Крыму и преимущественно в Херсоне и совсем неизвестны в центрально-византийских городах; во-вторых, в Херсоне открыты черепицеобжигательные печи;⁴⁴ в-третьих, одни и те же знаки часто повторяются.

Черепицы IX—X вв. ясно выделяются среди черепиц предшествующего и последующего времени темно-красным цветом очень крепкого и прочного черепка, специфической формой невысокого бортика, наличием продольных валиков и ремесленного знака, большей частью высоко-рельефного. К этому времени можно отнести 59 различных знаков (из числа более трех сотен; рис. 22). Большинство их в виде отдельных букв, иногда монограмм,⁴⁵ в одном случае — полного написания имени.⁴⁶ Интересны сложные знаки, состоящие из нескольких знаков, например **ΘΟ** и **Γ**, что может указывать на кооперацию двух мастеров, совместно работавших и эксплуатировавших большую черепицеобжигательную печь.

Одну из групп составляют знаки в виде креста под арочкой; черепицы с таким знаком вырабатывались, вероятно, в одной мастерской; рисунок

знака (крест) склоняет к предположению, что мастерская была монастырской. На существование в монастырях центральных византийских областей и византийского Востока ремесленного производства, иногда очень развитого, указывают источники.⁴⁷ Монастырское ремесленное производство было феодальным по своей социальной природе, так как его про-

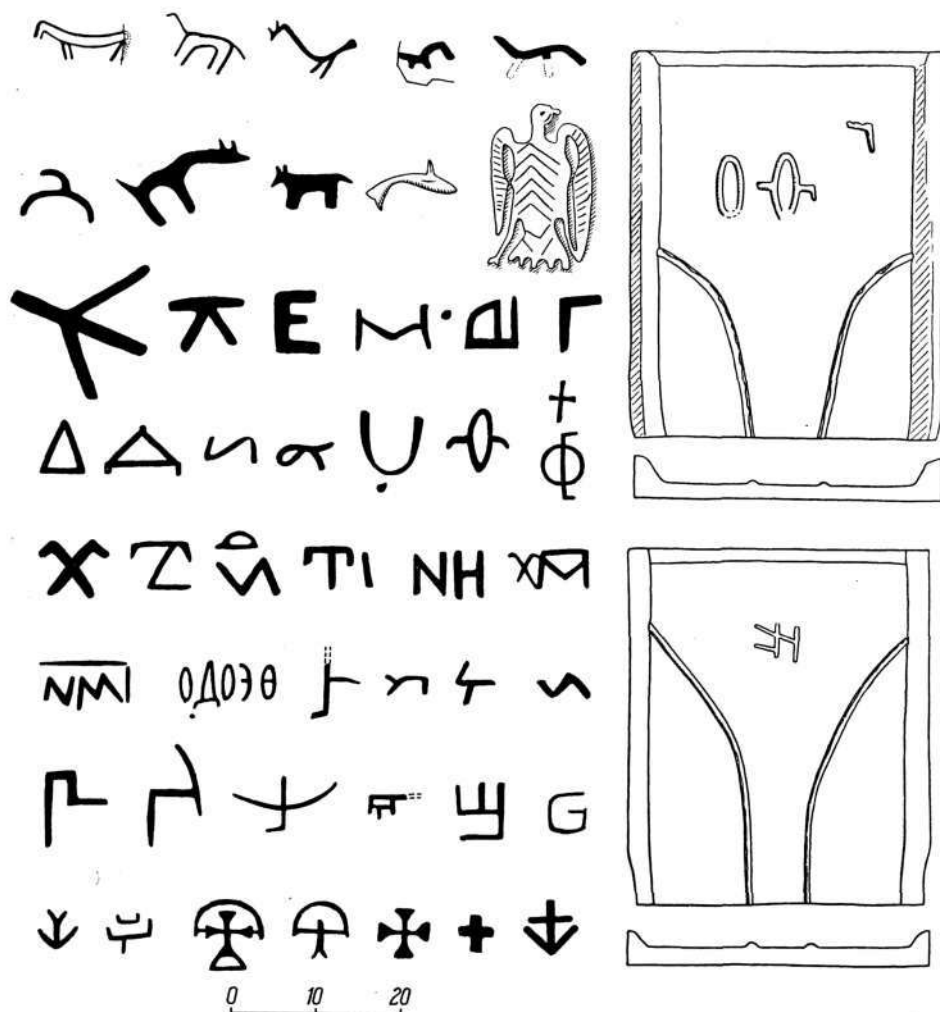

Рис. 22. Ремесленные знаки на черепицах IX—X вв. из Херсона.

дукция шла преимущественно на удовлетворение внутренних потребностей, но часть шла, конечно, и на продажу.

Из остальных знаков отметим знак с изображением орла, явно заимствованный из керамики: совершенно такие же орлы часто помещены на византийских привозных блюдах с рельефными украшениями (о них см. далее).

Большинство представленных в таблице черепичных знаков легко делится на группы сходных по рисунку знаков (изображение креста, животного, буквы Δ, Ε, Γ и т. д.). Возможно, что эти группы знаков соответствуют различным мастерским по производству черепиц, существовавшим в Херсоне на протяжении второй половины IX и в X в.

Ремесленные знаки на черепицах служат хорошим показателем высокой организации средневекового производства, которая могла появиться только в условиях быстро развивавшегося города, каким был Херсон в X в.

Кровельные черепицы из Херсона несомненно вывозились в другие поселения тогдашнего Крыма, главным образом в ближайшие районы юго-западного нагорья и южного берега. Черепицы с близкими к херсонским знаками встречены при раскопках Эски-Кермена, Мангупа,⁴⁸ реже в пос. Поликлиси близ Ялты, в Артеке (близ Гурзуфа), Партените, Алусте.⁴⁹ В поселениях восточного Крыма и на Тамани херсонские знаки почти не встречаются.

Следует подчеркнуть, что в Константинополе и других городах Византии, где ремесленное производство в X в. было очень развито, знаки на кровельных черепицах вообще неизвестны, клеймили лишь кирпичи. Различием ремесленных традиций вполне объясняется и полное отсутствие в Константинополе аналогичных херсонским знакам. Такие аналогии мы находим лишь в северо-западном Причерноморье (в Болгарии) на памятниках IX—X вв. в Плиске (на кирпичачах) и в Преславе (на кирпичачах и черепицах).⁵⁰ Но на болгарских кирпичачах и черепицах эти знаки не являются собственно клеймами, так как они нанесены по сырой глине пальцем, как в Саркеле.

Аналогичность многих херсонских и болгарских знаков еще раз указывает на связь культуры Таврики и Болгарии, с которой Херсон в IX—X вв. находился в тесном общении. С другой стороны, аналогичное клеймение черепиц (путем вырезания ремесленного знака на матрицах) известно в VI—VIII вв. в Грузии (см. главу II). Однако сами знаки совершенно не совпадают с херсонскими. Кроме того, в Херсоне этот обычай ставить свои знаки на изделиях продолжался и в IX—X вв., и в последующее время, когда в других районах Причерноморья он уже исчез. Это придает херсонским ремесленным знакам самостоятельный и специфический интерес.

Значительно меньше данных о металлообрабатывающем ремесле; до сих пор не открыто ни одной средневековой мастерской металлста, мало известно орудий производства. При раскопках жилых усадеб большей частью находили лишь матрицы для отливки различных металлических предметов, чаще всего свинцовых колец, обычно употреблявшихся херсонскими рыбаками в качестве грузил для рыболовных сетей (табл. XIV, 1). Однако матрицы эти встречались в обычных жилых домах, а не в мастерских и, по-видимому, входили в промысловый инвентарь рыбаков. Например, в квартале XVIII, в усадьбе с кладовой (помещение 16), были найдены якорь, рыболовные крючки, игла для вязания сетей, а в соседнем помещении той же усадьбы — матрица для колец.⁵¹ Дом, очевидно, принадлежал рыбаку. Среди остальных находок в кладовой оказался массивный, треугольный в сечении свинцовый стержень длиной 23 см, служивший, вероятно, заготовкой для отливки колец. По-видимому, хозяин-рыбак и занимался их выделкой.

Такие заготовки свинца в виде цилиндра, стержня, усеченных пирамидок (весом в 600—700 г) или дисков встречены и в других местах городища в слое IX—X вв.⁵² и скорее всего связаны с домашним изготовлением простейшего металлического инвентаря для рыболовства, хотя Херсон являлся в то время ремесленным городом.

В Херсоне в слое IX—X вв. найдены матрицы (каменные) и для отливки других металлических предметов, преимущественно украшений (кольца, простые пряжки) и крестиков с изображением распятия (табл. XIV, 3, а), одна матрица предназначена для отливки круглого амулета с надписью (табл. XIV, 3, б); некоторые матрицы служили для от-

ливки нескольких мелких предметов (крестиков, лунницы, серег с каплевидной подвеской, аналогичной серьгам из верхнего слоя упоминавшегося могильника в Суук-Су).

Неоднократно встречались на городище тигельки и льячки для разливки металла в матрицы (табл. XIV, 2). Они имеют форму суживающихся книзу чашечек высотой 6—8 см, диаметром 4—4½ см с относительно толстыми стенками; некоторые тигельки находили вблизи от матриц для свинцовых рыболовных колец. Аналогичные тигельки встречались в нижнем слое Саркела на Дону, т. е. в слое X в., куда они, возможно, привозились из Херсона.

К продукции металлообрабатывающего ремесла Херсона нужно отнести многочисленные кованые гвозди, квадратные в сечении, с широкой шляпкой, находимые целыми грудками (ими скрепляли балки и стропила дома), железные скобы, болты и другие железные изделия.

Обычны находки железных предметов домашнего обихода — топоров, топора-цапки,⁵³ крюков и медных — кастрюль, сит, чашечек. Важны находки сельскохозяйственных орудий — сошников,⁵⁴ мотыг⁵⁵ и серпов,⁵⁶ свидетельствующих о том, что херсонцы-горожане занимались и земледелием, вероятно на пригородных участках, как то было обычно в средневековых, в частности византийских, городах. Очень часто встречаются предметы рыболовного промысла — тонкие медные крючки, находимые почти в каждом доме,⁵⁷ медные иглы для вязания сетей;⁵⁸ найдены железные гарпуны, части больших якорей⁵⁹ и другие предметы рыболовства: почти каждый херсонец был рыбаком.

Все это — несомненно изделия ремесленников-металлистов. Одного из них мы знаем и по имени: это был медник Анастасий, которого упоминает житие Психайта (IX в.).⁶⁰

Весь этот вещественный материал, содержащий данные о ремесле, несмотря на неполноту и разрозненность, существенно дополняет наше представление о Херсоне как городе.

Геометрическая планировка херсонских кварталов X в. (унаследованная еще от античности) с их вымощенными площадями и водостоками, как и планировка двухэтажных усадеб, выступающих на улицы своими глухими фасадами (их планировка также восходит к античности), большие базилики раннего средневековья, часть которых в X в. была восстановлена, и монументальные купольные храмы, которые тогда строили (о них еще будет речь), — все это придавало Херсону того времени облик византийского города. Сказывалось это во всей его художественной культуре, как монументальном, так и прикладном искусстве, о котором мы можем судить по многочисленным поливным блюдам с рельефными украшениями, иногда с росписью, резной кости и металлическим украшениям — предметам личного убора.

Полivные белоглиняные блюда с рельефными украшениями, выполненными штампом, являются обычной находкой в слоях IX—X вв. Правда, эти блюда изготовлялись не на месте, а привозились из византийских городов. Но широкое бытование таких блюд в Херсоне не может означать популярность среди горожан византийского декоративного искусства.

Прежде всего интересен сам прием украшения блюд путем оттиска штампа, перенесенный в область керамики из металлопластики и являющийся имитацией чекана, обычного в украшении золотых и серебряных блюд. Такой перенос тем более понятен, что сами поливные блюда, в сущности, призваны были заместить и имитировать блюда из драгоценных металлов. К тому же искусство поливной керамики, появившееся в Византии не ранее второй половины IX в., было искусством молодым и не успело еще выработать свои собственные художественно-технические традиции.

Рельефные украшения белоглиняных византийских блюдец, найденные в Херсоне, очень разнообразны. Чаще всего это различные розетки и сплетенные круги с ячейками, воспроизводящими гнезда со вставными драгоценными камнями. Передки и изобразительные рельефы: птицы в пышном оперении и с парадными повязками (павлины?) (табл. XV, а), орлы в фас (это наиболее частый мотив) (табл. XV, б), барсы, торжественно шествующие или в стремительном движении (табл. XV, в), крылатые грифоны с птичьей или человеческой головой (табл. XV, д, е).

Изображения эти очень лаконично переданы в плоском рельефе. Особенно интересно блюдо с грифоном с повернутой назад головой (табл. XV, г). Несмотря на простоту изобразительных средств, мастер очень хорошо сумел передать ощущение могучей силы этого фантастического существа. Иногда грифоны представлены в геральдической композиции по сторонам древа жизни (табл. XV, ж); в такой же геральдической композиции изображали на некоторых блюдах и барсов, и орлов (табл. XV, з). Наконец, встречаются изображения знатных всадников на охоте, особенно близко напоминающие рельефы на парадных металлических блюдах (табл. XVI, 1, а).

Изображения эти далеко не однородны по своему происхождению. Некоторые из них были несомненно почерпнуты из арсенала византийского искусства. Такие образы, как орел, представляют собой прямое наследие античности, а на саркофагах V—VI вв. он являлся составной частью композиции, изображающей триумф Христа и христианства. Таким же византийским образом является и грифон с орлиной головой. Раннехристианскую символику, возможно, отражают и изображения геральдически расположенных птиц — сюжет, в основе своей отнюдь не византийский, но осмысленный в греческой художественно-ремесленной среде в соответствии с христианской композицией двух павлинов, помещенных по сторонам сосуда со священным вином. Византийским является и христианский сюжет Георгия драконоборца (табл. XVI, 1, б), впрочем, особенно популярный в Болгарии, а не в собственно Византии.

Но большую часть сюжетов мы не находим в византийском искусстве. Источники их оказываются в соседних с Византией областях Ближнего Востока, с которыми империя в IX—X вв., в период своего экономического подъема, находилась в оживленном общении.

Очень интересны в этом отношении изображения хищников — пантер, барсов или львов, большей частью в движении, иногда с раскрытой пастью, как бы в момент броска. Несмотря на сильное обобщение и грубоватость рисунка, образ хищного зверя всегда достаточно ясно выражен.

Обращает внимание, что в византийском искусстве такого рода звериные изображения очень редки.⁶¹ Зато они широко представлены в декоративной и монументальной пластике Закавказья, Ближнего и Среднего Востока — в Персии, Месопотамии, Малой Азии, как в христианских, так и в мусульманских странах, в X в. и последующее время. Рельефы с изображением этих могучих зверей вставлены в стены и башни X в. в Амиде (северная Месопотамия) и Ани (Армения), украшают фасады средневековых дворцов Дагестана (древней Албании), фасады знаменитого армянского храма X в. на о. Ахтамар (оз. Ван) и более поздних (XIII в.) храмов, гостиниц и караван-сараяв Армении.⁶² Передки рельефы с аналогичными звериными изображениями и на произведениях прикладного искусства — на бронзовых кстах XII—XIII вв. из того же Дагестана,⁶³ на больших сосудах (кюпах) из Азербайджана,⁶⁴ на предметах украшения.

Образы могучих зверей, ставшие феодальными символами силы и храбрости, уже в IX—X вв. были распространены и в странах, ближайших к центральному византийским областям, в Болгарии,⁶⁵ Македонии,⁶⁶ Греции,⁶⁷ где они несомненно восходят к восточным источникам. Само ме-

сто, которое отводилось такого рода плитам — стена дворца или богатого дома, боевая сторона крепостной стены или башни, фасад храма или даже алтарная преграда, — ясно указывает на значение этих изображений зверей, служивших стражами, оберегами храма, дома или всего города (в Ани изображение барса, как указывал Н. Я. Марр, служило, возможно, городским гербом).

Такие монументальные рельефы были и в Херсоне, где они, вероятно, украшали стены храма. Два из них парные: они вырезаны на одинаковых плитах (58×44—47 см) известняка.⁶⁸ На одной из них изображен барс или пантера с изогнутым телом, как бы перед броском (табл. XVI, 2, а), связанный с указанным кругом памятников (особенно близок рельеф из Старой Загоры). Плита с аналогичной пантерой найдена в 1956 г. (табл. XVI, 2, в). Нам важно отметить большое сходство с этим изображением керамических рельефов на херсонских поливных блюдах (табл. XV, в). Правда, изображение на каменном рельефе грубоватое; как видно, мастерством каменной скульптуры доморощенный резчик не владел и не сумел передать экспрессию рисунков, служивших ему образцом. Но это не меняет сути дела.

На другой плите (табл. XVI, 2, б) изображены два зверя с высоко задранными хвостами, обращенные друг к другу спиной, они образуют симметричную композицию. Рельеф выполнен в той же схематической манере и почти без моделировки. Судя по заданным хвостам, это не кони (на которые звери похожи), а скорее всего пантеры или барсы, подобные барсам на поливных блюдах. Симметричная, словно геральдическая композиция находит себе параллели среди тех же монументальных средневековых памятников Закавказья, Ближнего Востока, Греции и Болгарии.⁶⁹

Оба херсонских рельефа входят таким образом в круг монументальной средневековой пластики стран Ближнего Востока и областей, с ним связанных. Ближе всего они, пожалуй, к болгарским, хотя и намного ниже их по мастерству рисунка и резьбы.

По симметричности композиции второй рельеф очень напоминает и поливные блюда, где геральдически расположенные изображения птиц и орлов, барсов и грифонов — не редкость.

Такая близость византийской поливной керамики IX—X вв. к монументальному рельефу, в содержании и стиле которого столь ясно сказывается культура Ближнего Востока, находит себе достаточное объяснение в самом происхождении декоративной этой керамики, подражавшей драгоценной металлической посуде и отразившей на себе сильное влияние монументальной пластики.

В рельефных украшениях этой керамики доминировали именно восточные мотивы. Это стилизованные изображения зверей, реальных и полуживотных (барсы, пантеры, львы), которые в искусстве центрально-византийских областей были, как сказано, редки и необычны. Совершенно неведомы были византийскому искусству и такие образы, как грифон с человеческой головой в короне, а тем более такой сюжет, как борьба грифона с ланью — вариант сюжета терзания лани львом или барсом. обычного в средневековом искусстве Ближнего Востока.

По-видимому, все эти образы зверей и полуживотных, ставших на Востоке своего рода символами феодальной геральдики и выступающие на поливных блюдах в роли стража, оберега, были чужды официальному византийскому искусству. Зато они прижились в прикладном искусстве Византии. Демократическая по своей природе ремесленная среда, в которой создавалось это искусство, рассчитанное на более или менее широкий спрос, была менее связана в своем творчестве с художественными взглядами и требованиями господствующего класса. Поэтому в этой среде живее откликались на все те художественные явления в сопредель-

тех странах Ближнего Востока, с которыми византийские гончары знакомились путем непосредственного общения с носителями этого искусства — странствующими ремесленниками или по попадавшим в Византию образцам. Звериные образы, порой наивные и грубоватые, отвергнутые искусством византийской знати, а может быть и церковью, казались близки массе горожан, которые являлись основными потребителями подобных блюд с рельефными украшениями.

В массовом привозе этой византийской художественной керамики с рельефными украшениями в Херсон несомненно сказалось господствующее здесь влияние культуры Византии, что вполне объясняется общим политическим положением города, находившегося во второй половине IX и в X в. в тесной зависимости от империи. Херсон был потребителем этого восточновизантийского искусства. Поэтому оно характеризует и его культуру.

В полной мере сказанное относится и к резной кости — небольшим, прикреплявшимся к ларцу пластинкам (прямоугольным, треугольным, круглым) с изображением птиц и зверей. Часты изображения орлов (табл. XVII, а) с развитой моделировкой и хорошо переданным оперением, плотно заполняющие прямоугольную пластинку. Несколько раз встречалось изображение птицы с резко повернутой назад головой (табл. XVII, б), близкая аналогия которому нашлась в Константинополе.⁷⁰ В схематизированном виде, простой гравированной линией тот же рисунок воспроизводят две другие пластинки (табл. XVII, в, г).

Очень интересны изображения хищников (барс, пантера?) в динамичной позе и с резко повернутой назад головой на толстой шее; выразительна оскаленная морда (табл. XVII, д). Мастерски выполнено изображение другого хищника, прекрасно вписанное в круглое поле пластинки, контур которой повторен изогнутой назад толстой шеей зверя; голова его, как обычно у таких зверей, обращена назад, хвост задран и изгибается в виде петли (табл. XVII, е).

Все это произведения византийского художественного ремесла, близкие по своим изображениям народным вкусам, народному искусству.⁷¹

Более сложным явлением была монументальная архитектура — архитектура храмов, которая, конечно, почти всецело зависела от требований церкви и формы которой были поэтому несравненно статичней.

Однако новые условия — укрепление феодальных отношений в Византии и в Таврике — внесли и в архитектуру существенные перемены, которые хорошо можно наблюдать на памятниках Крыма.

Если в общинных поселениях восточного Крыма в период его независимости — в VIII—IX вв. — при строительстве храмов еще обращались к форме большой трехнефной базилики, так как задача распространения христианства не утратила тогда актуальности (см. главу II), то в Херсоне, центре тогдашнего Крыма, монументальные храмы, вновь возводившиеся во второй половине IX и в X в., следовали уже новой архитектурной системе — крестовокупольной, принципиально отличной от старой базилической системы, уже отжившей. Смысл базилики — быть возможно вместительней, она рассчитана была на всех (в этом демократичность базилической формы). Новая архитектурная система времен зрелого феодализма признана была, наоборот, создать небольшой замкнутый объем храма, предназначенного для ограниченного круга людей, объединенных социально.

Византийская культовая архитектура IX в., прежде всего монастырская, разработала тип крестовокупольного здания с четырьмя подпорами-столбами; этот тип в его простом варианте (при котором восточная ветвь креста одинакова с остальными) стал господствующим в греко-восточном искусстве — в Малой Азии, Греции, а также в Болгарии, в противополож-

ность более сложному варианту (при котором восточная ветвь креста с алтарем удлинена), принятому в византийской столичной архитектурной школе.

Крестовокупольная архитектура представлена в Херсоне несколькими зданиями, из которых два можно с уверенностью отнести к концу IX и к X в. Это здание на акрополе (рядом с новым собором) и так называемый пятиапсидный храм в западной части города.

В первом из них (рис. 23, *a* и табл. XVIII, 1), судя по остаткам здания (сохранилась только восточная часть) и старым планам, воспроизведена

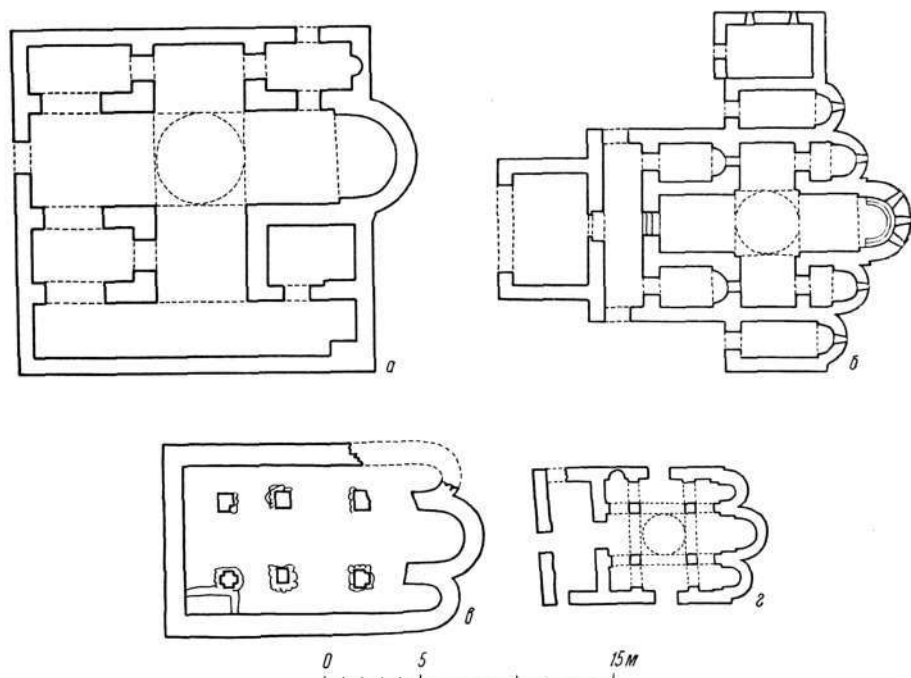

Рис. 23. Херсон. Планы крестовокупольных храмов IX—XI вв.

a — храм на акрополе (реконструкция); *b* — пятиапсидный храм; *в* — шестистолбный храм (№ 34); *г* — четырехстолбный храм (№ 9).

композиция простого крестовокупольного здания в виде вписанного креста, отделенного стенками от угловых помещений. Ветви креста, как и в раннесредневековых крестообразных зданиях, были перекрыты цилиндрическими сводами, а центральное пространство — куполом на барабане. Кладка здания следует старой традиции: она состоит из крупных, хорошо обработанных и плотно пригнанных блоков камня, положенных правильными рядами с забутовкой узкого внутрестенного пространства.

Храм и по планировке еще близок к крестообразным зданиям. Это указывает на то, что он еще предшествует развитым крестовокупольным храмам, где подкупольные устои стоят свободно, соединяясь со стенами лишь арками, что способствует объединению внутреннего пространства: в описываемом храме оно еще расчленено.

Наиболее ранние примеры крестовокупольной композиции со вписанным крестом дает византийский Восток. Особенно она характерна для раннесредневековой архитектуры Малой Азии,⁷² причем наиболее близкие аналогии херсонскому зданию дают северные районы страны; таков храм начала VIII в. на острове близ Амастры (древней Амастриды), тождественный херсонскому не только по композиции, но и по кладке.⁷³

Вариантом той же композиции вписанного креста, но осложненной северными и южными пристройками, является так называемый пятиапсидный храм в западной части Херсона (рис. 23, б и табл. XVIII, 2). Пристройки к храму, как и смежные угловые части, выступают на Восток апсидальными полукружиями, которых всего пять. Все они расположены уступами, образуя в плане пирамиду. С западной стороны находится узкий нартекс. По кладке храм тождествен предыдущему зданию. Пятиапсидный храм относится, исходя из археологических данных, к середине X в.⁷⁴

Существенным отличием этого храма от расположенного на акрополе являются боковые пристройки, составляющие вместе с нартексом как бы отрезки галерей, окружающих здание. Благодаря этому восточная его часть очень напоминает пятинефные постройки X в. в Константинополе, для архитектуры которого такая композиция в то время была особенно характерной.⁷⁵ В пятиапсидном храме Херсона нельзя поэтому не видеть влияния столичной архитектурной школы, хотя и очень ограниченное, не нарушающее малоазийскую основу здания. Своеобразие его не оставляет места для сомнения в том, что строителями здания были местные зодчие.

Следует подчеркнуть, что архитектура обоих монументальных зданий IX—X вв. следовала не византийской столице, а византийскому Востоку, с которым Херсон, как и другие города Таврики, были связаны многими нитями.

В X же веке была окончательно выработана и получила широкое распространение композиция крестовокупольного храма со свободно стоящими устоями (колоннами, чаще со столбами) и с объединенным благодаря этому внутренним пространством. В X—XI вв. и в последующее время такого рода композиция стала господствующей формой в культовом зодчестве Греции и особенно славянских стран, прежде всего Болгарии, а затем и Руси. Таким образом, и эта композиция ведет нас отнюдь не в центрально-византийские области.

Несколько храмов такой композиции (в ее простом варианте) сохранилось и в Херсоне.⁷⁶ Один из них (№ 34 по обозначению Археологической комиссии) находится на северном берегу рядом с Уваровской базиликой (рис. 23, в; табл. XIX, 1), другой (№ 9) — в северной прибрежной части города (рис. 23, г; табл. XIX, 2). Два подобных храма находились на акрополе и были уничтожены при постройке нового собора.⁷⁷

Оба храма четырехстолбные, с тремя полукруглыми апсидами и узким нартексом: в здании № 34 он отделен от основной части храма двумя крестатыми столбами, которые, очевидно, несли стену, так что пространственно нартекс был выявлен достаточно ясно. Оба здания двухэтажные. Нижний этаж занимала, вероятно, усыпальница. Следовательно, храмы являлись церквями-усыпальницами, или костницами, куда складывали кости ранее захороненных в отдельных могилах; такой обычай был очень распространен в восточной церкви и известен по памятникам Афона и Болгарии.⁷⁸

Устои в нижней части (усыпальнице) здания № 34 массивные; в верхней же части здания, т. е. в самом храме, на них были поставлены колонны. В здании № 9 устоями служили крестатые столбы. Четыре ветви креста, перекрытые цилиндрическими сводами, обращены к центральному пространству, квадратному в плане, некогда увенчанному куполом.

Сходна и кладка обоих храмов из более или менее крупных разномерных камней с подтеской с лица, положенных приблизительно выдержанными рядами на толстом слое извести с цемянкой и с прокладкой кое-где кирпичей для выравнивания кладки.

Для обоих храмов характерно почти полное отсутствие членений фасада (лопатки, соответствующие внутренним столбам, имеются только

с внутренней стороны храма № 9), что создавало ощущение массивности стен и монолитности фасадов.

Все перечисленные особенности обоих храмов сближают их с провинциальной архитектурой Греции и особенно Болгарии, где, начиная с X в., но чаще в XI в., эти черты мы постоянно наблюдаем.⁷⁹ Эта близость сказывается прежде всего в общей композиции здания — плановой и пространственной, в общем облике храмов с их простыми и монолитными фасадами, лишенными декорации, в противоположность столичной византийской архитектуре, где фасадам в то время придавали гораздо большее значение; они поэтому подвергались сложной разработке путем глубокого расчленения лопатками, нишами, различными тягами, создававшими на фасадах игру света-тени. Эта изысканность чужда была греческим и болгарским зодчим X—XI вв., как и херсонским. В созданных ими храмах, простых и несколько архаичных, больше проявились народное творчество и народное понимание новых архитектурных форм.

Культура средневекового Херсона в период его подъема в IX—X вв., как видим, была достаточно разносторонней. Она, конечно, была провинциальной; иной и не могла быть культура города, находившегося на далекой периферии тогдашнего культурного мира (а культура Древней Руси в X в. еще только складывалась). Но, судя по материальной культуре, Херсон сравнительно мало отставал в своем развитии от окружающих стран. Его архитектурно-художественные достижения находились на уровне своего времени. Для Таврики X в. Херсон действительно был культурным центром.

Иная картина открывается, как только мы выйдем за крепостные ворота Херсона и направимся в сельскую его округу. Для истории средневековой Таврики изучение деревни имеет особенное значение, так как в средние века основные исторические процессы больше всего были связаны с деревней, которая экономически господствовала над городом.⁸⁰

Однако крымскую деревню X в. мы почти не знаем. Те несколько средневековых селений, которые в последние годы подвергались раскопкам, в основном относятся еще к предыдущему периоду (см. главу II); в IX в. или на рубеже IX и X вв. они были словно стерты с исторической карты Таврики, вероятно разорены печенегами. Очень возможно, что жизнь там в X в. не совсем прекратилась и не все поселения исчезли. На это, в частности, указывают некоторые формы керамики, находимые на этих поселениях, типичные для второй половины IX и для X в., такие, как гладкостенные пифосы (например, в Бобровке, раскоп 2 и 7) и обломки поливной белоглиняной посуды. Но эти находки слишком ничтожны, чтобы делать сколько-нибудь определенные выводы. Все же создается впечатление, что юго-западная Таврика, несмотря на оживление ближайшего своего центра — Херсона, находилась в X в. в запустении.

Не больше мы знаем о поселениях X в. на южном берегу. Только некоторые из них известны и то лишь по отдельным, случайным находкам, так как научных раскопок поселений там не производилось. Впрочем, густота заселения южнобережной полосы вряд ли увеличилась в рассматриваемое время по сравнению с предыдущим периодом — для такого предположения пока нет оснований. Продолжало существовать в X в. поселение в Алуште (древнем АлуSTONE), где открыт небольшой простой храм, крытый черепицей, которая и позволяет определенно датировать постройку этим временем.⁸¹ Несомненно существовало и поселение близ Гурзуфа (древние Горзувиты), на что указывают остатки жилищ (на пустыре в непосредственном соседстве с нынешним Гурзуфом) в виде завалов строительного бута, среди которого часто встречаются обломки черепиц хорошо известного типа IX—X вв. и обломки гладкостенных пифосов (эти жилые постройки еще не раскапывались).

О наличии поселения Горзувиты в IX—X вв. свидетельствует и частично раскопанный могильник Суук-Су, верхний слой которого относится именно к этому времени.⁸² Однако бросается в глаза упрощенность погребальных сооружений: в верхнем слое уже не встречаются богатые семейные склепы, но только одиночные и простые грунтовые могилы, обложенные вертикально поставленными плитами, большей частью обтесанными лишь с одной стороны, и покрытые плитами же. Такого рода плитовые могилы следуют старой традиции, известной в восточной Таврике на протяжении всего предшествующего периода — VIII—IX вв. (на Тепсеньском городище, в Тиритаке и других местах). Инвентарь плитовых могил Суук-Су в сравнении с более ранними очень бедный. Он ограничен небольшими медными пряжками со сплошным или ажурным щитком или в виде крестика, простыми медными браслетами и очень скромным набором бус; ни больших пряжек с вставными камнями или стеклами, ни фибул здесь уже не встречалось. Бедности инвентаря вполне соответствует и полное отсутствие монет, довольно частых в погребениях нижнего слоя, как будто в Горзувитах вовсе отсутствовало денежное обращение, что, впрочем, также не исключено. Во всяком случае отсутствие здесь херсонско-византийских монет IX—X вв. говорит об определенной оторванности Горзувит от тогдашней столицы края — Херсона. Остальные поселения на южном берегу Таврики с находками того времени единичны.

Восточные районы края после катастрофы конца IX—начала X в. опустели. Уцелел лишь Боспор, единственный в то время город, тяготевший к большому району болгаро-аланского населения Приазовья и Прикубанья. Рядом с ним в конце X в. упрочилась Таматарха — Тмутаракань, быстро разросшаяся и ставшая с тех пор и до начала XII в. русским форпостом в Северном Причерноморье. Ее жизнь связана уже со следующим периодом истории Таврики.

Глава IV

ТАВРИКА В XI—XIII вв. ПЕРИОД ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ

1

События конца X в. — русско-византийская война и победа Русского государства — обозначили грань в историческом развитии средневековой Таврики. Произошли важные изменения не только в политическом положении Херсона и всей Таврики, но и в экономической жизни края.

Новая обстановка, сложившаяся здесь в первой половине XI в., определялась соотношением двух основных сил, действовавших на полуострове: печенегов — с одной стороны, Русского государства — с другой. Печенежская активность в южнорусских степях особенно усилилась в конце X в. и в первые десятилетия XI в.¹ Напряженная и длительная борьба Руси с печенегами продолжалась с перерывами до 1034 г.² К этому году относится их последнее нападение на Русь: войско Ярослава с помощью наемных варягов наголову разбило печенегов. Вполне понятно, что торговые связи русских купцов с Таврикой, и до того непрочные, были тогда еще больше затруднены. Эти связи направились теперь в Тмутаракань — русский форпост в Северном Причерноморье, оказавшаяся ближе к тем торговым путям из Приазовья на Восток, которые определились к тому времени. Да и сами печенеги, согнанные со степных кочевий потоком новых степняков — торков, а затем половцев, не могли не утратить для Херсона значения поставщиков продуктов своего скотоводческого хозяйства. Херсон и вся Таврика остались в стороне от их движения на Запад — к Дунаю. Таким образом, то, без чего в X в. по Константину Багрянородному, «не могут существовать» херсониты, теперь сюда уже почти не поступало. Транзитная торговля Херсона, которая играла, можно сказать, основную роль в его экономике предшествующего столетия, в первой половине XI в. резко упала. Херсон утратил свое недавнее значение крупного рынка печенежского сырья и заморских товаров. Экономическая депрессия Херсона вызвала прекращение выпуска собственной монеты, иначе говоря, резкое сокращение денежного обращения. Упадок Херсона несомненно усилила и русско-византийская война 989 г. с неизбежными в таких случаях разрушениями, которые засвидетельствованы археологически.³ Город, по-видимому, в значительной мере запустел: вся его западная часть превратилась в пустырь, использованный позднее для свалки городского мусора. В другой обстановке Херсон сравнительно быстро оправился бы и восстановился. Но в то время он был экономически обессил.

В конце X и начале XI в. существенно изменилось и политическое положение Херсона и всей западной Таврики, ибо господство здесь Византии не только резко ослабело, но и стало вообще номинальным. Византийским правителям было не до того: разгром византийского войска болгарами в 986 г. и постоянная болгарская угроза в последующие два десятилетия связывали им руки на востоке. Только в начале XI в. византийское войско перешло в наступление, Придунайская Болгария была присоединена к империи. Но война с болгарами продолжалась, и только в 1014 г. — в последней войне с ними — Византия одержала окончательную победу. Лишь после этого византийские правители смогли вновь обратиться к своей отдаленной провинции — Херсонской феме.

Однако прежней силы и влияния власть империи ни в Херсоне, ни тем более в прилегающих районах уже не достигала. Таврика с тех пор начала освобождаться от господства Византии. В течение XI и XII вв. здесь, правда, еще распоряжался византийский стратиг, но подчиненная ему область сократилась и уже не достигала Боспора (русского Корчева), вошедшего теперь в состав Тмутараканского княжества. Крайним восточным пунктом Херсонской фемы стал, по-видимому, Судак.⁴ Но и в Херсоне византийская власть утратила прочность и устойчивость, на что косвенно указывает частая сменяемость стратигов.⁵ Городские восстания еще больше подрывали власть империи.

Об одном таком восстании упоминает русская летопись под 1066 г.: «Корсунстии людье» «побиша камнем» котопана, т. е. византийского наместника в Херсоне, будто бы за то, что он отравил в Тмутаракани русского князя Ростислава,⁶ хотя, очевидно, что такого рода действие византийского дипломата держалось в тайне от населения города. Действительные причины восстания объясняются не стремлением отомстить за убийство русского князя, а отказом в торговых льготах, которых добивались херсонцы. Византийский император Михаил VII Дука, не имея сил для подавления восстания (поражения от турок-сельджуков, теснивших тогда империю на Востоке, норманская угроза, восстания феодальной знати не давали возможности направить войска в Херсон), обратился за помощью к русскому князю Всеволоду, который послал в Корсунь своих сыновей Владимира и Глеба; до Корсуни они, однако, не дошли и возвратились домой. Произошло это в 1073 или 1074 г.⁷

Восстание 70-х годов XI в. в Херсоне, опрокинувшее, хотя и временно, византийскую власть в городе, указывает, с одной стороны, на шаткость ее, а с другой — на значение Тмутараканского княжества, являвшегося в то время, хотя и не надолго, наиболее устойчивой и реальной силой в Крыму.

Тмутараканское княжество⁸ служило для Киевской Руси стратегически важным форпостом в Северном Причерноморье и опорным пунктом русского продвижения в Приазовье и на Северный Кавказ, начатом Святославом; покоренные им народности («победи Ясы и Касогы») облагались данью, обогащавшей русского князя и его дружину. Но вместе с тем создание на Тамани русского княжества способствовало и росту самой Тмутаракани, ставшей в XI в. значительным торговым пунктом Юго-Востока. Именно в XI в., как убедили археологические исследования советского времени, Тмутаракань стала значительно населеннее, чем в предшествующий период, хотя материальная культура города (керамический комплекс, жилища со стенами из самана на каменном основании) продолжала носить, по-видимому, местный характер,⁹ что вполне понятно, так как население Тмутаракани было в основном не пришлым славянским, а преимущественно местным. К Тмутаракани X—XI вв. скорее всего и относятся слова арабского географа Идриси в его подорожнике 1154 г., содержащем сведения, заимствованные, по всей вероятности, у предшественников:

«Матраха — очень древний город . . . Он окружен возделанными полями и виноградниками. Его князья известны под названием Олуабас и прославлены благодаря силе, смелости и воинственности и являются очень грозными. Здесь есть эмпорий (т. е. порт) и ярмарка, куда приходят со всех окружающих земель и даже из отдаленных краев».¹⁰

Тмутараканское княжество охватило не только Тамань, но, по-видимому, включило и Керченский полуостров, т. е. восточную Таврику. По крайней мере старый Боспор, названный русскими Корчев, несомненно вошел в состав княжества, о чем свидетельствует знаменитый Тмутараканский камень, найденный в конце XVIII в. на Тамани; на камне вырезана надпись, гласящая о том, что князь Глеб в 6576 (1068) г. «мерил море по леду от Тмутаракани до Кърчева 10 000 и 4000 сяжен».¹¹ Очень вероятно, что именно за Корчевым, присоединенным к русскому княжеству, византийцы закрепили название Рóсия, упоминающееся дважды — в договорах генуэзцев с греками 1169 и 1192 гг.¹²

Усилению Тмутараканского княжества не могло не способствовать и ослабление византийского господства в Таврике, о чем говорилось выше.

И все же русское княжество на Тамани не было прочным государственным образованием. Окруженное чужеземным и враждебным населением, оторванное от основной русской территории, оно не могло существовать без постоянной поддержки со стороны метрополии. Утрата Киевским государством в конце XI в. политического единства и распад его на отдельные феодальные княжения предопределили судьбу Тмутараканского княжества, которое после 1094 г. сходит со страниц летописи и, вероятно, с этого времени прекращает существование. В «Слове о полку Игореве» (1187 г.) Тмутаракань — это «земли незнаемые», т. е. утраченные.¹³

Падение княжества было, возможно, ускорено появлением в середине XI в. в причерноморских степях новых кочевников — половцев, впервые напавших на Русь в 1061 г.,¹⁴ что не могло не усилить изоляцию Тмутаракани. Вскоре половцы всецело завладели южнорусскими степями и господствовали здесь до начала XIII в., вплоть до нашествия татар.

К концу XI в. половцы, по-видимому, распространились и на степную Таврику, а в середине XII в. большая часть южного побережья, по крайней мере от Ялты (Джалиты) и далее к востоку, находилась, по словам Идриси, «в стране Куманов», т. е. в подчинении половцев. Так продолжалось и в XIII в.: монах-миссионер Рубрук, направленный в 1253 г. в качестве посла французского короля Людовика IX к Батю, сообщает, что расположенные в южном Крыму «города и замки платят дань» куманам.¹⁵ Мало того, к этому времени они уже успели выделить и торговый элемент: половецкие купцы совершали свои путешествия по Черному морю и установили торговую связь с Херсоном,¹⁶ куда они могли сбывать продукты своего скотоводческого хозяйства и особенно рабов — тот полон, который составлял чуть ли не основную цель их набегов на русские земли.¹⁷ Половцы поэтому были на первых порах столь же заинтересованы в Херсоне, как до них печенеги.

Базой этих торговых операций являлось, по всей вероятности, Приазовье, где были сосредоточены половецкие зимовники. Но уже к концу XI в. начал складываться новый экономический центр в восточной части Таврики — Судак (Сугдея, Сугдак, Сурож).¹⁸ В XII в. город уже успел приобрести значение важного, если не основного, торгового центра Таврики; постепенно торговое значение Херсона перешло к нему. В конце XII — начале XIII в., по словам арабского писателя Ибн-ал-Асира (умер в 1293 г.), «Этo город Кипчаков, из которого они получают свои товары, потому что он (лежит) на берегу Хазарского моря и к нему пристаюг корабли с одеждами; последние продаются, а на них покупаются девушки и невольники, буртасские меха, бобры, белки и другие предметы, нахо-

идущие в земле их». ¹⁹ Рубрук сообщает, что в Судак «пристают все купцы, как едущие из Турции (т. е. из Малой Азии) и желающие направиться в северные страны, так и едущие обратно из Руси и северных стран и желающие переправиться в Турцию. Они привозят горностаев, белок и другие драгоценные меха; другие привозят ткани из хлопчатой бумаги, бузаю, шелковые ткани и душистые корни». ²⁰ Фигура русского купца — торговца северными мехами — стала в Судаке в XIII в., по-видимому, обычной. Об этом можно судить по рассказу Рубрука о том, что константинопольские купцы посоветовали ему «взять телеги и даже купить в собственность крытые повозки (двуколки), в которых русские перевозят свои меха». ²¹ О постоянных торговых сношениях Малой Азии с половцами и русскими в 20-х годах XIII в., осуществлявшихся через Судак, рассказывает мусульманский писатель того времени Ибн-ал-Биби. ²²

Благодаря налажившимся международным торговым связям Судак в XIII в. стал, по-видимому, относительно большим торговым городом, на населенность которого может косвенно указывать значительная численность его гарнизона (1000 чел.). Судак был хорошо известен в тогдашнем мире; недаром само Черное море и тогда, и позднее называлось Судацким (в русских источниках — Сурожским). ²³

В Судаке XIII в., как обычно в торговых городах средневековья, встречались самые различные этнические элементы: помимо основного греческого христианского населения, вероятно занимавшегося, как и позднее, ремеслами, здесь постоянно бывали русские купцы, аланские и половецкие, купцы из Малой Азии и других стран Ближнего Востока, армяне; ²⁴ в начале XIII в. здесь появились венецианцы, в конце века — генуэзцы.

Упомянутые в сообщениях о Судаке меха были несомненно русского происхождения. Они доставлялись в Судак старым «греческим» путем, шедшим по Днепру, а затем Черным морем, или «залозным путем», шедшим также по Днепру, а затем направлявшимся в Крым степью через Перекоп. ²⁵ Возможно, что существовал и донской путь в Крым. ²⁶ Это были, по-видимому, проторенные пути русских караванов. Русские князья долгу стерегли важнейшие пункты этого пути — места сборищ русских купцов. ²⁷ Однажды упоминается русский гость (купец), «идушь . . . из Коловец», т. е. продвигавшийся из Крыма через степи на родину. На торговые сношения русских купцов с Малой Азией, вероятно через Судак и Трапезунт, в начале XIII в. имевшие, по-видимому, систематический характер, указывает, помимо Рубрука, и Ибн-ал-Асир. ²⁸ Как видно, после падения Тмутаракани русская торговля с Крымом направилась через Судак, ставший в XII—XIII вв. международным торговым городом. Так развивалась русско-сурожская торговля, развивавшаяся на протяжении последующих столетий.

Византия, силы которой были тогда всецело поглощены борьбой с турками-сельджуками и печенегами, не говоря уж о норманской угрозе, не могла противодействовать усилению половцев: уже в XI в. южная, а тем более восточная Таврика фактически ушла из-под власти империи. Византийские правители еще держались за Херсон, но не ради экономических выгод, а ради большого политического значения, которое он продолжал иметь для них. Значение это определялось, как и прежде, непосредственным соседством с кочевниками, на этот раз — с половцами. Византийская дипломатия стремилась столкнуть их с печенегами, которые в своем движении на Запад угрожали самому существованию империи. Византии удалось осуществить свои цели: столкновение, действительно, произошло в 1091 г. Половцы, перешедшие через Дунай, во главе со своими вождями Бояком и Тугорканом нанесли печенегам сокрушительный удар, после которого они уже не смогли угрожать Византии.

В XII в. Византия и формально отступилась от большинства своих крымских владений: договор императора Мануила I (1143—1180) с генуэзцами, заключенный в 1169 г. и подтвержденный Исааком Ангелом в 1192 г., представлял им исключительные привилегии на Черном море.²⁹ Вскоре же, в самом конце XII или начале XIII в., Крым вместе с Херсоном вообще отпал от Византии, захваченной крестоносцами (1204 г.).

С появлением итальянских купцов, сначала венецианцев, затем вытеснивших их генуэзцев, города восточного Крыма были вовлечены в мировую торговлю Западной Европы с Востоком, интенсивно развивавшуюся в XIII—XV вв. Торговые пути, шедшие прежде (до середины XIII в.) через порты Сирии и Палестины, во второй половине столетия, после изгнания из этих районов крестоносцев, направились через порты Северного Причерноморья. На первых порах — в XIII в. — основным таким портом стала Сугдея (совр. Судак); позднее — в XIV в. — с усилением генуэзцев ее значение перешло к Кафе (совр. Феодосия). Сугдея и Кафа, как и другие постепенно возникавшие торговые фактории итальянцев в Северном Причерноморье (Тапа, Копа, Чембало и др.), стали звеньями одной колониальной системы, в которой находил очень выгодное приложение их торгово-ростовщический капитал. Владычество итальянских купцов в Крыму, основанное на богатстве, созданном их обширной посреднической торговлей, в том числе и живым товаром, сопровождалось безудержной эксплуатацией местных производительных сил (непрерывно нараставшие налоги и пошлыны — в городе, феодальные повинности — в деревне), развитию которых сами они отнюдь не способствовали.

В XIII в. итальянская колониальная система в Северном Причерноморье только зарождалась и формировалась; ее бурное развитие относится к XIV—XV вв., поэтому речь об этом далее.

Но уже в XIII в. восточный Крым благодаря интенсивному росту своих городов, возродившихся после длительного запустения, стал экономически передовым районом края. В западном же Крыму происходили иные процессы. Здесь по-видимому, как и прежде, концентрировалось земледельческое население, занимавшее плодородные долины юго-западного нагорья и, вероятно, южную прибрежную полосу. Этот район — херсонские климаты (Готфия, как их называли тогда) — всегда тяготел к Херсону и был тесно связан с ним экономическими и политическими узами.

После падения Византии (в 1204 г.) и возникновения ее политической наследницы — Трапезунтской империи херсонские климаты признали, по-видимому, над собой ее власть, которая, однако, вряд ли выражалась в чем-либо большем, чем уплате ежегодной дани. О доставке ее из Херсона в Трапезунт в 1223 г. сообщает греческий источник.³⁰

Фактическую независимость Херсона и его климатов, установившуюся, можно сказать, еще в XI в., не нарушали ни половцы, кочевья которых охватывали южнорусские степи, а зимовники были сосредоточены в Приазовье, ни позднее татары, направившие свои первые удары в восточные районы Крыма.

В условиях определенного затишья и ослабления центральной власти в обстановке политической самостоятельности Херсона и его области не могли не проявиться центробежные тенденции, сопутствовавшие шедшему здесь процессу феодализации, подобному тому, который имел место в самой Византии³¹ и Малой Азии,³² как и в России. Все это с течением времени привело к образованию в Крыму относительно обособленных, полунезависимых феодальных княжеств, иначе говоря, к феодальному расчленению Крыма.

Одним из таких княжеств, о котором мы сравнительно лучше осведомлены, являлось княжество Феодоро с одноименным центром (совр. Мавгуп). В XIII столетии оно уже наверняка существовало, но возникло не-

много раньше. Выяснено, что владельцами этого княжества в XIII в. были видные византийские деятели Гаврасы из армянского рода Гаврасов—Таронитов. В конце XI столетия они получили в удел Трапезунт, которым самостоятельно правили до 1130 г., когда был раскрыт заговор против византийского императора и они были изгнаны оттуда. Последний трапезунтский правитель Константин Гаврас был в том году сослан, по всей вероятности в Херсон, где, судя по его дальнейшей судьбе, приобрел большое влияние и силу.³³

Старые феодальные владения херсонской знати в юго-западном нагорье — владения, тем или иным путем перешедшие или захваченные представителями рода Гаврасов, и стали, надо полагать, ядром вновь-устроенного княжества, занимавшего бассейн Бельбека и доходившего с южной стороны, по-видимому, до моря. О существовании княжества Феодоро в XIII в. свидетельствуют надписи о постройке крепостных стен на Мангупе,³⁴ которые возводились, конечно, не на средства Херсона. Княжество Феодоро существовало вплоть до турецкого завоевания (1475 г.), поэтому о нем еще пойдет речь в следующей главе.

Можно предполагать, что в XIII же веке формировалось и другое полуфеодальное владение, больше известное по арабским и турецким источникам: центром его называют Кырк-Ер, Кырк-Иер, Кыр-Кор, Керкри и т. д.³⁵ Это нынешний Чуфут-Кале близ Бахчисарая.³⁶ Источники говорят о нем как о городе-крепости в стране асов или алан (об алахах—асах в Крыму см. главу I). Арабский географ Абульфеда в своем землеописании (1321 г.) сообщает о нем следующее: «Керкер или Керкри . . . находится . . . в стране Асов, его имя значит по-турецки сорок человек; это укрепленный замок, трудно доступный; он опирается на гору, на которую нельзя взойти. На верху горы есть площадь, где жители страны (в минуту опасности) находят убежище. Этот замок на некотором расстоянии от моря; жители принадлежат к племени Асов . . . Керкер находится на Север от Сары-Кермена (т. е. Херсона, — А. Я.), между этими двумя местами один день пути».³⁷ Кырк-Ер назван и среди городов, подвергшихся нападению и ограблению татарскими полчищами Ногай в 1299 г.³⁸ Следовательно, это был достаточно заметный и важный пункт на северной окраине юго-западного нагорья Крыма.

Во главе крымских алан, продолжавших населять в XIII в. ближайший к Херсону район³⁹ и центром которых называют Кырк-Ер, стояли местные князьки, успевшие, в противоположность основной массе алан, принять христианство и, вероятно, огречиться; в то время, как и в предшествующие столетия,⁴⁰ они находились еще в полузависимом положении от Херсона, хотя вряд ли можно сомневаться в наличии тенденции к самостоятельности и этого княжества. Однако татарский разгром Ногай в конце XIII в. существенно изменил положение: владельцами Кырк-Ера, как полагают, стали ставленники Ногай — беки Яшлау (Сулеяевы).⁴¹

Таким образом, юго-западный Крым в те времена был, видимо, политически расчленен на мелкие феодальные княжества. В дальнейшем этот процесс углублялся и ширился, охватив в последующие столетия весь Крым.

В этой связи могут быть поняты и те 40 замков между Херсоном и Сулаком, о которых упоминал Рубрук, проезжавший эти места в 1253 г.⁴² Очень вероятно, что уже тогда эти замки представляли собой резиденцию феодалов-землевладельцев в виде небольших крепостей, занимавших возвышенные места, иногда малодоступные и господствовавшие над окружающим населением. Остатки этих маленьких крепостей с примыкающими к ним поселениями в довольно большом количестве известны в нагорном Крыму и южном побережье под местным татарским назва-

нием исар, исарчик (по-татарски «стена, стенка»).⁴³ Большинство их еще совершенно не исследовано. А те из них, которые частично изучены — близ с. Керменчик (в 23 км от Мангупа) и близ с. Чоргун, — несомненно относятся к XIII и XIV вв.⁴⁴

Длительное отсутствие внешней угрозы, определенная стабилизация, которая наступила в юго-западном Крыму в XI в., несомненно содействовали приливу населения и развитию экономики. Именно в XII—XIII вв. ожили и росли сельские поселки, ожили и развивались старые поселения и города, такие, как Эски-Кермен, Чуфут-Кале, Мангуп. Плодородные долины юго-западного Крыма со множеством источников постепенно густо заселились. Свидетели этого — многочисленные остатки селений с прискальными постройками, остатки развитой системы ирригации с глиняными водопроводами⁴⁵ и одичавшие культурные растения, часто встречающиеся среди нынешних лесных зарослей.⁴⁶

В связи с ростом и укреплением феодальных княжеств в юго-западном Крыму стояло усиление церковной организации в этом крае — превращение крымских епархий (кроме Фулльской) в митрополии, подчиненные непосредственно константинопольскому патриарху.⁴⁷

Взглянув на историческую карту Крыма, нетрудно убедиться, что эти митрополии более или менее совпадают с княжествами и отдельными областями Крыма, политически в той или иной степени обособившимися: это епархии Херсонская, к северу от нее — Готская и Фулльская, далее к востоку — Сугдейская и Боспорская. Приблизительно намечаемые границы их⁴⁸ как бы указывают на границы феодальных княжеств и областей: церковная организация, как известно, всегда шла рука об руку с организацией политической.

По отношению ко всем этим феодальным или полуфеодальным княжествам и замкам западного Крыма господствующее положение как в предшествующий период, так и в XII—XIII вв. занимал Херсон, что особенно сказывалось в сфере экономической: Херсон для всего юго-западного Крыма оставался не только единственным портом, но и ближайшим и, по существу, единственным рынком сбыта сельскохозяйственной продукции и ремесленным центром, о чем свидетельствует и археологический материал.

С другой стороны, возрождение юго-западного земледельческого Крыма непосредственно сказалось и на самом Херсоне. Связи с этим районом дали толчок развитию городского ремесла, причем не только металлообрабатывающего и гончарного, но даже художественного керамического производства. В кузнечных мастерских Херсона, помимо массового изготовления рыболовного инвентаря, производились и земледельческие орудия (сошники, серпы, косы, мотыги и т. п.), находившие себе сбыт как в ближайших окрестностях города — в поселках Гераклеяского полуострова и поселениях юго-западного нагорья, так, и всей вероятности, и севернее — в районе Евпатории, где в это время возобновилось производство зерна. Ремесло теперь в большей мере, чем раньше, определяло облик города. Херсон вновь начал расти, строиться и перестраиваться. Городские окранны города, долгое время пустовавшие, частью вновь заселились.

Херсон в XII—XIII вв. оставался все еще сравнительно многолюдным городом, наибольшим в Крыму. Население его достигало 4,5—5 тысяч человек.⁴⁹ Это был город рыбаков и ремесленников, город с оживленной гаванью и рынками, куда съезжалось окрестное население. Он оставался экономическим и церковно-политическим центром западного Крыма.

Как всякий ремесленно-торговый город средневековья, Херсон был этнически пестрым и многоязычным. Здесь, помимо греков, жили армяне.

аланы,⁵¹ евреи,⁵² наезжали половецкие и, конечно, итальянские купцы. Около середины XIII в. здесь, по-видимому, образовалась русская колония, может быть, занимавшая отдельный квартал,⁵³ который заселили беженцы из русских городов, разгромленных татарами.

Можно сказать, что в XIII в. Херсон находился на подъеме, но на этот раз — последнем: в следующем столетии город медленно угасал.

Основной причиной его падения было, как говорилось, перемещение экономического средоточия Крыма в восточную часть края с его крупными торговыми городами. Херсон остался в стороне от их торговли солью, рыбой, хлебом, рабами, в стороне от тех торговых путей, которые привлекали к себе итальянцев, в стороне от всего того, что явилось предпосылкой быстрого развития торговых городов восточного Крыма. Вместе с тем вряд ли были значительны его экономические связи с возродившейся в 1261 г. Византией Палеологов, торговля которой на Черном море была по-прежнему в руках итальянцев; не могли развиваться и связи с Трапезунтской империей, сношениям с которой сильно препятствовали синопские пираты; к тому же заморскую торговлю Трапезунта постепенно также захватили генуэзцы.

С другой стороны, большую роль в падении Херсона сыграла татарская агрессия, открывшая новую и тяжелую полосу в жизни Крыма.

Первое нападение татар на Крым относится к 1223 г. Свой удар они направили против основного тогдашнего центра — Судака.⁵⁴ Нападение их, казалось, было катастрофическим: судакские купцы бежали большей частью в Малую Азию, частью на Русь, частью, вероятно, в юго-западное нагорье. Прервались торговые пути; Судак, видимо, запустел. Но когда татары «покинули ее (т. е. страну), то путь восстановился и товары опять стали привозиться как было (прежде)».⁵⁵ Таким образом, первая татарская волна вскоре отхлынула, однако в последующие десятилетия набеги повторялись — в 1238, 1242 и около 1249 г.⁵⁶

С тех пор татары подчинили Судак, посадили в этом районе своего наместника⁵⁷ и обложили город данью, которую судакские правители возили в золотоордынскую ставку.⁵⁸ Во второй половине XIII в. в Солхате на месте старого поселения, где перед тем обосновалась армянская колония,⁵⁹ возник и татарский административный центр, получивший новое название Крым, распространенное позднее на весь полуостров.

Активность татар в Крыму первоначально ограничивалась лишь восточными его районами, причем зависимость от них, по-видимому, не шла дальше выплаты дани, ибо у татар-кочевников не было тогда сил не только экономически господствовать в жизни Крыма, но и вообще оказывать на нее заметного влияния.

Позднее татары обрушились и на западный Крым. В 1299 г. полчища Ногая разгромили Херсон и Кырк-Ер,⁶⁰ прошли огнем и мечом по цветущим долинам юго-западного нагорья. Эски-Кермен, как это выяснено раскопками, был сожжен и уничтожен; жизнь в Херсоне, преданном огню и разрушению, была нарушена, город после этого уже не имел сил подняться. Окончательно замер он, вероятно, в самом конце XIV столетия (в 1399 г.) после опустошительного набега на западный Крым татарских полчищ Эдигея.

Таковы вкратце основные линии исторического процесса, который можно проследить в Северном Причерноморье в XI—XIII вв. Период этот характеризуется ростом торговых городов в восточном Крыму, в котором перешло экономическое значение Херсона; с другой стороны, появлением полусамостоятельных княжеств в юго-западном нагорье, иначе говоря, началом феодального расчленения края. Завершением рассмотренного периода явилось усиление татарской агрессии.

Значительно труднее составить представление о материальной, тем более о духовной культуре средневекового Крыма XI—XIII вв. О культуре его восточных районов этого периода мы почти ничего не знаем, так как те немногие раскопки городов, которые здесь велись, дали материал лишь XIV и XV вв.; к тому же времени относятся и сохранившиеся наземные сооружения — крепостные стены, мечети и храмы Кафы, Солдайи и Солхата.

Несравненно больше мы знаем о западном Крыме: его городах и полугородах с их сельской округой, в культуре которых, как и в экономике, продолжал главенствовать Херсон. Это была старая, веками слагавшаяся культура — бытовая, строительная, художественная, эманация которой ощущалась далеко за пределами города, прежде всего в западном Крыму.

Правда, Херсон к XI в., как говорилось, сильно сократился: его западная часть запустела. Поэтому вся линия крепостной стены с этой стороны лишилась прежнего боевого значения. Город, таким образом, перестал быть крепостью, стал открытым, хотя на юго-западном участке, как это явствует из надписи Льва Алната 1059 г., отдельные крепостные сооружения были в середине XI в. восстановлены и некоторое время еще поддерживались. Но и сократившийся Херсон в последний период своей жизни (XI—XIII вв.) оставался в масштабе средневекового Крыма сравнительно большим городом.

Благодаря археологическим раскопкам, преимущественно раскопкам советского времени, мы имеем несравненно по ясности картину жизни Херсона того времени и относительно полное представление о его культуре и быте. Это придает Херсону значение уникального памятника.

Как всякий средневековый город, он был густо и тесно застроен, еще скученнее, чем в предшествующий период. Однако застройка эта не была везде одинаковой: обращает внимание различие между восточным районом города, близ гавани, где жизнь не прерывалась и после событий конца X в., и западным районом, который в XI в. начал возрождаться. В восточной части все еще придерживались старой, унаследованной от античности планировки с прямоугольными кварталами и прямыми, взаимно перпендикулярными улицами (табл. XX, I). На окраине западной части наблюдается стихийная застройка маленькими неправильными кварталами с кривыми узкими улочками и тупиками. О перерыве в жизни западных районов города ясно говорит перерыв в последовательности культурных слоев или такой характерный факт: северный неф одной из базилик (раскопки 1932 г.), в X в. еще существовавшей, но затем заброшенной и забытой, был в XII—XIII вв. превращен в открытый проулок, откуда вел вход в жилые дома.⁶² Но и старые большие кварталы теперь уже перестали соответствовать самому типу и характеру небольших домов, лепившихся один к другому. Поэтому внутри таких кварталов появились внутриквартальные площадки, хотя и ничтожные по размеру, проулки и тупики.

Все это существенно изменило облик города. Он весь как бы сжался: сократилась не только его территория, но и уменьшились сами усадьбы, плотнее чем раньше заполнявшие городские кварталы. Сплошная и тесная застройка Херсона лишь изредка прерывалась небольшими площадями и немногими возвышавшимися над домами купольными храмами.

Заглянем в рядовую жилую усадьбу херсонца (рис. 24). От узких и пустынных улочек она отделялась каменным забором. Низкая калитка, украшенная сверху вставным камнем с крестом, являвшимся как бы оберегом дома, или просто орнаментом в виде замкнутой плетенки, веда

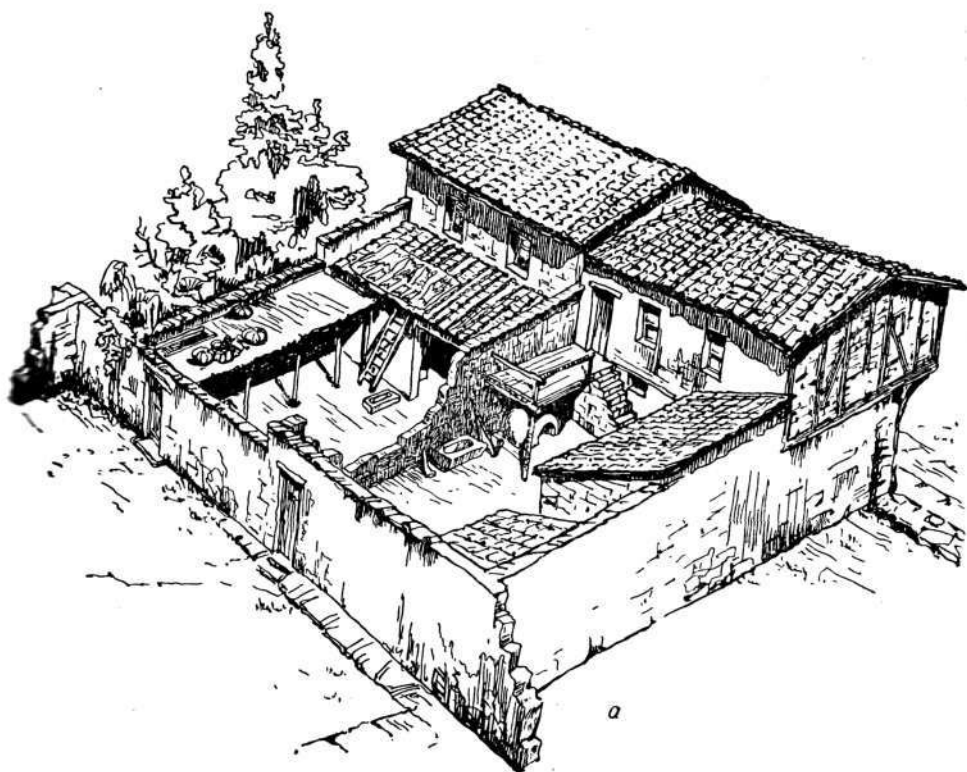

Рис. 24. Херсон. Реконструкция жилых домов XII—XIII вв.
 а — дом в III квартале северо-восточной части города; б — дом в XVI квартале северного
 прибрежного района города. Рис. А. А. Шалькевича.

во дворик. Он мал и тесен. Его обступили различные надворные постройки. В этих маленьких двориках по преимуществу и протекала вся хозяйственная жизнь херсонца. На краю двора женщины, сидя на корточках, перемалывали зерно на ручных жерновах, варили пищу на примитивных открытых очагах или, где жили побогаче, небольших сводчатых печах, сложенных из битой черепицы, с кирпичным подом.⁶³ Здесь же под деревянным навесом помещался домашний скот — коровы, овцы, бараны и ослы, на которых перевозили тяжести. Около стены обычно стояла и каменная кормушка для мелкого домашнего скота. В более благоустроенных домах во дворе устраивали и отхожее место, а во дворе одного из раскопанных богатых домов помещалась небольшая баня с подпольным отоплением (рис. 25 и табл. XX, 2). Баня очень интересна в историко-культурном отношении. Она состояла из трех помещений: резервуара для подогревания воды, расположенного над топкой, затем основного помещения

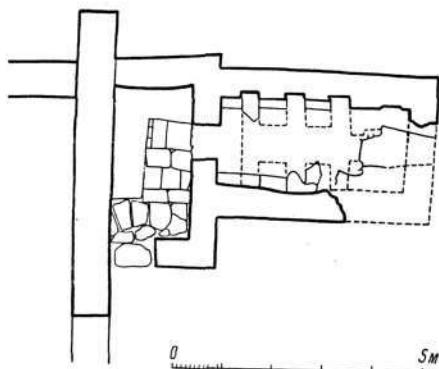

Рис. 25. Херсон. Баня во дворе жилого дома в северном прибрежном районе города (раскопки 1937 г.). План.

мыльни с узкими скамьями и вертикальными каналами, по которым снизу, из подполья, шел теплый воздух, и, наконец, крошечной раздевальни с каменными скамьями. Тип таких бань хорошо известен в средневековых городах Грузии и Армении XI—XIII вв., известен и в Малой Азии.⁶⁴ Связям с этими областями Херсон, вероятно, и обязан появлением такого рода домашних бань.

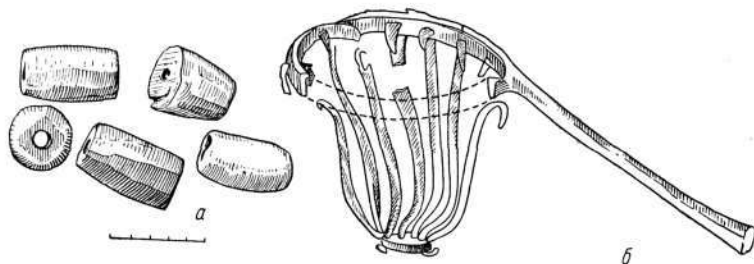

Рис. 26. Херсон. Рыболовные принадлежности.
а — свинцовые и глиняные грузила; б — факельница.

В углу двора жилой усадьбы херсонца обычно помещался и низкий каменный чуланчик, где хранился хозяйственный инвентарь владельца. Чаще всего это рыболовные снасти, ведь каждый херсонец был рыбаком; тут же почти всегда находили и множество рыболовных крючков, еще больше свинцовых кольцевидных грузил для неводов, багры, иглы для вязания сетей. Бытовали и специальные железные факельницы в виде длинного шеста с ажурной чашей, куда вкладывали пропитанную горючим паклю; с такой факельницей отправлялись ночью на рыбную ловлю (рис. 26, б).

Собственно дом, расположенный обычно в глубине дворика, состоял из нескольких помещений, частью одноэтажных, частью двухэтажных с двускатным или односкатным покрытием по деревянным стропилам

и кровлей из массивных плоских черепиц прекрасной выделки; стыки их прикрывали полуцилиндрические черепицы (калптеры). Нижний этаж дома был всегда каменным; полубутовая кладка на глине выравнивалась деревянными лежнями. Верхний этаж, куда снизу вела каменная или деревянная лестница, был чаще деревянным. Здесь, вероятно, находились жилые комнаты. Их стены покрывались обмазкой, затем белились, а в богатых домах увешивались, вероятно, тканями. На полках были расставлены цветистые поливные блюда (о которых речь далее), а также необходимая посуда, в углу висели иконы.

Одно из нижних помещений, нередко углубленное в землю, использовалось в качестве обязательной для каждого дома кладовой. В некоторых домах для этой цели приспособивали глубокие рыбозасолочные пещеры римского времени, куда спускались по особой каменной лестнице.⁶⁵ В кладовой хранились съестные припасы: зерно в огромных пифосах (табл. XXI, 1), частью вкопанных в землю и обложенных для устойчивости камнем, или больших амфорах, служивших также для мелкой соленой рыбы (хамсы) и для вина. Здесь же в других амфорах держали и запас воды. Обугленные зерна пшеницы «крымки», остатки перепревшей хамсы, даже скорлупу яиц нередко находили при раскопках домов. Все в такой усадьбе скученно, тесно и компактно.

Такого рода двухэтажные жилые дома с каменным низом и, вероятно, деревянным верхом (судя по этнографическому материалу, деревянным мог быть лишь каркас, заполненный саманным кирпичом) были широко распространены в причерноморских странах — в Крыму, Малой Азии (в том числе на западном побережье), в балканских странах (Болгария, Румыния, Югославия), в Константинополе.⁶⁶ Тип такого дома оказался очень устойчивым и с теми или иными локальными особенностями дожил до недавнего прошлого, а местами — до сегодняшнего дня. Обычный татарский жилой дом, кое-где сохранившийся в деревнях юго-западного нагорья Крыма, столь же архаичен по своему происхождению и оформился задолго до прихода татар, которые несомненно застали его здесь уже в сложившемся виде.⁶⁷

Не только кладовая, но и жилые комнаты были полутемные. Глухой стеной они отделялись от соседней усадьбы; непосредственного входа в жилые помещения с улицы большей частью не было (вход шел со двора). Херсонцы как бы сознательно отгораживались от внешнего мира, что вообще типично для восточного города.

Так выглядели жилые усадьбы херсонцев XII—XIII вв. В богатых домах было больше помещений, кладовые вместительней, запасов больше; в домах беднее помещений было меньше и кладовые скромнее.

Общие черты планировки такой усадьбы складывались, конечно, постепенно; они уходят своими корнями в раннее средневековье, если не глубже, как и вся планировка города, унаследованная от античности, но в новых условиях скученной застройки квартала дома по сравнению с предшествующим временем стали еще меньше и проще, их планировка компактнее.

Упомянем и одну бытовую деталь. Однажды при раскопках узкой улицы в северном прибрежном районе города была открыта большая коринфская капитель, относящаяся еще к VI в., стоявшая на земле и прислоненная к углу дома. Она явно служила сиденьем, как бы завалинкой; трудно было отделаться от впечатления, что здесь вечерами, когда спадала жара, собирались соседи коротать свой досуг.

Следует сказать и об определенном благоустройстве города. По улицам с плотно утрамбованной, а местами и вымощенной поверхностью были проложены каменные крытые водостоки, сооруженные скорее всего еще в предшествующие столетия и, конечно, постоянно поддерживавшиеся.

В некоторых домах (по данным раскопок 1940 г.) для отвода дождевых вод применяли водосточные гончарные трубы, заложенные в стены. В X—XI вв. еще существовали и гончарные водопроводы, снабжавшие город питьевой водой из загородных источников.⁶⁸ В городе продолжала, по-видимому, функционировать и общественная баня, расположенная рядом с главной улицей и занимавшая большую часть внутриквартальной площади большого квартала.⁶⁹

Почти каждый квартал города имел свою маленькую приходскую церковь, очень простую по архитектуре (прямоугольник с одной выступающей апсидой), расположенную всегда на видном месте. Каждый, даже небольшой квартал в феодальном городе — это как бы маленький замкнутый мирок со своим патроном, которому посвящена церковь.

Некоторые богатые херсонцы имели и собственные церкви, такие же простые и маленькие, умещавшиеся во дворах их городских усадеб: церкви эти служили и родовой усыпальницей (табл. XXI, 2).⁷⁰ Одна такая родовая усыпальница с двумя погребениями, занимавшими углубленный нижний этаж церкви,⁷¹ и перекрытая сводом с росписью выходила на I Продольную улицу и преграждала широкий проулок-тупик, оставив лишь узкий проход в него (рис. 19).

Строились в Херсоне и небольшие купольные четырехстолбные храмы, облицованные гладко тесанным камнем. Благодаря куполу эти храмы резко выделялись на фоне городского пейзажа. Некоторые из них были двухэтажными: это церкви-усыпальницы феодальной знати Херсона. К архитектуре таких храмов мы еще вернемся.

Раскопки выяснили и некоторые черты социальной топографии Херсона: кварталы зажиточной части населения сосредоточились по преимуществу в центральном (восточном) районе города. Западная его часть с мелкими кварталами и узкими улочками представляла собой, по-видимому, ремесленную окраину города: именно здесь были открыты гончарные печи (мастерские по выделке черепицы, существовавшие в XI в.) и кузнечная мастерская, где, по-видимому, изготавливали и сельскохозяйственный инвентарь (лемеха для сохи). Для смежных районов Крыма с его земледельческим населением Херсон оставался ремесленным центром.

О металлообрабатывающем ремесле Херсона в XII—XIII вв. можно судить по многочисленным находкам при раскопках не только кованых гвоздей, но и орудий труда — сошников, серпов, граблей (рис. 27), топоров-папок, щеток для чески шерсти, зубил (рис. 28). Находки эти ясно говорят о сельском хозяйстве горожан: в жизни Херсона того времени натуральное хозяйство продолжало иметь, по-видимому, большое значение.

Часты находки железных замков, цилиндрических и круглых, своеобразной конструкции, изготовлявшихся кузнецами без применения токарного станка и пружин.⁷² Аналогичные цилиндрические замки часто находят и в древнерусских домах предмонгольского времени. Находилил весы типа безмена (рис. 28, а).

Особенно было развито здесь гончарное ремесло. Херсонские гончары вырабатывали изделия самого разнообразного ассортимента. Больше всего производили простой кухонной и столовой посуды: миски на кольцевом поддоне с вертикальным бортом, тарелки (рис. 29, а, б); горшки с округлым корпусом и обычно небольшой плоской ручкой, украшенные передко зонами мелкого рифления (рис. 29, в, г), очень напоминающие горшки предшествующего времени; кувшины с коротким горлом (их обычно украшали чередующимися зонами мелкого рифления и волны, иногда — полосой ногтевых вдавлений); кувшины с высоким носиком и со сливом (рис. 29, д), и ситечком внутри горла. Любопытно, что формы таких

кувшинов находят себе довольно близкие аналогии среди керамики XII—XIII вв. из городов Закавказья (Ани — в Армении, Байлакана — в Азербайджане),⁷³ как и формы орнаментации (мелкое рифление, волна, напеченные валики с насечками и шишки, заимствованные из металлической посуды). Однако в целом этот керамический комплекс Херсона носит вполне локальный характер, в чем легко убедиться из сравнения с ком-

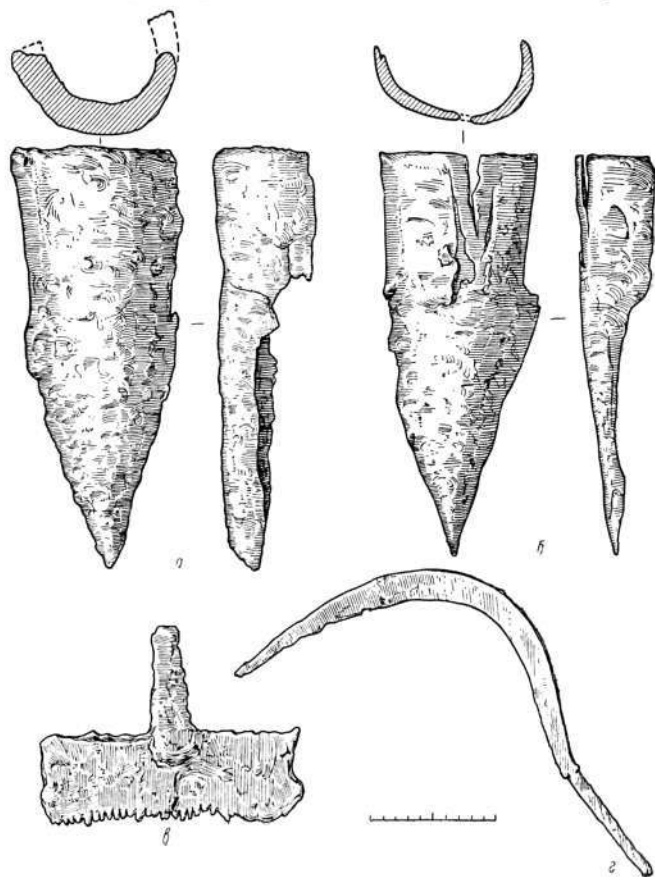

Рис. 27. Херсон. Сельскохозяйственные железные орудия XII—XIII вв.

а — сошник (из раскопок 1933 г.); б — сошник (без паспорта);
в — грабли (из раскопок 1940 г.); г — серп (без паспорта).

плексами других городов Присредиземноморья, например Афин или Кипра.⁷⁴

Вторую большую группу керамики образуют амфоры. В Херсоне в XII—XIII вв. производилось три вида их. Чаще всего встречаются грушевидные, круглодонные, бороздчатые амфоры с удлиненным корпусом и массивными овальными ручками, резко поднимающимися над горлом (рис. 29, е); генетически они связаны с формами византийских амфор X—XI вв. (они хорошо известны в Константинополе, встречаются и в Крыму). Тип таких амфор в XII—XIII вв. был широко распространен не только в Крыму, но и во всей обширной области Северного Причерноморья (например, на Дону — Белой Веже) и в городах Киевской Руси,⁷⁵ куда такие амфоры привозились, возможно, из Крыма. Нельзя не отметить, что близкие аналогии им встречаются и в Закавказье.⁷⁶ Другим основным видом являлись большие, круглодонные, бороздчатые

амфоры, слегка грушевидные, но с более коротким и широким раздутым корпусом и дуговидно поднимающимися над горлом ручками (рис. 29, ж). Как и предыдущий тип, такие амфоры были обычной формой тары во всем Северном Причерноморье в XI—XIII вв. (на Нижнем Дону — в Белой Веже, Кобякове) и в городах Киевской Руси: древнерусская корчага

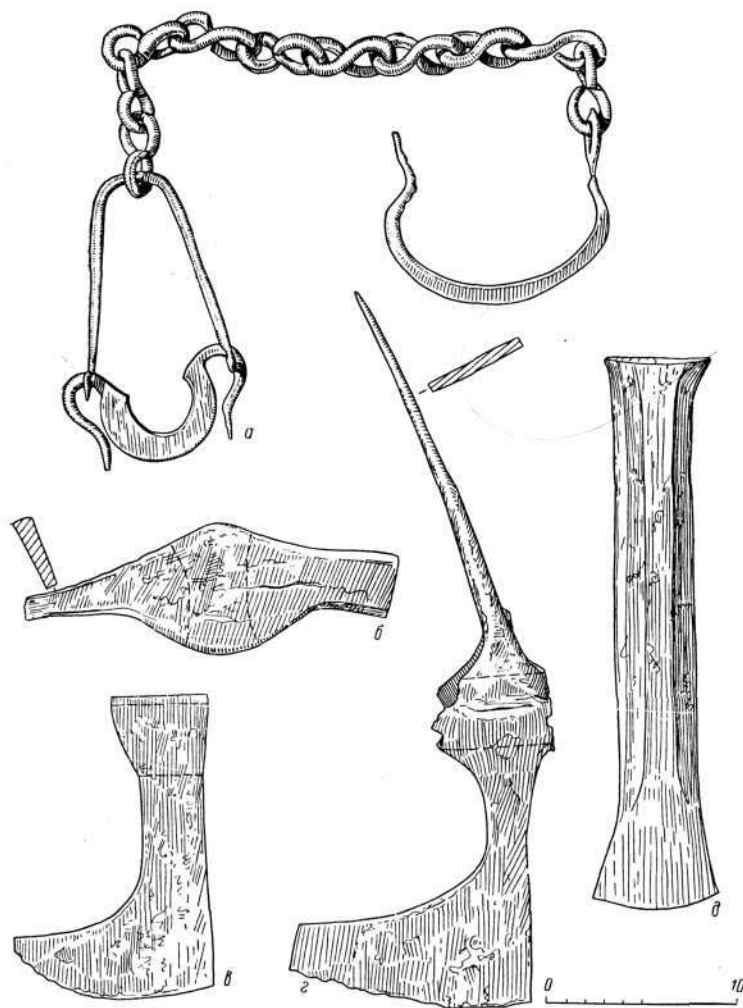

Рис. 28. Херсон. Изделия из железа — предметы быта и орудия труда.

а — весы; б — молот; в — топор; г — топор-мотыга; д — зубило.

воспроизводит, хотя и с некоторыми изменениями, именно эту форму причерноморской амфоры,⁷⁷ в чем несомненно проявились культурные связи Киевской Руси с Крымом. Третья разновидность глиняной тары — большие плоскодонные амфоры с низким горлом и плоскими ручками (рис. 29, з), генетически восходящие к кувшинам с плоскими ручками, т. е. к форме, господствовавшей в керамике X в. Помимо Херсона, они известны и в соседних крымских поселениях (Эски-Кермен). Изредка встречается и парадный вариант таких амфор — с тремя горизонтальными ленточными ручками, ребра которых богато украшены насечками

(рис. 29, и). Эта форма была, однако, сугубо локальной: за пределами юго-западного Крыма ее не находили.

В Херсоне изготавливали и большие пифосы, являвшиеся обязательной принадлежностью каждого дома; их производили, вероятно, на заказ.⁷⁸ Они отличаются большим, округлым, раздавшимся корпусом (высота их до 1.8 м, диаметр — до 1.1 м), узким дном и массивным венчиком.

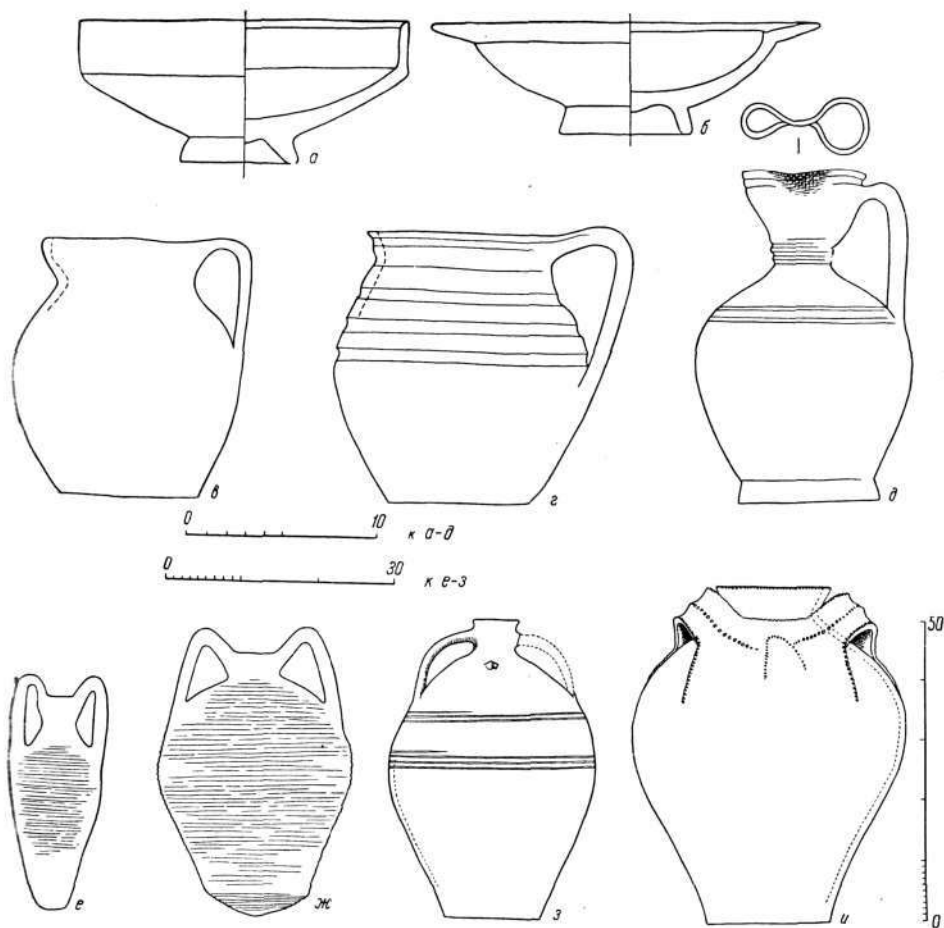

Рис. 29. Херсон. Керамика XII—XIII вв.

а — миска; б — тарелка; в, г — горшки с ручкой; д — кувшин со сливом; е — грушевидная амфора; ж — амфора с дуговидными ручками; з — плоскодонная амфора; и — трехручная амфора.

Гладкий корпус пифосов обычно украшен лентой медальонов по налипшему валику.

Глина херсонской керамики всегда хорошо промешана и отмучена, почти лишена примесей, хорошо и равномерно обожжена до светло-красного цвета. Следует подчеркнуть, что лепная посуда в верхнем слое херсонесского городища почти никогда не встречается. Судя по распространности херсонской посуды того времени, рынок ее сбыта охватывал не только юго-западный район Крыма, но и южное его побережье.

Много было в Херсоне и мастерских по производству кровельных черепиц, нужда в которых была в XII—XIII вв. очень большая: именно в это время город, как говорилось, быстро восстанавливался, запустев-

шие кварталы застраивались. Это наглядно показали раскопки на северном берегу городища.

В 1940 г. в северном прибрежном районе Херсонеса, в одном из жилых кварталов были открыты две такие печи, служившие для обжига черепицы;⁷⁹ они относятся к XI в. — к начальному моменту оживления города. Печи (рис. 30) сооружены из сырцового кирпича 23×13 см. основанного на сплошной забутовке из крупного камня, и имеют грушевидную форму. Длина печей 3.44 и 3.72 м. В сохранившейся топочной камере проходит центральный канал (шириной 0.6—0.8 м), от которого

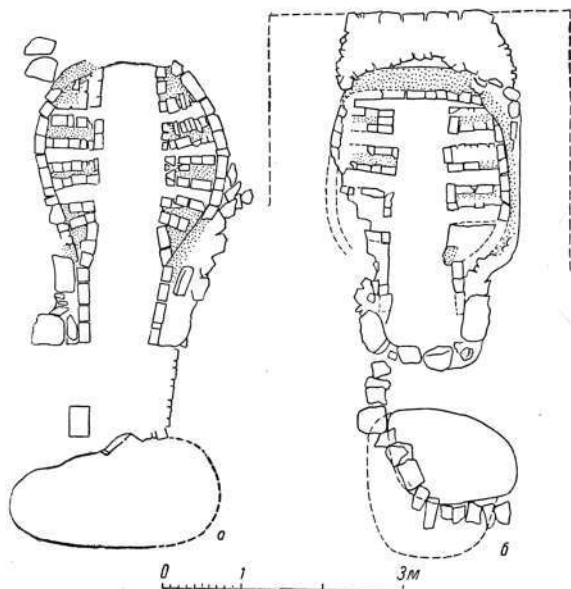

Рис. 30. Херсон. Гончарные черепицеобжигательные печи (а и б) (раскопки 1940 г.).

в обе стороны ответвляются боковые узкие каналы, упирающиеся в стенки кольцевого корпуса печи. К одной из сторон канала примыкает топка. Вся печь заключена в массивный, вероятно прямоугольный, каменный кожух-панцирь. Верхняя обжигательная камера не сохранилась.

Устройство таких печей следует очень старой местной, может быть еще античной, традиции и непосредственно повторяет принцип устройства гончарных печей VIII—IX вв., известных в Мисхоре, Чобан-Куле и в самом Херсоне (см. главу II).

Гончары-черепичники, как и в предыдущий период, снабжали свои из-

делия рельефными знаками, сокращенно написанными именами, монограммами, отдельными буквами, условными знаками и пр. (теперь уже известно 133 различных знака).⁸⁰ Часто встречаются знаки в виде букв К, П и Л, Е, В, реже — буквы Н, Θ, монограмма ΘΕ или ФЕ (ΘΕΟΔΩΡ или ΘΕΟΓΝΩСТ), Ν или монограммы Κ, Μ, ΝΙΚΟ или ΝΙΚΟ(ΝΗΚΟΛΑ)); Μ, ΙΕ, ΥΟΝ[Α] (в обратном написании) Ρ и почти полное написание — ΡΟΥΦΟ[С], ΓΕΩΡ[ΓΙΟΣ], ΜΑΝΗΣΙ (?) (все они в обратном написании) (рис. 31). Обращают внимание черепицы с несколькими именами, принадлежавшими, вероятно, членам артели гончаров, совместно работавших и эксплуатировавших большую гончарную печь.⁸¹ Так, на одной из черепиц имеется имя ΓΕΩΡ[ΓΙΟΣ] и 4 других буквенных знака; на другой черепице — имя ΜΑΝΗΣΙ (?) и, кроме того, 4 монограммы. Скорее всего и остальные черепичники работали артельно. Не менее интересны часто встречаемые на черепицах изобразительные знаки: изображения птицы, всадника с копьем, пляшущего скомороха, собаки и пр., причем в большинстве случаев они являются дополнением к буквенному или условному знаку. Очень возможно, что все эти изображения служили знаками ремесленных корпораций херсонских гончаров — корпораций, подобных тем, которые в то время уже наверняка существовали в Малой Азии;⁸² о тесной связи ее с Крымом, в частности с Херсоном, в XII—XIII в. говорилось выше.

Для культуры Херсона того времени очень показательна поливная керамика, т. е. посуда, покрытая свинцовой прозрачной глазурью желтовато-золотистого тона и украшенная рисунком, выполненным врезной линией в виде орнамента или изображений.

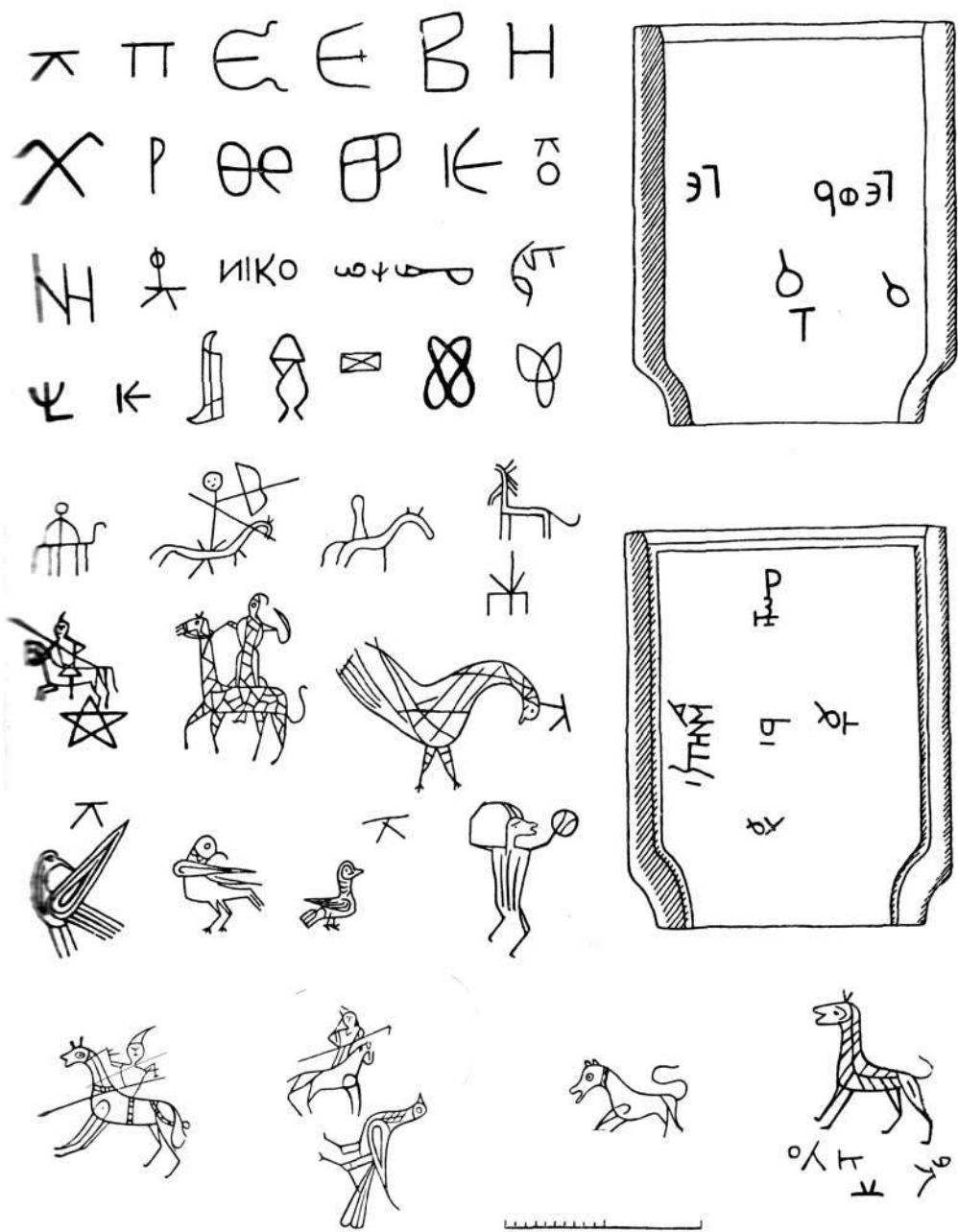

Рис. 31. Херсон. Ремесленные знаки на черепицах XII—XIII вв.

Керамика эта является в основном продукцией именно местных гончаров. Она широко бытовала среди горожан: почти нет в Херсоне раскопанного жилого дома того времени, где бы ее не находили. Она

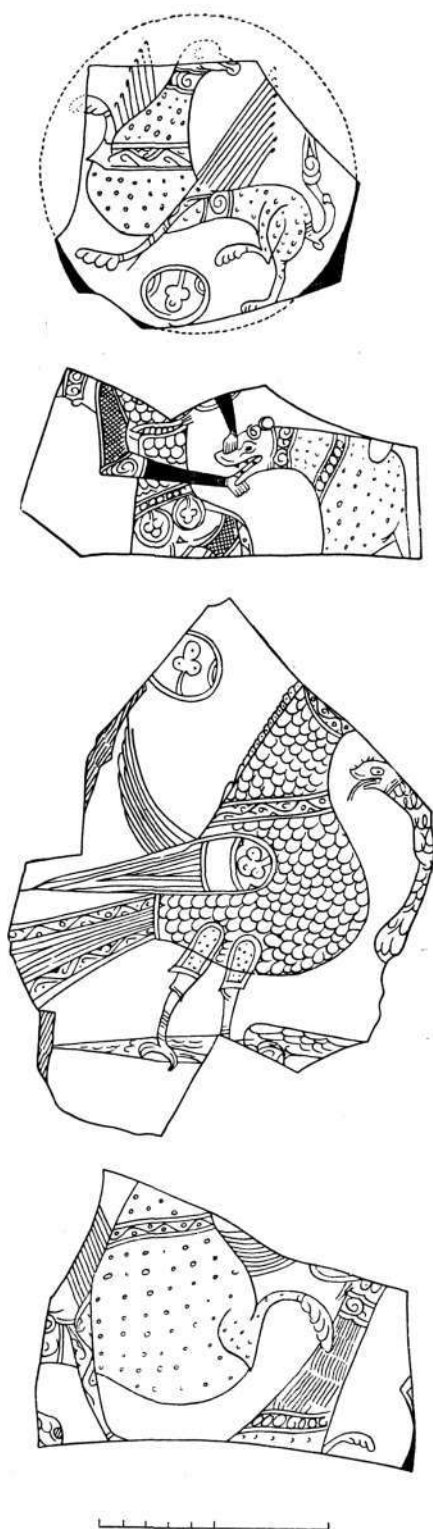

Рис. 32. Херсон. Византийская поливная керамика XI в. (привозная).

хорошо отражает вкусы местного населения и характеризует художественную культуру позднесредневекового Херсона в целом.

Поливная керамика Херсона неоднородна. Изделия более ранних групп ее, относящиеся к XI и частью к XII в., носят ярко выраженные черты византийского декоративного искусства (рис. 32); в большинстве они, вероятно, привозные из византийских керамических центров. Украшения блюд и чаш XI в., выполненные очень тонкой врезной линией с легкой подцветкой марганцем (но без яркой расцветки) и содержащие изображения царственных всадников, сцены борьбы со зверями (цирковые сцены?), орлов, грифонов или только витиеватый орнамент, в XII в. сменились украшениями более толстой линией, также монохромными, большей частью в виде орнамента или в виде стилизованной виноградной лозы и гроздьев (рис. 33, а, б), или изображениями птиц и зверей.

Но чем дальше, тем влияние Византии сказывалось все слабее — по мере того как слабели нити, связывавшие Херсон и Крым в целом с империей. Уже во второй половине XII в. эти связи ощущались слабо, лишь отдельные вещи — произведения художественного ремесла — попадали сюда из византийских центров.⁸³ А в начале XIII в. (с падением Византии) связи с ней оборвались вовсе. С тех пор прекратился ввоз византийских художественных изделий, зато наладилось собственное производство поливной керамики, которая начала приобретать локальные особенности. Поливной посуде приданы были и новые формы, постепенно изменилась и манера рисунка, который стали выполнять толстой врезной линией, появилась яркая зеленая и коричневая расцветка рисунка. Но вместе с тем все сильнее сказывались исконные связи Херсона с Ближним и Средним Востоком. В XIII в. культурное течение, шедшее через Малую Азию из Закавказья и Персии, Сирии и Месопотамии, стало в Херсоне господ-

ствующим. Среди херсонских гончаров, изготавливавших поливную посуду, завоевали популярность типичные кавказскоперсидские орнаментальные мотивы: лилия, различные арабески, а среди изображений появились сирий — священная райская полуптица, полудева с человеческой голо-

Рис. 33. Херсон. Поливные блюда XII—XIII вв.

Блюда XII в.: а, б — с золотисто-желтой поливой (а — с изображением виноградных лоз и гроздьев; б — с изображением агнца, окруженного виноградными лозами и гроздьями, из раскопок 1931 г.); блюда XIII в.: в — с изображением птицы (раскопки 1896 г.); г — с изображением царя на соколиной охоте; д — с изображением птицы, окруженной змеями; е — с изображением сирина (из раскопок 1941 г.).

вой (рис. 33, е), священный крылатый полуконь, получеловек, также с человеческой головой — образы, хорошо известные в качестве покровителей человека в искусстве Персии и Закавказья еще в сасанидские времена, т. е. в V—VI вв., зато совершенно чуждые византийскому культурному миру. В поливной керамике Херсона появились и целые композиции, заимствованные из дорогой персидской люстрованной керамики: знатный всадник, может быть царь, вооруженный луком, с соколом в руке, окруженный птицами, т. е. представленный на охоте (рис. 33, г); пиру-

ющий человек с повязкой на руке, обозначающей его знатность, сидящий по-восточному (поджав ноги); появились и имитации арабских надписей, превратившихся в орнаментальную вязь.

Особенно ясно сказалась близость херсонской художественной керамики XIII в. к искусству Грузии и Армении, культура которых получила в Крыму того времени самое различное отражение — и в быту, и в строительной культуре (например, в планировке и устройстве бань), и в искусстве. Надо иметь в виду, что Крым был тогда одним из районов

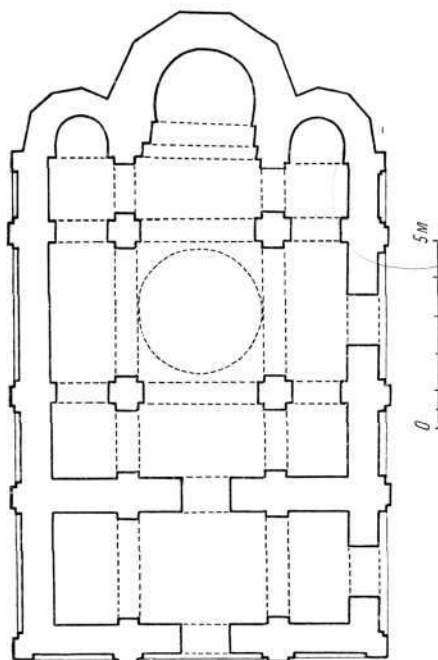

Рис. 34. Херсон. Храм № 21. План.

сильной эмиграции армян, гонимых нашествием турок-сельджуков. Часть этих армян, главным образом из армянских городов, тогда же осела и в Херсоне.⁸⁴ Значение армян в культурном развитии Крыма особенно проявилось позднее, в XIV и XV вв. (о чем речь пойдет далее), но начало сказываться еще в XIII в., если не раньше. По-видимому, народы Закавказья, прежде всего армяне, внесли большой вклад в городскую культуру средневекового Крыма.

Это культурное течение шло в Херсон несомненно через Малую Азию, скорее всего через область Трапезунта, ставшего в начале XIII в. (после падения Константинополя) центром небольшой греческой империи, с которым, как говорилось, у Херсона установились непосредственные политические связи.

Течение это нашло в Херсоне благоприятную социальную почву, подготовленную всем ходом предшествующего исторического процесса: оппозиционные по отношению к Византии тенденции городов Крыма,

прежде всего Херсона, издавна сближали их с культурой столь же оппозиционной Малой Азии и сопредельных стран Ближнего Востока. В позднюю пору средневековья с утратой Византией ее бывшего значения эта культурная близость стала еще более ощутимой.

Привнесенные художественные образы встретились в Херсоне с родными и вместе с тем глубоко традиционными образами, издавна жившими в местных народных представлениях. В этом отношении очень интересны такие изображения на поливных чашах, как птица, окруженная змеями (рис. 33, д). Мы не знаем, какой смысл вкладывал в эти изображения позднесредневековый херсонский гончар, но достаточно вспомнить раннесредневековые фибулы и пряжки из Суук-Су, чтобы убедиться в силе и устойчивости художественной традиции, которая держалась в ремесленной среде гончаров.

К тем же в основном выводам приводит и изучение монументальной архитектуры Херсона и тяготевших к нему районов — изучение тех крестовокупольных храмов, которые упомянуты выше. Их архитектура характеризует искусство богатых ктиторов храмов — социальные верхи Херсона, но она важна для понимания всей культуры города.

Уже говорилось, насколько сильно отличалась средневековая культовая архитектура IX и следующих веков от раннесредневековой. Господ-

ствующей архитектурной композицией храма стал небольшой крестовокупольный объем: в «сложном» виде — в центральновизантийских об-
стоях, в «простом» виде — на византийском востоке и в балканских
странах (он представлен и в Херсоне несколькими памятниками).⁸⁵

В XI—XIII вв. в Херсоне продолжали развивать именно эту компо-
зиционную основу — крестовокупольную композицию со свободно стоя-
щими устоями. Близ агоры, на склоне к северному берегу, высился не-
большой крестовокупольный храм (так называемый № 21, внешние раз-
меры его 11.4×6.5 м) с тремя гранными апсидами, четырьмя крещатыми
столбами, несущими купол, и узким нарфиком (рис. 34). Прежняя архи-
тектурная схема приобрела здесь существенные особенности: помимо
членений внутри здания, появились наружные членения трехступенча-
того профиля, обрамляющие впадины-филенки. Членения эти полностью
соответствуют внутренним, образуя как бы архитектурный скелет с 16
устоями, соединенными сравнительно тонкими стенами. Такого рода
глубокое расчленение фасадов, при котором стена трактована как запол-
нение, необычно в зодчестве греческих провинций и, наоборот, характерно
для константинопольской архитектурной школы, как и балканских стран
(Болгарии, Сербии) в XIII—XIV вв. По-столичному выглядят и гранные
апсиды, а внутри здания — многоуступчатый в плане («перспективный»)
переход от средней апсиды к собственно храму. Однако черты константи-
нопольской архитектурной школы, выраженные в разработке фасада,
здесь как бы наслонились на типичную для византийского востока основу
в виде композиции «простого» крестовокупольного здания.

Греко-восточный облик подчеркивает и техника постройки — ее
кладка. Подобно своим предшественникам храм построен из бутового
камня, подтесанного с лица (лишь конструктивно важные части — пи-
ластры, арки, углы — сложены из штучных тесаных блоков), но, в от-
личие от храмов X—XI вв., здание было тщательно облицовано гладко
тесанными плитами, придающими фасадам четкость и монументаль-
ность. Эта техническая особенность была свойственна и другим богатым
храмам Херсона; такова церковь-усыпальница, пристроенная к город-
ским стенам близ башни Зинова, церковь рядом с восточной базиликой.

Наоборот, такая строительная техника не характерна для констан-
тинопольской архитектуры, где обычным до конца средневековья ос-
тавалось использование кирпича, нередко чередующегося со слоями
камня; не характерна она и для позднесредневековой архитектуры бал-
канских стран. Зато такая кладка с облицовкой обычна в XII—XIII вв.
на Востоке — в Закавказье, в Малой Азии, в частности в Трапезунте.
В последующее время эта техника становится обычной в архитектуре
Крыма (XIV—XVI вв.).

Аналогична другая херсонская церковь, но очень плохо сохранив-
шаяся, расположенная в северо-восточной части городища, рядом с глав-
ной улицей (храм № 6). Это тоже небольшая крестовокупольная четырех-
столбная постройка (наружные размеры 10×6 м); нарфик отделялся не
сплошной стеной, а колоннами. Снаружи здание было облицовано гладко
тесанными плитами и, судя по нескольким сохранившимся пилястрам,
имело снаружи архитектурную разработку, аналогичную в храме № 21.
Церковь была двухэтажная: подцерковье занимала усыпальница, при-
надлежавшая, очевидно, херсонской знати, как и двухэтажные церкви-
усыпальницы X в. (см. главу III).

Оба храма (№№ 21 и 6), к которым следует присоединить простые
крестовокупольные церкви, не одиноки. К ним примыкает крестовокупольный
храмик, находившийся близ с. Горянка (бывш. Лака), недалеко от Бах-
чисаря (рис. 35 и табл. XXII, I). В плане это небольшой квадрат (6.4×
6.3 м) с равными ветвями креста, с тремя апсидами и четырьмя свободно

стоящими устоями в виде восьмигранных колонн; пониженные углы завершались плоскими сферическими сводами. Таким образом, храм, как и херсонские, следует «просто» типу крестовокупольных зданий. Как и в Херсоне, средняя гранная апсида обработана плоскими филёнками; фасады, как и там, расчленены плоскими пилястрами (соответствующими внутренним лопаткам, которые отвечают колоннам), соединёнными сверху арками. Однако эта аркатура не развита и носит характер плоскостной декорации, лишь чисто внешне и упрощённо воспроизводящей определённую манеру, разработанную архитектурной школой византийской столицы, где этот прием был особенно популярен в XIII—XIV вв. Бутровая кладка с гладко тесанной облицовкой еще более сближает храм в Лаке с херсонскими храмами. Дата храма — конец XIII или начала XIV в.⁸⁶

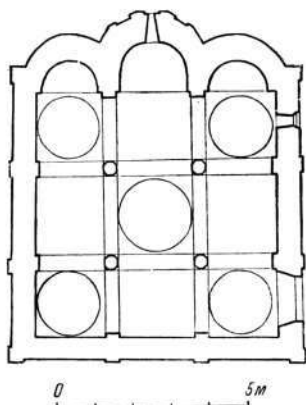

Рис. 35. Сел. Лака. Храм Троицы. XIII—XIV вв. План.

Все эти храмы составляют одну архитектурную группу, объединённую общностью композиции, техникой постройки и приемом разработки фасадов. Об общем облике таких крестовокупольных зданий достаточно полное представление может дать каменная модель такого храма, найденная в Эски-Кермене в верхнем слое, т. е. в слое XII—XIII вв. (табл. XXII, 2). Модель эта служила надгробием, обычай ставить которые оказался очень устойчивым; такие же надгробия, вполне реалистично воспроизводящие позднесредневековый крестовокупольный храм, изготовлялись до совсем недавнего времени — до начала 1920-х годов (табл. XXII, 3). Это может служить косвенным указанием на то, что и сама крестовокупольная композиция храма не исчезла после XIII в., и ей продолжали следовать в дальнейшем.

Храм в Лаке по своей архитектуре настолько близок к храмам Херсона, что невольно возникает предположение о постройке его херсонской строительной артелью. Так или иначе, в этом храме непосредственно сказалась роль Херсона как рассадника строительной и художественной культуры в юго-западном Крыму.

В формировании этой культуры проявились давнишние связи с Малой Азией, с зодчеством которой роднится вся архитектурная система рассмотренных памятников. Вместе с тем монументальная архитектура позднесредневекового Херсона несомненно впитала в себя и некоторые черты константинопольского зодчества (особенно в разработке фасадов). Как видно, херсонская феодальная знать — богатые ктитори храмов и родовых церквей-усыпальниц — стремилась подражать византийской архитектуре. Но в обстановке XIII в., когда Херсон был оторван от Византии, такое стремление уже не могло найти достаточного отклика в ремесленно-художественной среде: для выполнявших их заказ местные строители византийская архитектурная мода была чужда; отдельные черты столичной архитектуры они поэтому воспринимали чисто внешне, как декорацию, не изменяя самой основы архитектурной системы, общей для всех херсонских храмов после XI в.

Херсон в XII—XIII вв. все еще оставался экономическим и политическим центром западного Крыма, ибо к нему тяготели феодальные князья этого района. Это был и церковный центр.

Неудивительно, что так сильно ощущалось его культурное воздействие в мелких городах Крыма, особенно в городах княжества Феодоро.

Один из них изучен лучше — это знакомый нам Эски-Кермен,⁸⁷ древнее название которого остается пока неизвестным (рис. 36). Поселение расположено на плато узкой и вытянутой с севера на юг малодоступной горы, окруженной обрывами и крутыми скатами. Сюда в город вела вырубленная в скале, извилистая и сильно наезженная колесная дорога, переходящая в главную улицу (табл. XXIII, 1). В позднесредневековый период (XII—XIII вв.) поселение было открытым, не имело внешних укреплений: раннесредневековые стены, утратившие позднее свое боевое значение, были большей частью разобраны; остались лишь вырубленные в скале постели. Во время осады пользовались подземным хранилищем воды, устроенным, вероятно, в предшествующий период; туда вела вырубная лестница в 95 ступеней. Кругом в долинах были разбросаны земледельческие поселки.

Само плато, как показали раскопки,⁸⁸ было почти сплошь и тесно застроено жилыми домами того же облика, что и в Херсоне (рис. 37, табл. XXIII, 2). Как и там, некоторые помещения дома были несомненно двухэтажными, причем нижний этаж был каменным (сложен из бута на глине; основания кладок врублены в скалу), верхний — деревянный или имел в основе деревянную конструкцию. Небольшие помещения нижнего этажа использовались в качестве хозяйственных кладовых с более или менее глубокими подпольными, вырубленными в скале прямоугольными подвалами для припасов, где стояли шифсы (обычно два-четыре); для установки их на дне подвалов вырубали гнезда. В подвалы, имевшие деревянное перекрытие, спускались через люк по деревянной лестнице.

Помещения второго этажа, в основном деревянные, являлись, как и в Херсоне, собственно жилищами. Туда, как правило, поднимались по каменной лестнице (две таких лестницы открыты раскопками 1936 и 1937 гг.). Как и в Херсоне, дома были покрыты массивной черепицей частью персонского, частью местного производства, на что указывают ремесленные рельефные знаки на них. Очень вероятно, что второй этаж, судя по

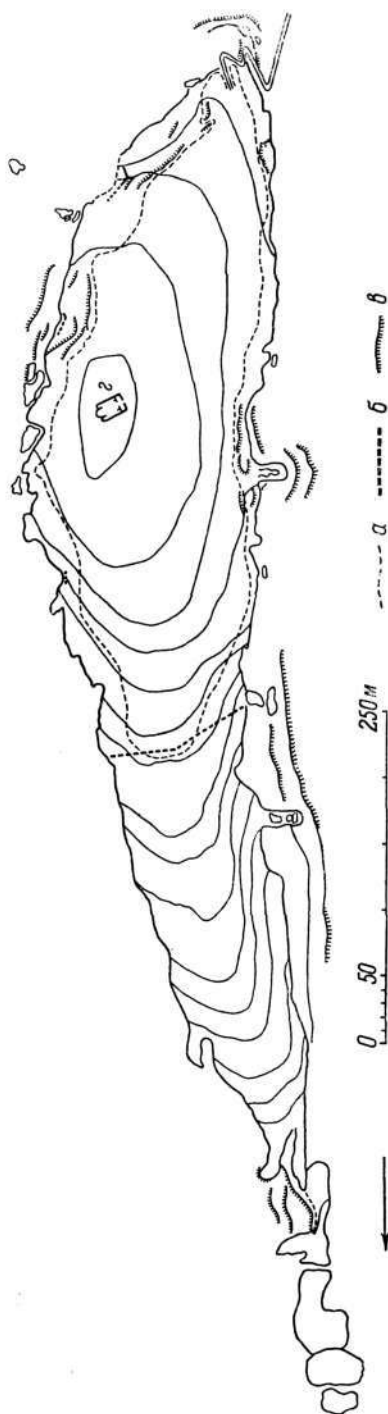

Рис. 36. Эски-Кермен. Общий план города.

а — древняя дорога, вырубленная в скале; б — городская линия; в — уступы скалы; г — базилика.

археологическим данным, имел нависающие балконы (эркеры), ставшие с тех пор и до недавнего прошлого традиционной особенностью жилой архитектуры в городах всего Причерноморья.

Из-за недостатка места внутренние дворики эски-керменских домов, как показали раскопки, были еще теснее и меньше, чем в Херсоне, и, возможно, являлись крытыми.

Как и там, дома выходили в узкие проулки с неизбежными при скученной застройке тупиками, которые вели от переуллка ко входу в дом. Все это очень напоминает одновременные жилые кварталы Херсона с их жилыми домами, которые словно перенесены в уменьшенном виде на плато Эски-Кермена, хотя и приобрели при этом некоторые узкоместные особенности.

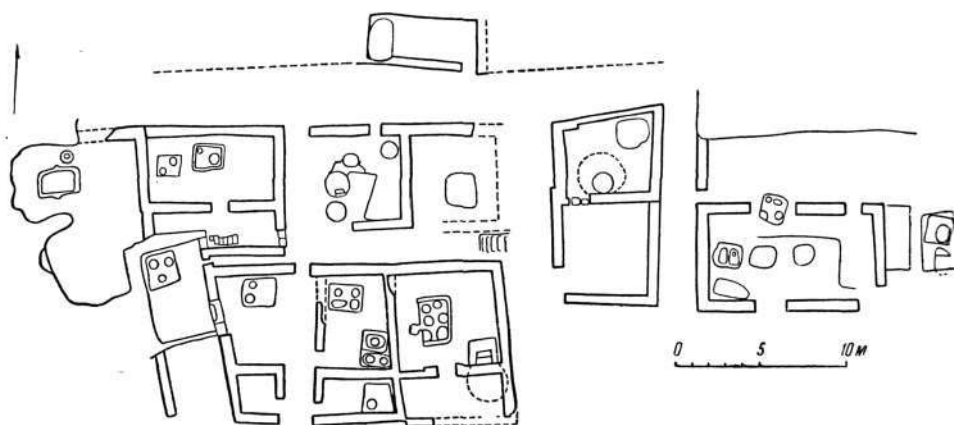

Рис. 37. Эски-Кермен. Жилые усадьбы XII—XIII вв. Раскопки Н. И. Репникова в 1936 и 1937 гг. Схематический план.

Все склоны Эски-Кермена изрезаны пещерами (их насчитывают более 350): они разного времени, но большей частью XII—XIII вв. и различного назначения. Одни служили хлевами для скота (сохранились вырубные кормушки), другие — для производственных целей. Во многих из них находились тарапаны для давки винограда и резервуары для виноградного сока.⁸⁹ Это была подземная часть надземного города, как бы дополнение к нему, составлявшее с ним одно целое.

Ближе к поверхности плато были расположены небольшие пещерные церкви, воспроизводившие формы наземных. Здесь их строили не на поверхности, где и так было тесно (ширина плато всего 170 м), а вырубали в скале: это было намного дешевле и прочнее. Стены некоторых из этих пещерных церквей были покрыты штукатуркой с фресковой росписью на евангельские сюжеты, однако очень плохо сохранившейся. Скорее всего это были именно приходские церкви, как в Херсоне, где естественные условия (структура скалы с прослойками глины) не позволяли их вырубать.

Было в этом городке и свое ремесленное производство, свои кузнецы и свои гончары, следовавшие херсонским образцам. На это указывают ремесленные рельефные знаки на кровельных черепицах, известные пока только на городище Эски-Кермена и не встречающиеся в Херсоне. Но сельскохозяйственный элемент, в противоположность Херсону, здесь доминировал.

В самом конце XIII в. Эски-Кермен, просуществовавший с перерывами почти тысячелетие, был разгромлен и сожжен нахлынувшими

в Крым полчищами татар. Раскопки 1936—1937 гг. открыли картину страшного погрома, после которого жизнь здесь замерла навсегда.

К этому городку, как к центру, тяготела и местная землевладельческая знать. Надо полагать, что именно ей принадлежали небольшие, вырубленные в скале церкви-усыпальницы с замечательной фресковой росписью. Одна из миниатюрных церквей (рис. 38, табл. XXIV, 1), расположенная на юго-восточном склоне плато, высечена в огромном камне; внутри ее несколько гробниц. Церковь была, очевидно, связана с усыпальницей, вырубленной в соседней каменной глыбе. Да и трехлопастный план сооружения следует еще раннесредневековой традиции церквей-мавзолеев.⁹⁰

На стене северной плоской ниши сохранилось, хотя и плохо, изображение трех всадников — святых воинов, из которых средний поражает змея, два других держат копья острием вверх; длина изображения 1.85 м; всадники изображены на темно-зеленом фоне, в парадных ярких одеждах,⁹¹ с развевающимися плащами, вполне в манере поздневизантийской живописи. Интересна сама тема изображения — Георгий всадник-драконоборец. Сюжет этот, сложившийся на византийском востоке — в Малой Азии, стал там (как и в Болгарии) особенно популярным, вытеснив другие образы Георгия (мученика, пешего воина), в противоположность центрально-византийским областям, где такого рода изображения редки.⁹² Роспись выполнена рукой большого мастера; принадлежал ли он к местной художественной школе или являлся приезжим, сказать пока трудно, ибо слишком мало сохранилось в Крыму произведений средневековой живописи.

Тем ценнее остатки другой позднесредневековой росписи (рис. 39, табл. XXIV, 2), сохранившейся в маленькой пещерной церкви-усыпальнице (в виде прямоугольника со скамьями по сторонам и с полукруглой апсидой), так называемом «храме донаторов» (т. е. ктиторов), находящейся несколько в стороне от плато — на окраине современного селения Крепкого (бывш. Черкес-Кермен).⁹³ Здесь сохранились остатки изображения Христа с пятью святыми (в крещатых одеждах) по сторонам его в апсиде), фрагменты росписи на евангельские сюжеты (благовещение, крещение, сретение) и поясных фигур святителей (на потолке); кроме того, частично уцелели изображения воинов Дмитрия Солунского и Георгия Победоносца, но не в виде всадника, а в рост; в узком же арко-солии западной стены помещены изображения самих ктиторов: мужской фигуры в богатой красной одежде, женской — в монашеской одежде и другой женской фигуры в красноватой одежде с короткими рукавами и остроконечном кокошнике на голове. Это, вероятно, те, кто были погребены в родовой усыпальнице. Роспись, как полагают,⁹⁴ принадлежала руке столичного художника.

Рис. 38. Эски-Кермен. Пещерная церковь «трех всадников». XIII в. План.

Возможно, что эта церковка-усыпальница входила в состав небольшого монастырька, подобного другим небольшим пещерным монастырям юго-западного Крыма, возникшим еще в иконоборческое время (см. главу II) и продолжавшим существовать в XII—XIII вв. в Качи-Кальоне (на р. Каче), Чилтере и Шулдане (в долинах, окружающих Эски-Кермен), Тепе-Кермене (близ Бахчисарая), Инкермане (в устье р. Черной),⁹⁵ где, по-видимому, было два или три монастырька, и на южной стороне Мангуна, где пещерная церковь, как и в Эски-Кермене, была украшена фресковой росписью; уцелевшие фрагменты указывают на одновременность ее фрескам пещерных храмов Эски-Кермена.

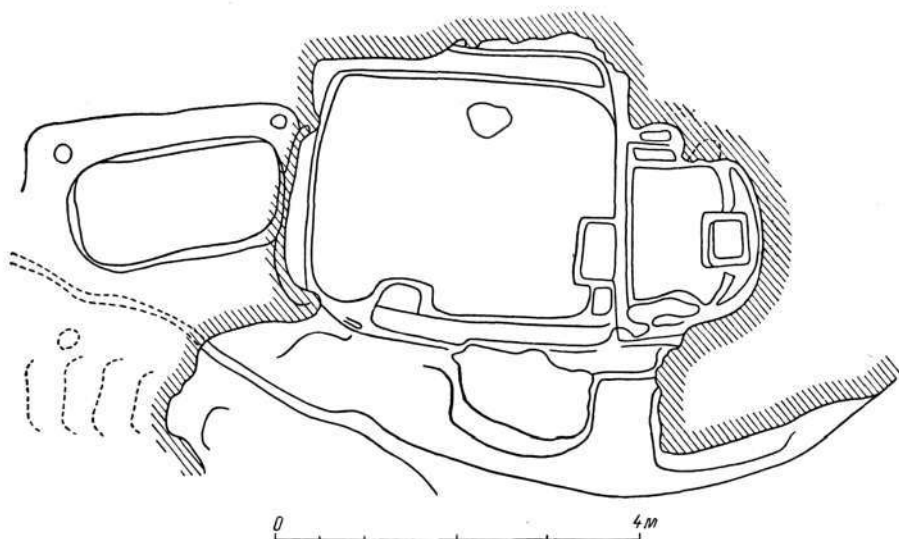

Рис. 39. Эски-Кермен. Пещерный «храм донаторов». XIII в. План.

По соседству с пещерными сооружениями, которые, вероятно, входили в состав таких монастырей, видны вырубленные в скале зерновые ямы, повторяющие формы пифосов (например, на Тепе-Кермене, Качи-Кальоне) и расположенные обычно гнездами. Хранилища эти были связаны, очевидно, с сельским хозяйством монастырей, а часто встречающиеся там пещеры с тарапанами указывают на виноделие как развитую отрасль их хозяйства.

Недалеко от Эски-Кермена (всего в 5.5 км) на плато большой столовой горы Мангун высился замок обосновавшихся здесь (вероятно, в XII в.) владетелей княжества Феодоро, на месте некогда большого, но потом заглохшего поселения Дорос (см. главу I). Позднее, на протяжении XIV и XV вв., он вырос в городок, который приобрел заметный политический вес в жизни Крыма (в следующей главе о нем будет речь). Однако небольшие раскопки, которые велись на Мангуне (до революции и в 1938 г.), не дали материала для интересующего нас периода.⁹⁶ Поэтому облик поселения того времени и его культура остаются пока неясными.

Существовали и другие городки, например Чуфут-Кале (возможно, что это древние Фуллы),⁹⁷ но начатые здесь недавно раскопки также не дали пока материала XII—XIII вв.

Остаются неизученными и деревенские поселения юго-западного нагорья. Между тем, по словам знатока этих мест, В. П. Бабенчикова, исходившего их вместе с краеведами, «нет никакого сомнения, что долины

(в районе Эски-Кермена и Мангуна, — А. Я.) были густо заселены еще в эпоху раннего феодализма, во всяком случае гуще, чем в настоящее время . . . Всюду на окрестных скалах можно наблюдать ясно выраженные следы прискальных построек, лепившихся как под утесами, так и около отдельных камней, свалившихся с утесов в долины. О густой населенности этих долин в древности говорят и остатки широких мощеных дорог, каптажи источников, а в лесах — не заросшие еще лужайки с остатками одичавших культурных растений (виноград, груша и др.) и множество керамики на поверхности, которая датируется эпохой от V до XIII вв.»⁹⁸

Города восточного Крыма — Кафа и Судак — еще хуже изучены, так как систематических раскопок здесь не производилось,⁹⁹ сохранившиеся же в них наземные памятники относятся почти исключительно к XIV и XV вв., а имеющиеся письменные источники содержат, как видели, сведения лишь об их экономической и политической жизни.

Очень вероятно, что в культуре населения этих многоязычных городов уже в XII—XIII вв. сказались их международные связи со странами Запада и Востока; но конкретные проявления этих связей остаются пока не изученными.

Мы не имеем никаких данных о тогдашних сельских поселениях восточного Крыма и, следовательно, об их культурном облике; не можем ничего сказать о преемственности населения и о том, насколько удержалась в этом районе алаано-болгарская культура, господствовавшая здесь в предшествующие периоды, до запустения края.

В историко-культурном отношении восточный Крым XI—XIII вв. пока еще белое пятно.

В конце XIII—начале XIV столетия обозначился рубеж двух периодов истории средневекового Крыма. Содержанием первого из них было перемещение экономического средоточия Крыма в восточные его районы, а вместе с тем оживление земледельческих поселений и городков в юго-западном нагорье и образование в этой части Крыма полусамостоятельных феодальных княжеств, однако экономически еще, по-видимому, слабых. Конец этого периода отмечен татарским вторжением, катастрофически отразившимся в западных районах края.

Содержанием второго периода, охватившего XIV и XV вв. (вплоть до турецкого завоевания), было возвышение и, можно сказать, расцвет городов восточного Крыма, прежде всего Кафы и Сугдеи (Судака), обязанный интенсивным торговым связям Западной Европы с Востоком, направившимся через Крым. В западных районах страны после первых татарских погромов в XIV в. наступило определенное затишье: вновь начало возрождаться сельское хозяйство и множиться население; среди продолжавших существовать феодальных княжеств выделилось и усилилось княжество Феодоро; начался процесс оседания татарской феодальной знати.

Этому второму периоду посвящена следующая глава книги.

Глава V

ИТАЛЬЯНСКИЕ КОЛОНИИ И ФЕОДАЛЬНЫЕ КНЯЖЕСТВА ЗАПАДНОГО КРЫМА (XIV—XV вв.).

1

С татарским завоеванием началась новая полоса в истории Крыма. Вышедшие в начале XIII в. из глубин Азии монголо-татары с невиданной быстротой покорили Китай, Среднюю Азию, Персию, завоевали Северный Кавказ, широкие просторы приволжских и донских степей и основали на этой огромной территории могущественное государство — Улус Джучи (т. е. государство Джучи — сына Чингис-хана), или, как его называли русские, Золотую Орду. В течение XIII в. татарская гроза, «как туча, которую гнал ветер»,¹ все больше и больше приближалась к Крыму: за первым разгромом Судака в 1223 г. вскоре последовали другие набеги (1238, 1242, 1249 гг.), пока древняя Таврика не стала татарским уделом.

Некоторое число татар уже тогда осело в Судаке и прижилось. усвоив местную греческую культуру, а многие из них даже приняли христианство. На первых порах зависимость от татар здесь, по-видимому, еще слабо ощущалась и выражалась лишь в дани, которую местные правители (севасты) регулярно отвозили Батыю. Совершив набег, татары уходили, и город оживал, возобновлялась торговля, снова отправлялись в степи торговые караваны. Об этом рассказывает современник событий — арабский писатель Ибн-ал-Асир.² И только в 1299 г. смерчем пронесшиеся по Крыму орды Ногая³ окончательно сокрушили Судак. Посетивший его в 1333 г. Ибн-Батута рассказывает: «Город этот был (прежде) велик, но большая часть его была разрушена . . . Тюрки (т. е. татары) перебили византийцев (т. е. греков) страшнейшим образом и выгнали большую часть их»; «населяют его тюрки и под их покровительством несколько византийцев, которые занимаются ремеслами. Большая часть домов его деревянная».⁴ Картину полного развала являл собой еще недавно столь богатый Судак после татарского погрома!

Самим татарам, этим прирожденным степнякам-кочевникам, он был тогда не нужен. Только позднее, в XIV в., в предгорном и горном районах Крыма — восточном (около Судака) и юго-западном — начали возникать феодальные поместья полуоседлой татарской знати,⁵ наделенные, судя по жалованным грамотам (тарханским ярлыкам), различными льготами, привилегиями и иммунитетом. В хозяйстве новоявленных феодалов уже тогда, вероятно, использовался труд рабов-пленников, как это имело место в XVI в. (см. главу VI), и, по-видимому, крепостных.⁶ Но основным объектом эксплуатации со стороны татарских феодалов (беев и мурз)

явилось подвластное им местное греческое или огреченное земледельческое население. Татары обложили его многочисленными всевозможными податями и повинностями. Взимали эти подати и следили за выполнением повинностей различные чиновники. В наиболее полном виде они названы в тарханном ярлыке, данном Темир-Кутлугом в 1398 г. на имя Мухаммеда, сына Хаджи Байрама, владения которого находились в окрестностях Судака.⁷ Это «казии и муфтии внутренних городов, их шейхи и суфии, писцы палат, сборщики и таможенники, разъезжие⁸ и дорожные, бекавулы⁹ и туткавулы,¹⁰ почтовые и станционные, сокольники, барсники, лодейщики, мостовщики¹¹ и базарные наблюдатели». Далее в ярлыке следует перечисление денежных повинностей, которыми было обязано местное население: «Повинность с виноградников . . . амбарные пошлины, плата за гумно, ясак с арыков, собираемых с подданных¹² по раскладке,¹³ и подать и расходы, называемые каланом».¹⁴ Наконец, в ярлыке указываются натуральные феодальные повинности: обязательство поставлять подводы, предоставлять постой, корм и пойло для постое. А кроме того, существовали чрезвычайные поборы и налоги. Все эти подати и повинности населения шли теперь в пользу тархана-обладателя ярлыка).

Перечисленные подати, особенно денежные, связаны были с земледельческим хозяйством и потому относятся, очевидно, к местному греческому населению в районе Судака, но не к татарам, которые начали переходить к оседлому земледелию только в XVI в., хотя началось их оседание, возможно, уже тогда, в период освоения татарской знатью земледельческих районов Крыма.

В XIV же веке татары начали выделять из своей среды городской элемент, сосредоточившийся в издавна существовавшем поселке неподалеку от Судака — Солхате (в 23 км к востоку от Феодосии), городе, расположенном в широкой долине у подножия горы Агармыш, богатой источниками. Город возник еще в античную эпоху,¹⁵ а перед приходом татар здесь, как предполагают, находилась армянская колония.¹⁶

Сначала это был маленький поселок. Однако Солхат на редкость быстро, уже в начале XIV в., превратился в большой торговый и ремесленный город и стал на некоторое время, можно сказать, одним из важнейших центров экономической жизни Крыма, а вместе с тем и политическим центром татарского господства.¹⁷ Татары дали этому городу название Крым, распространившееся впоследствии на весь полуостров. К Солхату (Крым) в конце XIII и в XIV в. перешла роль старой Сугдеи.

Расцвет Солхата относится к временам наибольшего могущества Золотой Орды, особенно ко времени хана Узбека (1312—1342 гг.). Возобновившаяся в конце XIII в. и быстро разраставшаяся торговля между Западной Европой и Азией, в значительной мере направившаяся через порты Крыма (Кафу и Солдайю) и далее караванным путем через приазовские степи к Астрахани, затем в золотоордынский город на Волге Сарай Бату, а оттуда в Среднюю Азию и Дальний Восток,¹⁸ в конце XIII и в начале XIV в. проходила именно через Солхат. Сюда съезжались и вели оживленный торг мусульманские купцы из Средней Азии и Персии, привозившие кожи, шелк, «душистые товары» (т. е. пряности), русские «гости» с дорогими мехами, аланские купцы и итальянцы, скопавшие эти товары для вывоза в Западную Европу. Бойкая торговля Солхата умножала богатство его владельцев и способствовала его росту. Начало XIV в. застаёт Солхат уже большим и в своем роде международным центром, тогда еще не уступавшим по значению Кафе. По словам одного арабского писателя второй половины XIII в., «его населяли люди разных наций, как то кипчаки (т. е. половцы), русские и аланы»;¹⁹ немало было, конечно, и татар, о чем свидетельствуют надписи на старых надгробиях.

Ныне этот маленький, утопающий в зелени город, перепланированный в XVIII в., уже утратил свой средневековый облик, но и до сих пор еще сохранилось в нем немало памятников, способных дать представление о старом Солхате.

В XIV в. Солхат был окружен крепостными стенами, охватившими большое пространство. Их еще видели путешественники конца XVIII в.²⁰ Где-то вблизи въезда в город находился вместительный караван-сарай (гостиница), расположенный неподалеку от деревни, носившей название «Тамгаджи»; название это указывает, что там была таможня: производился досмотр и клеймение вывозившихся товаров. Остатки караван-сарая сохранились до сих пор.²¹ Это огромный пятиугольник площадью в 2500 м² с башнеобразными пристройками. Вход в виде портала, украшенного резьбой, вел во внутренний двор, вымощенный плитами. Вдоль каменных стен шли легкие галереи на деревянных столбах, разделенные на отдельные комнаты для постояльцев. Под галереями было достаточно места для склада товара. Караван-сарай имел глиняный водопровод.

Такого рода караван-сарай в XII—XIII вв. были широко распространены на Ближнем Востоке и с теми или иными отличиями часто встречаются на караванных путях Малой Азии и Закавказья.²²

В Солхате выросло и свое ремесленное производство. Высокого качества художественная поливная посуда местной выделки постоянно встречается здесь. Это преимущественно небольшие миски и блюда на высоком поддоне или кувшины, украшенные выразительным и броским орнаментальным или растительным графическим рисунком с ритмическим чередованием толстых и тонких врезных линий и полихромной подглазурной расцветкой. Рисунок явно рассчитан на декоративный эффект: блюда, расставленные на полках, смотрели издалека. Вероятно, этим объясняется их некоторая грубоватость. В этих ярких произведениях гончарного ремесла отражена давняя традиция художественно-керамического производства, известная нам хотя бы по поливной керамике XII—XIII вв. из Херсона. В Солхате, как и в соседней Кафе, эта традиция получила дальнейшее развитие; солхатско-кафская художественная керамика приобрела своеобразный и самобытный облик.

Остатки гончарных мастерских с обжигательными печами, сложенными из небольших кирпичей, открыты были при земляных работах, одна из них — под стенами караван-сарая.

Солхат в XIV в. был, по-видимому, густо заселен. Среди многочисленных построек городского люда выделялся дворец ханов, который еще видел ученый путешественник конца XVIII в. Паллас, видел он здесь и татарские бани.²³ По свидетельству Мартина Броневского, побывавшего в Солхате в 1578 г., там существовал двор, где чеканили татарскую монету.²⁴ Немало было в Солхате мечетей. Еще в 1287/88 г. египетский султан Бейбарс послал «2000 динаров, предназначавшихся для постройки мечети в Крыме, на которой должны были быть начертаны титулы султана; он послал (также) своего каменотеса для иссечения их (титулов) и для росписи их красками».²⁵

От всего этого уцелело немного. Из трех сохранившихся мечетей одна особенно интересна. Это мечеть с надписью на портале, где сказано, что она построена Абдуль Азизом, сыном Ибрагима Аль-арбелли в дни царствования хана Узбека в 1314 г. (рис. 40, табл. XXV, 1, 2).²⁶

Мечеть очень проста по своим формам. Это базилика с тремя парами восьмигранных устоев, соединенных стрельчатыми арками, и деревянным стропильным двускатным перекрытием. К мечети с южной стороны примыкает медресе — высшая мусульманская школа в виде обширной квадратной постройки. Торжественный портал с резьбой (о нем мы знаем лишь по рисунку М. Иванова конца XVIII в. — табл. XXVI, 1) вел

в большой открытый двор, вымощенный плитами, в центре которого был сооружен фонтан. Во двор обращены три широкие сводчатые ниши, соединенные цепочкой аркад, образующих тенистые галереи; они почти окружали двор, скрывая шедшие подряд маленькие помещения — комнаты для занятий. Здесь изучали коран, читали и толковали его, а в связи с этим занимались арабским языком; занимались и законоведением, представлявшим собой дальнейшее развитие моральных предписаний корана; изучали риторику, логику, философию, арифметику и астрономию, применявшиеся все в той же религиозной сфере — они нужны были для понимания мусульманского календаря и для определения времени молитв и других обрядов.

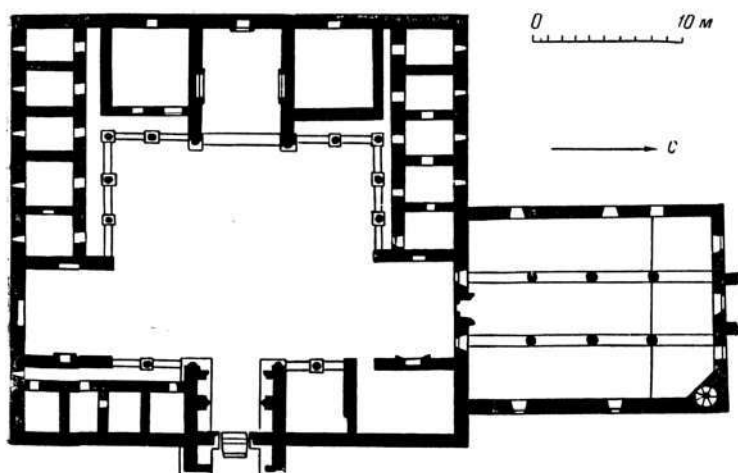

Рис. 40. Солхат (Старый Крым). Мечеть-медресе хана Узбека, 1314 г. План.

В здание медресе было включено небольшое дюрбе (мавзолей) со сводчатым склепом, занявшее северо-восточный угол постройки. В дюрбе на деревянном постаменте, обложенном поливными бирюзовыми плитками, стояло мраморное надгробие с тонко вырезанным орнаментом с позолотой.

Архитектура солхатской мечети-медресе ведет нас в сельджукскую Малую Азию: форма базилики (большая часть сводчатой) была там в XIII в. обычна для караван-сарая, как в соседней Армении. Нередко такая базилика сочетается с широким двором, к стенам которого примыкают помещения для постояльцев; иногда ряд помещений прерывается, как в солхатском медресе, сводчатыми помещениями в виде широких ниш, где размещались животные.²⁷

Архитектурный тип такого караван-сарая был выработан в Армении и уже в XII—XIII вв. получил широкое распространение в сельджукской Малой Азии (притом несомненно благодаря армянским же зодчим), откуда эта композиция, вполне сложившаяся и выработанная, и была перенесена в Солхат, где ее использовали для мечети в сочетании с медресе. Малоазийским образцам в Солхате следовали неотступно и лишь упрощали их. Очень вероятно и прямое участие в татарском строительстве заморских зодчих. Следует признать, что сами татары, в основной своей массе кочевники, так и не создали своей монументальной архитектуры, заимствованной ими из Малой Азии.

Солхатская мечеть сохранила два драгоценных образца резьбы по камню: на портале со сталактитовой нишей (табл. XXVI, 2) и на обрамлении михраба. Преобладающий здесь орнаментальный мотив — сплетенные

между собой пальметки, окруженные пышной листвой и растительными побегами с завитками; обрамление михраба заполнено вьющимися спиралью стеблями с прихотливо извивающимися отростками; в этот сплошной ковровый узор мастерски вплетена надпись. Такого рода богатая растительная орнаментика в XIII—XIV вв. была очень популярна в Закавказье и в сельджукской Малой Азии; блестящие ее образцы украшают многие храмы и крестные камни Армении и мечети Конии (в Малой Азии). нередко обязанные своим созданием именно армянским зодчим. С Арменией и связано было формирование «сельджукской» орнаментики.²⁸ Из северо-восточных районов Малой Азии это искусство непрерывным потоком культурных связей было занесено на почву Солхата, и с тех пор «сельджукская» орнаментика стала излюбленной в искусстве Крыма вплоть до XVI столетия. Это был большой вклад в художественную культуру позднесредневекового Крыма.

В медресе Солхата все обращено только вовнутрь двора с вечно журчащим фонтаном. От внешнего мира медресе отделено было глухими стенами: это замкнутый в себе мирок, отрешенный от суеты большого города. Такой и должна была быть мусульманская духовная школа — храм средневековой науки, достойный богатого города. Таким в XIV в. несомненно и был Солхат. Недаром арабский писатель того времени Абульфеда называл его «столицей Крыма».

2

Своим ростом и богатством Солхат во многом обязан был соседней Кафе (совр. Феодосия), которая во второй половине XIV и в XV в. занимала господствующее положение в экономической жизни Крыма. В течение всего этого времени Кафа была крупнейшим городом и портом Крыма и одним из наиболее важных центров во всем Средиземноморье благодаря своему значению в торговле Западной Европы с Востоком. В XIV в. эта торговля перешла в руки итальянских купцов, преимущественно генуэзцев.²⁹

Появившись на северных берегах Черного моря еще в XII в.,³⁰ они уже в середине следующего столетия (в 1261 г.) за помощь, обещанную ими императору Михаилу Палеологу в сокрушении латинского владычества в Византии, получили исключительное право торговли на Черном море и одновременно добились запрещения торговать здесь венецианцам. Вскоре после этого, в конце 60-х годов XIII в., они основали в Кафе, тогда глухом греко-аланском поселке, находившемся под властью татар, свою торговую факторию. Их давние конкуренты — венецианцы — вскоре обосновались в Солдае (совр. Судак), установив в 1347 г. по договору с золотоордынским ханом Джанибеком торговые связи с Таной (совр. Азов, близ устья Дона). Начавшаяся в 1350 г. из-за торговой конкуренции шестилетняя война между Венецией и Генуей привела к победе последней, и с тех пор и до прихода турок (в 1475 г.) генуэзцы почти безраздельно господствовали в черноморской торговле. Они завладели Солдаей и основали целую сеть торговых факторий: в Воспоро (Боспоре, т. е. совр. Керчи), в Чембало (совр. Балаклава), а в Приазовье — г. Тапу, откуда в массе вывозились хлеб и соленая рыба (как и икра), преимущественно в Византию и Геную.³¹ Во второй половине XIV в. Тана сильно выдвинулась в торговле итальянских купцов (сначала венецианцев, позднее генуэзцев) с восточными странами. Из Таны расходилось несколько торговых путей, проторенных предприимчивыми итальянцами со времен Марко Поло. Водный путь шел на север по Дону, караванный — в Астрахань, от которой дорога разветвлялась: один путь вел вдоль Каспия и в Закавказье и Персию, откуда вывозился столь ценившийся на

Западе шелк, другой путь из Астрахани шел в Среднюю Азию, сначала к Сарай-Бату, оттуда к устью р. Урала, затем в Ургенч и далее в Китай.³² Так было в первой половине XIV в.; во второй половине столетия и в XV в. в Среднюю Азию стали ездить Доном к переволоке между Доном и Волгой, оттуда — к Сараю-Берке, далее к Астрахани, затем к устью р. Урала и т. д. Лежавшие на этом пути Сарай-Бату и Сарай-Берке были преимущественно транзитными пунктами; обширная торговля Запада с Востоком в сущности обошла приволжские города Золотой Орды, в конце XIV в. пришедшие в упадок; значение Солхата вследствие этого также сильно упало. Нескольким торговым факториям основали генуэзцы на восточном и на южном побережье Черного моря: Копу (в устье р. Кубани), Севастополь (в бухте совр. Сухуми), в Трапезунте, Синопе, Амастре и др.

Центром всех этих колоний, и административным, и экономическим, средоточием всей черноморской торговли стала Кафа. Генуэзцы вели себя на Черном море как дома, полностью изгнав оттуда греческих купцов; об этом с горечью повествует греческий хронист XIV в. Никифор Григора.³³ Наименование кафинского консула, назначавшегося из Генуи — «глава (Кафы) и всего Черного моря»,³⁴ имело тогда вполне реальное содержание. В XIV и XV вв. Кафа стала важнейшим международным центром торговли Запада с Востоком.

В XIV в. в эту торговлю включилась и Москва. Московская торговля с Кафой вскоре приняла систематический характер и начала входить в экономический быт Московской Руси. Московские купцы, которых по традиции продолжали называть «гости-сурожане», все чаще и чаще ездили в Кафу, прельщавшую их своими международными связями, а греческие, армянские и генуэзские купцы из Кафы ездили в Москву, где они обрели новый большой рынок для своих товаров. Особенно широкий размах эта «сурожская» торговля с Кафой и через Кафу³⁵ получила во второй половине XV в., продолжалась она и после захвата Крыма турками (1475 г.). Московские «гости» приезжали сюда ежегодно большими группами (правильно организованными караванами), иной раз успевая побывать здесь по нескольку раз в год. Они привозили для продажи большие партии северных мехов (соболей, горностаев, лисиц и пр.) и изделия из них, не зная себе конкуренции, а также холсты, кожи, седла и вооружение (колчаны, стрелы и пр.), находившие сбыт главным образом среди татар. В Москву они вывозили дорогие шелковые ткани и такие редкие в Москве товары, как мыло, сахар; миндаль перец, гвоздику и другие пряности.³⁶ Вместе с купцами в Кафу приезжали и московские ремесленники — скорняки, ювелиры, изделия которых, по-видимому, особенно ценились в Крыму. Здесь они работали, здесь же и продавали свои изделия.³⁷ Московские «гости» и ремесленники жили в Кафе особой колонией, купцы имели свои «каморы», куда складывали товары, а ремесленники — свои лавки.³⁸ Это была сильная русская струя в жизни многоязычной торговой и ремесленной Кафы.³⁹

«Это большой город, который тянется вдоль берега морского», — рассказывает о Кафе арабский путешественник Ибн-Батута, посетивший ее в 1334 г. Он и его спутники «прошлись по городу и увидели в нем прекрасные базары. . . Спустились мы в гавань его (Кафы) и увидели чудную гавань: в ней (было) до 200 судов военных и грузовых, малых и больших. Это одна из известных гаваней мира».⁴⁰

Кафа быстро росла и к XV в. стала одним из наиболее многолюдных городов Средиземноморья.⁴¹ Во второй половине XV в. здесь насчитывали до 8000 домов с 70 000 населения.⁴² Столь многолюдного города еще не знала история Крыма.

Основную часть населения Кафы в XIV, как и в XV в., составляли, по-видимому, греки и армяне; с течением времени быстро росло татарское

население; много жило здесь евреев; выделялись, как говорилось, русские купцы и ремесленники. Кроме того, источники называют валахов (современные румыны), поляков, грузин, черкесов, мингрельцев.⁴³ Это был большой, многоязычный, морской, торговый и ремесленный город.

В гавани ее грузились товары, доставлявшиеся торговыми караванами из городов Поволжья, Средней Азии, из далекой Индии и северной России. Очень большое значение имело то, что производилось в самом Крыму и смежных районах Приазовья и Прикубанья, прежде всего зерновой хлеб, больше всего просо, затем ячмень и пшеница. Как видно, после первых татарских погромов в Крыму вновь наладилось сельское хозяйство. Не меньшее значение имела и соленая рыба, вывозилось и вино. Все это продовольствие, главным образом зерновой хлеб, в массе вывозилось преимущественно в Константинополь, который в те времена снабжался в основном из Крыма.⁴⁴ Временные перебои в привозе доводил византийскую столицу чуть ли не до голода; об этом рассказывает нам тот же Никифор Григора.⁴⁵ Крым снова стал одной из житниц Европы. Добывавшаяся в Крыму соль, торговлю которой генуэзцы монополизировали,⁴⁶ шла в рыбацкие поселки северокавказского побережья, а строевой лес южного побережья Крыма вывозился через Кафу в Константинополь, Сирию, Северную Африку (Египет) и другие области.

Под эгидой генуэзцев Кафа стала и крупным невольничьим рынком: торговлей рабами из числа черкесов, абхазцев, грузин, которых покупали главным образом в Копе (устье Кубани), а также татар и русских генуэзцы не только не гнушались, но, наоборот, поставили на широкую ногу и извлекали из нее большие прибыли.⁴⁷ Они снабжали невольниками египетских султанов для их войска и вывозили их на запад.

Уже в конце XIII в. Кафа предстает перед нами и как ремесленный центр, интенсивно развивавшийся в течение XIV и XV вв.⁴⁸ Здесь существовало немало мастерских (вместе с лавками при них), обслуживавших массу горожан: документы упоминают булочников, мясников, портных, мыловаров, кожевников, в XIV и XV вв. было, вероятно, много гончарных мастерских, изготавливавших не только простую повседневную, но и поливную художественную посуду. Большое значение в Кафе приобрели ремесла, связанные с судостроением (здесь строили преимущественно небольшие весельные галеры); этим делом были заняты кузнецы, плотники, батиболи (изготавливавшие железные листы для обшивки корпуса судна), конопатчики, прядильщики и ткачи парусов и пр. Некоторые из этих ремесленников (канатчики, конопатчики, а также каменщики) были объединены в цехи, возникшие еще, вероятно, в конце XIII в.⁴⁹ Другую сравнительно большую группу ремесленников составляли скорняки, работавшие главным образом на вывоз. Ими являлись преимущественно итальянцы, отчасти армяне и греки; работали здесь, как сказано, и русские скорняки. Скорняки жили на одной улице и, по-видимому, также имели свою цеховую организацию.

Развитие внутренней торговли и ремесла, сопровождаемое ростом денежного обращения, вызвало необходимость выпуска собственной местной монеты. Чеканка ее началась в Кафе не позднее конца XIV в. и продолжалась (возможно, с перерывами) до начала 70-х годов XV в.⁵⁰ Основной денежной единицей, имевшей хождение в Кафе, была мелкая монета — серебряный аспр, на лицевой стороне которого помещены герб Генуи (после 1453 г., когда Кафа перешла во владение банка св. Георгия, стали помещать св. Георгия, попирающего дракона) и латинская надпись, а на оборотной — татарская тамга (первое время — тамга Золотой Орды, позднее — тамга крымских Гиреев)⁵¹ и арабская надпись. Последнее объясняется тем, что монеты эти были предназначены не только для Кафы, но и для торговли с татарами.⁵² Тем самым монеты служили одним

из средств экономического влияния генуэзцев в татарских центрах. Особая монета чеканилась в Тане.⁵³

Шумная и неугомонная, вечно бурлящая торговая и ремесленная Кафа была полна социальных контрастов. Они порождались не только неравноправием генуэзцев и всей остальной массы горожан, но и углублявшимся расслоением внутри основных групп населения города — купечества и ремесленников.

Ремесленная среда Кафы, постоянно пополнявшаяся различными этническими элементами: и итальянцами, гонимыми из Генуи безработицей и нуждой, и греками, и армянами, и русскими, — не была однородна. Процесс расслоения в ней шел в течение всего времени владения генуэзцев (конец XIII, XIV и XV вв.): с одной стороны, увеличилась масса разорвавшихся ремесленников, попадавших в долговую кабалу, о чем свидетельствуют акты кафинских нотариусов; лишившись средств производства и оказавшись вне цеха, они превращались в наемных рабочих, беднейшую прослойку населения города, своего рода люмпенпролетариат; с другой стороны, выдвигались зажиточные ремесленники, пользовавшиеся наемным трудом, а некоторые — и рабами, и становившиеся крупными дельцами-купцами и ростовщиками. Эти социальные контрасты с течением времени усиливались; обнищавшие ремесленники стремились покинуть Кафу, чему генуэзские власти всячески препятствовали.⁵⁴

Многочисленные мелкие ремесленники вместе с мелкими торговцами из греков и армян, евреев и татар с их ограниченными интересами, заведенные растущими налогами и податями и также разорвавшиеся, наемные рабочие и хамалы-грузчики, жившие особым кварталом, и просто городская голь, пробивавшаяся случайным заработком, — все эти «нищотные люди» (*homines minuti*, как их называли генуэзцы) составляли основную массу населения Кафы,⁵⁵ экономически поработленную и политически бесправную.

Этой основной, численно доминировавшей социальной группе противостояла другая, прежде всего сами генуэзцы (*cives januens*) — богатые генуэзские купцы и феодалы, ростовщики и работоторговцы с их международными связями. Их было очень мало,⁵⁶ но зато вместе с князьями латинской церкви они составляли привилегированную верхушку общества и являлись господами положения. К ним тянулось и другое «сословие» (*cives burgensis*) — богатые купцы и ростовщики из числа греков и армян, а вместе с ними разбогатевшие ремесленники, становившиеся купцами и ростовщиками. Генуэзцы вынуждены были их тоже наделить политическими правами.⁵⁷ Вместе с ними они являлись господствующим классом Кафы.

Всю эту сложную социальную иерархию завершала генуэзская администрация, призванная осуществлять безудержную эксплуатацию местного населения.⁵⁸ Созданный генуэзцами аппарат постепенно разрастался и усложнялся — по мере того как разрасталась вся колониальная система генуэзцев на Черном море, да и сама Кафа, и усиливался классовый антагонизм, требовавший усиления полицейской власти. Массу высших и низших чиновников возглавлял консул — «светлейший господин», «благородный и мудрый», «именитый и могущественный муж» (как его называли в надписях), окруженный личной конной гвардией (в 20 человек оргузинов)⁵⁹ и дворцовым штатом, включая музыкантов, игравших во дворце и возвещавших выход консула.⁶⁰ При нем состоял совет провизоров (попечителей), осуществлявший, по-видимому, общее наблюдение за торговлей генуэзцев, ведавший полицией, постройкой и ремонтом стен и башен Кафы, сдачей на откуп сбора податей,⁶¹ а также городским благоустройством; и совет старейшин (из 8 человек), назначавшийся консулом и являвшийся органом общего контроля его деятельности.⁶² Далее избирались два массария (управляющих финансами), при которых на-

ходился целый штат чиновников казначейства,⁶³ 16 генеральных синди-ков (судей), вершивших суд и расправу.⁶⁴ Существовали торговый ко-митет,⁶⁵ комитет продовольствия, ведавший продовольственным снабже-нием города⁶⁶ (главным образом просом). Гарнизон Кафы командовал военный начальник города (capitaneus),⁶⁷ которому были подчинены сол-даты, дневная и ночная стража при воротах, сотники и десятники, взи-мавшие пошлину с соли и деньги на содержание стражи.⁶⁸ Гражданскую власть осуществляли пристав базарный (ministralis Caphe),⁶⁹ собиравший пошлины с привозимых на базар продуктов⁷⁰ и наблюдавший за про-дажей их,⁷¹ полицмейстер (cavallerius) с подприставом и 20 полицейским (servientes),⁷² откупщики различных сборов и податей.⁷³ Вся эта генуэз-ская администрация, насквозь продажная,⁷⁴ постоянно и открыто покровительствовала купеческой и феодальной знати, т. е. тем, от кого можно было извлечь больше выгоды, иногда даже в ущерб престижу генуэзской власти в Крыму (как это было с делом братьев Гуаско, о чем см. далее).

Жалобами ремесленников и мелких торговцев на взяточничество⁷⁵ и насилия генуэзцев наполнены документы по истории Кафы. Они рисуют нам страшную картину крайнего обеднения обездоленной массы город-ского люда, страдавшей и от непрерывно возрастающих налогов, и от увеличивавшейся дороговизны на продукты питания, особенно после неурожая 50-х годов XV в., и от прямого разбоя генуэзских властей.⁷⁶

Вполне понятны поэтому та напряженность в отношениях между ге-нуэзцами и местным населением и та враждебность его, которую генуэзцы постоянно испытывали; и чем дальше, тем эта враждебность сказывалась все острее и острее. Классовая борьба в Кафе разгоралась или затухала, но не прекращалась никогда. Дело доходило до открытых восстаний, как например в 1454 г., когда на улицы города вышла вооруженная демонстрация с возгласами «Да здравствует народ, смерть нобилям!». т. е. знатным,⁷⁷ имея в виду, по всей вероятности, не только генуэзцев, но и всю господствовавшую верхушку Кафы. А в 1475 г., когда Кафу осадили турки, ненависть к генуэзцам вылилась во всеобщее восстание греко-армяно-татарского населения. По словам очевидца, «на пятый день Кафа сдалась, потому что греки и армяне, жители этого города, восстали против латинцев, которых было очень мало по сравнению с ними, и ска-зали, что они хотят сдаться . . . в противном случае перережут на куски всех латинцев, которые находятся в городе Кафе, вследствие чего латинцы, не будучи в состоянии противиться такому множеству местных жителей, сдались».⁷⁸ Так закончилось бесславное владычество генуэзцев в Крыму и на Черном море.

Выразительным памятником этого владычества является крепость, которую генуэзцы создали в Кафе.

Кафа состояла из двух укрепленных частей, защищенных массивными стенами с 26 башнями (рис. 41). Первая из этих частей — это внутренняя крепость (castrum), занимавшая небольшой приморский участок (примы-кающий к нынешнему Карантину); другая часть, внешняя, являлась собственно городом (burgi), в три раза превышавшим территорию внутрен-ней крепости. Третьей частью города являлись предместья (antiburgi) — открытая часть Кафы.

Внутренняя крепость-замок была цитаделью генуэзцев, администра-тивным центром Кафы. Здесь находились дворец консула и пристроенное к нему здание суда, в котором помещалась и «машина для пыток».⁷⁹ С балкона этого здания оглашались консульские постановления. В ци-тадели располагались и другие важнейшие учреждения: казначейство со штатом счетоводов и писцов, контора для проверки весов и взыскания пошлин с сыпучих товаров, склады и магазины особенно ценных товаров — драгоценных камней, шелков, мехов и пр. Здесь же находилась residen-

ция латинского епископа. Все эти здания не уцелели, мы знаем о них лишь по упоминаниям в источниках.

Центральная часть города — оплот генуэзцев — была превращена ими в неприступную крепость; ее мощные и высокие (до 10½ м) стены с рядом прямоугольных башен частью сохранились до сих пор (табл. XXVIII, 2). Одна из самых больших башен цитадели поставлена

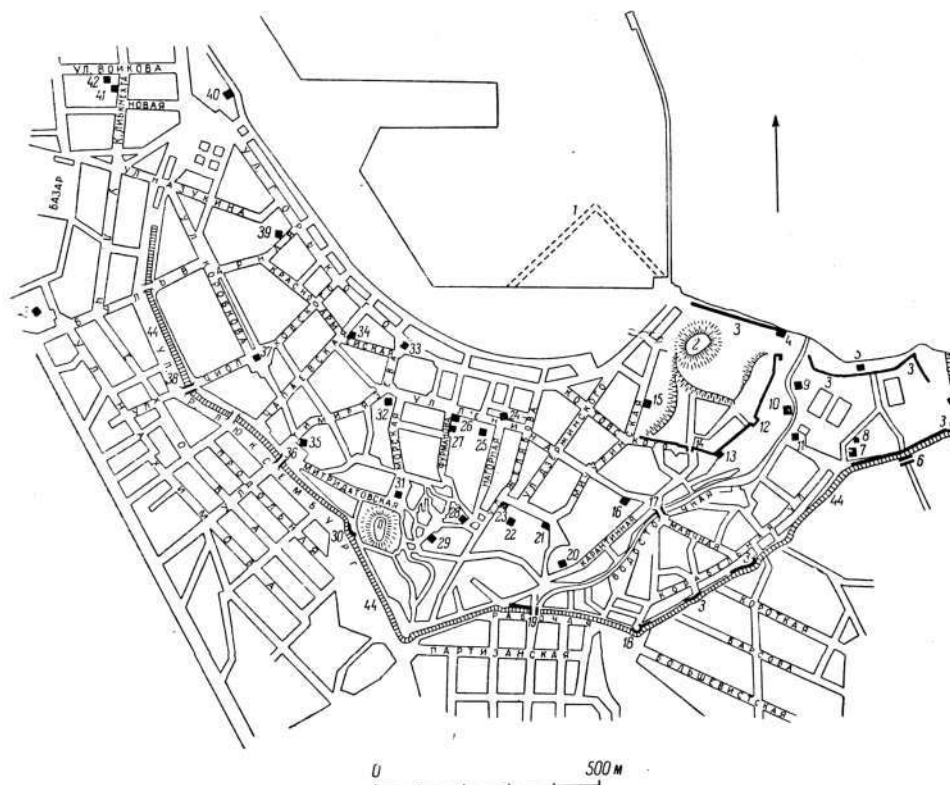

Рис. 41. Кафа (Феодосия). План города. (По Н. С. Барсамову).

1 — место древнего свайного порта; 2 — Карантинная горка. Крепость: 3 — крепостные стены XIV—XV вв.; 4 — башня Джустиниани, 1474 г.; 5 — доковая башня; 12 — «вторая» башня; 13 — башня Климента VI, 1348 г.; 14 — крепостные ворота; 18 — башня Джiovanni ди Скаффа, 1342 г.; 19 — фундамент башни св. Фомы; 10 — башня Константина; 44 — крепостной ров; 6, 17, 19, 36, 38 — генуэзские мосты. Культовые здания: 7 — церковь Стефана, XIV в.; 9 — церковь Георгия; 10 — армянская церковь Иоанна Предтечи, середина XIV в.; 11 — церковь Иоанна Богослова; 12 — армянская церковь Сергия, XIV в.; 34 — церковь Введения во храм; 35 — армянская церковь архангелов Гавриила и Михаила, 1408 г.; 37 — церковь Николая; 43 — Георгиевский монастырь; 21, 24, 27, 39 — турецкие мечети XIV—XVII вв.; 26 — турецкий мавзолей (дюрбе); 28 — синагога XIV в.; 29 — кенаса. Фонтаны, бани, водоемы: 15 — бани и фонтан; 23, 41 — бани; 31 — Караимский фонтан (у дома, где родился К. И. Айвазовский); 22 — фонтан; 8 — армянский фонтан 1491 г.; 22, 42 — цистерны; 16 — генуэзские водоемы; 20 — средневековые гончарные мастерские (XIV—XV вв.); 25 — дворец Екатерины II. Памятники 21, 23, 26, 28, 29, 33, 34, 37, 41, 42 ныне не существуют.

на углу; она была построена, как гласит пышная надпись, «на поражение врагов, во славу всевышнего» в 1348 г. и названа именем папы Климента VI,⁸⁰ который в те годы — годы усиления борьбы генуэзцев с татарами — оказывал покровительство генуэзским купцам Кафы. Это прямоугольная башня, выступающая вперед из линии стены и увенчанная зубцами; она имела три этажа с одним рядом бойниц, откуда велся обстрел ядрами (табл. XXVII, 1). Башня защищала большие ворота в крепость. Приблизительно также выглядели и остальные башни, построенные итальянскими инженерами по всем правилам тогдашней

фортификационной науки. Не раз они спасали генуэзскую цитадель от татарских вторжений.

Внешний город, т. е. основная часть Кафы, тянулся широкой полосой вдоль моря на протяжении около километра. Со стороны суши и с моря он был обнесен столь же мощными зубчатыми стенами с многочисленными башнями — прямоугольными и круглыми, с бойницами и машикулями: стены и башни сложены, как обычно, из крупного бутового камня на извести (в кладке одной из башен — башне Дживованни ди Скафа, 1342 г. — применены камни огромного размера). Перед сухопутной линией шез выложенный камнем глубокий ров с перекинутыми через него каменными мостами, ведущими в ворота города. Таких ворот в Кафе было не меньше пяти. Главные из них, названные именем св. Георгия, патрона генуэзцев, находились на северо-западном конце города, близ башни св. Константина. Эта двухэтажная башня с машикулями на кронштейнах, перекрытая крестовым сводом и увенчанная тройным арочным поясом, высится до сих пор среди городского сада Феодосии (близ вокзала) (табл. XXVII, 2). В башне под особой охраной помещался арсенал генуэзцев — запас оружия и боеприпасов.⁸¹ Все эти укрепления возведены были в пору наибольшего могущества генуэзской Кафы — в течение второй половины XIV в. и первой половины XV в. Поддержание этих укреплений составляло одну из главных забот кафинских консулов.⁸²

Внутри город делился на множество небольших, тесно застроенных и густо заселенных кварталов с узкими, извилистыми улочками, с базами, каменными лачугами городской бедноты, образовавшей свои особые кварталы, как квартал грузчиков-хамалов,⁸³ домами купцов, ремесленными мастерскими и лавками. В городе существовало несколько караван-сараяв — постоянных дворов для заезжих купцов с их товарами. В этой же части Кафы находились и зерновые склады.

Стремительно росшему городу с течением времени стало тесно за городскими стенами: он перешагнул их. Так возникло несколько загоризных поселков (предместий) с теми же улочками и каменными лачугами. Окраина города сказывалась скорее в наличии скотопротонных дворов и складов сена и дров. Здесь же находились и запасные цистерны для воды. Картину дополняли караван-сарай и типичные для большого морского порта кабаки и публичные дома (кстати сказать, официально признанные⁸⁴). В вечерние часы городская жизнь замирала: генуэзцы требовали (под угрозой штрафа), чтобы ворота домов запирались и гасился свет в 8 час. вечера летом и в 9 час. вечера зимой; только в караван-сараях освещение разрешалось на час дольше.⁸⁵

Как внутренняя крепость, так и собственно город были сравнительно благоустроены. Создана была развитая сеть водопровода в виде гончарных труб, подававших воду из расположенных на открытых холмах водосборищ.⁸⁶ Проблема снабжения многолюдного города водой всегда стояла в Кафе очень остро, поэтому использовали и дождевую воду; для сбора ее по склонам балок было сооружено несколько запруд, одна над другой, откуда вода по балкам сбегала в трубы. Добывали воду и посредством дренажа; по выкопанному на склонах в шахматном порядке канавам, засыпанным щебнем, вода собиралась в одном колодце, откуда текла к городским «фонтанам». Устраивали генуэзцы и своеобразные конденсаторы влаги в виде небольших конусов, сложенных из крупного бутового камня-гальки; в поры этих куч засасывалась атмосферная влага, там она охлаждалась, и затем вода сбегала вниз по трубам.⁸⁷ Однако все эти сооружения не всегда спасали жителей от недостатка воды, поэтому в Кафе были устроены специальные запасные цистерны, откуда вода направлялась в колодцы и к «фонтанам». «Фонтаны» особенно типичны для Кафы: это небольшие водоемы, заключенные в кубическое сооружение, обычно се

стрельчатой нишей, куда выведена труба. Несколько таких «фонтанов» сохранилось, сохранились и датированные надписи о их постройке.⁸⁸

Как во всяком средневековом городе, в Кафе было множество храмов, в большинстве латинских (в середине XV в. их было 17),⁸⁹ а также греческих и армянских. Они как бы завершали городской пейзаж. Здесь существовало и два латинских монастыря со школами при них. Это были центры, откуда исходила миссионерская деятельность римско-католической церкви на Востоке — в Средней Азии, Персии, Индии и Дальнем Востоке. Прибыв в Кафу, молодые миссионеры, изучив восточные языки, присоединялись затем к торговым караванам, отправлявшимся в далекие страны.

Особое значение для генуэзцев имела миссионерская деятельность среди местного городского населения — армян, греков и татар — с целью обратить их в лоно католической церкви. Однако определенный успех эта пропаганда имела лишь у богатой верхушки греко-армянского, отчасти татарского населения, связанного с генуэзцами общими экономическими интересами и стремившегося к политическому равноправию с ними. Латинский епископ Кафы даже добился в 1438—1439 гг. унии армянской церкви с римско-католической. Основная же масса горожан (греков, армян и татар) не поддавалась католической пропаганде, которая, наоборот, вызывала их энергичное противодействие, слившееся с общим социальным протестом.⁹⁰ Да и само генуэзское население Кафы, как видно, отнюдь не выказывало религиозного рвения: один из латинских епископов (середина XV в.) жаловался, что «дела церковные скудны . . . Народ посещает церковь лишь в ее храмовый день, т. е. раз в год и не больше».⁹¹

Были в Кафе греческие храмы и два греческих монастыря,⁹² еще больше армянских храмов, были русские храмы (Rossorum), мусульманские мечети и синагоги. Пожалуй, наиболее интересны среди них армянские храмы.⁹³ Один из них — это церковь Михаила и Гавриила 1408 г. (табл. XXVIII, 1); она выделяется тем, что построена в очень упрощенной форме католических церквей Западной Европы и находит себе близкие аналогии в архитектуре Италии. Здание состоит из широкого и укороченного зала (как бы нефа), пересеченного в восточной части высоким трансептом (поперечным нефом), боковые части которого увенчаны крестовыми сводами. Наружным массам здания придана форма латинского креста с куполом (на световом барабане) в средокрестье. Эта упрощенная западноевропейская форма армянского соборного храма XV в. вполне объясняется теми успехами, которых достигла римско-католическая церковь в Кафе, навязавшая армянской церкви унию. Но в XIV в. армянская церковь еще не была католической, и архитектура армян носила здесь поэтому совсем иной характер.

Так, скромная, увенчанная куполом церковь Иоанна Предтечи (на территории нынешнего Карантина) (табл. XXVIII, 2), построенная в середине XIV в., очень хорошо воспроизводит архитектурные формы небольших храмов, столь распространенные в самой Армении в XIII и частью в XIV в., в виде небольшого купольного зала; алтарное полукружие, что очень характерно для армянской архитектуры, устроено в толще восточной стены и не выступает наружу. Храм замечателен и своими рельефами — погрудными изображениями апостолов, помещенными в ряд по верху апсиды; по середине между ними находится фигура Христа. В целом эти рельефы образуют сцену евхаристии (причащения). По сторонам апсиды вставлены рельефы (в рост) Иоанна Крестителя и Георгия. Все эти изображения переданы в обобщенной и несколько провинциальной манере, но вместе с тем они очень живописны. Надо сказать, что такого рода рельефы не встречаются ни в Византии, ни в Древней Руси,

зато они очень характерны именно для армянской архитектуры XIII—XIV вв.⁹⁴

Портал храма украшен прекрасной резьбой по камню; орнаментика ее уже знакома нам по мечети Солхата: это те же пальметки, заключенные в пышную листву.

Еще полнее характерные черты армянского зодчества выражены в другом армянском храме, построенном в 1338 г. в небольшом монастыре Сурб-Хач (св. Креста) близ Солхата (Старого Крыма) (табл. XXIX, 1—3). Монастырь, приютившийся в густой лесной чаще окрестных гор, сравнительно хорошо сохранился, хотя и сильно пострадал от немецко-фашистских захватчиков.⁹⁵ Храм — в виде массивного куба с тремя алтарными полукружиями в толще стены и куполом на широком многогранном барабане, опоясанном лентой надписи — настолько близок по формам к собственно армянским, что кажется, будто он перенесен из Армении на почву Крыма, хотя и выстроен в типично крымской технике того времени — из бутового камня. Прекрасно выполненная тонкая резьба на портале (табл. XXX, 1) ничем не уступает резьбе на портале и михрабе мечети-медресе Узбека в том же Солхате.

Черты армянской и провинциальной западноевропейской архитектуры сочетает в себе своеобразная бескупольная церковь армянского монастыря св. Ильи близ с. Богатое (50 км к востоку от Симферополя). Это удлиненный прямоугольник (общая длина 17,9 м) с глубокой средней апсидой, не выступающей наружу (как обычно в Армении), с двускатной кровлей и с замечательными рельефами на евангельские сюжеты в нишах по сторонам апсиды и над ними, что также связывается с армянской культурой. Зато перекрытие основного внутреннего пространства храма большим крестовым сводом с широкими гуртами выглядит по-западноевропейски. Наконец, из круга крымско-сельджукской архитектуры зодчий храма заимствовал композицию порталов с южной и северной сторон в виде двух сильно выступающих пилонов, с нишами и со стрельчатой аркой. Как видим, архитектурные формы армянских храмов в Крыму отчетливо отразили изменение политической ориентации своих богатых ктиторов: сближаясь с генуэзцами, они порывали с родным искусством.

Можно упомянуть и другие армянские церкви в Кафе, например церковь Сергия XIV в., правда, сильно перестроенную, но богатую декоративной резьбой (преимущественно различными розетками) и вставными плитами с крестами в виде плетенки с растительным орнаментом.⁹⁶

Вместе с тем все эти армянские здания в Кафе и близ Солхата показывают, что выселившиеся в Крым армяне не только не утратили перенесенной с родной почвы своей богатой, слагавшейся веками художественной культуры и не растеряли ее в новой обстановке, живя бок о бок с итальянцами и татарами, греками и евреями, но, наоборот, обогатили своим искусством местную культуру.

Мы не знаем, когда армяне впервые появились в Крыму. Вероятно, они начали селиться здесь еще со времени тюркско-сельджукского вторжения в Армению во второй половине XI в.; они продолжали выселяться и в следующем столетии. А в XIII в., когда в Армению нагрянули полчища монголов, разгромившие ее цветущие города, где жизнь с тех пор замерла, армянская эмиграция приняла массовый характер. Она направилась двумя сильными потоками: один — на юг, в Киликию (область на юге Малой Азии), где еще в конце XI в. возникло самостоятельное армянское княжество (Киликийское); другой — на север, в Крым. С тех пор армянское население Крыма множилось и настолько быстро, что некоторые армянские писатели стали называть его «приморской Арменией».⁹⁷ Уже в начале XIV в. (не позднее 1316 г.) в Кафе возникла целая колония армян, образовавшая большой поселок, примыкавший

к стенам города (возможно, на территории нынешнего Карантина). В 30-х годах XV в. (1439 г.) армянское население Кафы разрослось до 30 000 человек, составив чуть ли не половину ее населения, а в 1475 г. — даже две трети его.⁹⁸ Большое число армян осело и в Солхате, и в Солдае, и в других городах восточного Крыма, но центром их оседлости оставалась Кафа.

В XIV в. армянские храмы и монастыри Крыма стали очагами армянской образованности. При монастырях работали писцы и художники, из-под пера и кисти которых выходили замечательные рукописи с миниатюрами. Сохранившиеся рукописи донесли до нас и имена некоторых талантливых миниатюристов и каллиграфов, славившихся в Крыму своим искусством. Таков писец Григорий Сукиасянц, работавший в середине XIV в. «в городе Сурхате (т. е. Солхате) под покровительством церкви св. Богородицы», таков Крестостур — «писец, рисовальщик и переплетчик», творивший в 20-х годах XV в. «в великолепном и славном городе Кафе при церкви св. Анны».⁹⁹ Это были наследники погнанной монголами в самой Армении армянской культуры, продолжавшей жить, по иронии судьбы, в татарской среде — в армяно-татарской Кафе и татарском Солхате.

В Кафе сохранились и греческие храмы XIV в. очень простой архитектуры, в виде прямоугольного сводчатого помещения под двускатной кровлей, с полукруглой апсидой. Внутри они были расписаны фресками, лучше всего сохранившимися в церкви Стефана (на территории современного Карантина);¹⁰⁰ выполнены они с большой экспрессией и свидетельствуют о незаурядном мастерстве греческих художников Кафы, находившихся на уровне высокой живописной культуры Византии XIV в.

До Великой Отечественной войны в Кафе сохранялась и еврейская синагога XIV в., целиком уничтоженная немцами. Скромный портал синагоги был украшен столь распространенным в архитектуре мотивом «сельджукской цепи» (состоящей из двух параллельных и сплетающихся между собой жгутов) (табл. XXX, 2).

В этой детали сказались одна из наиболее характерных черт средневековой художественной культуры многонародного Крыма, пронизанной единством стиля, вне зависимости от этнической принадлежности памятника: одно и то же декоративное убранство — в виде растительных побегов или выходящих спиралью и переплетающихся стеблей с утолщением или различных плетенок — мы встречаем и в татарской мечети или медресе, и в армянском или греческом храме или дворце, и в еврейской синагоге, и даже на генуэзских монументальных надписях Кафы и Солдаи; плиты с этими надписями нередко украшены той же «крымско-сельджукской» орнаментикой (на самом деле армянской по происхождению; об этом см. выше). Особенно интересна в этом отношении богатая орнаментика строительной надписи на башне, построенной на северной линии крепости Солдаи при консуле Джудиче в 1392 г. (табл. XXXI).¹⁰¹

Иначе и быть не могло, особенно в многоязычной Кафе, где повседневно общались и находились в тесных деловых связях самые различные народности. В этой обстановке неминуемо сглаживались и нивелировались присущие каждой этнической группе особенности; формировалась единая культура, определявшая и общий культурный облик города. Его не могло нарушить ничтожное меньшинство генуэзцев, вклад которых в культуру позднесредневекового Крыма при сложившихся враждебных взаимоотношениях с массой основного населения вряд ли был сколь-нибудь ощутительным. И разноязычие тоже постепенно стиралось: татарский язык все сильнее проникал в деловую жизнь города, вытесняя отсюда даже греческий и армянский языки, державшиеся больше в семейном быту. Зато непонятным и чуждым был язык генуэзцев, которые

противостояли всему населению Кафы не только экономически и политически, но и культурно. Население Кафы членилось не столько по этническому признаку, сколько по социальному положению, определявшемуся в условиях этого города деньгами и властью.

Ненависть населения Кафы к генуэзцам, как видели, очень облегчила туркам в 1475 г. захват города, почти не оказавшего сопротивления. Не спасли генуэзцев ни мощные стены Кафы, ни неприступная, как им казалось, крепость Солдайя.

3

Солдайя (совр. Судак)¹⁰² была захвачена генуэзцами в 1365 г. Утратив с возвышением Кафы значение торгового города, Солдайя во второй половине XIV столетия была превращена генуэзцами в военно-стратегический форпост в Крыму и оставалась им до турецкого завоевания. Вместе с тем Солдайя стала как бы стражем феодальных владений генуэзцев, сосредоточенных в этом районе, который и тогда славился виноградарством, виноделием и садоводством. Земли эти с 18 селениями¹⁰³ (протяжением около 40 км) тоже были захвачены ими в 1365 г.; вскоре, однако, татарский хан Мамай их отобрал у генуэзцев, но после его поражения на Куликовом поле (1380 г.) генуэзцы возобновили борьбу за возвращение этих владений и, пользуясь слабостью Золотой Орды, вынудили татар в 1380/81 г. заключить с ними договор (подтвержденный в 1387 г.), согласно которому была не только восстановлена власть генуэзцев в указанных селениях близ Солдайи, но и распространена на все южное побережье от Солдайи до Чембалы — «приморскую Готию» (*riperia marina Gotiae*).¹⁰⁴

Для управления этой территорией, именовавшейся в генуэзских источниках *la campragna*, генуэзцы учредили там должность капитана (*capitaneus Gotie*),¹⁰⁵ власть которого была весьма ограничена, так как наряду с ним там сидел татарский правитель — тудун (*prefetto della campragna*). Как по этой причине, так и вследствие удаленности и экономической оторванности от генуэзских центров растянутой и обширной прибрежной полосы, не говоря уже о чуждости генуэзцев местному греческому населению, южный Крым («приморская Готия») являлся скорее номинальным владением генуэзцев, чем фактическим, особенно после усиления турецкой угрозы в середине XV в., заставившей генуэзцев искать союза с владетелями «Готии», т. е. княжества Феодоро.¹⁰⁶

Иное дело — феодальные владения в районе Солдайи, где генуэзцы вплоть до 1475 г. являлись полновластными хозяевами. Старое местное население, в основном греческое, сохранив общинный уклад жизни¹⁰⁷ и в какой-то степени самоуправление во главе с сельскими старостами-протами,¹⁰⁸ довольно скоро вошло в сферу безудержной эксплуатации всемогущих феодалов — братьев Гуаско, которые насадили здесь худшие порядки феодального поместья. Они творили суд и расправу над своими крестьянами, для чего учредили у себя особые судебные камеры и содержали вооруженные отряды, поставили на дорогах виселицы и позорные столбы, служившие подтверждением их безграничной власти. облагали крестьян денежными штрафами и произвольно установленными налогами,¹⁰⁹ грабили соседних греческих помещиков, а чтобы обезопасить себя, сами подкупали генуэзские власти в Кафе, не признавая вовсе солдайского консула. Ограбленное и запуганное население деревень спасалось бегством.¹¹⁰

До сих пор на скалистом мысе в 30 км к западу от Судак возвышается наполовину обрушившаяся, большая круглая башня-донжон замка Гуаско.¹¹¹ У подножья башни сохранились основания стен их дворца. ниже которого по восточному склону возвышенности видны заплывшие

землей остатки жилых домов, составлявших, вероятно, небольшой поселок при замке феодала.

Солдайя имела свою особую администрацию, подчиненную Кафе; во главе ее стоял консул, соединявший в себе и должность коменданта крепости, и главного казначея. В крепости находился небольшой гарнизон.¹¹²

Владычество генуэзцев и здесь олицетворяла величественная крепость, правда больше показная, чем неприступная, строившаяся ими в течение

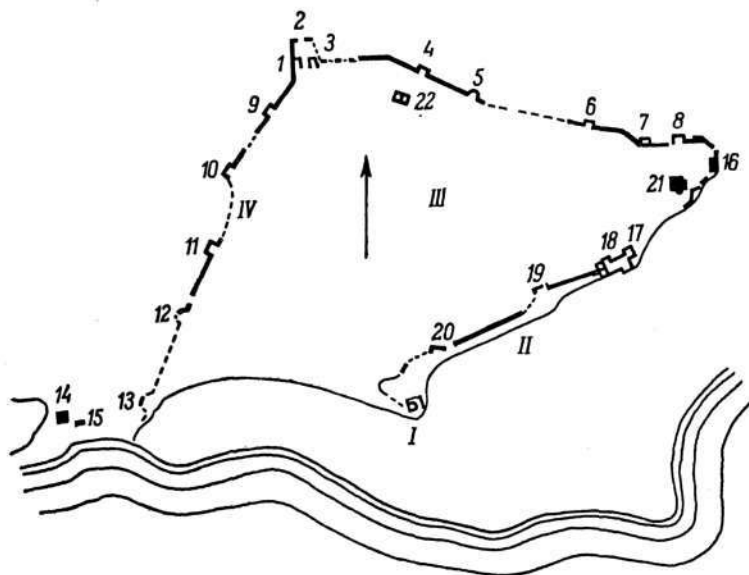

Рис. 42. Солдайя (Судак). План крепости.
(По А. Секиринскому).

I — дозорная башня; II — цитадель (Консульский замок); III — нижняя крепость; IV — древний ров. 1 — башня Якобо Торчелло, 1380-е годы; 2 — Главные ворота, 1389 г.; 3 — башня Бернабо ди Франки ди Пагано, 1414 г. (?); 4 — башня Джудиче, 1392 г.; 5 — круглая башня; 6 — башня Корrado Чикало, 1404 г.; 7 — башня Лукини де Флиско Лавани, 1409 г.; 8 — безымянная башня; 9 — разрушенная башня; 10 — башня Джиованни Марионе, 1388 г.; 11 — башня Гварко Румбальдо, 1394 г.; 12, 13 — разрушенные башни; 14 — портовая башня Фредерико Астагвера, 1386 г.; 15 — церковь Двенадцати Апостолов, XIV—XV вв.; 16 — угловая башня; 17 — консульская башня; 18 — разрушенная башня; 19 — верхняя разрушенная башня; 20 — церковь XIV—XV вв.; 21 — церковь XIV в., перестроенная в 1423 г.; 22 — цистерны.

сорока с лишним лет — с 1371 по 1414 г.¹¹³ Она высятся на конусообразной горе, резко обрывающейся в море и круто спускающейся к северу (рис. 42, табл. XXXII, I). Над крепостью господствовала цитадель с маленьким двориком (замок св. Креста), обнесенная мощными стенами с бойницами, с двумя массивными, двухэтажными, прямоугольными башнями, увенчанными зубцами (табл. XXXII, 2). Замок служил резиденцией консула, занимавшего, вероятно, второй этаж одной из башен, отапливаемый камином; в первом этаже находилась домашняя часовня консула, расписанная фресками. Под часовней имелись два подвальных помещения, в которых хранились оружие, боеприпасы и продовольствие. Из башни консул мог выйти непосредственно на галерею, тянувшуюся по верху крепостной стены: стену и консульскую башню соединял подъемный мостик, опускавшийся и поднимающийся посредством блока.¹¹⁴ Отсюда, из замка, в поле зрения консула находились вся крепость и подступы к ней со стороны моря.

От консульского замка линия стен шла вдоль обрыва, взбираясь на вершину скалы, на которой генуэзцы поставили верхнюю сторожевую трехэтажную башню.¹¹⁵

У подножья консульского замка по пологому склону горы треугольником расположилась собственно крепость (площадью около 30 га), окруженная сплошной линией высоких зубчатых стен (общим протяжением 800 м) с 12 трехэтажными прямоугольными башнями (только одна полукруглая).¹¹⁶ На боковой стороне каждой из них была вставлена плита с надписью, где указывался год постройки, имя консула, при котором велась постройка, и изображены гербы Генуи и родовые гербы консула. Это своего рода каменная летопись; в ней генуэзцы стремились увековечить всю историю строительства Солдайской крепости, которая, как казалось им, упрочивала их господство на побережье Крыма. Латинские надписи и гербы на этих плитах выполнялись, конечно, генуэзскими мастерами, но украшавшие многие из них орнаменты, крымско-сельджукские по своему характеру, свидетельствуют о местных резчиках по камню.

В северном углу крепости под защитой двух башен, достаточно обеспечивавших перекрестный обстрел, и зажатые между ними находились единственные городские ворота (табл. XXXIII, I), сооруженные в 1389 г., полотнища которых поднимались и опускались посредством блоков: в ворота вел мост через ров. На ночь ворота запирались, выставлялся усиленный караул, по поселку рассылались патрули. Солдаия напоминала осажденный лагерь.

За этими стенами находились официальные учреждения, жилые постройки и две большие цистерны: таково, вероятно, было назначение сохранившихся донныне построек (размером 13×7 и 12,5×10 м), частью углубленных в землю, из которых одно было трехъярусным сводчатым сооружением.

От догенуэзских построек Солдаия в крепости хорошо сохранилась небольшая мечеть, построенная еще в первой половине XIV в., когда здесь обосновались татары.¹¹⁷ Это кубическая постройка, увенчанная плоским куполом, с очень интересным веерообразным переходом от квадратного основания к подкупольному кругу; подобный конструктивный прием известен и в некоторых памятниках XIV в. в Малой Азии (в Никее и Бруссе). С северной стороны столбы поддерживают хоры, с восточной стороны перед входом пристроен небольшой открытый портик с заложеной ныне аркадой. Михраб украшен уже знакомой нам «сельджукской цепью», а наличники окон — резьбой, преимущественно плетенкой. Это, пожалуй, древнейшая в Крыму татарская мечеть, тип которой стал затем традиционным в татарском зодчестве Крыма.¹¹⁸

Снаружи перед стенами крепости расположилась загородная слободка. в те времена населенная, вероятно, греками.¹¹⁹ Маленькая приходская церковь (в виде сводчатой капеллы с гранной апсидой) сохранилась до сих пор.

Мимо западной окраины крепости и стоящей против нее прямоугольной сторожевой башни, построенной в 1386 г.,¹²⁰ шла дорога в гавань Солдаия, некогда столь оживленную,¹²¹ а при генуэзцах затихшую.

Кафа, Солдаия и Воспоро (совр. Керчь) обеспечивали господство генуэзцев в восточной части побережья Крыма. В середине XIV в. они предприняли попытку подчинить и западную часть полуострова, захватив (незадолго до 1345 г.) старый греческий рыбацкий поселок, расположенный в узкой и на редкость удобной бухте Символон (совр. Балаклава), до того времени принадлежавший владетелям княжества Феодоро.¹²²

Над узким входом в бухту, на вершине высокого мыса, с южной стороны обрывающегося в море, генуэзцы построили свою цитадель, господ-

ствовавшую и над бухтой, и над всей крепостью, которой дали новое имя Чембало.¹²³

Крепостное строительство в Чембало они начали уже в 1357 г. (об этом позволяет говорить надпись консула Симоне дель Орто), а к 1433 г. все укрепления, видимо, были в основном завершены,¹²⁴ хотя строительство продолжалось и в 1463 г., и в 1467 г.¹²⁵

Крепость Чембало состояла из двух частей: нижнего города-крепости св. Георгия и верхнего города-крепости св. Николая.

Нижний город был окружен боевой стеной, которая шла вдоль бухты, а затем поднималась по склону гор к верхнему городу. Стена имела две прямоугольные полубашни с узкими стрельницами.

Верхняя крепость занимала скалистую площадку над обрывом к морю, отделенную от нижнего города крепостной стеной. Эта часть крепости являлась, как и в Солдае, цитаделью генуэзцев. С доступных северной и западной сторон цитадель окружена идущими по ломаной линии стенами с 4 полубашнями. Здесь подобно Солдае находился консульский замок, основную часть которого составляла большая, наполовину сохранившаяся, круглая двухэтажная башня высотой 14 м, увенчанная зубчатым парапетом (табл. XXXIII, 2). В подвальном этаже башни помещалась сводчатая цистерна для воды (6×6 м), которая подавалась туда по гончарному трубопроводу с соседней горы, а отсюда по такому же трубопроводу спускалась вниз — в другие шесть цистерн. В крепости у самой оконечности мыса имелся маяк, а вход в бухту прегражден был цепью.¹²⁶

В XV в. город был, по-видимому, густо заселен, на что указывают следы сплошной застройки нижнего города и верхней крепости. Чембало имело довольно развитую систему водоснабжения. Городок украшали несколько небольших одноапсидных церквей.

Чембало имело для генуэзцев особое значение как крайний западный форпост их в Крыму,¹²⁷ направленный против греческого феодального княжества Феодоро, усилившегося во второй половине XIV в., что генуэзцам представлялось прямой угрозой не только Чембало, но и всему их владычеству в Крыму.

4

Политическое значение генуэзского Чембало¹²⁸ должно было еще больше возрасти в начале XV в., когда владения Феодоро вышли на побережье, а в устье Черной речки был основан порт Каламита (вблизи современного Никермана, около Севастополя).¹²⁹ Правители Феодоро мечтали о большой приморской гавани, стремясь воссоздать нечто подобное порту соседнего Херсона, лежавшего тогда в развалинах. Недаром княживший в то время в Феодоро Алексей называл себя «владельцем Феодоро и поморья».

Чтобы обеспечить безопасность гавани, Алексей в 1427 г. построил вблизи нее — на скалистой возвышенности, господствующей над гаванью, на месте древней, еще раннесредневековой крепости — новое небольшое укрепление (рис. 43), состоящее из трех куртин с пятью двухэтажными прямоугольными полубашнями и отдельной проездной башней, частично сохранившейся (табл. XXXIV, 1). Внутри крепости был возведен храм, не дошедший до нас. Укрепления эти, однако, не отличаются монументальностью: стены очень тонки (немногим более 1 м), поэтому бойцы могли размещаться у стрельниц лишь на деревянных помостах, основанных на деревянных столбах; полубашни очень малы по площади, бутовая кладка (на известковом растворе), обычная в строительстве того времени, очень небрежная.¹³⁰ Как видно, на постройку крепости у владельцев Феодоро не доставало ни средств, ни сил, ни времени: она создавалась как будто в спешке. По всей вероятности, именно об этой крепости и храме в ней идет речь в большой и торжественной надписи 1427 г., украшенной гер-

бом и монограммой князя Алексея; надпись вывезена еще в первые годы XIX в., как предполагают, из Инкермана.¹³¹

Скала, на которой стоит крепость (так называемая Монастырская), как и смежная скала (так называемая Загайтанская), изрезана многочис-

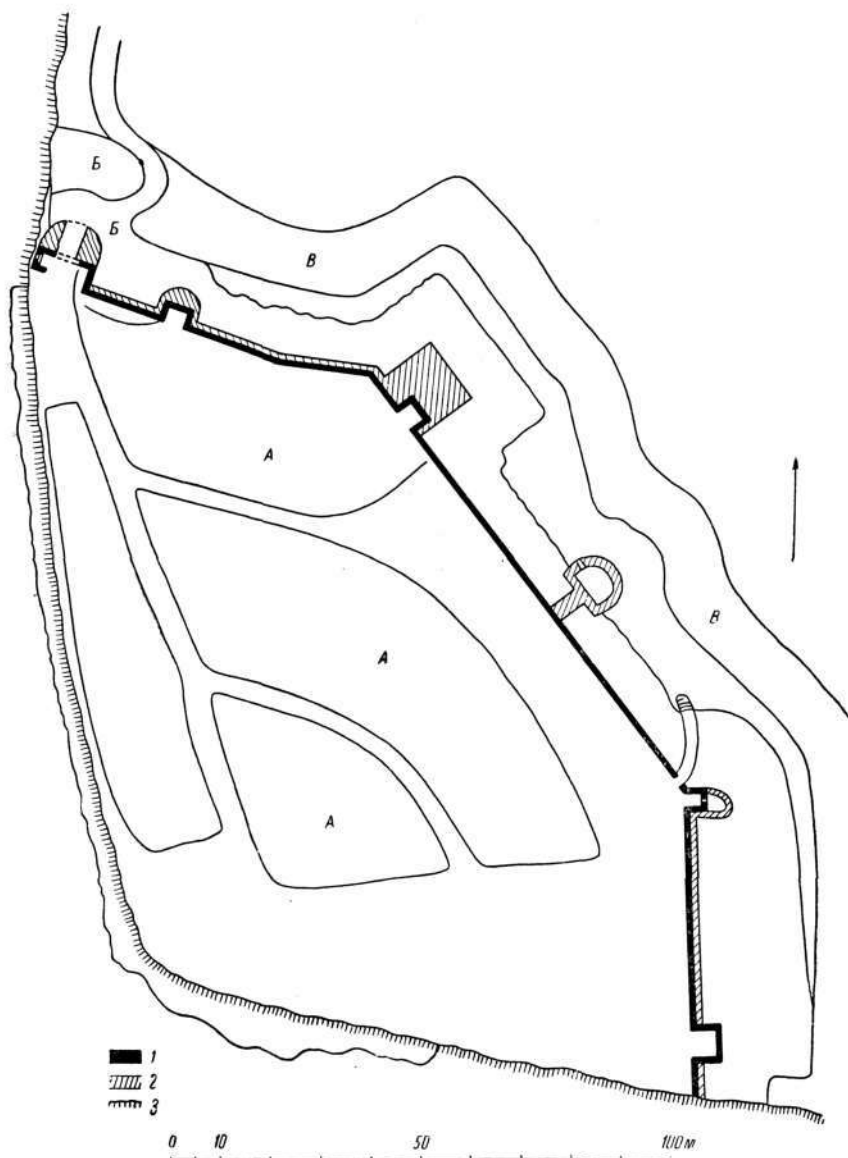

Рис. 43. Каламита (Инкерман). План крепости.

1 — стены XV в.; 2 — турецкое усиление стен (XVI в.); 3 — обрыв скалы к Черной реке.
А — следы жилых кварталов; Б — древняя дорога — въезд в крепость; В — ров, высеченный в скале.

ленными жилыми и хозяйственными пещерами с гнездами для пифосов и пазами для деревянных перегородок и пр. Некоторые комплексы этих пещер или части комплексов возникли, вероятно, еще в VIII—IX вв. и связаны с основанным тогда монастырем (см. главу II). Но жизнь здесь продолжалась и позднее — в период княжества Феодоро. Это доказы-

некоторые пещерные церкви, сооруженные в обрывах Монастырской скалы и украшенные фресками, остатки которых позволяют их датировать XIII—XIV вв., а на стене одной из церквей сохранилась и надпись с датой 1272 г.¹³²

Можно думать, что во времена княжества Феодоро Каламита представляла собой сравнительно большое поселение, тесно связанное с находящимся рядом портом, который уже в первые десятилетия XV в. получил немалое торговое значение для княжества и явно в ущерб интересам генуэзцев.¹³³ Роль порта резко возросла после падения Константинополя в 1453 г., когда в черноморскую торговлю включились и турки. Суда их, груженные, в частности, невольниками, направлялись именно в Каламиту,¹³⁴ которая вследствие этого стала опасным конкурентом не только генуэзского Чембало,¹³⁵ но и Кафы.¹³⁶

Феодальное княжество Феодоро, занявшее значительную территорию юго-западного Крыма и южную приморскую часть, образовалось еще в XIII в.¹³⁷ (см. главу IV). Владетелями его, как говорилось, были представители видного византийского рода армянского происхождения — Гаврасы-Тарониты, долгое время правившие в Трапезунте. В 60-х годах XII в. они были изгнаны оттуда и, обосновавшись в Крыму, вероятно в Херсоне, явились, возможно, его фактическими правителями, а в дальнейшем распространили свою власть и на горный земледельческий район, ставший областью их феодальных владений.¹³⁸

Утратив Херсон, разоренный татарами в 1299 г., и Экси-Кермен — единственное крупное поселение (если не город) в юго-западном Крыму того времени, крымские Гаврасы перенесли свою резиденцию в Феодоро (совр. Мангун), название которого было затем распространено на все княжество.¹³⁹

По-видимому, княжество Феодоро уже в ранний период своего существования не избегло некоторой зависимости от татар, о чем говорят тюркские имена мангунских князей второй половины XIV в.¹⁴⁰ Все же Феодоро не утратило самостоятельности, и, как показывает строительная надпись 1361—1362 гг., некогда вставленная в одну из башен, здесь тогда началось большое крепостное строительство; сотник (местный князь) Хунтани восстановил «Феодоро вместе с Поикой»; имеются в виду, очевидно, крепости в этих двух пунктах.¹⁴¹ Связи владетелей Феодоро с татарами и определенная татарская политическая ориентация их продолжались и в дальнейшем; последняя немало помогла владетелям Феодоро сохранить самостоятельность своего княжества, ибо их связь с татарскими ханами несомненно сдерживала генуэзскую агрессию. Связи эти имели для Феодоро и экономические выгоды,¹⁴² тем более что генуэзцы стремились установить по существу экономическую блокаду княжества, запрещая какие бы то ни было торговые сношения с владетелями и купцами «во всем царстве Хазарском».¹⁴³

В начале XV в. при князе Алексее, правившем здесь до 1434 г., княжество Феодоро являлось уже вполне сложившимся феодальным государством, с политической силой которого считались, по-видимому, и татары, и генуэзцы. Своим упрочившимся положением оно обязано было не только торговым связям через порт Каламиту, имевшим для экономики княжества большое значение, но прежде всего несомненному подъему сельского хозяйства в юго-западном Крыму.

Правда, это наступило далеко не сразу. Надо иметь в виду, что этот район сильно запустел после татарских погромов конца XIII в. (полчищ Ногай в 1299 г.) и начала XIV в. (при хане Узбеке, 1312—1342).¹⁴⁴ Но уже в 40-х годах XIV в. в Золотой Орде начался период смут, и — как следствие этого — зависимость Крыма от татар ослабела, а временами и вообще переставала ощущаться,¹⁴⁵ особенно в западной части Крыма,

более удаленной от татарского политического средоточия. Эта новая обстановка не могла не способствовать оживлению края. Мы не знаем, насколько опустошительным для юго-западного нагорья было новое бедствие, постигшее в 1348 г. Крым, — «черная смерть», страшная эпидемия чумы, проникшая сюда с Востока по торговым путям и от которой пострадали прежде всего торговые города (особенно Кафа).¹⁴⁶ Но зато известно, что в 60-х годах XIV в., как говорилось, началось большое строительство укреплений на плато Мангупа — в столице княжества. У владельцев его в это время, следовательно, появились необходимые средства и людские ресурсы. Как видно, ослабление татарского господства, что означало относительную независимость княжества (а может быть, и покровительство татар), и определенная стабилизация в Крыму благоприятствовали усилению Феодоро. Запустевшие селения и плодородные долины юго-западного Крыма начали, по-видимому, заселяться и наполняться жизнью. Однако процесс этот прервали новые события: в самом конце XIV в. сюда нагрянули полчища татарского временщика Идики (Едигея), ставленника Тимура, преследовавшего здесь одного из сыновей хана Тохтамыша, пытавшегося обосноваться в Крыму.¹⁴⁷ Огнем и мечом прошло по западному Крыму татарское войско. Но это было время агонии Золотой Орды, власть которой в Крыму сходилась на нет. После этого вновь наступил период сравнительного спокойствия, что не замедлило сказаться: то время отмечено возрождением края — интенсивным ростом сельского населения и развитием хозяйственной жизни, продолжавшимся в течение почти всего XV в., вплоть до турецкого завоевания. В 70-х годах XV в. в районе Феодоро (вероятно, в пределах территории княжества) насчитывалось, если верить итальянскому источнику, 30 тыс. домов,¹⁴⁸ т. е. около 180—200 тыс. жителей, что означало по тем временам очень густую заселенность.¹⁴⁹

О возрождении жизни в юго-западном нагорье в XIV—XV вв. свидетельствует и археологический материал: подъемная керамика из многих обследованных поселений Байдарской и Бельбекской долин, заброшенных на рубеже IX и X вв., показывает, что признаки жизни вновь появляются там именно в позднее средневековье.

Границы княжества Феодоро приблизительно определяются некоторыми крайними географическими пунктами, навряд ли ему принадлежавшими: Каламитой — на западе, Партенитом (где в 1427 г. греки восстанавливали монастырь Апостолов)¹⁵⁰ и Алуштой — на востоке,¹⁵¹ включая Алуштинскую долину, дававшую единственный в те времена выход из горного Крыма на побережье.¹⁵² Таким образом, княжество Феодоро охватывало в XV в. весь южный Крым (за исключением генуэзского Чембало — совр. Балаклава) вплоть до горы Демерджи (восточнее Алушты), а на севере доходила до р. Качи.¹⁵³

При определении территории княжества Феодоро следует иметь в виду и границы так называемой Готской епархии, в основном совпадающие, как совпадают границы остальных крымских епархий с другими феодальными образованиями того времени (Сугдейская — с греческой областью в районе Солдайи и Кафы, являвшейся феодальным владением генуэзцев, Фулльская — с татарским феодальным княжеством с центром в Кырк-Ере (совр. Чуфут-Кале). А. Л. Бертье-Делагард был глубоко прав, когда указывал, что территории епархий «вполне отвечали административному делению страны и ее политических владык».¹⁵⁴ Это и понятно: состояние церковной организации всегда отражало политическое положение в стране и служило верным барометром политической ситуации.

В столице княжества — на плато Мангупа — Алексей в 20-х годах XV в. завершил строительство крепостных стен и башен, создав почти

неприступную крепость. Он построил и дворец, восстановил древний храм-базилику. И по сей день средневековая крепость Мангупа — одно из наиболее величественных зрелищ в Крыму.

Плато это занимает вершину большой и высокой (580 м над ур. м.) столовой горы, обращенной на север четырьмя длинными выступами — мысами, словно растопыренными пальцами (рис. 44). Отсюда просматривалось огромное пространство на север с уходящими за горизонт степями и на юг, где хорошо видны были Каламита и море. Со всех сторон плато окружают отвесные, неприступные обрывы высотой до 30—40 м. Более

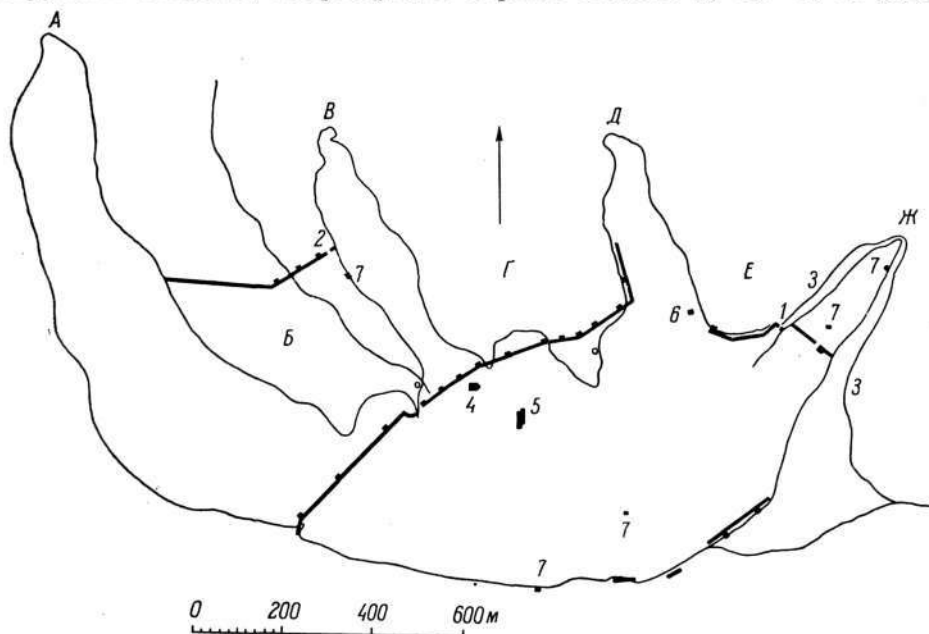

Рис. 44. Феодоро (Мангуп). Общий план города.

А — мыс Чамну-Бурун; Б — Табана-Дере; В — мыс Чуфут-Чеарган-Бурун; Г — Гамам-Дере; Д — мыс Ели-Бурун; Е — Капу-Дере; Ж — мыс Тешкли-Бурун. Утолщенной линией обозначены крепостные стены и башни XIV—XV вв., основанные на раннесредневековых. 1 — ворота крепости; 2 — калитка крепости; 3 — древняя дорога; 4 — базилика VI в., восстановленная в начале XV в.; 5 — дворец 1425 г.; 6 — церковь Георгия; 7 — церкви наземные и пещерные.

доступны лишь всходы со стороны лесистых ущелий между мысами: именно с этой стороны плато преградили длинной крепостной стеной (табл. XXXIV, 2), а в одном из ущелий, немного ниже, построили передовую линию. Крепостные стены Мангупа (см. главу I) были созданы здесь еще в VI в., а в XIV и XV вв. на их основе и частью из их же материала построили новые.

Зубчатые стены Мангупской крепости имеют много общего со стенами Инкермана; они тоже сложены из не крупного бута на известковом растворе и довольно тонки; как и там, с тыльной стороны их шел деревянный помост на деревянных столбах для размещения бойцов. Стены имеют 18 высоких прямоугольных полубашен, двух- и трехъярусных; три такие же башни — в передовой линии стен.

Оборонительные стены и башни Мангупа очень напоминают генуэзские крепостные сооружения Кафы, Солдаи и Чембало, послужившие несомненно образцом для строителей Феодоро, использовавших в известной степени опыт генуэзцев. Однако Мангупская крепость была построена менее прочно и менее монументально: неприступность больше всего придавала ей природа.

На крайнем восточном мысе (Тешкли-Бурун) находилась особая крепость, превращенная позднее (в XVI в.) уже турками в цитадель-замок — большое двухэтажное здание с амбразурами для огнестрельного оружия (табл. XXXIV, 3).¹⁵⁶ Тыльную сторону этого здания турки украсили богатым резным оконным наличником (здесь еще раз встречаем популярный в искусстве позднесредневекового Крыма мотив «сельджукской цепи»: резные розетки и обрамление из мелких сталактитов), взятым, вероятно, из более ранней постройки (еще XV в.) (табл. XXX, 3). В этом замке помещалась и темница, куда в XVI в. турки сажали татарских пленников и русских послов к крымским ханам.¹⁵⁶

Огибая этот мыс, в крепость Мангупа ведет единственная старая колесная дорога. Она приводит к городским воротам, поставленным на краю обрыва; их защищали расположенные над ними пещерные оборонительные сооружения. Над воротами еще в XVI в. Мартин Броневский видел греческие надписи.

Такова была Мангупская крепость — твердыня владетелей Феодоро, которую туркам в 1475 г. удалось взять лишь после длительной осады и то только измором.¹⁵⁷

В наиболее высокой части плато Алексей в 1425 г. поставил свой дворец (рис. 45).¹⁵⁸ Это был сложный комплекс помещений, среди которых возвышалось двухэтажное здание, облицованное штучным камнем и украшенное резьбой, с парадным залом наверху, куда вела широкая каменная лестница. Из парадного зала через верхнюю площадку лестницы можно было перейти на длинную открытую галерею, поддерживавшуюся рядами восьмигранных колонн; галерея пересекала большой двор и вела на второй этаж высокой, квадратной в плане башни (донжона), столь типичной для западноевропейских феодальных замков. Рядом с двухэтажным зданием помещался другой дворик, окруженный портиками, позднее превращенный в дворцовую кладовую, где стояли пифосы с зерном и многочисленные амфоры; над кладовой находилась, вероятно, трапезная палата, сообщавшаяся с основным парадным залом. В кладовой найдены поливные миски и чашки, принадлежавшие, вероятно, дворцовому сервизу: на чашах были начертаны имя и титул последнего владетеля Феодоро — «Исаака самодержца».¹⁵⁹ Это был тот самый Исайка (как его называли в Москве), который сватал свою дочь за сына московского царя Ивана III и получил от него согласие.¹⁶⁰ Планам этим из-за турецкого нашествия не суждено было сбыться, но они свидетельствуют, насколько перед лицом турецкой угрозы велик был авторитет Москвы в глазах греческих правителей Крыма, представители которых под фамилией Ховриных еще в конце XIV в. перешли на московскую службу: история рода владетелей Феодоро заканчивалась уже в России.

Алексей восстановил и большой храм Константина и Елены, первоначально сооруженный в VI в., но уже давно лежавший в развалинах. Были надстроены его стены, вновь поставлены колонны, устроен южный вход, наличник которого украсили все той же излюбленной «сельджукской цепью» и сложной плетенкой. Существовали на Мангупе и другие церкви, более скромные, и три церкви, высеченные в скале; одна из них (у южной кромки плато), относящаяся, вероятно, еще к XIII в., имела замечательную фресковую роспись, исполненную с большим мастерством художником греком. Следует вспомнить и грека-чтеца Стефана, погребенного близ большого храма, названного в надписи на его надгробии.¹⁶¹

На плато Мангупа доживала старая греческая культура. Лишь внешним налетом отложилось на ней итальянское влияние. Конечно, внушительный облик Кафы или Солдайи больше imponировал быстро возвысившимся греческим владетелям небольшого княжества, чем стены мертвого Херсона: они заимствовали у генуэзцев некоторые черты устройства

своих крепостей и дворца с непрямым в западноевропейских замках зонжоном. Итальянское, вообще западноевропейское влияние сказалось в пристрастии к пышным и торжественным надписям с гербами и сложной монограммой, которыми украшены надписи князя Алексея 1425 и 1427 гг.¹⁶² Не менее характерно и пристрастие к именной посуде с начертанием имени «самодержавного» владетеля, столь же типичной для западноевропейского феодального быта позднего средневековья.

Однако это влияние не коснулось основной массы населявших Мангун греков и евреев. А что население это было значительным, показывает не только факт восстановления Алексеем большого вместительного храма (а кроме того, существовали и другие, меньшие), но и отзывы путешест-

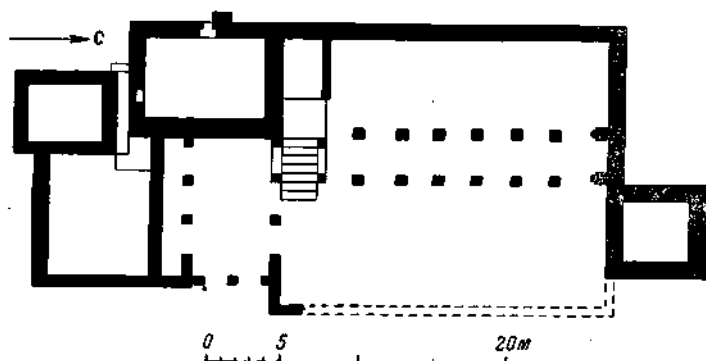

Рис. 45. Феодоро (Мангун). Дворец 1425 г. План.

венников XVII в., вспоминавших о Мангуне как о «большом и значительном городе»; ¹⁶³ если в это глухое для Мангуна время, накануне его запустения, в нем еще оставалось 60 домов, то в пору его расцвета их было, конечно, намного больше.

Среди населения Мангуна уже в XIV в. получила особое значение еврейская община, состоявшая преимущественно из ремесленников, занимавшихся выделкой кож. Жили они там особым поселком вне городских стен, в одном из ущелий между мысами (в Табана-Дере), где имелись и свой источник, и целая сеть водопроводных труб, а немного выше, уже в черте города, находилась и их синагога, ныне разрушенная.

В 1475 г. турки после длительной осады захватили и разгромили Феодоро; княжество прекратило существование. Большая часть населения, особенно греки, выселилась из Мангуна, но город не сразу запустел: турки первое время не только поддерживали его крепость, но даже усилили ее (как и Каламиту), приспособив к использованию ручного огнестрельного оружия; ¹⁶⁴ они превратили Мангун в административный центр большого округа (кадылыка). Но затем, уже во второй половине XVI в., Мангун начал окончательно гложуть, ибо исчезли те источники, которые поддерживали его и придавали ему силу: сельская округа была разорена турками, а морская торговля, которая велась через Каламиту, направилась теперь целиком через Кафу. Мартин Броневский в 1578 г. застал на Мангуне только одного грека, несколько евреев и турок, «прочее все приведено в ужасное разорение и забвение». ¹⁶⁵

Таким Мангун оставался и в XVII в. ¹⁶⁶ Дольше всех здесь держалось еврейско-караимское население, по-прежнему промышлявшее кожевным ремеслом. ¹⁶⁷ Памятниками их жизни здесь являются многочисленные погребения с еврейскими надписями от XIV до XVIII в., ими наполнено Табана-Дере.

С северной, северо-восточной и восточной сторон (к востоку от Алушты) княжество Феодоро граничило с областью, где власть принадлежала татарским феодалам. В своей подавляющей массе татары не только в XIII, но и в XIV, и в XV столетиях, да и позже оставались в основном степняками-кочевниками. В XIV в. в предгорном и горном Крыму появилось, как сказано было, татарское феодальное землевладение, основанное на эксплуатации местного коренного населения и рабов. Позднее и очень медленно к оседлому земледелию начали переходить и татары (см. главу VI). Процесс этот шел повсеместно: и в восточных районах Крыма (вблизи наиболее крупных городов — Кафы, Крыма, Суздака, к окрестностям которого относится упоминавшийся ярлык Темир-Кутлуга 1398 г.), и в юго-западной его части — в районе Бахчисарая, где еще на рубеже XIII и XIV вв. возник татарский бейлик (вотчинное землевладение бея) рода Яшлавских (Сулешевых), представлявших собой, в сущности, полузависимое феодальное княжество с центром в Кырк-Ере, Кырк-Оре (т. е. тысяча мест), ныне Чуфут-Кале.¹⁶⁸

Тогда же (в XIV в.) начали формироваться бейлики (княжества) и других, наиболее сильных татарских родов — Ширинов, Барынов, Аргынов. Образование этих бейликов было одним из проявлений общих тенденций монгольских эмиров к эмансипации, явившейся следствием ослабления Золотой Орды. Непрерывная междоусобная борьба внутри монгольской империи привела к тому, что Крым во второй половине XIV в. становится уделом различных и быстро сменявшихся временщиков.¹⁶⁹ С другой стороны, стремление татарской родовой знати к захватам земель и росту землевладения в горном и предгорном Крыму стимулировалось наличием здесь старого местного земледельческого населения, эксплуатация которого, судя по тарханым ярлыкам, приобрела весьма важное значение в татарском феодальном хозяйстве; стимулировалось оно и возможностью эксплуатировать невольников, посаженных на землю, а также развитием собственно татарского земледелия, которое, впрочем, тогда только зарождалось.

Во второй половине XIV в. княжество Кырк-Ер фактически стало независимым. Это был зародыш будущего татарского ханства со столицей в Бахчисарае.

Первыми владельцами княжества были, по-видимому, беки Яшлавские,¹⁷⁰ которым с самого начала шла часть взимавшейся с населения Кырк-Ера подати.¹⁷¹ В начале 60-х годов XIV в. правителем его был татарский князь Хачебей.¹⁷² В 80-х годах оно оказалось в вассальной зависимости от хана Тохтамыша, власть которого, однако, была скорее номинальной, так как он был целиком связан непрестанной борьбой с внутренними врагами, а затем с Тимуром. На рубеже XIV и XV вв. во главе княжества стояли ставленники упоминавшегося Едигея, получившие тарханый ярлык Тимур-Кутлуга.¹⁷³

Однако Кырк-Ер не был столицей княжества: татары-кочевники не нуждались в горной и труднодоступной крепости; не было стремления к ней и у татарской феодальной знати: ¹⁷⁴ первое ее становище, возникшее еще в XIV в., расположено было на широкой равнине междуречья Качи и Альмы, на границе с предгорьем, к западу от Бахчисарая (близ нынешнего вокзала) ¹⁷⁵ — в урочище, получившем название Эски-Юрт. А Кырк-Ер использовался ими как хранилище награбленных ценностей, для содержания пленников ¹⁷⁶ и в качестве крепости-убежища, где можно было отсидеться;¹⁷⁷ лишь при Гиреях крепость временами служила резиденцией ханов.¹⁷⁸

От раннетатарского времени на плато Чуфут-Кале сохранилось два здания — остатки мечети (первоначально в форме упрощенной базилики).

наподобие мечети Узбека в Солхате), построенной в XIV в., но позднее не раз перестраивавшейся,¹⁷⁹ и дюрбе (мавзолей) дочери хана Тохтамыша — Ненекеджан-ханым, 1437 г.,¹⁸⁰ в форме правильного сводчатого восьмигранника с сильно выступающим простым порталом, перекрытым аркой.¹⁸¹ Такого рода композиция мусульманских дюрбе, ставшая в XV и XVI вв. обычной у татар, исходит, как и другие формы монументального татарского зодчества, из сельджукской архитектуры Малой Азии; архитектура же их генетически тесно связана с зодчеством соседней Армении. В полной мере это относится и к форме дюрбе: в основе оно представляет собой верхнюю часть (барабан с куполом) армянского храма, как бы поставленного на землю и приспособленного к новой функции мавзолея. Дюрбе Ненекеджан-ханым очень скромно: его украшением служат лишь тонкие полуколонки граней, покрытые резьбой в виде плетенки; не менее проста и декорировка портала.

Во второй половине XIV в. в Кырк-Ере было создано еврейско-караимское гетто, которому татары выделили территорию к востоку от старого города. Собственно город и в XV в. продолжали занимать сами татары. В гетто согнали и армян.

С восточной стороны эту новую часть города новоселы в конце XIV в. (1396 г.) оградил крепостной стеной, перестроенной турками в XVI в.¹⁸² Караимское население здесь жило до середины XIX в.

Первым очагом татарской оседлости в Крыму был, как сказано, Эски-Юрт, существовавший во второй половине XIV и в XV в., до возникновения Бахчисарая. Насыщенный культурный слой в восточной половине урочища позволяет говорить об интенсивной жизни; следы каменных фундаментов указывают на основательность отдельных построек, однако составить представление о них мы пока не можем, так как раскопки здесь никогда не велись.

Вся западная часть урочища занята кладбищем, от которого сохранились ряд мавзолеев (один почти целиком) и множество надгробий XIV—XV вв., некоторые — с датами.¹⁸³ Надгробия эти очень разнообразны по формам: цилиндрические (увенчанные чалмой), в виде стелы, гробовидные на монолитной плите, гробовидные с двухскатным верхом, с выступами на концах («рогами») или без них; нередко этим выступам на надгробиях XV в. придавали архитектурные формы в виде модели мавзолея-дюрбе, а горизонтальная часть надгробия обрабатывалась в виде удлиненного здания мечети.¹⁸⁴ Многие из надгробий богато украшены резьбой в виде жгутов с петлями, розетками, сложными плетенками, сплетенными пальметками и пр. — мотивами, обычными в позднесредневековой орнаментике Крыма.

Упомянутый мавзолей Эски-Юрта (дюрбе Мухаммед-шах-бея) — один из наиболее древних памятников раннетатарской архитектуры (табл. XXXV, 1).¹⁸⁵ Это приземистый куб со срезанными углами (как на некоторых сельджукских мавзолеях XIV в.), дающими переход к узкому восьмигранному верху, перекрытому куполом. С южной стороны к зданию примыкает небольшой портал в виде двух пилонов с нишками (со сталактитовым завершением). Под полом — глубокая сводчатая усыпальница с замурованным входом. Облицовка из гладко тесанного камня придает мавзолею черты монументальности.

Во всем облике этого маленького дюрбе сказывается полная зависимость раннетатарской архитектуры от сельджукского искусства, формы которого к тому же крайне упрощались. В этом отношении дюрбе Эски-Юрта очень характерно. Архитектура татар-кочевников в XIV и XV вв. лишь зарождалась, как зарождалось в это время и их государство в Крыму.

Вторжением турок в 1475 г. начинается последний период средневековой истории Крыма, период турецко-татарского ига, продолжавшегося более трех столетий. Оно пало в 1783 г. с приходом русских и объединением Крыма с Россией.

Это было время формирования татарского феодального государства, хотя и под турецким протекторатом, время феодализации татарского общества и постепенного оседания татар, частью обратившихся к земледелию. К рассмотрению этого исторического периода мы и перейдем.

Глава VI

КРЫМСКОЕ ХАНСТВО (XVI—XVIII вв.)

1

XV век в истории Крыма ознаменовался не только турецким завоеванием, покончившим с генуэзским владычеством на Черном море и уничтожившим греческое княжество Феодоро в западной части полуострова. Незадолго перед тем, в 20-х годах XV столетия, в Крыму созрела и сформировалась новая политическая организация — Крымское ханство, возникшее в силу внутренних процессов, происходивших в Крыму, и прежде всего как следствие центростремительных тенденций наиболее могущественных татарских феодальных родов. Тенденции эти возникли, в сущности, еще в XIII в. и усиливались по мере ослабления Золотой Орды, которая в XV в. — в период своего распада — уже не была в состоянии удержать свой крымский удел. Крым, таким образом, выделился в особое государство. Однако самостоятельность его была недолговечной: после захвата Крыма турками в 1475 г. оно попало в вассальную зависимость от Турецкой империи.¹

Крымское ханство было слабым не только политически, но и экономически вследствие очень низкого уровня развития производительных сил. Татарская экономика, крайне отсталая, основана была на экстенсивных формах хозяйства — на кочевом скотоводстве, сочетавшемся с кочевым земледелием, и на внеэкономическом присвоении путем грабительских набегов на соседние страны. Социальная организация татар долгое время оставалась родовой.

Длительным господством у большинства их примитивных форм хозяйства несомненно объясняется устойчивость родового строя, которым, как и их предки,² жили татаро-монголы.

Еще в XVII и даже в XVIII столетиях татары, как крымские (о которых и будет идти речь), так и ногайские (кочевавшие на огромном пространстве причерноморских и прикубанских степей³), делились на племена (у крымских татар — аймаки, у ногаев — орды и колена), членившиеся на роды. Во главе родов стояли беи — высшая татарская знать, сосредоточившая в своих руках огромные массы скота⁴ и пастбищ, захваченных ими в Крыму или пожалованных им.⁵ Они направляли передвижения кочующей массы татар (своего улуса) и фактически распоряжались всей землей — пастбищами для кочевков (юртом), что в сущности и определяло власть беев над массой непосредственных производителей — татар-скотоводов. Влияние беев поэтому распространялось на весь строй татарских родов. В качестве вассалов хана беи обязаны были выставить войско: в период подготовки набегов оно поглощало почти все боеспособное население бейликов.

Ступенью ниже на социальной лестнице стояли вассалы беев — мурзы (татарское дворянство), получавшие в пожалование от беев земли и различные феодальные привилегии.

Таким образом, родовая организация татар была лишь оболочкой для отношений, типичных для кочевого феодализма в том виде, в каком он сложился в монгольской империи Чингис-хана в XII—XIII вв.;⁶ отсюда, как говорилось, вышли и татарские племена со своими вождями (беями), перенесшими в свой крымский юрт укоренившиеся на родине порядки. Это были отношения между татарской феодальной верхушкой Крымского ханства, с одной стороны, и массой простых татар-скотоводов — с другой.

Бей и мурзы, распоряжаясь пастбищной территорией — основным условием татарского скотоводства, по существу держали в своих руках все материальные ресурсы своих уделов, население которого оказывалось в той или иной степени зависимости от них, хотя лично и оставалось свободным. В пользу беев и мурз шла десятина со всего скота, находившегося в личной собственности татар, и со всей добычи, захваченной во время грабительских набегов, которые организовывались и руководились феодальной аристократией. Полон, достававшийся татарской знати, шел большей частью на продажу и таким образом способствовал обогащению этой знати. В своих юртах-бейликах татарские феодалы обладали, судя по ханским ярлыкам (жалованным грамотам), определенным иммунитетом, творили суд и расправу над татарским населением. В руках татарской аристократии находились вся администрация и военная организация Крымского ханства.

Номинально татарские роды и племена с их беями и мурзами были в вассальной зависимости от хана, но фактически высшая татарская знать не только обладала большой самостоятельностью, но и являлась настоящим хозяином в стране. Господство беев и мурз было характерной чертой политического строя Крымского ханства. Бей и татарское дворянство в сильной степени ограничивали власть хана: главы наиболее могущественных родов, так называемые карачи, составляли Диван (Совет) хана («Думу», как его называли русские послы). Они ведали судом, финансовыми делами ханства⁷ и его внешней политикой. По словам «ближнего человека» хана, переданным московским гонцом Айтемировым (1692—1695 гг.), «хан без юрта (т. е. без своего Совета) никакова великого дела о чем между государствам належит учинить не может».⁸ Так было и в XVIII в.⁹ Бей нередко свергали ханов и выдвигали новых.¹⁰

Конечно, социально-экономический строй татар на протяжении всего существования их государства — до конца XVIII в. — не мог оставаться без изменений. Процесс развития несомненно шел и с течением времени ширился и углублялся. Основное его содержание и тенденция заключались в росте и укреплении татарского феодального землевладения и переходе части татар от кочевых форм хозяйства к оседлому земледелию. Процессы эти вели к полному распаду некогда господствовавшего у татар родового строя, хотя и совершались они крайне медленно.¹¹

Еще в XIV в. особенную силу и значение благодаря своим богатствам приобрели в Крыму несколько феодальных родов: Ширины, Мансуры, Барыны, Сиджиуты, Аргины, Кипчанские, Сулешевы (Яшлавские). Крупные юрты-уделы (бейлики) этих родов, ставшие их вотчинными владениями, превратились в небольшие феодальные княжества, почти независимые от хана, со своей администрацией и судом по образцу ханских учреждений и со своим собственным войском (гвардией).

Наибольшей знатностью и богатством обладали бей Ширинские, бейлики которых начинался от Перекопа и тянулся до Азовского моря, включая предгорья (центром их владений в XVI в. был Карасубазар (ныне Белогорск)). Владения рода Мансуров охватывали нынешние евпаторийские

степи; бейлик Аргинских беев находился, судя по позднейшим ярлыкам, в районе Кафы и Судака; бейлик Яшлавских беев занимал пространство между Кырк-Ером (Чуфут-Кале) и р. Альмой.¹²

Уже указывалось,¹³ что именно оседание в Крыму нескольких наиболее богатых и знатных родов, образовавших свои бейлики — феодальные княжества, больше всего способствовало возникновению независимого татарского государства в Крыму. Создавая в XIV и XV вв. свои бейлики, родовые старейшины (беи) превращались в крупных феодалов.

По мере усиления беев росло и стремление их к полной независимости. Золотая Орда, как сказано, была уже не в силах помешать этому процессу, который завершился в 20-х годах XV в. воцарением Хаджи-Гирея, ставленника беев двух могущественных родов — Ширинов и Барынов. Крымское ханство, подготовленное процессом феодализации татар и выросшее на этой основе сильной татарской феодальной знатью, в первой половине XV в. стало реальным фактом.

Созданию его во многом способствовали и турки, видевшие в нем своего союзника против засилья генуэзцев. Не препятствовали этому и недавние враги татар — сами генуэзцы, черпавшие из татарских степей продукты своего сельскохозяйственного вывоза, составлявшего основу их черноморской торговли; поэтому они стремились к миру с татарской знатью. С другой стороны, и татарские ханы, оказавшись между двух огней — между турками и генуэзцами, — с самого начала своей государственной деятельности были обречены на слабость и полусамостоятельность, пока не попали в полную вассальную зависимость от турок.

К XVI в. Крымское ханство фактически охватывало не только предгорный и степной Крым (южный и частично горный Крым принадлежал туркам), но и бескрайние степные просторы нашего юга — огромную территорию между низовьями Днепра и Дона, доходя на западе до Белгорода-Днестровского (Аккермана), а в Приазовье — степи между Доном и Кубанью.¹⁴ Собственно в Крыму обитали так называемые татары перекопские, а за пределами полуострова степи в то время занимала, как сказано, орда ногайских татар (в восточном Приазовье — так называемые малые ногаи),¹⁵ подчинившаяся Крымскому ханству.

На этом огромном пространстве с XIII в. кочевали, переходя с места на место, эти прирожденные степняки-скотоводы. Характерным проявлением кочевого быта татар было слабое развитие недвижимой собственности: «Не заботятся они и о приобретении движимого имущества, кроме необходимой и то небогатой домашней утвари и простых вещей, нужных для конной езды и военного дела».¹⁶ Татары, писал Герберштейн (1549 г.), «не остаются долго на одном месте . . . Стравив пастбища в одном месте, они переселяются в другое со стадами, женами и детьми, которых везут с собой на повозках».¹⁷

Мартин Броневский сообщает, что они «кочуют в степях всегда отдельными селениями или таборами».¹⁸ Кочевание небольшими селениями (айлами) отражало наличие семейной (личной) собственности на скот и сосредоточение его в руках богатых скотоводов; но одновременно ради безопасности и для удобства ведения скотоводческого хозяйства отдельные селения, как у монголов,¹⁹ иногда, по-видимому, объединялись и кочевали совместно большими таборами (так называемыми куренями).

Правда, в условиях международной караванной торговли через Крым, которая тогда завязывалась, среди татар, входивших благодаря этой торговле в соприкосновение с городом, довольно рано появился и городской элемент, заполнивший в XIV в. Солхат, а в XV в. наводнивший Кафу. Но все же в основной своей массе татары, как тогда, в XV в., так и позднее, вплоть до XVIII в., оставались кочевниками-скотоводами.

По словам Михаила Литвина (1550 г.), «землю, хотя и самую плодородную, они (татары) не обрабатывают, довольствуясь тем, что она сама им приносит, т. е. травой для кормления скота . . . В стадах заключается все их богатство».²⁰ Мартин Броневский в своем описании Татарии (1578 г.) сообщает, что «хотя почва их (татар) очень плодородна, однако немногие занимаются земледелием и хлебопашеством; большая часть их не обрабатывает полей и не сеет хлеба, но питается кониной, верблюжиной, быками, коровами и баранами, которых у них очень много. . . Простой народ не имеет хлеба, употребляет вместо него толченное пшено, разведенное водой и молоком».²¹

В степной части Крыма и у ногаев, хозяйство которых было особенно примитивно, так продолжалось и в XVII в.²² Еще в XVIII столетии степные татары оставались по преимуществу кочевниками.²³ Мурзы также предпочитали скотоводство земледелию.²⁴

Эта застойность татарской экономики проходит красной нитью через всю историю Крымского ханства, что было неизбежным последствием крайне низкого уровня производительных сил, которые развивались у татар поразительно медленно. Потому так похожи и близки картины жизни татар у самых различных наблюдателей; картины эти на протяжении нескольких столетий (XV—XVIII вв.) оставались почти без изменений.

Скотоводческое хозяйство татар было весьма примитивным и не могло прокормить их, поэтому татары издавна дополняли его кочевым земледелием, которое сочеталось с кочевым образом жизни и не нарушало его. Они распахивали в степи определенные участки земли, обычно связанные с местами их зимовок, сеяли там хлеб, затем уходили кочевать и возвращались для уборки урожая. Об этом рассказывает Барбаро (середина XV в.);²⁵ о татарских пашнях в степи неоднократно сообщают русские источники конца XV в.²⁶ По «Книге Большому чертежу» (1627 г.). «от Перекопи до Бакчисарая и до Козлева, по обе стороны дороги, деревни татарские, а воды копанья колодези . . . А у татар во всех деревнях пашни пахут, а сеют пшеницу, да ячмень, да полбу».²⁷ Таким образом, даже в условиях кочевого скотоводства у татар возникла связь с землей, что так или иначе вело к появлению собственности на землю, притом собственности не только общинной, т. е. коллективной, но и феодальной. Особенное развитие последняя получила в южных районах Крыма, где в XVI в. происходил процесс оседания татар на землю. Но об этом далее.

Однако примитивное хозяйство татар очень часто страдало от стихийных бедствий (засухи), саранчи и эпидемий. Голод гнал татар на новые, нередко далекие места кочевок. По донесению русского посла, в 1492 г. «орда голодная добре, хлеб ся у них не родил и они, сказывают, тово дела, к Волге пошли, чтобы им чем было прокормитца».²⁸

Понятно поэтому, что ни скотоводство, ни кочевое земледелие не могли обеспечить даже минимальные потребности татарской массы, тем более не могли дать товарные излишки татарской феодальной знати. Татары вынуждены были ввозить продовольствие из соседних стран — из южнорусских областей²⁹ и особенно из Турции. Но этот ввоз был нерегулярным.³⁰ Длительные засухи, неурожай и вызванные ими голодовки вели к массовому падежу скота и вымиранию населения.³¹

Это вполне объясняет, почему на первое место в жизни татар, можно сказать важнейшим ее фактором, выступил внеэкономический способ добывания жизненных средств — война. Они систематически вели войны с целью грабежа соседних стран и захвата пленных, которых превращали в рабов.

Сеадет-Гирей (1523/1524—1532) писал Василию III (1479—1533): «И ты, брат наш, сю землю гораздо знаешь. Се наше земли живет вой-

ной». Мухаммед-Гирей (1515—1523) докладывал султану: «Не велишь пойти на московского и волошского (князя), чем быть сыту и одету». ³² Положение вещей не изменилось и в XVII столетии. В одном русском донесении из Крыма от 1647 г. говорится, что «без войны де крымским и ногайским людям быть не уметь, изнела их скудость и большой голод . . . И крымские де и ногайские люди и черные татаровя полоном хотят быть корыстны и войне ради». ³³ Доминиканский монах де Люк в начале XVII в. (1625 г.) писал еще резче: « . . . другого занятия, кроме войны, они (татары) не знают». ³⁴ Префект Кафы Дортелли (1634 г.) сообщает: «Власти-тели Татарии имели обыкновение идти воевать дважды в год или по крайней мере хоть один раз, но подобные предприятия следовало бы скорее назвать разбоем, чем войной. Шли на войну летом, когда кони отъедались на вешних травах, и зимою . . . Выступали приблизительно до 100 тыс. человек, направляясь либо в Польшу, либо в Московию или же в Черкессию, несколько раз ходили даже в Венгрию. Идя на войну, татары придерживаются следующего обычая. Каждый всадник берет с собой по крайней мере двух коней, одного ведет на поводу для поклажи и пленных, на другом едет сам». ³⁵

Разбойничьи походы татарской орды на соседние страны, особенно на Московское государство, совершались систематически: почти не проходило года без их набегов, сопровождавшихся грабежом и захватом полона. ³⁶ Постоянная опасность полного разорения и страх за жизнь создавали невыносимые условия для населения южных областей России. Это был настоящий бич русского народа, столетиями терзавший его.

Конечно, Московское правительство предпринимало меры противодействия татарской агрессии, как военные, так и дипломатические, стремясь к заключению с татарами мира. Но долгое время это не приносило существенного результата. Нелишнее отметить в связи с этим, что среди высшей татарской знати в начале XVI в., если не раньше, возникла «московская партия», партия московской ориентации — сторонников добрососедских мирных отношений с Москвой. Ими являлись влиятельные беи Сулешевы—Яшлавские. Это были «доброхоты», или «амияты» (т. е. приятели), московских государей в Крыму, называвшие себя их «холопами» и в верности которым в 1540 г. давали шерть (т. е. клятву). ³⁷ Однако ни дипломатическая активность, ни военные мероприятия не смогли приостановить татарскую агрессию, пока в середине XVII в. не было усилено крепостное строительство на южных рубежах нашей страны.

По русским источникам, в татарских походах, которые подолгу готовились, участвовало по несколько десятков тысяч человек (30—40—50). Основную и наиболее воинственную часть татарского войска составляла ногайская орда; другой значительной частью являлись отряды, выславшиеся, как говорилось, могущественными крымскими феодалами—беями и мурзами. К ним в более позднее время присоединялись отряды турок из гарнизонов Кафы, Керчи и Ени-Кале. В походы уходило чуть ли не поголовно все боеспособное население; в татарских деревнях, никого, кроме «старого и малого», не оставалось. ³⁸ Но это была почти безоружная масса, почти без лука и стрел, без щитов и копий, зато с ремнями, которыми вязали пленнх. ³⁹

Татары угоняли огромный полон. Боплан (XVII в.) говорит о 50 тыс. невольников, захваченных в Польше в течение только двух недель. ⁴⁰ Из России только за десятилетие 1607—1617 гг. татары угнали не менее 100 тыс. человек, а всего за первую половину XVII в. — не менее 150—200 тыс. человек. ⁴¹ По возвращению в Татарию «победители делят их (невольников) между собой. . . Затем их ведут в разные города Татарии

на продажу. Там невольников выставляют на показ . . . предоставляя их на выбор любого покупателя . . . (их) развозят в Константинополь, в Азию, в Европу, на Восток и на Запад». ⁴²

Так было и в XVI в.: «Корабли, приходящие к ним (татарам, т. е. в Крым) часто из-за моря из Азии, привозят им оружие, одежды и лошадей, а отходят от них нагруженные рабами. И все их рынки знамениты только этим товаром, который у них всегда под руками — и для продажи, и для залога, и для подарков». ⁴³ Больше всего гнали рабов в Кафу, которая при турках (XVI—XVIII вв.) стала одним из наиболее обширных невольничьих рынков Европы.

Так продолжалось и в XVIII в. По свидетельству Пейсонеля, «торговля рабами в Крыму очень обширна. Порабощенные принадлежат к четырем различным национальностям: черкесской, грузинской, калмыцкой и абхазской», ⁴⁴ причем предпочтение отдавалось черкесам.

Наибольшая доля захваченной добычи, и прежде всего полона, доставалась татарским феодалам — хану, беям и мурзам — до 40%. Военные походы были поэтому им особенно выгодны. Именно они и являлись инициаторами и организаторами грабительских набегов татар, оказывая в этом отношении давление на ханов, обращавшихся к султану, испрашивая разрешение на тот или иной поход. ⁴⁵ А малоимущие татары расплачивались полонем за долги. «Отсюда получалось, — замечает исследователь, — что особенно нуждавшаяся в добыче татарская гольтыба мало выигрывала от походов». ⁴⁶ Не удивительны поэтому факты принудительной мобилизации татар в поход. Так, например, в 1587 г. беднейшие татары вообще отказывались выступать по причине предстоящей уборки урожая. ⁴⁷

Таким образом, войны не давали надежного выхода из нужды, в которой находилась основная масса татар-кочевников. Больше того, войны вели к более глубокому застою экономики и, следовательно, только тормозили развитие производительных сил. ⁴⁸ К тому же в середине XVII в. в результате усиления обороны южнорусских границ татарам стало труднее совершать свои набеги на земли Московского государства, а со стороны Дона их теснили калмыки. ⁴⁹

Захваченный полон татары гнали не только в города для продажи. Уже в XVI в. рабов начали использовать и в качестве рабочей силы в сельском хозяйстве, ⁵⁰ которое стало развиваться в южном предгорном и горном Крыму в процессе оседания татар на землю.

Процесс этот был вызван несколькими взаимосвязанными причинами, о которых уже шла речь: и тем, что примитивное скотоводство и кочевое земледелие из-за частой засухи, бескормицы и неурожаев не могли прокормить большую часть татарского населения, иными словами вследствие социального расслоения татар (к оседлому земледелию вынуждена была обратиться прежде всего беднейшая часть их); ⁵¹ и тем, что жизненные потребности татар не удовлетворяли и грабительские набеги, плоды которых доставались главным образом татарской знати; и тем, что с течением времени (с середины XVII в.) татарские набеги все чаще не удавались и полон становилось все меньше, а это был основной источник обогащения татар; и тем, что татарская феодальная знать сама вынуждена была обращаться к более передовым формам хозяйства — к оседлому земледелию, а с этой целью расширяла свои земельные владения и не только поощряла оседание татар на землю, но и использовала труд невольников; позднее в татарских поместьях появились и зачатки крепостничества.

Показателем роста феодального землевладения в XVI в. могут служить частые пожалования ханами земель с пашнями, сенокосами, пастбищами, зимовьями для скота, садами, мельницами и пр., притом именно

в южных горных и предгорных районах. Грамоты обязывали новых владельцев обрабатывать и засеивать земли.⁵²

Уже во времена Мартина Броневского, т. е. в 70-х годах XVI в., татарская знать «живет не в степях, а в селениях, по близости лесов (имеется в виду, конечно, предгорный Крым, — А. Я.). И хотя многие не имеют поместий, однако же имеют свои поля, обрабатываемые пленными венгерцами, русскими, валахами или молдаванами, которых у них очень много и с которыми они обращаются как со скотом».⁵³

Татары оседали на землю почти исключительно в южных частях Крыма — на его плодородных равнинах и в районе крупных городов (Кафа, Старый Крым, Судак, Керчь, Бахчисарай), в местах со старым греческим и огреченным населением и с не менее старой земледельческой культурой. Особенно интенсивно шел этот процесс во второй половине XVI и в XVII в. Дортелли (1634 г.) отмечает, что «крымские татары (имеется в виду горный и предгорный Крым, — А. Я.) пашут и сеют; едят обыкновенный пшеничный хлеб . . . (они) живут в поселениях и в обыкновенных домах» в противоположность степным татарам (ногайцам), продолжавшим жить «в степи, на повозках», на которых устроены кибитки, покрытые войлоком с отверстием для дыма в центре.⁵⁴ Впрочем, и у оседавших на землю татар скотоводство еще долгое время продолжало играть ведущую роль.

Собственно земледелие у оседлых татар не только в XVI, но и в XVII, и даже в XVIII столетиях продолжало, в сущности, оставаться в неразвитом состоянии. Об этом свидетельствуют большое значение скотоводства у оседлых татар,⁵⁵ очень ограниченные размеры барщины, которой были обязаны мурзам-помещикам татары-земледельцы (8—10 дней в году),⁵⁶ даже отсутствие каких-либо узаконений в этом отношении: помещики-феодалы, видимо, еще слабо были заинтересованы в своем земледельческом производстве. Насколько они мало ценили свои земельные угодия, говорят и нередкие факты наличия земельной собственности татар-земледельцев в пределах поместий мурз.⁵⁷ Зато наряду с барщиной татары-земледельцы были обязаны вносить мурзам-помещикам десятую часть урожая: рента продуктами была для них, по-видимому, важнее.

Осваивая южные районы Крыма, занятые коренным земледельческим населением и селясь рядом с ним, татары не только подчиняли его себе, обложив всевозможными данями и различными повинностями (см. главу V),⁵⁸ но и стремились ассимилировать его. Экономическое господство татар, конечно, облегчало им эту задачу. Однако и сами татары не могли не испытать очень сильного влияния местного населения не только в культуре (об этом речь впереди), но и во всем строе жизни, прежде всего в ее социальной организации. Татары усвоили традиционный общественный институт, издавна существовавший в южных земледельческих районах Крыма, — местную сельскую территориальную общину (называемую у татар «джемаат» или «эхали»), приспособив ее, естественно, к своим нуждам, нуждам скотоводов, пока земледелие не стало их основным занятием.⁵⁹

Кадизкерские (вотчинные) книги XVII—XVIII вв. рисуют джемаат как сельскую общину с коллективной поземельной собственностью, общественными сенокосами и пастбищами (ими служили также и леса, очень удобные для выгона овец), которые больше всего ценились в общине, общественными колодцами. Лишь позднее общинная собственность стала путем захвата распадаться на личную.⁶⁰ Для сельской общины оседавших татар (недавних кочевников-скотоводов) особенно характерно было то, что общинная собственность на пахотные земли была весьма неустойчива и неопределенна: пахотные участки часто захватывали, огораживали и таким образом превращали в свою личную собственность,

хотя община и продолжала оставаться номинальным владельцем таких угодий.⁶¹ Но вместе с тем существовала и коллективная запашка земли (особенно в горных районах), в которой участвовало несколько семейств. Практиковалось и распределение земли на пай (арканы). Каждый общинник, получая свой пай, с течением времени становился полным хозяином пая-участка. Таким образом, в самом строе татарской сельской общины все большее значение приобретали элементы, ведущие к ее распаду. Однако и при распределении на пай татарская община, следуя обычаям местной греческой общины, оставляла за собой право предпочтительной покупки таких участков.⁶² Община и в этом случае оставалась верховным обладателем земли.

Наконец, для сельской татарской общины XVII—XVIII вв., как и для греческой средневековой общины, была характерна и простая кооперация (коллективное содержание скота, для чего обычно объединялись 15—20 владельцев, общественная запашка, коллективное сооружение колодцев, дорог и т. д.), как и круговая порука.

Не может быть никакого сомнения, что татары-кочевники не «изобрели» такие формы общественного строя. Татарский джемаат не был, конечно, простым приспособлением социального строя кочевников к условиям оседлого земледелия, как думали некоторые исследователи.⁶³ Не случайно формы татарской общины стали близки к формам организации сельской общины средневековья, известной в Византии (о чем говорилось в главе II). Татары застали сельскую земледельческую общину на месте во вполне сложившемся виде и относительно скоро усвоили ее организацию, развив лишь те ее черты, которые были наиболее важны для скотоводческого хозяйства, имевшего и у оседлых татар, как сказано, преимущественное значение.

Татарское оседлое земледелие охватывало очень ограниченный район — лишь южную предгорную и горную части Крыма. На остальном обширном степном пространстве продолжало господствовать кочевое скотоводство, сочетавшееся с примитивным кочевым земледелием, требовавшим оседания лишь очень небольшой части населения.⁶⁴ В экономике Крымского ханства скотоводство имело несравненно более крупный удельный вес, чем оседлое земледелие.

Значительное влияние на процесс развития татарского феодального землевладения и земледелия оказывала новая экономическая обстановка, складывавшаяся в XVI в. в восточном Средиземноморье вследствие роста городов и торговли и связанного с этим роста потребности в продуктах земледелия.

Если в первое время после захвата Крыма турками (1475 г.) торговые связи и вся экономическая жизнь крымских городов ослабели,⁶⁵ то уже в XVI в. они вновь начали наполняться жизнью и развиваться, а в XVII в. намного превзошли уровень генуэзских времен. Выдвинулись и новые города — Карасубазар (совр. Белогорск), Гезлеве (совр. Евпатория), Бахчисарай, но главным городом Крыма, его экономическим центром оставалась Кафа. По словам Боплана, «Город производит обширную торговлю с Царьградом, Трапезунтом и Синопом, одним словом со всеми приморскими городами Черного моря, Архипелага и Леванта».⁶⁶ Дортелли (1634 г.) рисует Кафу огромным городом — 5 миль в окружности — с населением в 80 тыс. человек, состоящим из турок (имеющих в городе до 70 мечетей), греков, армян и евреев. Кучюк-Стамбулом, т. е. маленьким Константинополем, называли его современники. Это был не только большой торговый город, но и цитадель турок, их главная крепость в Крыму.

Сельскохозяйственная округа города снабжала его население всем необходимым: «В город через ворота Татарии ежедневно въезжают 500

600, 900 и 1000 телег, а под вечер ни на одной из них не остается ничего для продажи. Но главный источник богатства Кафы — море, снабжавшее ее всеми . . . щедротами. Поэтому Кафа очень бойкий торговый город, куда съезжаются купцы из Константинополя, Азии и Персии». ⁶⁷ Купцов здесь привлекали прежде всего невольники, затем хлеб и рыба. О значительных размерах вывоза говорят все современники. В середине XVII в., по сообщению Шардена, за 40 дней его пребывания в Кафе туда пришло более 400 судов. ⁶⁸ В середине XVIII в. сюда ежегодно заходило от 100 до 150 судов, груженных хлебом. ⁶⁹ По-видимому, основную часть хлеба, которым снабжался Константинополь, составляла, как и в XIV в., пшеница, вывозившаяся из Кафы. Указом турецкого султана (XVII в.) было даже воспрещено вывозить крымский хлеб в другие места. В XVIII в. хлебная торговля по преимуществу перешла в руки хана, продававшего хлеб, шедший в ханские закрома в качестве феодальной ренты (оброка). ⁷⁰

Большое значение в торговле Кафы имела и соленая рыба. Для одной Венеции в Кафе, по сведениям Дортелли, заготавливалось до 200 бочек осетровой рыбы. ⁷¹ А в Крым везли металлы (свинец, медь, олово, железо в брусках, сталь и изделия из металла), восточные ткани, фаянсовую посуду, табак, кофе и пр. ⁷²

Однако вся эта обширная торговля находилась в руках не татар, а ту-рок и западноевропейских купцов. Собственно татарская экономика, если не считать работорговли, была очень мало связана с Кафой. Города как ремесленно-торгового центра у татар тогда еще не было, он созрел лишь в XVIII в. Очень наглядно это показывает та примитивная форма внутренней торговли, которая долгое время существовала у татар в виде базаров, кочевавших вместе с ордой, составляя органическую часть ее и даже часть богатой татарской вотчины. ⁷³ Базар передвигался вместе с купцами и их семьями, вместе с ремесленниками и походной мечетью, вместе со всем улусом. ⁷⁴

Здесь, на базарах, и начало сосредотачиваться татарское ремесло, также пока еще мало развитое. Мартин Броневский (1578 г.) писал, что «в городах немногие занимаются торговлей, еще реже рукоделием или ремеслами», да и те большей частью не татары, а христианские невольники, турки, армяне, евреи. ⁷⁵ Просьбы и сообщения о присылке татарам ремесленников (ювелиров и строителей) не раз встречаются в русских источниках конца XV и начала XVI в. ⁷⁶

Только позднее, в XVII столетии, татарское ремесло начало оседать и сосредотачиваться в городах. Прежде всего развивались ремесла, связанные с обработкой продуктов скотоводства — шерсти, кож и пр.

В XVIII в. современники отмечают большое производство в городах войлоков, выделку кож, сафьянов, седел. Появилось металлообрабатывающее производство.

Татарские города, возникшие на границе горных и степных районов Крыма еще в XVI в., в последующие два столетия благодаря торговле и оседлому ремеслу быстро росли. Наиболее крупными среди них были Бахчисарай — столица Крымского ханства и Карасубазар — центр бейлика беев Ширинских. ⁷⁷ Выделился Гезлеве — единственный татарский порт, куда приходили корабли из Малой Азии и Константинополя, приезжали русские купцы.

Особенно вырос Бахчисарай, ставший в XVII—XVIII вв. торгово-ремесленным центром всего западного Крыма. Это был по масштабам средневекового Крыма большой город с ремесленными кварталами и оживленными базарами — хлебным, овощным, соляным, кварталами мануфактурных лавок с заморскими товарами, с несколькими караван-сараями, банями. В конце XVIII в. в нем насчитывалось около 6 тыс. жи-

телей; ⁷⁸ по населенности это был второй после Кафы город Крыма (население полуострова в те времена было всего-то не более 250—300 тыс. человек). ⁷⁹ Бахчисарай делился на тридцать с лишним отдельных кварталов-приходов с мечетью и махтебом (училищем) при нем — в центре, от которого разветвлялись узкие улочки с выходящими на них глухими стенами небольших двухэтажных домов, вторые этажи которых часто выступают вперед, нависая над улицей. С улицей дома сообщались только через небольшие дворики — черта, глубоко традиционная в городском строительстве средневекового Крыма.

Бахчисарай в XVIII в. славился своим кожевенным производством: многочисленные мастерские по выделке кож тянулись вдоль речки Чурюк-Су. Ближе к центру города находился квартал войлочников. По соседству с ним несколько кварталов занимали ремесленники по металлу: оружейники, слесари, медники, лудильщики. Большой славой пользовались бахчисарайские ножовщики. В XVIII в., по сообщению Пейсонеля, здесь существовало чуть ли не сотня мастерских, производивших до 400 тыс. ножей в год; они вывозились в Черкессию, Россию, Польшу, Молдавию, Валахию (совр. Румынию), в Малую Азию и в Константинополь. ⁸⁰ Широкое развитие в Бахчисарае получило и производство ружей, потребность в которых в связи с военными походами татар в Россию и другие соседние страны были очень велики. В середине XVIII в. здесь работало 15—20 ружейных мастерских. Около 2 тыс. ружей ежегодно вывозилось в Турцию, где они, по отзыву современников, высоко ценились. ⁸¹

Достигнутая в XVIII в. относительно высокая степень развития татарского ремесла вызвала к жизни организацию ремесленных цехов. Ремесленники были объединены в многочисленные цеховые корпорации (их было 32) во главе со старшим мастером (уста-баши) и двумя помощниками. ведавшими делами цеха; они руководили приемом учеников (шергит) и посвящением ученика в мастера, регулировали производство и цены. были представителями цеха. Избрание главы цеха и посвящение в мастера превращались в большое городское празднество с религиозными обрядами. ⁸² Традиции цеховой организации дожили в татарских городах Крыма до конца XIX в. ⁸³

Вся эта цеховая организация Бахчисарая сложилась несомненно на основе местной, еще дотатарской ремесленной традиции городов Крыма, которую татары-ремесленники здесь застали и в той или иной мере усвоили. подобно тому как татары-земледельцы усвоили основные черты издавна сложившейся в Крыму сельской общины (см. главу V). Возможно, что на формирование татарской цеховой организации оказала влияние организация ремесла в Малой Азии, ⁸⁴ с которой татары постоянно общались. Немалую роль в этом отношении сыграла и связь с турецким Стамбулом (Константинополем), где цеховой строй в XVII—XVIII вв. был очень развит.

Большое значение в развитии татарского ремесленного производства бесспорно имело русское ремесло. Оружие, которое в значительном количестве производилось в Бахчисарае в XVIII в., раньше (в XV столетии) заказывалось татарами в России, иногда большими партиями: так, в начале XVI в. было заказано 20 тыс. стрел. Из России тогда привозили седла, саадаки, ножи. Знамениты были в Бахчисарае и московские ювелиры: однажды в 1495 г. Менгли-Гирей просил у московского царя Ивана III прислать ему «в два ведра доброво дела серебряны чары да наливки серебряны. . . У нас так сделати мастера доброво не добыти. а у тебя, у брата моего, такие есть». ⁸⁵ По всей вероятности, московских ремесленников знали в Бахчисарае не только по их изделиям, но и в лицо.

Бахчисарай в XVII—XVIII вв. стал не только экономическим и политическим, но и культурным центром Крымского ханства. Поэтому, говоря о культуре татар, следует прежде всего обратиться к памятникам Бахчисарая и его окружи. Правда, это по преимуществу памятники феодального строительства, но и в них можно разглядеть народную основу. Они важны и тем, что в них очень рельефно отразились исторические судьбы Крымского ханства.

Еще в XV в. в нынешнем предместье Бахчисарая — Салачике, близ крепости беев Яшлавских в Кырк-Ере (совр. Чуфут-Кале), был построен первый ханский дворец — «Ашлама-сарай», до нас не дошедший. История Бахчисарая начиналась именно здесь. Уже в 1578 г. существовал, по словам Мартина Броневского, «в конце Бахчисарая другой город, называемый Салачик с хорошими домами»; здесь находились ханский дворец с мечетями, гробницами и банями.⁸⁶ От всего этого сохранились лишь две небольшие постройки — медресе и дюрбе (мавзолей). Оба здания построены при хане Менгли-Гирее (1466—1515).

Наличие в этом небольшом придворном поселке медресе очень показательно: новая столица и резиденция крымских ханов должна была быть не только новым политическим центром (на смену старому Солхату — Крыму), но и центром культурным; постройка медресе была важным шагом в этом направлении. Медресе выходит на улицу сплошной стеной, с узкой дверью, над которой помещена надпись. В ней говорится, что медресе построено по приказу Менгли-Гирея в 1500 г. В арке входа висают, расходясь, две цепи: они заставляют каждого входящего в медресе благоговейно наклонять голову — поклониться при входе в высшую мусульманскую школу.

Здание (рис. 46) воспроизводит архитектурную схему Солхатского медресе, но оно значительно меньше его и потому лишено парадности. Центр медресе представляет собой как бы маленькую базилику с тремя парами квадратных столбов. Два средних деления, открытые сверху, служат внутренним двориком, который окружен галереей, расчлененной стрельчатыми арками на 10 квадратных частей, каждая из которых завершена плоским куполом, выступающим наружу (табл. XXXVI, 1, 2). К внутреннему дворику с его галереей с трех сторон примыкают тесные комнатки для занятий, перекрытые цилиндрическим сводом. В центральном дворике находился фонтан, с которым был соединен сохранившийся поглощательный колодец. Небольшие размеры здания придают ему интимность. Тишиной и покоем, замкнутостью и аскетизмом пронизана эта постройка.

Как и другие произведения ранней татарской архитектуры в Крыму, Салачикское медресе представляет собой уменьшенный и сильно упрощенный вариант сельджукских медресе Малой Азии.⁸⁷

С медресе контрастирует стоящий рядом мавзолей (дюрбе) хана Хаджи-Гирея, построенный его сыном Менгли-Гиреем в 1501 г. По композиции здание напоминает мавзолей на плато Чуфут-Кале (см. главу V), но оно более стройное по пропорциям.⁸⁸ Здание столь же простое и представляет собой восьмигранник, увенчанный плоским куполом; сильно выступающий портал является декоративным центром мавзолея. По фасаду портал обрамлен «сельджукской цепью», сплошным ковром резьбы покрыты его боковые плоскости, обращенные к входу (они окаймляют боковые ниши со сталактитовым верхом; табл. XXXVII, 1, 2), сплошь орнаментированы полуколонки портала и весь наличник самого входа с мастерски вплетенной в растительный узор надписью, с «сельджукской цепью» и рядами сталактитов. Сплошной резьбой в виде различных плетенок покрыты и полу-

колонки, поставленные на стыке граней мавзолея, отчеканивая ритм его плоскостей. В Салачикском медресе весь архитектурный эффект сосредоточен внутри, в мавзолее — только снаружи. Богатство декорировки этого здания должно было подчеркнуть значительность его содержания: это была усыпальница первого хана новоявленного татарского государства.

Другое интересное дюрбе находится на окраине Бахчисарая — так называемое Эски-Дюрбе (табл. XXXV, 2). Здание квадратное в плане, с очень толстыми стенами (1.40 м), переходящее в восьмигранник, пере-

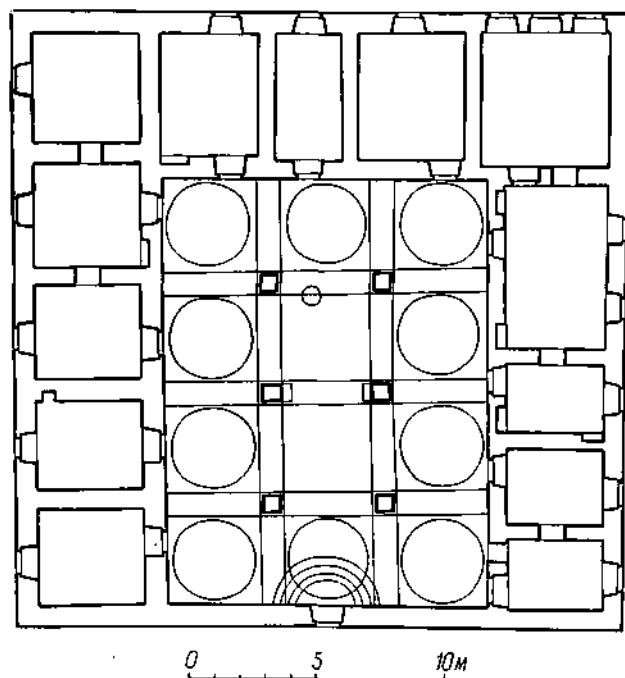

Рис. 46. Салачик (близ Бахчисарая). Зинджирли-медресе, 1500 г. План.

крытый куполом (переход совершен посредством гранных трюмов). Снаружи дюрбе увенчано низким восьмигранным барабаном; купол имел скорее всего пирамидальное восьмигранное покрытие. С восточной стороны находится глубокая порталная ниша. С южной стороны к дюрбе примыкает открытый дворик, в котором находилось, вероятно, родовое кладбище; дворик отделен аркадой со слегка стрельчатыми арками.⁸⁹

Здание почти лишено украшений. Оно выделяется стройными пропорциями и благодаря тщательно выполненной облицовке гладко тесанным камнем выглядит очень монументально. Эски-Дюрбе несомненно одно из лучших произведений мусульманского зодчества в Крыму. Хронологически оно, возможно, предшествует постройкам Салачика и относится еще к XV в.,⁹⁰ ко времени, когда Бахчисарая еще не существовало или он еще только зарождался.

Ядром будущего большого татарского города стал дворец, перенесенный из Салачика туда, где он стоит и сейчас, в начале XVI в. ханом Менгли-Гиреем (отсюда и название Бахчисарая — «дворец в садах»).

Территория дворца⁹¹ отделена от города мелкой речушкой Чурюк-Су (Гнилая вода), обложенной тесанным камнем. Приземистые широкие ворота (они поздние, построены в XIX в.) ведут в обширный двор, некогда

выложенный каменными плитами: слева — мечеть, ханское кладбище и хозяйственные службы, справа — сам дворец, состоящий из различных и разновременных построек, лепящихся одна к другой без какого-либо заранее намеченного плана, потому что дворец рос постепенно и стихийно (рис. 47). Древнейшая его часть — это «железные ворота», стоящие ныне во втором (внутреннем) дворе дворца, перенесенные сюда, вероятно, из дворца Менгли-Гирея в Салачике. Сооружены они в 1503 г. итальянским зодчим Алевизом Новым, направлявшимся по вызову московского царя в Москву, где он позднее построил знаменитый Архангельский собор в Кремле. Путь Алевиза, как обычно в то время, шел через Крым. Здесь он и был захвачен татарами. Так появилась типично итальянская постройка в Бахчисарае⁹² — «Железные врата» (табл. XXXVIII). Это пышный каменный портал дворца, обрамленный двумя пилястрами с коринфскими капителями, широким антаблементом и полукруглым фронтоном, с богатейшей резьбой по белому камню преимущественно растительного рисунка («фряжские травы») в стиле итальянского Ренессанса.

Через «Железные врата» попадаем на «Фонтанный дворик» с рядами деревянных колонн. В двух углах его теперь находятся два татарских по своему типу мраморных фонтана — «Золотой фонтан» 1733 г. с резьбой в духе итальянского Ренессанса и «Фонтан слез» 1763 г. с барочной резьбой⁹³ (табл. XL, 1). Вдохновенные строки посвятил этому фонтану А. С. Пушкин. Крымский хан

Воздвигнул мраморный фонтан,
В углу дворца уединенный.
Над ним крестом осенена
Магометанская луна
.....
Есть надпись: едкими годами
Еще не сгладилась она.
За чуждыми ее чертами
Журчит во мраморе вода
И каплет холодными слезами,
Не умолкая никогда.
Так плачет мать во дни печали
О сыне, падшем на войне,
Младые девы в той стране
Преданье старины узнали,
И мрачный памятник оне
Фонтаном слез именovali.

(«Бахчисарайский фонтан»)

Поэзия Пушкина как бы сроднила фонтан Бахчисарайского дворца с русской культурой.

Отсюда, из фонтанного дворика, через открытую канцелярию ханского Дивана попадали в парадные помещения дворца — сначала в Диван («Зал Совета и Суда»), построенный еще до 1736 г.⁹⁴ Это двухсветный зал (верхние окна окружали его со всех четырех сторон), с хорами на обеих коротких сторонах. Окна верхнего этажа имели цветные стекла, в окнах нижнего этажа были вставлены ажурные решетки. Стены зала, судя по описанию 1736 г., были «вместо ковров выложены разноцветным фарфором» (т. е. изразцами).⁹⁵ По середине зала в пол был вделан белый мраморный фонтан,⁹⁶ а вдоль стен стояли диваны с яркой обивкой. Здесь восседала татарская знать и высшее духовенство — подлинные хозяева страны.

Далее лестница вела на второй этаж, где находился «Посольский зал» — роскошная и богатая по убранству палата, с двумя большими нишами (в одной из них сидел хан, в другой помещались придворные музыканты). Зал был тоже двухсветный, пол здесь был мраморный, покрытый циновками, деревянный потолок имел голубую роспись.⁹⁷ В «Посольском зале», как самом парадном, происходили торжественные приемы.

Особое место во дворце занимал «Золотой кабинет» Крым-Гирея, построенный в 1764 г., снова двухсветный зал с цветными стеклами в верхнем ярусе, залитый светом 24 окон и словно прозрачный (табл. XXXIX, 1, 2). Тонкая резьба деревянного мозаичного потолка с красным фоном, яркая обивка диванов малиновым бархатом с золотыми узорами и голубые тона стенной росписи (работы перса Омера) делали этот небольшой зал особенно нарядным и вместе с тем интимным. «Золотой кабинет» выступает вперед из всего дворцового ансамбля и как бы доминирует в нем.

На стенах зала придворный поэт начертил пространную хвалебную оду: «Это здание, подобно солнечному сиянию, озарило Бахчисарай. Смотри на живописную картину дворца, ты подумаешь, что это жилище гурий, что красавицы сообщили ему свою прелесть, что это нитка морского жемчуга, это неслыханный алмаз. Смотри! Вот предмет, достойный золотого пера . . . Это привлекательное место есть родник радости, и каждое на него воззрение будет волнующим морем наслаждения».⁹⁸ Таким в представлении татар XVIII в. был ханский дворец Бахчисарая.

Приблизительно такие же залы для приемов были и у «ближних людей» хана — представителей высшей родо-феодалной татарской знати. О подобном зале у «ближнего человека» Ахмед-аги Сулешева дает представление колоритное описание в статейном списке московских посланников Василия Тяпкина и Никиты Зотова (1681 г.). Позванный к Ахмед-аге, Тяпкин «вшедши с ним привитался (т. е. поздоровался); бусурман же, надуясь поганую свою гордостью, сидел на коврах, облегшись на бархатные золотные подушки; и привитался сидя, и велел мне против себя сесть по блиску, на уготованном месте . . . А образом и саном Ахмет-ага человек природной и речью свободен и тихословен; портище на нем сукопное цветом мурад зелено, на соболях, турецким строем; глава его в белом завое. Стены в избе его обиты завесы золотными и бархатными, чрез полосу спиваны».⁹⁹ В другом месте списка добавлено про «низкие скамейки, окрытые коврами», стоявшие, вероятно, вдоль стен, и что «пол весь услан коврами и попонами цветными».¹⁰⁰

Дальше в глубине внутреннего двора Бахчисарайского дворца находились гарем с многочисленными постройками (они почти не сохранились) и «Персидский дворец», от которого уцелела «Соколиная башня». Оттуда евнухи наблюдали за территорией гарема; туда поднимались и пленницы гарема, чтобы полюбоваться выездами послов, военными парадом и дворцовыми играми.

На противоположной стороне центрального двора основное место занимает монументальная и обширная мечеть, построенная в 1740—1743 гг. По своей архитектурной композиции в виде широкого трехнефного зала она без изменений следует старой традиции (напомним мечеть начала XIV в. в Солхате). Внутри здание украшает михраб со сплошной резьбой по камню. Вдоль северной и южной сторон тянутся крытые аркады. Над зданием высятся два тонких минарета. Они как бы венчают ансамбль дворца. С южной стороны здания крутая деревянная лестница ведет в богато отделанную ложу хана.

Рядом с мечетью построены два простых восьмигранных купольных дюрбе (мавзолея), а за ними находится ханское кладбище с многочисленными и пышно ornamentированными мраморными надгробиями XVIII в., увенчанными чалмой или клобуком. В начертанных на них витиеватых и многословных турецких надписях придворные поэты восхваляли погребенных ханов, а заодно и тех, кто еще держался на троне: ¹⁰¹ ослабевшие, цеплявшиеся за власть Гирей питали, как видно, особенную страсть к превозношению своих особ.

Несколько особняком стоят бани Сары-Гюзель 1533 г., расположенные вне собственно дворцового комплекса, хотя и по соседству с ним и, ве-

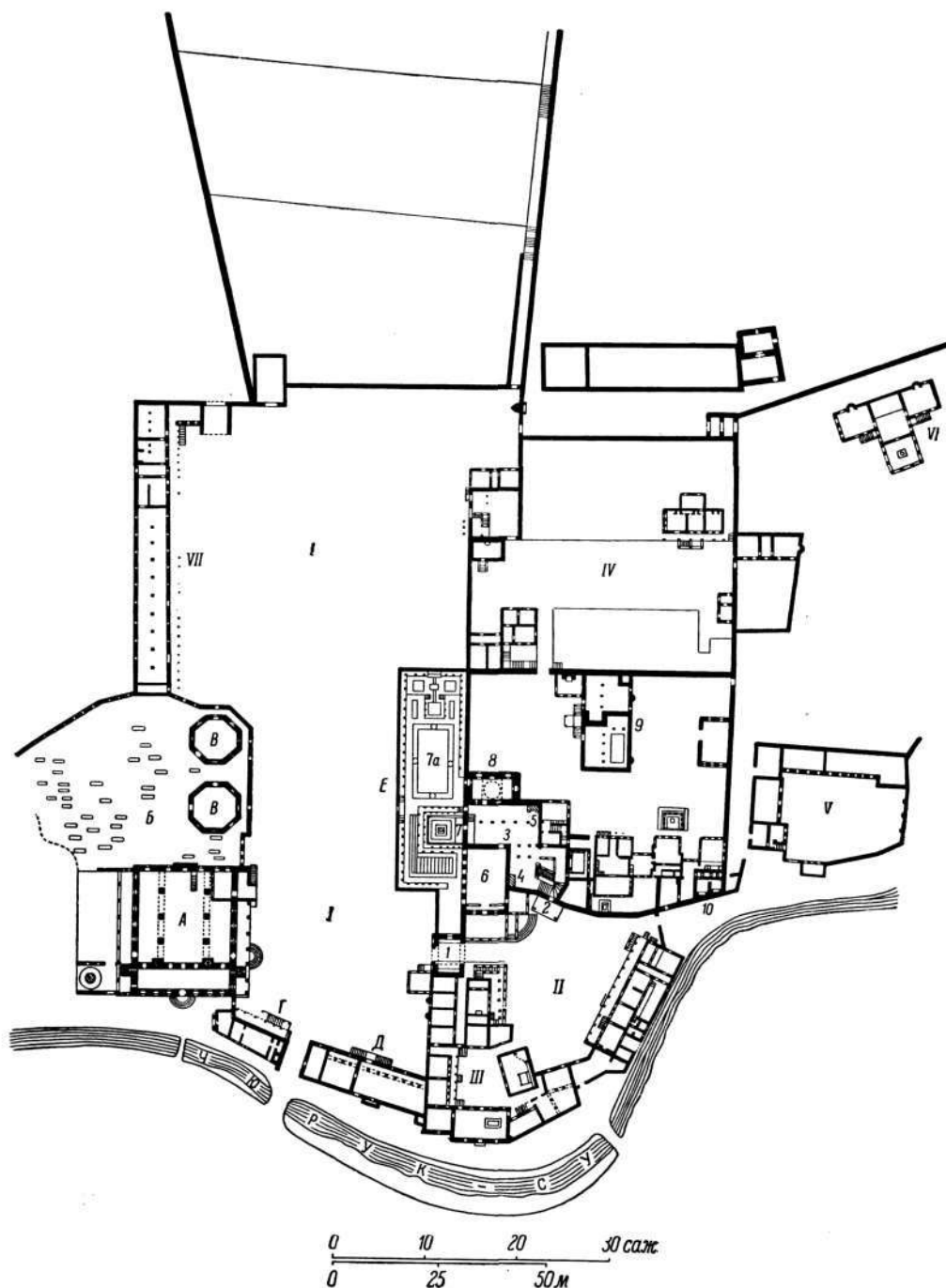

Рис. 47. План ханского дворца в Бахчисарае. Копия плана 1798 г., составленного Виллиамом Гести (центральная часть).

I — большой двор; *II* — внутренний двор (Посольский); *III* — кухонный двор; *IV* — задний двор; *V* — пекарный двор; *VI* — старый дворец; *VII* — конюшня. *A* — мечеть 1740 г.; *B* — ханское кладбище; *C* — дюрбе ханского кладбища; *D* — свитский корпус; *E* — комнаты для гостей; *F* — главный корпус. *1* — ворота; *2* — «железные ворота», 1503 г.; *3* — фонтанный дворик; *4* — «Фонтан слез», 1763 г.; *5* — «Золотой фонтан», 1733 г.; *6* — Диван (зал Совета и Суда); *7* — Золотой, или фруктовый, кабинет, 1764 г.; *7a* — цветник с фонтаном и бассейном; *8* — мечеть 1741 г.; *9* — гарем; *10* — баня.

роятно, связанные с ним. Баня имеет довольно сложную асимметричную планировку и состоит из трех купольных помещений для мытья и прилегающих к ним комнаток-раздевален. Как обычно в такого рода средневековых сооружениях, баня имела подпольное отопление.

В целом Бахчисарайский дворец — это сложный, стихийно выросший и вместе с тем очень целостный ансамбль многочисленных жилых и парадных построек, павильонов, хозяйственных служб, мечети и мавзолеев (дюрбе). В их расположении сказалась та же живописность, что и в отделке самих помещений — в многоцветной орнаментике их стен, яркой раскраске наборных деревянных потолков, в пестрой расцветке диванов и в многоцветных мозаичных стеклах окон, которые вместе с тем приглушали этот поток красок, создавая внутри полумрак с мягкой гаммой тонов. На всех постройках дворца лежит печать легкости и интимности: это дворец не столько могущественного хана-правителя, сколько феодала-собственника, первого среди знати. Таким и был крымский хан XVII—XVIII столетий. Обилие света, льющегося из множества окон, опоясывающих некоторые залы с трех сторон и идущих в два яруса, и тонкие колонки, поддерживающие резные потолки, еще более усиливают ощущение воздушности (табл. XLI, 1, 2).

Легкость и как бы ажурность этих зал, наполненных изображениями чаш с цветами и просто цветов, деревьев с птицами и различных плодов, мраморные фонтаны посреди залов превращали их в своего рода садовые беседки, в продолжение того роскошного сада, который был разбит перед дворцом.

Во всей этой пышной орнаментике XVII—XVIII вв. сплелись воедино османское искусство с его персидскими элементами и искусство западно-европейского барокко, хотя и в провинциальной передаче. Городские пейзажи Стамбула (Константинополя), украшавшие «Царьградскую комнату» дворца и выполненные в традициях персидского искусства, сочетались с венецианскими цветными стеклами; турецкий облик фонтанов сочетался с барочной декорровкой их мраморных плоскостей; турецкие изразцы ханской ложи в мечети сочетались с барочным по своему рисунку венецианским окном ложи.

Это сплетение, наложившее специфический отпечаток на весь ханский дворец, вполне объясняется той реальной исторической обстановкой, среди которой жила татарская феодальная знать на протяжении XVI—XVIII вв. и в которой формировались ее художественные вкусы.

Воспитывавшиеся большей частью в Стамбуле при дворе турецких султанов, крымские ханы, возвращаясь в Крым (уже в качестве ханов), переносили в свой дворцовый быт и турецкое искусство, и турецкую литературу и поэзию. Бахчисарайский дворец должен был напоминать дворец турецкого султана. Они выписывали из Стамбула не только художников-живописцев, но и зодчих, причем не только для Бахчисарая. В Крыму в XVI в. работал знаменитый в свое время турецкий зодчий и инженер Синан (1489—1578; грек по происхождению), строитель множества величественных мечетей турецкой столицы.

В Крыму он построил мечеть в Гезлеве — татарском портовом и торговом городе на западном побережье Крыма. Мечеть эта, сооруженная в 1552 г., сохранилась доныне.¹⁰² Она повторяет в уменьшенном масштабе монументальные столичные мечети. Это большой куб, увенчанный широким (в 11 м) низким куполом на восьмигранном основании (рис. 48, табл. XL, 2).

Подкупольное пространство с трех сторон окружено галереями и притвором, перекрытыми 11 плоскими маленькими куполами. Приземистая и монументальная в своем внешнем облике, мечеть внутри производит сильное впечатление обилием пространства, залитого ровным

светом из 16 окон, пронизывающих по византийской традиции основание купола.

Ханская мечеть в Гезлеве была, правда, единственным крупным произведением столичного турецкого зодчества на почве Крыма. Другие многочисленные татарские мечети XVII—XVIII вв. были намного скромнее, большей частью представляя собой каменный нерасчлененный куб, перекрытый куполами на восьмигранном основании или просто с деревянным перекрытием.¹⁰³ Таковы мечети в Феодосии (Муфтии-Джами, перестроенная в 1623 г.), в Эски-Сарае (совр. с. Монетное Симферопольского района), в Дуванкое (совр. с. Подгорное Кировского района). Реже кубическое пространство мечети расчленено на три нефа, как в мечети Бахчисарайского дворца, с таким же, как там деревянным перекрытием (например, мечеть Шор-Джами в Карасубазаре).¹⁰⁴

В целом это была сильная струя турецкого искусства, насаждавшегося крымскими ханами в городах Крыма. В жизни татарских социальных верхов турецкая культура господствовала.

Но вместе с тем, находясь в политической зависимости от турок, крымская феодальная знать и ханы в течение XVII и особенно в XVIII вв. все сильнее и сильнее вовлекались в сферу экономических интересов западноевропейских государств, преимущественно Франции. Чем дальше, тем сильнее это сказывалось и на придворном быте крымских ханов: из Италии и Франции они выписывали зеркала и дорогие узорчатые ткани, все в большей и большей степени черпали из Западной Европы декоративное искусство.¹⁰⁵

В этот позднейший период — в XVIII столетии — двойственный характер придворного татарского искусства, слагавшегося из турецких и западноевропейских элементов, был лишь внешним отражением политической неустойчивости и несамостоятельности самих крымских ханов.

Но если мысленно отбросить пышную декорровку ханского дворца в Бахчисарае, созданную придворными художниками, выписанными из Стамбула, и местными татарскими (а среди последних в XVIII в. особенно славился поэт, каллиграф и строитель Омер), если присмотреться к существу Бахчисарайского дворца, то будет нетрудно разглядеть народную основу его архитектуры. Эти легкие, полудеревянные постройки дворца, сложенные из калыба (т. е. из необожженного кирпича, заполняющего деревянный каркас постройки), всем своим существом близки к жилой татарской архитектуре хотя бы того же Бахчисарая. Уютная комнатка с диванами по стенам не менее типична для городского татарского дома среднего достатка. Да и вся планировка большого дворцового ансамбля, разместившегося вокруг обширного двора, повторяла (только в иных масштабах) основные черты планировки татарской городской усадьбы. Ханский дворец Бахчисарая по сути дела и есть татарская городская усадьба, только во много раз увеличенная, роскошная соответственно богатству и знатности ее обладателя. Пышная роспись, барочная резьба по камню, турецкие изразцы и итальянские цветные стекла легли как пестрый ковер

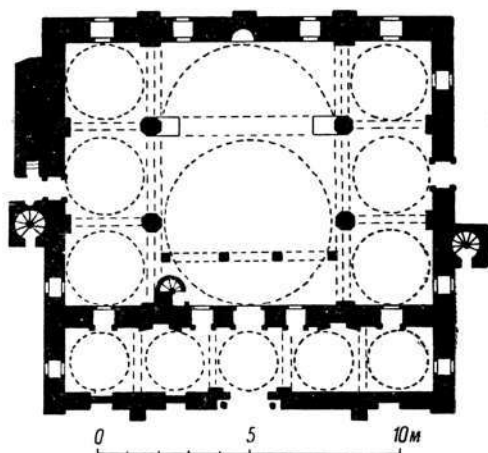

Рис. 48. Гезлеве (Евпатория). Мечеть 1552 г. План.

на эту народную основу, глубоко традиционную: своими корнями она уходит в многовековую культуру Крыма.

Войдя в непосредственное и повседневное общение с аборигенами края — по преимуществу греками-земледельцами, — оседлые татары не только постепенно усвоили сложившийся еще в раннее средневековье социальный строй деревни в виде сельской земледельческой общины, но и переняли важнейшие элементы старой местной материальной культуры: и сельскохозяйственную технику, особенно технику виноградарства и плодоводства, и ремесленную технику (напомним слова Мартина Броневского, что ремеслами в татарских городах занимались тогда, в XVI в., еще не татары, а пленники-христиане, армяне и другие народности), и форму и планировку жилищ в виде двухэтажного дома с каменным низом и глинобитным верхом, с деревянным каркасом, часто с нависающим вторым этажом.¹⁰⁶ Насколько традиционным является такой тип дома, показывает Херсонес (Херсон), для верхних слоев которого (XII—XIII вв.), как говорилось в главе III, он очень характерен. Основные черты такого жилого дома прослеживаются и далее вглубь средневековья.

Однако такого рода воздействие не могло быть односторонним процессом. В обстановке политического и экономического господства татар и при том феодальном угнетении, которому подвергалось коренное население, было неизбежно и обратное явление — воздействие татар на местную среду. Оно и действительно имело место. О силе этого воздействия говорит тот факт, что к XVIII в. все население юго-западного горного Крыма, греческое преимущественно, было почти полностью отатарено. говорило только на татарском языке, а христианство было постепенно вытеснено мусульманством. Вместе с татарским языком распространялись и татарские обычаи, одежда, утварь.¹⁰⁷ Лишь в отдалении от основного очага татарской оседлости и столицы ханства Бахчисарая, на южном побережье и в восточной части полуострова (в районе Судака и Кафы), рядом с татарским продолжали жить и греческий язык, и христианство.

Но и в районе Бахчисарая старая греческая традиция, в частности художественная, не исчезала и держалась здесь до самого последнего времени. Памятником ее являются очень интересные надгробия XIX и начала XX в. на греческом кладбище Бахчисарая и в других местах юго-западного Крыма, представляющие собой как бы модель древнего (типа XIII—XIV вв.) крестовокупольного храма; если бы не даты, начертанные на этих надгробиях (позднейшие — 1919 и 1920 гг.), их можно было бы отнести к далекому средневековью (табл. XXII, 2, б).¹⁰⁸

В поддержании этой старой культурной традиции большое значение имели и связи Москвы с греческими христианскими монастырями, существовавшими в районе Бахчисарая, которым покровительствовало московское правительство в XVI и XVII вв., подобно тому как оно в то время покровительствовало греческим монастырям и в других областях, занятых турками, — на Афоне, в Малой Азии, в Палестине, на Синае.

Мы знаем о четырех таких монастырях в Крыму: один находился в Салачике (предмесье Бахчисарая), два других — Федора Стратилата и Иоанна Предтечи — также близ Бахчисарая, последний — Георгиевский монастырь — близ Балаклавы. Крымским монастырям, как это известно по московским жалованным грамотам конца XVI и начала XVII в., ежегодно выплачивалась субсидия (руга), греческие монахи часто ездили в Москву.¹⁰⁹

Эта поддержка греческих монастырей, находившихся в самом центре татарского государства, имела, конечно, и большое политическое значение для Москвы.¹¹⁰ А вместе с тем благодаря помощи Московского государства еще продолжали существовать эти последние очаги старой греческой

культуры в Крыму, выделявшиеся в XVI—XVII вв. островками в сплошной татарской массе.

Тесные политические связи, завязавшиеся между Москвой и Крымским ханством почти с самого начала его существования (с 1474 г.), сопровождались не только торговыми сношениями, но, как видно, и плодотворным культурным общением, продолжавшими старые традиционные, в глубине средневековья зародившиеся и из века в век крепнувшие связи Крыма с Русью.

Присоединение Крыма к России в 1783 г. было заключительным звеном всей средневековой истории Крыма. Крымское ханство в XVIII в., раздробленное на мелкие, враждовавшие между собой княжества (бейлики), крайне ослабленное внутренними раздорами,¹¹¹ фактически лишившееся поддержки Турции, самой клонившейся к упадку, находилось на грани развала. Крымское ханство как полунезависимое государство исчерпало самое себя, готовое стать жертвой любой агрессии. Особенно упорно в Крыму добивалась экономического господства Франция, пытавшаяся помешать исконному стремлению России получить выход к Черному морю. Эта жизненно важная задача, поставленная всем ходом исторического развития России, стала еще более насущной после воссоединения России и Украины в 1654 г.: рубежи Русского государства приблизились к Черному морю, а к Азовскому морю подошли вплотную. Однако южные границы России и в XVII, и в XVIII вв. оставались крайне неустойчивыми и непрочными из-за частых нападений татар, поощряемых Турцией. Первые попытки овладеть Крымом в конце XVII в. (походы князя В. Голицына в 1687 и 1689 гг.) кончились неудачей. Овладение при Петре I Азовским морем (самим Азовом и построение прибрежных городков, прежде всего Таганрога), закрепленное за Россией Карловицким договором с Турцией 1699 г., было лишь первым шагом в разрешении черноморской проблемы. Но и это продолжалось недолго: после новой русско-турецкой войны Россия в 1711 г. утратила Азов, укрепления которого позднее обязана была срыть.

Между тем черноморская проблема в XVIII в. приобрела для России особенно большое значение, прежде всего экономическое.¹¹² С одной стороны, русское население, а вместе с ним и русская помещичья колонизация, осваивая плодородные земли южной России,¹¹³ постепенно продвигались на юг, к границам Крымского ханства. Но этому освоению южно-русских земель препятствовала почти непрерывная турецкая агрессия. С другой стороны, для русского дворянства и купечества все важнее и необходимее становился выход к Черному морю для экспорта увеличивавшейся сельскохозяйственной и промышленной продукции, внутренний спрос на которую из-за слабой покупательной способности населения был недостаточным. Северные же порты России уже в то время не могли удовлетворить потребности русского экспорта. К тому же основные рынки сбыта находились не на севере, а в странах Средиземноморского бассейна. Но турки не допускали русское купечество к Черному морю.¹¹⁴ Оставался путь сухопутной торговли через Польшу, но такая торговля была крайне невыгодна и потому не получила развития. Ключом же к Черному морю был именно Крым. Все эти проблемы могли разрешить либо ликвидация Крымского ханства, которым фактически распоряжалась Турция, иначе говоря, присоединение Крыма к России, либо предоставление Крымскому ханству независимости, иначе говоря, отделение его от Турции, для которой Крым был форпостом в борьбе с Россией.¹¹⁵ Агрессивность Турции усиливалась под влиянием Франции, которая всячески натравливала Турцию на Россию, опасаясь все более усиливавшегося русского влияния в Европе и на Ближнем Востоке. Отсюда — русско-турецкие войны

XVIII в.: сначала безрезультатная война 1735—1739 гг., когда русские войска дважды проникали в Крым, затем война 1768—1771 гг., объявленная Турцией под влиянием Франции. Но эта война принесла России крупную победу. Согласно Кючук-Кайнарджийскому мирному договору 1774 г., Крым был, наконец, объявлен независимым, а Россия получила в свое владение Керчь с важной в то время крепостью Ени-Кале, построенной турками в 1703 г. с помощью французских инженеров, а в западной части Северного Причерноморья — Днепровско-Бугский лиман с крепостью Кинбурн. Обладание Керченским полуостровом не могло не приблизить присоединения и остального Крыма к России. Это произошло 9 апреля 1783 г.¹¹⁶ Россия приобрела выход к Черному морю; тем самым были окончательно закреплены южные границы Русского государства. Вместе с тем это было политическим итогом многовековых связей Крыма и Руси, начавшихся еще на заре русской государственности и проходящих красной нитью почти через всю средневековую историю Крыма.

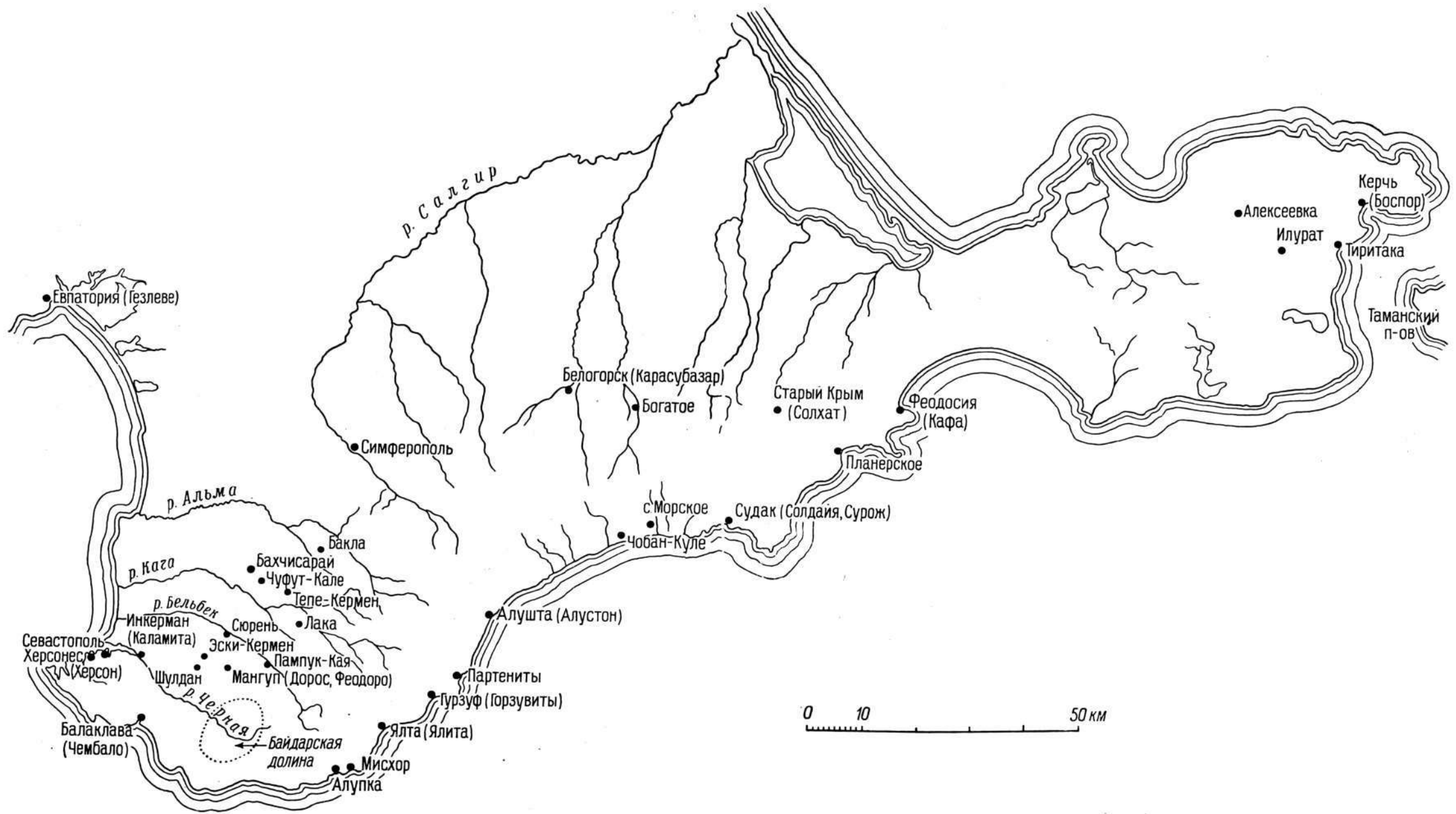
Включение в состав России было для Крыма началом нового исторического периода. Татарское землевладение благодаря предпринятой царским правительством массовой раздаче земель татарской знати получило новый толчок к развитию. Татарское население впервые начало заселять благодатные земли южного побережья. В конце XVIII в. началась и русская помещичья колонизация, сначала еще слабая, но затем, начиная с 20-х годов XIX столетия и вплоть до Крымской войны (1854 г.), она получила широкий размах.¹¹⁷

Несмотря на слабое развитие крепостничества¹¹⁸ и незначительную барщину татарского населения,¹¹⁹ к тому же сильно поредевшего,¹²⁰ несмотря на дороговизну наемного труда, на котором было основано русское помещичье хозяйство в Крыму конца XVIII—начала XIX вв., оно внесло в этот еще довольно пустынный край новые, высокоценные сельскохозяйственные культуры — виноград, табак; дикие и малонаселенные пространства южного берега начали покрываться плодовыми садами и рощами. Проведены были дороги, связавшие, наконец, южное побережье со степным Крымом, возникли и выросли новые города. Население полуострова начало, особенно после падения крепостного права (1861 г.), быстро увеличиваться: за сто с лишним лет с конца XVIII столетия оно возросло почти в пять раз.¹²¹

Но в дореволюционное время Крым все же оставался столь же отсталым, как и вся тогдашняя Россия.

Коренные перемены принесла Великая Октябрьская социалистическая революция, одержавшая победу в Крыму в конце 1920 г. В годы индустриализации Крым впервые стал промышленной областью: заново были созданы железорудная, металлургическая и машиностроительная промышленности. Еще интенсивнее развились экономика и культура Крыма после Великой Отечественной войны. Промышленность и сельское хозяйство были не только восстановлены, но и шагнули далеко вперед и намного превосходили довоенный уровень. Заново был отстроен город-герой Севастополь, реконструированы другие старые города, они разрослись и словно помолодели; возникли и новые. Близко к завершению строительства Северокрымского оросительного канала, который приведет в степи Крыма днепровскую воду. Умножены и расширены курорты; солнечный Крым превратился во всеобщую здравницу, куда съезжаются со всех концов Советского Союза.

Этот огромный прогресс всего хозяйства и культуры Крыма как бы венчает многовековый исторический процесс, который, хотя и непознательно, лишь в пределах средневековья, мы постарались проследить. Его рельефно и наглядно обозначают рассмотренные в книге памятники культуры.

Схематическая карта южной части Крыма. (В скобках указаны древние названия).

ПРИМЕЧАНИЯ

К главе I

¹ О Боспорском царстве в позднеантичный период см.: В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, гл. XII.

² См.: Ю. Кулаковский. Христианская катакомба 491 г. МАР, вып. 6, 1891, стр. 20—23.

³ К. Ф. Смирнов. Сарматские племена Северного Прикаспия. КСИМК, XXXIV, 1950, стр. 106.

⁴ См.: Ю. Кулаковский, МАР, вып. 6, стр. 23.

⁵ Ammiani Marcellini, Historia, XXXVI, 3 (Аммиан Марцелин. История, т. III. Перевод Ю. Кулаковского, Киев, 1908, стр. 243).

⁶ Procopii De aedificiis, III, 7 (перевод С. Кондратьева см.: ВДИ, 1939, № 4, стр. 249). Гунны в его время состояли из двух родственных объединений племен: утургуров (в восточной части Приазовья) и кутургуров, занявших район к западу от Меотиды и Дона. Тех и других современники называли болгарскими племенами, а область утургуров византийский хронист Феофан называл Великой Болгарией: Theophanis Chronographia, I. Ed. C. de Boor, Lipsiae, 1883, стр. 357, 10 (Летопись византийца Феофана. Перевод В. Н. Оболенского и Ф. А. Терновского. ЧОИДР, 1884—1887; отдельное издание — М., 1888, стр. 262).

⁷ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство, стр. 479; ср.: МИА, № 25, 1952, стр. 124, 125, 134, 219; А. Л. Якобсон. Раннесредневековые поселения восточного Крыма. Сб. «Боспорские города», II (МИА, № 85), 1958, стр. 458—466.

⁸ См.: Г. А. Цветаева. Грунтовый могильник Пантикапея. Сб. «Пантикапей» (МИА, № 19), 1951, стр. 84 и рис. 3; В. Д. Блаватский. Отчет о раскопках Пантикапея в 1945—1949, 1952 и 1953 гг. Сб. «Пантикапей» (МИА, № 103), 1962, стр. 32—38, 51, 65, 72, 85.

⁹ Обширные могильники в районе Инкермана (Инкерманский, Чернореченский и у Загайтанской скалы), исследованные Е. В. Веймарном, хронологически обрываются на грани IV и V вв. См.: Е. В. Веймарн. Раскопки Инкерманского могильника в 1948 г. Сб. «История и археология древнего Крыма», Изд. АН УССР, Киев, 1957, стр. 235—236. Как выяснено им же, район, примыкающий к западному побережью Таврики, охватывающий нижнее течение рр. Бельбек, Качи и Альмы, по-видимому, также запустел.

¹⁰ См.: Ю. Кулаковский, МАР, вып. 6, стр. 24—25; IosPE, II, № 491.

¹¹ Procopii De bello persico, I, 12 (Прокопия Кесарийского история войн римлян с персами, I. Перевод С. Дестуниса. СПб., 1862, стр. 144).

¹² Т. е. царю Грузии, которой угрожал захват Персией [Procopii De bello persico, I, 12 (перевод С. Дестуниса, стр. 142—144)].

¹³ Об этом рассказывает сирийская хроника. См.: Н. В. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР. Л., 1941, стр. 87.

¹⁴ Procopii De aedificiis, III, 7 (перевод С. Кондратьева, стр. 249).

¹⁵ Судя по фрагменту строительной надписи с именем Юстиниана, найденному на Таманском полуострове; В. В. Латышев относит ее к 533 г. См.: Сб. ГИ, стр. 98—105.

¹⁶ Procopii De bello gothico, IV, 4 (Прокопий из Кесарии. Война с готами. Перевод С. П. Кондратьева, М., 1950, стр. 385).

¹⁷ На это указывает найденная на Тамани надпись 590 г. о построении или возобновлении здания, произведенном Евпатерием, стратилатом и дуком Херсона. См.: Сб. ГИ, стр. 107—109.

¹⁸ В. В. Латышев. Жития епископов Херсонских. СПб., 1906, стр. 13—18.

¹⁹ Например, надпись о постройке стены времен императора Феодосия I и Аркадия (383—393). См.: В. В. Латышев. Надпись о постройке Херсонесской стены. ИАК, вып. 1, 1901, стр. 56 сл.

²⁰ См.: Ammiani Marcellini, Historia, XXVI, 6 (перевод Ю. Кулаковского. III, стр. 21). Что имеется в виду именно Херсонес, указывает Зосим (SC, стр. 798).

²¹ В. А. Кузнецов (Аланские племена Северного Кавказа. МИА, № 106, 1962, стр. 126) видит в них «отдельные, более или менее крупные смешанные группы ирано-язычного и тюркизированного населения, генетически связанного с поздними сарматами Северного Причерноморья».

²² Название одного из городов восточной Таврики — Судак (Сугдаг) в своем основе — аланское. См.: В. В. Бартольд. Арабские известия о Русах. Советское востоковедение, I, 1940, стр. 17.

²³ Район расселения сармато-аланских племен в III—IV вв. н. э. охватывал Приаралье, Прикаспий, Нижнее Поволжье, включая Нижнее Подонье, а также северокавказские степи. В IV в. часть алан была оттеснена гуннами к северному предгорью Кавказа (именно этим аланам принадлежит та замечательная культура V—VIII вв., которая известна нам по их катакомбным могильникам). Об аланах см.: Ю. Кулаковский. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899; Ю. Готье. Кто были обитатели древнего Салтова? Изв. ГАИМК. V, 1927, стр. 65—84; Б. Е. Деген-Ковалевский. Северокавказские аланы. История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства. чч. III—IV, М.—Л., 1939, стр. 176—189; В. Б. Деопик. Северокавказские аланы. Очерки истории СССР. III—IX вв. М., 1958, стр. 616—631; З. Н. Ванеев. Средневековая Алания. 1959; В. А. Кузнецов, МИА, № 106.

²⁴ Ср.: М. А. Тиханова. Дорос—Феодоро в истории средневекового Крыма. МИА, № 34, 1953, стр. 324—325.

²⁵ На Северном Кавказе асы — это западная часть аланского союза племен. В Крыму ко времени позднего средневековья (XIII—XIV вв.) оба этнических понятия — асы и аланы — были однозначны (см.: В. А. Кузнецов, МИА, № 106, стр. 127 и сл.). Этническим «ас»-алан сохранила и топонимика Крыма: известно название деревни Ас, джемаат (община) Асский. См.: Ф. Ф. Лапков. Исторический очерк крымско-татарского землевладения. ИТУАК, вып. 23, 1895, стр. 103, 110.

²⁶ Ю. Кулаковский. Епископа Феодора «Аланское послание». ЗООИД. XXI, 1898, мат., стр. 15—27.

²⁷ Иордан в своем сочинении о гетах (так называемое Getica), написанном около 551 г., говорит об одном из гуннских племен — Альцигирах, которые живут «у Херсоны, куда жадный купец ввозит богатства Азии. Летом они кочуют по степям . . . зимой они переходят к Понтийскому морю» (Getica, V, 37; русский перевод: Е. Ч. Скржинская. Иордан о происхождении и деяниях гетов. М., 1960, стр. 72).

²⁸ См.: А. В. Орешников. Херсоно-византийские монеты. Труды Моск. нумизмат. общ., III, 1905; Л. Н. Белова. Монеты из раскопок квартала XV—XVIII. Сб. «Археологические памятники юго-западного Крыма» (МИА, № 34), 1953, стр. 256 сл.

²⁹ Тезис этот, выдвинутый нами (МИА, № 63, стр. 32), вызвал возражения Д. Л. Талиса (Вопросы периодизации истории Херсона в эпоху раннего средневековья. ВВ, XVIII, 1961, стр. 54—57). Автор утверждает, что Херсон в V—первой половине VI в. стал городом с высоким уровнем ремесленного производства. Основанием для этого служат «многочисленные» изделия гончарного ремесла (амфоры, найденные в раннесредневековых слоях Херсона (стр. 55—57), притом не утратившие в сравнении с античными своего высокого качества (это будто бы подтверждают пифосы, и краснолаковая посуда V—VI вв.); далее автор ссылается на массовый характер продукции металлообрабатывающего ремесла, в частности на найденные в Херсоне литейные формы для изготовления крестов, на фибулы, пряжки из могильника и пр. (стр. 57), указывает на большое значение в раннесредневековом Херсоне промыслового рыболовства, о чем свидетельствуют большие рыбозасолочные пестерны, продолжавшие функционировать в это время (стр. 58—59).

Однако на поверку все эти аргументы оказываются нереальными: 1) раннесредневековые амфоры в Херсоне, вопреки автору, вовсе не многочисленны, наоборот редки (до сих пор из-за этого не было возможности даже восстановить форму наиболее распространенных в V—VI вв. амфор с глубоким и густым рифлением; о них мы знаем лишь по материалу из Болгарии и Румынии). Поэтому вернее считать их не местной продукцией, а привозными. 2) Раннесредневековые пифосы в Херсоне еще менее известны, и о форме их мы пока ничего определенного сказать не можем. 3) Еще малочисленнее находки краснолаковых больших блюд со штампованными украшениями: эти дорогие блюда, абсолютно тождественные находимым в греческих центрах в Херсон, конечно, привозились, а не изготавливались на месте. 4) Находки изделий раннесредневекового металлообрабатывающего ремесла в Херсоне также отнюдь не носят массового характера, скорее наоборот, очень редки. Из упомянутой автором серии форм для отливки крестов (стр. 57, прим. 14) только одна (ОАК за 1908 г., стр. 116) может быть отнесена к V или VI в.; остальные — значительно более поздние (например, формы из раскопок 1903 г. — ИАК, вып. 16, 1905, стр. 45); место находки бронзовых кадил вообще точно неизвестно, к тому же они не ранее XI в. Очень редки и

раннесредневековые фибулы, а фибул, характерных для VI в., в Херсоне вообще пока не встречено (МИА, № 63, стр. 272). 5) Что касается рыбозасолочных цистерн, то дата их засыпки в V и в VI вв. подтверждалась во время раскопок неоднократно (см.: Г. Д. Белов. Северный прибрежный район Херсонеса. МИА, № 34, 1953, стр. 21—22), и нет никаких оснований эту дату менять. Таким образом, мы не видим фактов, позволяющих считать V—VI столетия временем развития ремесленного производства в Херсоне. Его определенный экономический подъем в VI в. обязан был, как говорилось, тому большому политическому значению, которое приобрел Херсон для Византии в Северном Причерноморье и которое вызвало огромное по тем временам крепостное и культовое строительство.

³⁰ См.: Г. Д. Белов. 1) Отчет о раскопках [Херсонеса] в 1931—1933 гг. МИА, № 4, 1941, стр. 204—206; 2) МИА, № 34, стр. 21—22; ср. стр. 80, 118—120.

³¹ А. Л. Бертье-Делагард. Надпись времен имп. Зинона. ЗООИД, XVI, 1893, стр. 47 сл.; Сб. ГИ, стр. 7—15; А. А. Васильев. Готы в Крыму, ИГАИМК, I, 1921, стр. 53—58.

³² Надпись относится, вероятно, к большой угловой башне (XVII), входящей в состав цитадели Херсона, издавна служившей местом пребывания гарнизона.

³³ Procorii De aedificiis, III, 7 (перевод С. Кондратьева, стр. 249).

³⁴ Там же, стр. 249—250.

³⁵ Е. В. Веймарн и Н. И. Репников. Сюренское укрепление. Матер. Эски-Керменской экспедиции (ИГАИМК, вып. 117), 1935, стр. 115—125.

³⁶ А. Л. Якобсон. О раннесредневековых крепостных стенах Мангупа. КСИИМК, XXIX, 1949, стр. 55—63.

³⁷ Н. И. Репников. Остатки укреплений Эски-Кермен. Готский сборник (ИГАИМК, XII, вып. 1—8), 1932, стр. 184—185, 203—205.

³⁸ Открыты раскопками Е. В. Веймарна в 1950 г.

³⁹ Procorii De aedificiis, III, 7 (перевод С. Кондратьева, стр. 249).

⁴⁰ См.: А. А. Васильев. Готы в Крыму. ИГАИМК, V, 1927, стр. 182.

⁴¹ В последнее время высказано было мнение, что страна Дори занимала не юго-западное нагорье, а южную прибрежную полосу Крыма и что, следовательно, названные выше крепости юго-западного Крыма вовсе не принадлежат этой стране; к ней из известных городов относятся лишь Алустон и Горзувиты (О. И. Домбровский, XII, 1961, стр. 155—167). Что касается «длинных стен», упоминаемых Прокопием, то О. И. Домбровский считает, что они были расположены на Яйле — «на перевалах главной горной гряды». Остатки таких стен автор обследовал. Однако в этой концепции многое остается непонятным и необъяснимым.

1) Если страна Дори занимала лишь узкую полосу побережья, то, спрашивается, что же находилось в юго-западном Крыму с его многочисленными городками, крепостями и мелкими поселениями. Будучи оторваны от области Дори, они как бы повисают в воздухе, теряют свою историческую почву. Автор почему-то игнорирует тот факт, что Дорос (город), куда в конце VII в., по византийскому летописцу Феофану, бежал император Юстиниан II, находился недалеко от Херсона и именно в юго-западном Крыму, а ведь это был центр страны Дори (именно от этого названия происходит и название Феодоро, локализация которого в Мангупе уже ни у кого не вызывает сомнений. Об этом см. далее). Кроме того, нельзя пренебречь ясным указанием Прокопия, что «Сама область Дори лежит на возвышенности, но она не камениста», что очень мало похоже на южнобережную полосу (ср.: МИА, № 63, стр. 25, прим. 3; с тезисом О. И. Домбровского не согласен и Д. Л. Талис — ВВ, XIX, 1961, стр. 255, прим. 70). Нахождение страны Дори на южном побережье тем более маловероятно, что эта прибрежная полоса на редкость бедна раннесредневековыми памятниками по сравнению с юго-западным Крымом, хотя шансов на находки здесь в связи с бурным строительством в XIX и XX вв. было куда больше, чем в любом другом районе Крыма. В сущности, автор не приводит никаких доказательств в пользу своей гипотезы, кроме того, что ограждающие страну Дори «длинные стены» находились на Яйле и, следовательно, ограничивали ее с севера. Но и этот тезис также остался недоказанным.

2) О. И. Домбровский на карте (стр. 157) и в тексте указывает четыре основных перевала, которые соединяли степной и предгорный Крым с прибрежным районом, т. е. с Дори. Но большинство этих дорог вообще представляет лишь горные тропы; к тому же функционирование их в раннее средневековье (например, Мердвень—Чортова лестница) просто недоказуемо. Кроме того, непонятно, к каким городам вели эти тропы. Только один старый путь (между Четыр-Дагом и горой Демерджи), ведущий к Алустону (а от него в Партениты и Горзувиты), представляется нам реально существовавшим в раннее средневековье. Правда, автор приводит и археологические данные о «длинных стенах» на Яйле. Одни из них он склонен датировать по найденной при их расчистке раннесредневековой керамике (стр. 159, ср. стр. 160), другие — по наличию известкового раствора с цемянкой (стр. 160). Но керамика эта только упоминается и никак не показана, а ее раннесредневековая дата только декларируется без малейших доказательств и поэтому без проверки не может быть принята.

Наличие известкового раствора с цемянкой важно только в связи с самой стеной и ее кладкой. Но, судя по фотографии, приведенной в статье (стр. 158), стена на перевале Караби носит совершенно нерегулярный, бутовый характер и ничего общего не имеет с действительно византийскими кладками, известными в Херсоне и во многих местах юго-западного Крыма. Поэтому вряд ли можно принять утверждение автора, что эта стена связана со строительством времен Прокопия. Верно другое: укрепления юго-западного Крыма (Сюреньское, на Мангупе и другие) нельзя считать «длинными стенами», вопрос о которых продолжает оставаться открытым.

⁴² В. В. Латышев. Жития епископов Херсонских, стр. 13 сл.

⁴³ А. А. Васильев, ИГАИМК, I, стр. 14 и 22.

⁴⁴ См.: В. Г. Васильевский, Труды, II, вып. 2, СПб., 1912, стр. 365—366. Ранние христианские надгробия см.: В. Шкорпил. Надгробные надписи Мелек-Чесменского музея. ЗООИД, XXII, 1900, проток., стр. 59; Ю. Ю. Мартин. Мелек-Чесменский курган. ЗООИД, XXXI, 1913, стр. 19—20.

⁴⁵ А. А. Васильев, ИГАИМК, I, стр. 11; Ю. Кулаковский, МАР, вып. 6, стр. 28.

⁴⁶ См.: Ю. Кулаковский, МАР, вып. 6.

⁴⁷ См. замечания К. К. Косцюшко-Валюжинича: ИАК, вып. 9, 1904, стр. 17. 48; ИАК, вып. 16, 1905, стр. 112.

⁴⁸ По письмам посланного в Херсон в 655 г. папы Мартина. См.: С. П. Шестаков. Очерки по истории Херсонеса. М., 1908, стр. 116; В. Г. Васильевский. Труды, II, вып. 1, стр. 268; Послание епископа Феодора, относящееся к 20—30-м годам XIII в., см.: ЗООИД, XXI, материалы, стр. 18.

⁴⁹ См.: Э. Р. Штерн. К вопросу о происхождении «готского стиля» предметов ювелирного искусства. ЗООИД, XX, 1897; Л. А. Мацулевич. Серебряная чаша из Керчи, Л., 1926, стр. 40 сл. (там же указана предшествующая литература); Б. А. Рыбаков. Древние Русы. СА, XVII, 1953, стр. 50 сл.

⁵⁰ См., например: А. А. Спицын. Вещи с инкрустацией из керченских катакомб 1904 г. ИАК, вып. 17, 1905, стр. 115—126; Л. А. Мацулевич. Серебряная чаша из Керчи, стр. 41.

⁵¹ М. Rostovtzeff. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922, стр. 184. Первоначально присоединившийся к этому мнению Л. А. Мацулевич (Серебряная чаша из Керчи, стр. 52), позднее от него отказался [Погребение варварского князя в восточной Европе (ИГАИМК, вып. 112), Л., 1934, стр. 112—114].

⁵² М. Rostovtzeff. Iranians and Greeks in South Russia, стр. 185—186.

⁵³ В. А. Кузнецов и В. К. Пудовин. Аланы в Западной Европе в эпоху «великого переселения народов». СА, 1961, № 2, стр. 79 сл.

⁵⁴ См.: Л. А. Мацулевич. Погребение варварского князя... стр. 108—115.

⁵⁵ Деформация головы — древнейший обычай у племен Приазовья и Нижнего Поволжья, известный там уже в эпоху бронзы. В сарматской среде того же обширного района этот обычай появляется в I в. н. э., а во II и III столетиях получает всеобщее распространение и значение этнического признака (см.: К. Ф. Смирнов. Сарматские племена Северного Прикаспия. КСИИМК, вып. XXXIV, 1950), стр. 112—113). В городах Таврики обычай деформации головы был распространен также в первые века нашей эры, но в V в. прекратился, в местной же негородской среде — в поселениях южного берега (в Горзувитах, судя по могильнику Суук-Су) и особенно в юго-западном нагорье — этот обычай держался на протяжении всего средневековья (см.: Е. В. Жиров. Об искусственной деформации головы. КСИИМК, вып. VIII, 1940, стр. 85—87).

⁵⁶ См.: Л. А. Мацулевич. Погребение варварского князя... стр. 108 сл.

⁵⁷ См.: Н. И. Репников. Некоторые могильники области крымских готов. ИАК, вып. 19, 1906, табл. VI, 2, 8; VIII, 1—6; IX, 3, 5, 7—9.

⁵⁸ Впрочем, и они не часты. См., например, ОАК за 1896 г., стр. 172, рис. 541.

⁵⁹ Б. А. Рыбаков. 1) Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 67 сл.; 2) Древние Русы. СА, XVII, 1953, стр. 54—56, рис. 8.

⁶⁰ Датировка основана на монетных находках и датированных аналогиях. О дате см.: Л. А. Мацулевич. Серебряная чаша из Керчи, стр. 47; В. К. Пудовин. Датировка нижнего слоя могильника Суук-Су. СА, 1961, № 1, стр. 177—185.

⁶¹ См.: ИАК, вып. 19, 1906, табл. VI, 1, 3, 6; табл. VII, 1, 3, 7, 8.

⁶² Там же, табл. X, 13; ЗООИД, XXVII, 1907, табл. XIII, 2, 3, 6; XIV, 5; XV, 4, 8; ИАК, вып. 30, 1909, стр. 106, рис. 11, 7.

⁶³ Л. А. Мацулевич. Серебряная чаша из Керчи, стр. 49.

⁶⁴ ОАК за 1891 г., рис. 133.

⁶⁵ ИАК, вып. 30, 1909, стр. 113—119. В старой дореволюционной литературе эти фибулы и та культура, которую они характеризуют, а вместе с ней и весь могильник Суук-Су и ему подобные, как и предшествующий по времени могильник Боспора, и, следовательно, сами поселения, оставившие эти могильники, связываются с готами (достаточно напомнить статью Н. И. Репникова «Некоторые могильники области крымских готов»). Уже говорилось (стр. 13 сл.), насколько такое представление неверно и антиисторично: во-первых, потому, что искусство, о котором идет речь, начало

складываться еще до нашествия готов; во-вторых, потому, что готы-земледельцы, оттесненные в V в. в область Дори (юго-западный Крым), слились с коренным греко-аланским населением — носителями старой эллинистической культуры, и нет никаких оснований говорить, что именно готы привили ему свое искусство; скорее наоборот, они сами стали объектом культурного влияния коренного населения.

Устаревший взгляд на крымские раннесредневековые могильники с такими фибулами, как на могильники готские, ныне удерживается лишь в западноевропейской литературе, преимущественно в западногерманской (см., например: J. W e r n e r. Katalog der Sammlung Diergardt, völkerwanderungszeitlicher Schmuck; I — Die Fibeln. Berlin, 1961, №№ 108—128, стр. 29—32). В нынешних условиях взгляд этот носит тенденциозный характер.

⁶⁶ В. В. К р о п о т к и н. Из истории средневекового Крыма. СА, XXVIII, 1958, стр. 207—212.

⁶⁷ Особенно замечателен один кувшин с лощением и росписью в виде трех кругов, внутри которых помещены фазаны с развевающимися парадными лентами (признак царственности) — явное подражание изображениям на дорогих серебряных сосудах сасанидского круга, относящихся также к V—VI вв. (ср.: И. А. О р б е л и и К. В. Т р е в е р. Сасанидский металл. М.—Л., 1935, табл. 28, 29). Краткую характеристику могильника см.: В. Н. К о р п у с о в а. Скалистинский могильник. Сборник докладов на VI и VII Всесоюзных археологических студенческих конференциях. Изд. Моск. госуд. университета, М., 1963, стр. 72—83.

⁶⁸ См.: Ю. В. Г о т т е. Железный век восточной Европы. М.—Л., 1930, стр. 17.

⁶⁹ В. В. С а х а н е в. Раскопки на северном Кавказе в 1911—1912 гг. ИАК, вып. 56, 1914, стр. 75—175. Об этнической принадлежности могильника — стр. 156—175.

⁷⁰ Б. А. Р ы б а к о в. 1) Ремесло древней Руси, стр. 67 сл., особо стр. 70; 2) СА, XVII, стр. 54—59, рис. 9, 10.

⁷¹ Б. А. Рыбаков считает эти фибулы «днепровскими», изготовленными в мастерских поднепровских городов, откуда они попадали и в Таврику. Автор основывается, во-первых, на том, что тип этих изделий представляет грубое упрощение боспорских фибул, во-вторых, на том, что на Боспоре таких фибул нет, и, в-третьих, на том, что в Поднепровье они многочисленны. Но дело не в абсолютном числе таких фибул, которых пока немного найдено в Крыму (это отражает лишь слабую степень исследования Таврики); важнее то, что там они найдены в погребениях, т. е. в условиях первоначального использования, а в Поднепровье — в составе кладов. Что касается огрубелости этих фибул в сравнении с боспорскими, то это, как видели, имело свои исторические причины. Подробнее см. наши замечания в статье «Раннесредневековые поселения восточного Крыма» (стр. 464—465).

⁷² Правда, здесь, на южном берегу, существовали и византийские крепости (Алу-стон и Горзувиты) с византийским гарнизоном, но все же этот район был оторван от основных центров византийского господства в Таврике.

⁷³ Н. И. Р е п н и к о в. Раскопки Эски-керменского могильника в 1928 и 1929 гг. ГСБ, 1932, стр. 172—180 и рис. 40.

⁷⁴ Подробнее см.: МИА, № 63, гл. V.

⁷⁵ Тип этих пряжек был очень устойчив и держался здесь с VI по X в.

⁷⁶ В Суук-Су из 51 могилы и склепов нижнего слоя, датируемых VI—VII вв., в 11 могилах (но не в склепах) погребенные имели деформированные черепа. См.: Н. И. Р е п н и к о в, ИАК, вып. 19, стр. 32—33. Аналогичное явление наблюдалось в могильнике близ Чуфут-Кале (см.: В. В. К р о п о т к и н, СА, XXVIII, стр. 211). Деформированные черепа встречались и в раннесредневековом некрополе Алушты (раскопки В. Миллера. Д. ТМАО, XII, вып. 2, 1888, стр. 129—132).

⁷⁷ См.: ИАК, вып. 16, 1905, стр. 46—48 (здание Г).

⁷⁸ См.: Д. В. А й н а л о в. Мемории папы Мартина в Херсонесе. Д. ТМАО, XXV, 1916. Сравнительно недавно О. И. Домбровский высказал мнение, что все эти крестообразные храмы относятся ко времени не ранее X в., в частности и загородный храм; автор основывается на находках очень поздней (XIII—XIV вв.) поливной керамики под мозаичным полом храма. Соображения эти, однако, совершенно не убедительны, так как поливная керамика могла попасть под пол в позднее время вследствие образовавшихся в полу лакун (подробнее см.: МИА, № 63, стр. 206—207). Столь же неубедительна передатировка крестообразного храма «с ковчегом», который отнесен О. И. Домбровским чуть ли не к XI—XII вв. лишь на основании относительно поздней керамики, найденной в насыпи, покрывавшей храм и при исследовании его фундаментов (О. И. Д о м б р о в с к и й и Е. А. П а р ш и н а. О раннесредневековой застройке античного театра. Сообщения Херсонесского музея, I, 1960, стр. 40; впрочем, автор здесь лишь называет даты и почти не обосновывает их). Зато совершенно игнорируются его архитектурные формы, столь типичные для V и VI вв. Раннесредневековую дату здания подтверждает такая характерная деталь, как резьба лицевой стороны водоема-купели в северной апсиде, где изображен крест под аркой и пальмы по сторонам его; совершенно тождественная декорировка на купели V в. известна в Малой Азии — во Фригии (МАМА, VII, 1956, стр. 67, табл. 18). Основным недостатком подобных передатировок монументальных памятников Херсона является

то, что при этом пренебрегают самими памятниками и датируют их по случайным признакам. О неправильной и произвольной передатировке раннесредневековых базилик Херсона, в частности базилики 1935 г., см. также: Е. Н. Жеребцов. К изучению раннесредневековых памятников Херсонеса. ВВ, XXIII, 1963, стр. 205—213.

⁷⁹ См.: МИА, № 63, рис. 121.

⁸⁰ В 1853 г. мозаичный пол южного нефа Уваровской базилики был перевезен в Эрмитаж (Ленинград), где в перекомпонованном виде и поныне украшает 3-й зал античного отдела музея.

⁸¹ О херсонских мозаичных полах подробнее см.: МИА, № 63, гл. IV. Сказанное не следует принимать за абсолютное правило: встречаются и исключения. Так, очень близкую аналогию типично византийской мозаике пола херсонского загородного храма с ее условным, отрешенным от реальности рисунком сплетенных кругов с изображениями внутри их находим в мозаичном поле храма VI в. в Палестине (в Бэт-Шан; см.: Expedition, The Bulletin of the University Museum of the University of Pennsylvania, 1962, N 1, стр. 24).

⁸² См.: В. А. Леквинадзе. Материалы по монументальному строительству в Лазике. Вестн. Государственного музея Грузии, т. XXII-B, 1961, стр. 158—163; о дате — стр. 164. Отличие заключается лишь в наличии в Вашнари кругового обхода, который в Херсоне отсутствует.

⁸³ О большом храме с таким названием в восточном районе города упоминают «Жития епископов Херсонских», стр. 51, 54, 62, 73.

⁸⁴ Подробнее см.: МИА, № 63, стр. 188—190.

⁸⁵ Библиографические указания см.: МИА, № 63, стр. 190, прим. 1—4.

⁸⁶ Малоазийский раннесредневековый материал (из Ликии) см.: R. M. Nagriso n. Churches and chapels of central Lycia. Anatolian Studies, XIII, 1963, стр. 130, 136, 137, 149—150, рис. 8, 10, 14.

⁸⁷ Преобладание среди найденных при раскопках кусочков синей смальты показывает, что и здесь мозаика воспроизводила небесный свод.

⁸⁸ См.: J. Strzykowski. Kleinasien. Leipzig, 1903; H. Rott. Kleinasienische Denkmäler. Leipzig, 1908; E. Herzfeld und S. Guyer. Meriamlik und Korykos. MAMA, II, 1930; S. Guyer. Die Bedeutung der christlichen Baukunst des inneren Kleinasien für allgemeine Kunstgeschichte. BZ, XXXIII, 1, 2, 1933.

⁸⁹ Н. И. Репников и Е. В. Веймарн. Сюреньское укрепление. стр. 115 сл.; МИА, № 63, стр. 118—122.

К главе II

¹ К концу VIII в. господство хазар, видимо, уже ослабело и утратило свою прежнюю силу. См. стр. 35 и прим. 34 к гл. II.

² См.: Хсб, III, 1931, стр. 143 сл.; МИА, № 34, 1953, стр. 12.

³ А. П. Каждан. 1) Византийские города в VII—XI вв. СА, XXI, 1954, стр. 167—173; 2) Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960, стр. 248 сл., 299.

⁴ Theophanis Chronographia, I. Ed. C. de Boor, Lipsiae, 1883, стр. 358, 7—9 (Летопись византийца Феофана. Перевод В. Н. Оболенского и Ф. А. Терновского, М., 1888, стр. 263).

⁵ Там же, стр. 373 (русский перевод, стр. 273).

⁶ По славянской редакции Жития Стефана Сурожского. См.: В. Г. Васильевский, Труды, III, 1915, стр. ССХХIX и ССLXVII. О хазарах в Северном Причерноморье и на Кавказе см. новейшую работу: М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, гл. 12 и сл.

⁷ С нашим представлением о характере хазарского захвата Таврики не согласен Д. Л. Талис (Некоторые проблемы истории раннесредневековой Таврики и литература последних лет. ВВ, XIX, 1961, стр. 256).

⁸ $\frac{1}{3}$ византийского золотого солида.

⁹ Модий приблизительно равнялся $6\frac{1}{2}$ кг.

¹⁰ Перевод см.: С. П. Шестаков. Очерки по истории Херсонеса VI—X вв. М., 1908, стр. 116—117.

¹¹ Theophanis Chronographia, стр. 378 (русский перевод, стр. 277).

¹² Там же. Сосланный в 695 г. в Херсон бывший византийский император Юстиниан II, встретив здесь враждебное отношение, бежал отсюда к хазарам (в Дорос), а затем, выданный ими вновь воцарившемуся императору, сумел все же с помощью болгарского хана восстановиться на престоле. После этого в 710 г. он послал в Таврику военную экспедицию, имевшую целью вернуть отпавшие от Византии Херсон. Боспор и другие византийские владения на полуострове.

¹³ Там же, стр. 379 (русский перевод, стр. 277).

¹⁴ Раскопки производились автором этих строк в 1956—1963 гг. в Байдарской. Варнутской и Бельбекской долинах: близ с. Бобровка (бывш. Бага), Поляны (бывш. Маркур) и с. Гончарное (бывш. Варнутка). См.: А. Л. Якобсон. Средневековые поселения юго-западного Крыма. ВВ, XXI, 1962, стр. 165—177.

¹⁵ Не исключено и занятие рыболовством, на что указывает найденное в одном из раскопанных домов близ с. Бобровка дисковидное свинцовое грузило.

¹⁶ Кадизескерские (вотчинные) книги за 1608—1781 гг. См.: Ф. Ф. Л а ш к о в. Сельская община в Крымском ханстве. Симферополь, 1887.

¹⁷ Там же, стр. 13.

¹⁸ Там же, стр. 9.

¹⁹ Там же, стр. 45.

²⁰ Там же, стр. 37—39.

²¹ Там же, стр. 43—45.

²² Там же, стр. 50.

²³ Подробнее о джемаате см. гл. VI.

²⁴ К тому же, земледельческий общинный строй противоречил и основным понятиям ислама: Коран, наоборот, санкционировал индивидуальное землепользование и смотрел на землю как на личную собственность. О происхождении татарского джемаата и о его связи с дотатарской общиной см. замечания в анонимной рецензии на брошюру Ф. Лашкова: Киевская старина, 1888, январь—март, стр. 14—16.

²⁵ Е. Э. Л и п ш и ц. 1) Византийское крестьянство и славянская колонизация. Византийский сборник, М.—Л., 1945, стр. 102 сл.; 2) Очерки истории византийского общества и культуры VIII—первой половины IX в., М.—Л., 1961, стр. 54, 249.

²⁶ Земледельческий закон, ст. 3, 4, 5 (русский перевод: Сборник документов по социально-экономической истории Византии, М., 1951, стр. 103); Е. Э. Л и п ш и ц. 1) Византийский сборник, стр. 120—121; 2) Очерки. . ., стр. 66.

²⁷ Земледельческий закон, ст. 78, 79 (русский перевод, стр. 108); А. П. К а ж д а н. Деревня и город в Византии IX—X вв., стр. 38—39; Е. Э. Л и п ш и ц, Очерки. . ., стр. 69. Судя по Земледельческому закону, животноводство в византийской общине того времени было одной из наиболее важных отраслей сельского хозяйства (там же, стр. 65).

²⁸ Земледельческий закон, ст. 32 (русский перевод, стр. 105); Е. Э. Л и п ш и ц, 1) Византийский сборник, стр. 119; 2) Очерки. . ., стр. 66—67.

²⁹ М. Я. С ю з ю м о в. 1) О характере и сущности византийской общины по Земледельческому Закону. ВВ, X, 1956, стр. 37; 2) Некоторые проблемы истории Византии. Вопросы истории, 1959, № 3, стр. 102, 108—109.

³⁰ В. Г. В а с и л ь е в с к и й. Материалы для внутренней истории византийского государства. Труды, IV, 1930, стр. 267.

³¹ Земледельческий закон, ст. 18, ср. ст. 19 (русский перевод, стр. 104); Е. Э. Л и п ш и ц, 1) Византийский сборник, стр. 131; 2) Очерки. . ., стр. 74.

³² См.: В. Г. В а с и л ь е в с к и й. Житие Иоанна Готского. Труды, II, вып. 2, стр. 351—427, текст — стр. 396—400. Житие составлено в начале IX в. и написано по живым следам события (там же, стр. 426—427).

³³ Там же, стр. 419, 420.

³⁴ Об ослаблении хазарской власти, о начавшемся падении хазарского господства в Крыму во второй половине VIII в. или по крайней мере в конце столетия, можно судить по некоторым несомненным фактам. Так, в 80-х годах VIII в., когда вспыхнуло восстание, которым руководил Иоанн Готский, хазарский каган послал войско, временно захватившее центр Готии — Дорос; следовательно, непосредственно перед тем там, в центре юго-западного нагорья, хазар уже не было, хотя в начале VIII в., как известно из истории Юстиниана II (см. стр. 29), они им владели. Уже из одного этого видно, что хазары в этом районе Таврики к концу VIII в. утратили то прочное положение, которое занимали здесь в начале столетия. Вместе с тем именно в конце VIII в. усилилась церковная организация Таврики: возникла обширная Готская митрополия (возможно, преобразованная из епархии) с центром в Доросе, подчиненная Константинополю (об этом стр. 33). Но хорошо известно, насколько средневековая церковная организация всегда была тесно связана и переплетена с организацией политической и отражала ее; вряд ли можно сомневаться, что и церковная зависимость Таврики от византийской столицы в конце VIII в. была выражением политической зависимости — зависимости от Византии, а не от хазар. Хазары в то время еще держались только в восточной Таврике и в районе Таманского полуострова и в Приазовье. А в IX в., с еще большим усилением Византии в Северном Причерноморье, с возникновением херсонской фемы и с усилением Руси от власти хазар осталось здесь, по-видимому, лишь воспоминание. Не случайно, что в IX в. и Готская митрополия была ликвидирована и слилась с одной единственной в западной половине Крыма — Херсонской.

Основание Саркела в 834 или 837 г. косвенно подтверждает сказанное, ибо эта пограничная хазарская крепость в 30-х годах IX в. обосновалась уже не в Таврике и даже не в Приазовье, а в трех сотнях километрах к северо-востоку от него. В Таврике в то время действовали уже иные силы. Совершенно непонятно поэтому мнение М. И. Артамонова (История хазар, стр. 257—258) о зависимости западной Таврики (Готии) от хазар в VIII и IX вв. и отрицание факта подпадения этого района под власть Византии. Наличие здесь греческого топарха и греческого епарха М. И. Артамонов объясняет тем, что «хазары предоставляли подчиненным им областям и народам широ-

кую автономию (там же, стр. 257). Но такое объяснение слишком общо и неконкретно, чтобы что-либо обосновать.

³⁵ См.: К. Н. Успенский. Очерки по истории Византии, ч. I. М., 1917, стр. 209, гл. XIV—XX; М. В. Левченко. История Византии, Л., 1940, стр. 119—125; Е. Э. Липшиц. Павликианское движение в Византии в VII и первой половине IX в. ВВ, V, 1952, стр. 67—72; ср.: М. Я. Сюзюмов. Проблема иконоборчества в Византии. Уч. зап. Свердл. гос. пед. инст., т. IV, 1948, стр. 70, 96, 101, 108. Автор держится иного взгляда, считая основой иконоборчества борьбу за изъятие церковных сокровищ, что было в интересах фемной знати.

³⁶ С. П. Шестаков. Очерки по истории Херсонеса VI—X вв., стр. 38, 39.

³⁷ Об этом сообщает житие Стефана Нового (умер в 764 г.) — одного из вождей иконопочитателей, написанное в начале IX в.; В. Г. Васильевский, Труды, II, вып. 2, стр. 406.

³⁸ В. Г. Васильевский, Труды II, вып. 2, стр. 324—325; ср.: С. П. Шестаков. Очерки по истории Херсонеса VI—X вв., стр. 39; А. А. Васильев. Готы в Крыму. ИГАИМК, V, 1927, стр. 200.

³⁹ Как указывал еще Ю. Кулаковский (Проплое Тавриды. Киев, 1914, стр. 74—75).

⁴⁰ См.: А. Л. Бертье-Делагард. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя. ЗООИД, XIV, 1886, стр. 193 сл.; В. П. Бабенчиков. Петерный комплекс Шулан. Матер. Эски-керменской экспедиции, Л., 1935, стр. 88 сл.; Н. И. Репников. Городище Качи-Кальен. Матер. Эски-керменской экспедиции, Л., 1935, стр. 102 сл.

⁴¹ G. Jernphalion. Les églises rupestres de Cappadoce (2 тома). Paris, 1925.

⁴² I. Vagnea, Virg. Biletiurescu, D. P. Bogdan. Santierul arheologic Basarabi (reg. Constanta), Materiale si certetari arheologice, VI, 1959, стр. 541—564.

⁴³ Около современной Индии. См.: Türk Arkeoloji Dergisi, VII, 2, Ankara, 1957, стр. 32—37.

⁴⁴ О возникновении монастыря еще в конце V или VI в. говорят декоративные мраморы этого времени, использованные при возобновлении храма в VIII в. Здание раскопано в 1907 г. Н. И. Репниковым (см.: Н. И. Репников. Партенитская базилика. ИАК, вып. 32, 1909). Монастырь был вновь построен Иоанном Готским в конце VIII в., о чем сообщает его житие. См.: В. Г. Васильевский, Труды II, вып. 2, стр. 398.

⁴⁵ Их упоминает в своих письмах Феодор Студит. См.: Творения Феодора Студита в русском переводе, II, СПб., 1908, стр. 454, 296; см. также: С. П. Шестаков. Очерки по истории Херсонеса VI—X вв., стр. 44.

⁴⁶ Творения Феодора Студита в русском переводе, II, стр. 554—555.

⁴⁷ Из обработок сказаний о хождении апостола Андрея по Северным странам. См.: В. Г. Васильевский, Труды, II, вып. 1, 1909, стр. 268.

⁴⁸ А. Л. Бертье-Делагард. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. ИТУАК, вып. 57, 1920, стр. 40, 50, 128, 131.

⁴⁹ Южное побережье, как раньше, так и теперь, оставалось довольно пустынным.

⁵⁰ См. отчеты В. Ф. Гайдукевича о раскопках Тиритаки: МИА, № 4, 1941, стр. 56; № 25, 1952, стр. 49—52, 67—72, 100—105, 126—131.

⁵¹ Д. Б. Шелов. Раскопки средневекового поселения в восточном Крыму. КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 98—103.

⁵² И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения IX—XII вв. на Дону и на Тамани. МИА, № 6, 1941, стр. 205—212.

⁵³ В. В. Кропоткин. О производстве стекла и стеклянных изделий в средневековых городах Северного Причерноморья и на Руси. КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 37—39.

⁵⁴ В 27 км восточнее Симферополя. По сообщению П. Н. Шульца. Подъемный материал хранится в отделе античной и средневековой археологии (Симферополь) Института археологии АН УССР.

⁵⁵ По сообщению П. Н. Шульца.

⁵⁶ В. П. Бабенчиков. Средневековое поселение близ с. Планерское. КСИИМК, вып. XLIX, 1953, стр. 107 сл. Раскопки жилых комплексов последние годы здесь вел М. А. Фроянжуло. См. его статью: Розкопки жилих комплексів на середньовічному поселенні поблизу с. Планерське (1954—1955 pp.). Археологія, XII, 1961, стр. 168—182.

⁵⁷ Этот процесс наступления на общину характерен для многих областей Византии (см.: М. Я. Сюзюмов, ВВ, X). Вряд ли его избежала Таврика.

⁵⁸ Русская активность в Северном Причерноморье уже в первой половине IX в. отчетливо выступает в целом ряде источников, начиная с жития Георгия Амастридского (написано между 820 и 842 г. См.: В. Г. Васильевский, Труды, III, стр. LXXX—LXXXVI), сообщающего о русском походе в Малую Азию. Возможно, что именно восточная Таврика была исходным пунктом движения.

⁵⁹ Иного взгляда придерживается Д. Л. Талис (1) ВВ, XIX, 1961, стр. 257—258; подробнее: 2) Из истории русско-хорезмских политических отношений в IX—X вв. ВВ, XIV, 1958, стр. 103—104). По его мнению, хазары в Крыму в IX и первой поло-

вине X в. не только не утратили большой политической активности, но, наоборот, усилили ее. Однако взгляд этот никак не вытекает из упоминаемых автором источников. В частности, непонятно, на чем основано отождествление хазар с черными булгарами, которые угрожали Таврике со стороны Приазовья (по русско-византийскому договору 945 г.); Константин Багрянородный (*De adm. imp.*, гл. 12), наоборот, ясно противопоставляет тех и других. Между тем Д. Л. Талис, неверно представив их, делает отсюда далеко идущий вывод: время «между серединой IX и серединой X в. ознаменовалось беспрерывными нападениями хазар на Корсунскую страну» (ВВ, XIV, стр. 105). Подобными произвольными заключениями можно только запутать сложный исторический вопрос. Столь же необоснованы утверждения, что хазары в IX в. владеют Сугдеей, господствуют в юго-западной Таврике, около 860 г. осаждают Херсон (будто бы по Паннонскому житию, но это домысел автора, см.: В. Васильевский и Труды, III, стр. CCLXXXVI), что Константин Багрянородный в *De adm. imp.* напоминает об угрозе Херсонским климатам со стороны хазар, хотя в гл. 10 и 11 говорится лишь о взаимоотношениях хазар и Алании, т. е. с населением Северного Кавказа, а в гл. 12 идет речь только о столкновениях хазар с черными болгарями, т. е. опять-таки о районе Приазовья. В силу сказанного тезис Д. Л. Талиса о большой роли хазар в юго-западной Таврике в IX—X вв., на наш взгляд, неправилен. О хазарском господстве в Таврике в IX в., и также необоснованно, пишет в своей новейшей работе М. И. Артамонов (История хазар, стр. 257—258); об этом см. прим. 34 к гл. II.

⁶⁰ Об этом нападении сообщает русско-славянская редакция жития Стефана Сурожского: «По смерти же святого мало лет мину. прииде рать велика русская из Новаграда князь Бравлин силен зело. плени от от Корсуна и до Корча. с многую силою прииде к Сурожу. За 10 дний бишася зде между себе. и по 10 дний вниде Бравлин» (В. Г. Васильевский. Житие Стефана Сурожского. Труды, III, 1915, стр. 95). Стефан Сурожский долгое время был епископом Сурожа; он умер вскоре после 787 г., т. е. в конце VIII в. (там же, стр. CCXVI, CCLXXII), а поход Бравлина произошел вскоре после этого. Как самый поход, так и личность князя Бравлина из Новаграда остается загадочной (см. там же, стр. CXLIH—CLII, CCLXIX—CCLXXXIV). Не исключено, что это был один из предводителей русской вольницы, базой которой служил «Новый» русский город — Тмутаракань.

⁶¹ См.: И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. Труды Волго-Донской археологической экспедиции, т. I (МИА, № 62), 1958, стр. 145—148.

⁶² А. Л. Якобсон. Средневековые поселения восточного Крыма. Сб. «Боспорские города», II (МИА, № 85), 1958 стр. 470 сл.

⁶³ В. Ф. Гайдукевич. Памятник раннего средневековья в Тиритаке. СА, VI, 1940.

⁶⁴ См.: МИА, № 4, 1941, стр. 56; МИА, № 25, 1952, стр. 49—52, 67—72, 100—105, 126—131.

⁶⁵ Правда, там основанием стены служит (в силу местных условий) не камень, а обожженный кирпич, но это отличие не меняет сути дела. См.: А. Л. Якобсон. Раскопки на городище Орен-Кала в 1953—1955 гг. Труды Азербайджанской археологической экспедиции, т. I (МИА, № 67), 1959, стр. 55 сл.

⁶⁶ Помещение I на участке раскопок X.

⁶⁷ Правда, в Саркеле они сложены из кирпича, а здесь из отесанных плит.

⁶⁸ МИА, № 25, стр. 131.

⁶⁹ См.: МИА, № 4, стр. 55, рис. 79; МИА, № 25, стр. 105, рис. 126а.

⁷⁰ См.: П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, 1900, табл. ХСVIII (из Кумбульты). Из Салтова: М. Покровский. Верхне-Салтовский могильник. Тр. XII АС, I, табл. XXIV, 106; В. А. Бабенко. Новые систематические исследования Верхне-Салтовского катакомбного могильника. Тр. XIV АС, III, 1911, табл. IV, 8, 9.

⁷¹ См.: МИА, № 25, стр. 128; В. Ф. Гайдукевич, СА, VI, 1940, стр. 203—204; А. Л. Якобсон. Средневековые амфоры Северного Причерноморья. СА, XV, 1951, стр. 331—332. Ленточная техника изготовления сосудов — это лепка путем спиралеобразного наращивания стенок глиняной лентой-катышем.

⁷² См.: А. Л. Якобсон, СА, XV, стр. 337, рис. 10, 29—32.

⁷³ Ср. могилы верхнего слоя могильника Суук-Су. См.: Н. И. Репников. Некоторые могильники области крымских готов. ИАК, вып. 19, 1906, стр. 34.

⁷⁴ См.: МИА, № 25, стр. 178.

⁷⁵ Там же, стр. 177—178.

⁷⁶ В 17 км к юго-западу от Керчи. См.: В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Илурата, Тиритаки и Мирмекии. КСИИМК, вып. XLV, 1952, стр. 108.

⁷⁷ Д. Б. Шелов, КСИИМК, вып. 68, стр. 98—103.

⁷⁸ Несколько замечаний о средневековых слоях городища см.: В. Д. Блаватский. Отчет о раскопках Фанагории в 1936—1937 гг. Труды ГИМ, вып. XVI, 1942, стр. 8—10, 25, 26—29; подробнее: В. В. Кропоткин, КСИИМК, вып. 68, стр. 37—39.

⁷⁹ Важной находкой последних лет в Фанагории является литейная формочка для отливки серег с каплевидной подвеской и других форм, типичных для северо-кавказских и салтовских могильников. См.: Б. А. Рыбаков. Средневековая литейная форма из Фанагории. Сб. «Фанагория» (МИА, № 57), М., 1956, стр. 180—182.

⁸⁰ А. С. Башкиров. Отчет об историко-археологических изысканиях на Таманском полуострове летом 1948 г. Уч. зап. Московск. городск. пед. инст. им. В. П. Потемкина, т. XIII, вып. 2, М., 1949, стр. 12, 19, 20 и рис. 25—27.

⁸¹ А. А. Миллер. Таманская экспедиция ГАИМК в 1931 г. Сообщ. ГАИМК. 1932, № 3—4, стр. 58.

⁸² Материалы раскопок А. А. Миллера исследованы И. И. Ляпушкиным: МИА. № 6, 1941, стр. 207—210. Материалы раскопок Б. А. Рыбакова опубликованы и исследованы С. А. Плетневой: Средневековая керамика Таманского городища. Сб. «Керамика и стекло древней Тмутаракани», Изд. АН СССР, М., 1963, стр. 5—72.

⁸³ Н. С. Барсаков. Сообщение об археологических раскопках средневекового городища в Коктебеле 1929—1931 гг. Феодосия, 1932, табл. IV, V, IX, XIII; В. П. Бабенчиков, КСИИМК, XLIX, стр. 107 сл.; М. А. Фронджуло. Археология, XII, 1961, стр. 168—192.

⁸⁴ См.: МИА, № 63, гл. VIII.

⁸⁵ Императоров Льва III (717—741) и Константина V Копронима (741—775). а также арабскими дирхемами VIII в.

⁸⁶ См.: М. Покровский, Тр. XII AC, I, 1905, табл. XXIV, 109, 119, стр. 482.

⁸⁷ Там же, стр. 478; В. А. Бабенко. Памятники хазарской культуры на юге России. Тр. XV AC, I, 1914, стр. 445; Н. И. Репников, ИАК, вып. 19, стр. 125, 128, 133.

⁸⁸ Раскопки Е. В. Веймарна в 1958—1960 гг.

⁸⁹ Любопытно, что средняя из аспид снаружи была обложена большими саманными кирпичами 40×33×11 см, сложенными по типу кладки «в елку». Наличие саманной кладки подчеркивает местную строительную основу здания, ничего общего не имеющую с византийской техникой.

⁹⁰ Об этом сообщает житие Иоанна Готского. См.: В. Г. Васильевский. Труды, II, вып. 2, 1912, стр. 398; Н. И. Репников, ИАК, вып. 32, стр. 91 сл.

⁹¹ За исключением русского энколпия XII в. (В. В. Кропоткин. Крест-складень из Коктебеля. СА, 1957, № 2, стр. 257—258.). Но эта находка стоит особняком, является исключительной, а потому не может изменить дату, устанавливаемую на основании массового материала.

⁹² И. И. Ляпушкин, МИА, № 6, стр. 228.

⁹³ Общий обзор памятников салтово-маяцкой культуры см.: И. И. Ляпушкин, Труды Волго-Донской археологической экспедиции, т. I (МИА, № 62), 1958, стр. 85—148.

⁹⁴ Исключение составляет одна фляга из станицы Кривянской (М. И. Артамонов. Надписи на баклажках Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого городища. СА, XIX, 1954, стр. 265).

⁹⁵ На сосудах из могильника близ Ладзы в Осетии. См.: МАК, VIII, табл. LXXII. 1 и LXXIX, 6.

⁹⁶ В Херсонесе найдено всего два хазарских красноглиняных сосуда с широким дном, аналогичных салтовским приземистым сосудам, и сероглиняный горшок со сплошным рифлением (Хсб, IV, 1948, стр. 39—40).

⁹⁷ Жилища с саманными стенами (из кирпича-сырца) появились здесь только в последний период существования города, скорее всего в XII в. См.: В. Д. Белецкий. Жилище Саркела — Белой Вежи. Труды Волго-Донской археологической экспедиции, т. II (МИА, № 75), 1959, стр. 123 сл., 132.

⁹⁸ Салтово: М. Покровский, Тр. XII AC, I, стр. 445; В. А. Бабенко. 1) Тр. XIII AC, I, стр. 383—385; 2) Тр. XIV AC, III, стр. 219, 247; Н. И. Репников, ИАК, вып. 19, стр. 122 и сл. Маяцкое городище: А. И. Милютин. Раскопки 1906 г. на Маяцком городище. ИАК, вып. 29, 1909, стр. 155 и сл.

⁹⁹ В. В. Саханев. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг. ИАК, вып. 56, 1914, стр. 141 и сл., 163—165.

¹⁰⁰ См.: А. Л. Якобсон, КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 164; вып. 60, 1955, стр. 102—109.

¹⁰¹ В. П. Бабенчиков. Средневековая гончарная печь в Мисхоре. Кр. сообщ. Инст. археологии АН УССР, вып. 7, Киев, 1957, стр. 111—112.

¹⁰² МИА, № 17, стр. 153 сл.

¹⁰³ Там же, стр. 161. Очень близкую аналогию крымским печам дают современные болгарские печи, имеющие ту же планировку и также сложенные из сырцовых кирпичей с массивной каменной обкладкой. См.: П. Хаджиев. Грнчарството в Троянско (Българска Академия на Науките, Етнографски Институт). София, 1954, стр. 30—36, табл. XXXII и сл. Эта близость помогает реконструировать средневековые печи в Крыму.

¹⁰⁴ G. Ștefan. Un cuptor roman de ars țigle, descoperit la Garvăn. Studii și cercetări de istorie veche, VIII, 1—4, București, 1957, стр. 341.

¹⁰⁵ В. Ф. Гайдукевич. Античные керамические обжигательные печи. (ИГАИМК, вып. 80). Л., 1934, стр. 104—108.

¹⁰⁶ См.: А. Л. Якобсон, СА, XV, 1951, стр. 337, рис. 10, 29, 30.

¹⁰⁷ См.: МИА, № 17, стр. 124—144 (табл. 1—18).

¹⁰⁸ Кстати сказать, совершенно аналогичные знаки на черепицах в виде креста известны в Грузии: такими черепицами крыты некоторые храмы в Кахетии, относящиеся как раз к VIII—IX вв. [см.: Г. Н. Чубинашвили: Архитектура Кахетии, т. I (атлас). Тбилиси, 1956, табл. 196 и 230; т. II, Тбилиси, 1959, стр. 279—280, 307; ср. стр. 119]. Автор по недоразумению считает эти ремесленные знаки украшениями.

¹⁰⁹ Только в одном доме (близ Бобровки, раскопки 1960 г.) кладовка была миниатюрной, в другом (близ с. Поляна, раскопки 1961 г.) ею служила узкая пристройка к жилому помещению.

¹¹⁰ Поселение близ Бобровки: 3.1×3.4 ; 2.6×5.4 ; 4×7 м; поселение близ Поляны: 3.1×3.6 ; 4.8×4.8 м; поселение Кыз-Кермен: 8.8×3.2 ; 4.4×4 м.

¹¹¹ В некоторых домах (поселение близ Бобровки, раскоп 2, 1956 г.) сравнительно толстая стена (1—1.3 м) сложена по принципу раннесредневекового строительства в виде двух лицевых кладок из крупных подтесанных блоков с забутовкой сердцевины стены. См.: КСИИМК, вып. 76, 1959, стр. 98—99.

¹¹² Много общего в конструкции Карнауховского поселения близ ст. Цымлянской. См.: И. И. Ляпушкин, Труды Волго-Донской археологической экспедиции, т. I (МИА, № 62), стр. 101.

¹¹³ «Землями алан» называет Аммиан Марцеллин придонские степи и весь район Приазовья (Historia, XXXVI, 3; перевод Ю. Кулаковского, III, стр. 243). Сармато-аланский облик культуры позднеантичного Боспора уже давно является общепризнанным фактом (см., например: В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 418 сл., 421—430, 469—477, 480—481). Основание Феодосии (Ардабы) раннесредневековая традиция также связывает с аланами (см.: В. И. Абеев. Осетинский язык и фольклор. М., 1949, стр. 38).

¹¹⁴ И. И. Ляпушкин, Труды Волго-Донской археологической экспедиции, т. I (МИА, № 62), стр. 146.

¹¹⁵ Там же, стр. 147. В X в. их знают русско-византийские договоры.

¹¹⁶ Трудно согласиться с И. И. Ляпушкиным [Труды Волго-Донской археологической экспедиции, т. I (МИА, № 62), стр. 148], связывающим возникновение поселений VIII—IX вв. в восточном Крыму только с оседанием болгар.

¹¹⁷ Н. И. Репников, ИАК, вып. 32, стр. 91—140.

¹¹⁸ Там же, стр. 96, прим.; стр. 98, прим.

¹¹⁹ Разница лишь в том, что южный неф отделен от среднего не столбами, а стеной.

¹²⁰ Описание базилики и всего пещерного монастырского комплекса в Инкермане см.: А. Л. Бертъе-Делагард. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма. ЗООИД, XIV, 1886, стр. 208—209, рис. 6, 8. Датировка пещерной базилики XIV или XV в. (там же, стр. 212), конечно, ошибочна и может быть объяснена лишь слабой изученностью средневековой архитектуры Крыма в период написания работы А. Л. Бертъе-Делагарда.

¹²¹ Там же, рис. 21.

¹²² Там же, рис. 28.

¹²³ См.: МИА, № 63, гл. III.

¹²⁴ Кстати сказать, и сам Иоанн Готский, глава наиболее крупной в Крыму епархии того времени (Готской), был родом из Малой Азии.

¹²⁵ G. J e g r h a n i o n. Les églises rupestres de Cappadoce, text. I, стр. 58—59; Planches, I, 1925, табл. 27 (Айнели-Килиссе); III, 1934, табл. 181 (нижняя церковь Белли-Килиссе); II, 1928, табл. 137 (Безир-Ханэ, особенно близкая по форме к инкерманской базилике).

¹²⁶ Крестообразные церкви: там же, Planches, I, табл. 28 (Ель-Назар), II, табл. 136 (Геуреме); триконхальные храмы: там же, Planches, III, табл. 165.

¹²⁷ Пещерный монастырь к западу от г. Мидии: F. D i r i m t e k i n. Les monastères et les églises rupestres dans la région d'Inceğiz. Türk arkeoloji dergisi, VII, 2, 1957, табл. XXVII.

¹²⁸ Так неправильно называет Тепе-Кермен Е. В. Веймарн (СА, 1958, № 1, стр. 76). Никаких даже намеков на крепостные сооружения там нет.

¹²⁹ См.: А. Л. Бертъе-Делагард, ЗООИД, XIV, стр. 225 и рис. 13, 14.

¹³⁰ См.: Н. И. Брунов. Очерки по истории архитектуры, II. 1935, стр. 460—462.

¹³¹ См.: Н. И. Брунов. Архитектура Константинополя IX—XII вв. ВВ, II, 1949, стр. 160 и сл.

¹³² Памятник исследован: Н. И. Брунов. Памятник византийской архитектуры в Крыму. ВВ, XXV, 1928, стр. 89 и сл. Такая дата здания в последнее время вызвала возражения Ю. С. Асеева. Четырехстолбный план, по его мнению, больше характерен для византийской архитектуры после XI в.; лопатки-пилястры фасадов

были сильно профилированы, и все фасады поэтому выглядели сильно расчлененными, что характерно для XII—XIV вв.; смешанная кладка (чередование кирпича и камня) косвенно подтверждает, по мнению Ю. С. Асеева, эту позднюю дату, так как такая техника обычна в архитектуре Константинополя в XIII—XIV вв. (См.: Ю. С. Асеев. Архитектурно-археологичні дослідження в Криму. Вісник Академії Архітектури УРСР, № 3, 1951). Однако все эти соображения нельзя признать убедительными: 1) четырехстолбный план (притом с колоннами, а не со столбами) в сочетании со свободным крестообразным массивом, доминирующим в общей композиции здания, полностью исключает датировку XI в. и последующим временем; 2) сильно расчлененный фасад — это лишь предположение автора; характер расчленения также неизвестен, поэтому руководствоваться этим соображением при датировке здания невозможно; 3) технический принцип чередования кирпича и камня типичен именно для раннего средневековья; в культовой архитектуре поздневизантийского времени он приобрел скорее декоративное значение. Дата здания — VIII—IX вв., предложенная Н. И. Бруновым, представляется нам наиболее обоснованной. Ее косвенно подтверждает и надпись на мраморной колонне храма с датой 6265 г. (=757 г.) См.: Сб. ГИ, стр. 95, Н. И. Брунов, ВВ, XXV, стр. 88, 99. Скорее всего надписи одно-временны храму, весь облик которого абсолютно иной, чем у крестовокупольных храмов XI—XII, тем более XIII—XIV вв.

¹³³ Возможно, что в некоторых поселениях жизнь продолжала теплиться, хотя для такого предположения у нас имеется всего лишь один факт — находка в Тиритаке херсонско-византийской монеты — императора Василия II (976—1025) (см.: А. Н. Зограф. Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекия. МИА, № 4, 1941. стр. 170, № 207), обязанной своим появлением, вероятно, связям с Тмутараканью. Однако такого рода единичная находка не меняет сути дела.

¹³⁴ Никоновская летопись под 6375 г. ПСРЛ, IX, СПб., 1862, стр. 9.

¹³⁵ De administrando imperio, гл. 14 (русский перевод, стр. 15).

¹³⁶ Там же, гл. I (русский перевод, стр. 5).

¹³⁷ Там же, гл. 14 (русский перевод, стр. 16).

¹³⁸ Д. Хвольсон. Известия о хазарах, буртасах ... ибн-Даства. СПб., 1869, стр. 27.

К главе III

¹ Об этом см.: В. В. Мавродин. Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X—XIV вв. Уч. зап. Ленингр. пед. инст. им. А. И. Герцена, XI, 1940, стр. 205.

² Русский перевод см.: Христианское чтение, 1882, ч. II, стр. 430, 432.

³ История создания херсонской фемы содержится в сочинении Константина Багрянородного «Об управлении государством» (De administrando imperio) (середина X в.), гл. 42. См.: Известия византийских писателей о Северном Причерноморье (Изв. ГАИМК, вып. 91, 1934), стр. 20. Константин Багрянородный рассказывает, что херсонская фема была создана непосредственно после построения византийцами хазарской крепости Саркел. Посланный в Херсон в связи с этим спафарокандидат Петрона рекомендовал императору Фефилу укрепить византийскую власть в Херсоне, а для этого назначить туда стратига, т. е. военачальника, которому должна была бы быть передана и гражданская власть в городе.

⁴ По письму Анастасия Библиотекаря. См.: И. В. Ягич. Новое свидетельство о деятельности Константина Философа. Зап. Акад. наук, LXXII, 1893, прилож. № 6, стр. 6, 9—10.

⁵ В силу новеллы 46 императора Льва VI, отменяющей право курий на самостоятельное управление городами. См.: Сборник документов по социально-экономической истории Византии. Изд. АН СССР, М., 1951, стр. 144.

⁶ Theophanis Continuati, VI, 10, Ed. I, Bekker, Bonn, 1838, стр. 360, 15—17.

⁷ De administrando imperio, гл. 58 (русский перевод, стр. 44).

⁸ Там же, гл. 4 (русский перевод, стр. 6).

⁹ М. В. Левченко. История Византии. М.—Л., 1940, стр. 156.

¹⁰ ПСРЛ, I, 1926, столб. 50.

¹¹ Там же, столб. 51.

¹² См.: В. Г. Васильевский, Труды, III, стр. CLXVI.

¹³ Со времени полугодового соправительства императоров Михаила III и Василия I и до времени императора Василия II (967—1025). См.: А. В. Орешников. Херсонско-византийские монеты. Труды Моск. нумизмат. общ., III, 1905. стр. 365—373; Л. Н. Белова-Кудь. Монеты из раскопок кварталов XV—XVIII. Сб. «Археологические памятники юго-западного Крыма» (МИА, № 34), 1953. стр. 256—257.

¹⁴ См.: И. И. Толстой. О византийских печатях херсонской фемы. Зап. РАО, II, вып. 1, 1886, стр. 34 и сл. (печатки №№ 5, 6, 14); А. Ф. Вишнякова. Свинцовые печати византийского Херсонеса. ВДИ, 1939, № 1, стр. 121 и сл.

¹⁵ См.: А. П. Каждан. 1) Византийские города IX—XI вв. СА, XXI, 1954, стр. 187—188; 2) Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960, стр. 147, 299.

- ¹⁶ Д. Хвольсон. Известия о хазарах, буртасах . . . ибн-Даста. СПб., 1869, стр. 27.
- ¹⁷ De administrando imperio, гл. 53 (русский перевод, стр. 44).
- ¹⁸ Там же, гл. 6 (русский перевод, стр. 7).
- ¹⁹ О том, что Русы Днепром проходят в Черную Болгарию, Хазарию и Сирию (вероятно, Зихию), т. е. в район Приазовья, сообщает и Константин Багрянородный (De administrando imperio, гл. 42; русский перевод, стр. 21).
- ²⁰ ПСРЛ, I, стлб. 49—50.
- ²¹ Розкопки в Києві на горі Кисілівці в 1940 р. Археологія, I, 1947, стр. 146. См. также: В. Б. Антонович. Археологическая карта Киевской губернии. М., 1895, стр. 38.
- ²² В некоторых работах по истории Крыма ставится вопрос о русском населении Херсона в IX в. (например: Е. В. Веймарн и С. Ф. Стрелецкий. К вопросу о славянах в Крыму. Вопросы истории, 1952, № 4, стр. 98). При этом ссылаются на житие Константина (Кирилла) Философа, где сообщается, что Константин в Херсоне «обрете евангеліе и псалтирь русьскими письмены писано и человека обрет глаголюща тою беседою» (П. А. Лавров. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930, стр. 12, 49). Действительно, как в русской дореволюционной исторической литературе (например; Д. И. Иловайский. Разыскания о начале Руси, 1882, стр. 305; В. И. Ламанский. Славянское житие св. Кирилла . . . ЖМНП, 1903, июнь, стр. 310, и др.), так и в советской господствует мнение, что письмена эти принадлежат македоно-болгарам или русинам [П. Я. Черных. Историческая грамматика русского языка. Изд. 2-е, Учпедгиз, 1954, стр. 95—96 («Не может быть сомнения, что речь идет в данном случае о древнерусском народном языке и о восточнославянских буквах»); ср.: П. Я. Черных. Язык и письмо. В кн.: История культуры древней Руси, II, 1951, стр. 131]. Однако одного такого русского человека явно недостаточно, чтобы говорить о русском населении Херсона. А кроме того, имеются признаки того, что упоминание в житии русских письмен в Херсоне вообще является более поздней вставкой (А. С. Львов. Старославянское къингы-боукъвы. Кр. сообщ. Инст. славяноведения АН СССР, вып. 28, 1960, стр. 69).
- ²³ De administrando imperio, гл. 53 (русский перевод, стр. 44).
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ ПСРЛ, I, 1926, стлб. 72—73.
- ²⁷ На это указывал еще А. А. Спицын (Историко-археологические разыскания. ЖМНП, 1909, январь, стр. 81).
- ²⁸ О ходе осады рассказывает русская летопись, основанная несомненно на корсунских источниках. См.: ПСРЛ, I, стлб. 109; ср.: А. А. Шахматов. Корсунская легенда о крещении Владимира. Сб. в честь В. И. Ламанского, СПб., 1906; отд. отт. стр. 47.
- ²⁹ См.: Г. Д. Белов, МИА, № 34, 1954, ср. табл. I (стр. 106) и табл. II (к стр. 106).
- ³⁰ Помещения 10—11, 14, 15, 16 в одной усадьбе и помещения 6¹, 7¹, 8¹ — в другой. Те и другие в первые века нашей эры составляли один дом; расчленение произошло в раннее средневековье и удержалось в X в. Позднее, в XII—XIII вв., помещения стали еще меньше. См.: МИА, № 34, табл. к стр. 158, табл. к стр. 230 и рис. 50 (стр. 203).
- ³¹ См.: МИА, № 34, ср. табл. к стр. 230 и рис. 50 (стр. 203).
- ³² См., например, МИА, № 34, стр. 79.
- ³³ См. об этом: МИА, № 17, гл. II.
- ³⁴ В. В. Борисова. Средневековая гончарная печь. Сообщ. Херсонесского музея, I, 1960, стр. 42—46.
- ³⁵ Однако более употребительными там являлись амфоры других видов, в Херсоне неизвестные.
- ³⁶ R. Demangel et E. Mamboury. Le quartier des Manganes et la première région de Constantinople. Paris, 1939, рис. 198 (тип 4), стр. 149, рис. 200, 42—45; рис. 201, 48—58, 62, 63, 93—99. См. также: Известия РАИК, X, альбом, табл. IX, с и текст, стр. 306 (амфора из Плиски в Болгарии).
- ³⁷ См.: МИА, № 63, стр. 315 и рис. 170.
- ³⁸ Судя по обилию находок таких сосудов в Херсоне, там их производство и было сосредоточено. В Саркеле они вряд ли изготовлялись; открытые там гончарные печи (М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону. Л., 1935, стр. 73) были предназначены для обжига кирпича.
- ³⁹ Это объясняется скорее всего тем, что печи, как обычно, сооружались за городом, а территория вокруг Херсонеса почти не раскапывалась.
- ⁴⁰ Желобчатые пифосы хронологически несколько предшествуют гладкостенным и отражают, по-видимому, раннесредневековую традицию.
- ⁴¹ См., например: И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл. Л., 1935, табл. 56, 78.

⁴² Г. М. А х м е д о в. Неполивная керамика Орен-Калы IX—XII вв. Труды Азербайджанской археологической экспедиции, т. I (МИА, № 67), 1959, стр. 216 и табл. XI.

⁴³ В. В. Д ж а п а р и д з е. Керамика XI—XIII вв. из Тбилиси. Вестн. Музея Грузии, XVI-V, 1950, стр. 149, рис. 3б.

⁴⁴ См.: МИА, № 17, стр. 153 сл.

⁴⁵ ΘΟ (Фома), Γ (Георгий), ΤΙ (Тит? или Тимофей), ΝΗ (Николай), ΜΗ (Михаил), ΧΜ, ΜΝ (Михаил), Νκ (Николай).

⁴⁶ ΘΕΟΔΟΡΑΙΣΗΟ (в обратном написании; прямое написание было на матрице). Черепица с этим знаком-надписью скорее всего привезена из восточного Крыма или Тамани, где такой знак встречался неоднократно, в Херсоне же — только один раз.

⁴⁷ Е. Э. Л и н ш и ц. К вопросу о городе в Византии в VIII—IX вв. ВВ, VI, 1953, стр. 122—123; А. П. К а ж д а н. Цехи и государственные мастерские в Константинополе в IX—X вв. ВВ, VI, 1953, стр. 153; ср.: М. Я. С ю з ю м о в. Экономика пригородов византийских крупных городов. ВВ, XI, 1956, стр. 68; А. П. К а ж д а н. Деревня и город в Византии IX—X вв., стр. 192, 197, 198, 252.

⁴⁸ См.: МИА, № 17, табл. 20, 22.

⁴⁹ Д. ТМАО, XII, 1888, стр. 137; ИАК, вып. 32, стр. 139, 140.

⁵⁰ Ст. Станчев. Три новоразкрити пъркви в Преслав. Сб. «Разкопки и проучвания», III. Средневековен отдел. Изд. на Нар. Археол. Музей, София, 1948, стр. 89—90, рис. 20.

⁵¹ См.: МИА, № 34, стр. 222.

⁵² См., например: МИА, № 34, стр. 87, 90. Свинец этот не местного происхождения (в Крыму добыча его неизвестна); он, очевидно, привозился и скорее всего из моря, из Малой Азии. В частности, ряд свинцовых рудников, действовавших еще в античную эпоху, известен в районе Трапезунта (St. Przeworski. Die Metallindustrie Anatoliens. Leiden, 1930, карта к стр. 91), с которым Херсон в средние века имел непосредственные и частые сношения. Свинец в районе Трапезунта добывался и в средние века, о чем мы знаем из позднесредневековых источников (см.: В. А. Г о р д е в с к и й. Эксплуатация недр земли в Турции. Избр. соч., т. III, 1962, стр. 261).

⁵³ Хсб., III, стр. 70, 80, 90, 134 и др.

⁵⁴ МИА, № 4, стр. 261; МИА, № 17, стр. 95, рис. 44.

⁵⁵ Хсб., III, стр. 107.

⁵⁶ Там же, стр. 59.

⁵⁷ Там же, стр. 39.

⁵⁸ Там же, стр. 26, 70.

⁵⁹ МИА, № 34, стр. 222, прим.

⁶⁰ Хр. М. Л о п а р е в. Греческие жития VIII и IX вв. Пгр., 1914, стр. 236.

⁶¹ Изображения зверей на византийских костяных пластинках и на тканях IX—X вв. следуют античной традиции, насаждавшейся во времена Македонской династии, если не воспроизводят восточные образцы. См.: Д. Т а л ь б о т Р а й с. Иранские элементы в византийском искусстве. Доклады III Международ. конгресса по иранскому искусству и археологии, Л., 1939, табл. XC—XCII.

⁶² M. van Berchem et J. Strzykowski. Amida, 1910, табл. III; А. С. Б а ш к и р о в. Искусство Дагестана. М., 1931, табл. 16, 28, 29 и др., особенно интересен рельеф на табл. 86; А. Л. Я к о б с о н. Очерки истории зодчества Армении. 1950, стр. 76—77, 102—103, 124, 140; Материалы по археологии Кавказа, т. XIII. 1916, табл. III, VII, XXIX.

⁶³ И. А. О р б е л и. Албанские рельефы и бронзовые котлы. Сб. «Памятники эпохи Руставели», Изд. АН СССР, Л., 1938, стр. 308.

⁶⁴ Г. М. А х м е д о в, Труды Азербайджанской археологической экспедиции, т. I (МИА, № 67), стр. 196—197, табл. IV.

⁶⁵ Рельефы X в. из Старой Загоры. См., например: Н. М а в р о д и н о в. Старо-българското изкуство. София, 1959, стр. 216, рис. 249.

⁶⁶ Н. П. К о н д а к о в. Македония. СПб., 1909, стр. 122—124.

⁶⁷ Д. Т а л ь б о т Р а й с. Иранские элементы в византийском искусстве, стр. 205, и табл. XCII, верх.

⁶⁸ Найдены в 1891 г. на площади нового собора и принадлежали, вероятно, одному из существовавших здесь купольных храмов (ныне засыпанных).

⁶⁹ Подробнее о такого рода композициях см.: МИА, № 63, стр. 344—345, 355—356.

⁷⁰ А. В. Б а н к. Старые находки из Херсонеса. ВВ, IX, 1956, стр. 186—187.

⁷¹ Там же, стр. 189.

⁷² N. Brunov. Une église byzantine à Chersonèse, L'art byzantin chez les Slaves—Orient et Byzance, IV, 3-me partie, Paris, 1930, стр. 30. См. также: W. R a m s a y and G. B e l l. The thousand and one churches. London, 1909, рис. 148, 198; H. R o t t. Kleinasiatische Denkmäler. Leipzig, 1903, стр. 318 (храм в Айджа-Яйла); J. S t r z y g o w s k i. Kleinasien, 1903, стр. 139 (баптистерий в Аладжа-Кис-те).

⁷³ Belleten. Revue publiée par la Société d'histoire turque, t. XV, № 60, 1951.

стр. 492 сл., табл. XLV—XLVII. Довольно близкую и притом современную аналогично херсонскому храму на акрополе находим и в византийской столице — в Константинополе. Это Атик-Джами (древнее название неизвестно) около середины IX в. (Н. И. Брунов. Архитектура Константинополя IX—XII вв. ВВ, II, 1949, стр. 154—156). Но архитектурные формы этого здания сами отражают черты восточно-византийского зодчества (там же, стр. 196). Позднее, в X в., мы встречаем такую композицию и в Солуни.

⁷⁴ N. Вгипов, *Orient et Byzance*, IV, 3-me partie, стр. 25—34. ОАК за 1906 г. стр. 66—78. Во время немецко-фашистской оккупации Крыма памятник был полностью уничтожен захватчиками.

⁷⁵ Н. И. Брунов, ВВ, II, стр. 160 сл.

⁷⁶ См.: МИА, № 17, стр. 231—237.

⁷⁷ См.: Д. В. Айналов. Развалины храмов. Памятники христианского Херсонеса, вып. I, М., 1905, рис. 43 и 44, стр. 66—67.

⁷⁸ Н. И. Брунов. К вопросу о болгарских двухэтажных церквях-гробницах. Изв. на Българския археол. институт, IV, 1927, стр. 142—143.

⁷⁹ Памятники Греции см.: G. Millet. *L'école grecque dans l'architecture byzantine*. Paris, 1916, стр. 181, 239, 271; Памятники Болгарии см.: Н. Магвров. Еднокорабната и кръстовидната църква на Българските земи. София, 1931, стр. 75—77.

⁸⁰ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 21, стр. 165), ср.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология [Сочинения, т. 3, стр. 22 («Если для античности исходным пунктом служил город и его небольшая округа, то для средневековья исходным пунктом служила деревня»)].

⁸¹ В. Ф. Миллер. Археологические разведки в Алуште и ее окрестностях в 1886 г. Д. ТМАО, XII, вып. 2, 1888, стр. 118—138.

⁸² Н. И. Репников. Некоторые могильники области Крымских готов. ИАК, вып. 19, 1906, стр. 33—35, 53—54, 69, табл. XII.

К главе IV

¹ П. Голубовский. Печенеги, Торки и Половцы до нашествия татар, гл. III. Киевск. унив. известия, 1883, № 5, стр. 230—234.

² Ипатьевская летопись под 1034 г. (ПСРЛ, II, 1911, стлб. 138—139); Лаврентьевская летопись дает другую дату — 1036 г. (ПСРЛ, I, 1926, стлб. 150—151).

³ См.: отчеты Г. Д. Белова о раскопках Херсонеса в 1931—1933 гг. (МИА, № 4, 1941, стр. 208, 217, 269) и в 1937 г. (МИА, № 34, 1953, стр. 91); ср.: МИА, № 63, стр. 65. Такое убеждение сложилось еще у К. Косцюшко-Валюжича (см.: ИАК, вып. 4, 1902, стр. 67—68). О том, что Херсон-Корсунь пострадал от русско-византийской войны, говорит и русская летопись. В Тверской летописи сказано: «... много лет мину уже, како Корсунь разорень бысть от Руси» (ПСРЛ, XV, 1863, стр. 108, ср. стр. VI). Летопись эта, правда, составлена в 1534 г., но основана на более древних летописных известиях, современных походу на Корсунь.

⁴ Об этом позволяет говорить надпись 1059 г., найденная в Херсонесе и сообщающая о возобновлении там некоторых ворот крепости, предпринятом патриkiem Львом Алпнатом, названным в надписи стратигом Херсона и Сутдеи. См.: Сб. ГИ, стр. 15—16.

⁵ Судя по их печатям. См.: А. Ф. Вишнякова. Свинцовые печати византийского Херсонеса. ВДИ, 1939, № 1 (6).

⁶ ПСРЛ, I, стлб. 186.

⁷ См.: E. Muralet. *Essai de chronographie byzantine*, 1057—1453, t. I, 1871, стр. 28. Ср.: В. Г. Васильевский. Два письма византийского императора Михаила VII Дуки к Всеволоду Ярославичу. Труды, II, 1909, стр. 29, прим. О том же сообщает (на основании не дошедших до нас источников) В. Татищев (История Российская, кн. 2, М., 1773, стр. 131). Иначе расценивает письмо Михаила VII М. В. Левченко, считавший, что оно адресовано было не русскому князю, а Роберту Гвискару (Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 407—418), что, однако, маловероятно (см.: В. Г. Васильевский, Труды, II, стр. 7—8, 23, 27). См. также: МИА, № 17, стр. 20—23.

⁸ Основная литература о Тмутаракани: А. Спицын. Тмутаракань. ЖМНП, 1909, январь, стр. 79—90; Ю. Кулаковский. К истории Боспора (Керчи) в XI—XII вв. Тр. XI АС, II, 1902, стр. 132—133; А. Л. Бертъе-Делагард. Заметки о тмутараканском камне. ИТУАК, вып. 55, 1918, стр. 45—96; И. П. Козловский. Тмутаракань и Таматарха—Матарха—Тамань. ИТОИАЭ, II, 1928, стр. 58—72; А. Н. Насонов. Тмутаракань в истории восточной Европы X в. ИЭ, вып. 6, 1940, стр. 79—99; И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения IX—XII вв. на Дону и на Тамани. МИА, № 6, 1941, стр. 205—212; Сб. «Керамика и стекло древней Тмутаракани», Изд. АН СССР, М., 1963.

⁹ См.: А. А. Миллер. Сообщ. ГАИМК, 1932, № 3—4, стр. 58—59.

- ¹⁰ См.: Б. А. Рыбаков. Русские земли по карте Идриси 1154 г. КСИИМК, вып. XLIII, 1952, стр. 48.
- ¹¹ Ю. Кулаковский. Прошлое Тавриды. 1914, стр. 89; А. А. Спицын. Тмутараканский камень. ЗРОРАО, XI, 1915, стр. 103—132.
- ¹² Ю. Кулаковский. 1) Тр. XI АС, II, стр. 132—133; 2) Прошлое Тавриды, стр. 93.
- ¹³ В другом месте «Слова» говорится, что Игоревое войско не прочь было бы «поискати града Тьмуторока». См., например: А. С. Орлов. Слово о полку Игореве. Изд. АН СССР, 1946, стр. 69, 71.
- ¹⁴ ПСРЛ, II, стр. 152.
- ¹⁵ П. Карпини и В. Рубрук. Путешествие в восточные страны. Перевод А. И. Малеина, СПб., 1911, стр. 68.
- ¹⁶ Аппае Сомпенае. Alexiada, X, 2, Ed. Teubner, II, 1884, стр. 59—60.
- ¹⁷ О работорговле в Херсоне в конце XI в. сообщает Патерик Киево-Печерского монастыря (СПб., 1911, стр. 78—79).
- ¹⁸ О Судакe XI—XIII вв. см.: В. Г. Васильевский. Житие Стефана Сурожского. Труды, III, СПб., 1915; А. Ю. Якубовский. Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. ВВ, XXV, 1928, стр. 53 сл.; С. А. Секиринский. Очерки истории Сурожа. Симферополь, 1955.
- ¹⁹ В. Тизенгаузен, Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, I, СПб., 1884, стр. 26.
- ²⁰ П. Карпини и В. Рубрук. Путешествие в восточные страны, стр. 66.
- ²¹ Там же, стр. 67.
- ²² А. Ю. Якубовский, ВВ, XXV, стр. 66.
- ²³ См., например: Ф. И. Успенский. Очерки из истории Трапезунтской империи. Л., 1928, стр. 50; ПСРЛ, X, стр. 182 (под 1319 г.).
- ²⁴ А. Ю. Якубовский, ВВ, XXV, стр. 64.
- ²⁵ С. В. Берштейн-Коган. Путь из варяг в греки. Вopr. географии, XX, Историческая география СССР, М., 1950, стр. 239 сл.
- ²⁶ П. Голубовский, Киевск. унив. известия, 1883, № 10, стр. 548.
- ²⁷ Ипатьевская летопись. ПСРЛ, II, стлб. 528, 541, 673.
- ²⁸ А. Ю. Якубовский, ВВ, XXV, стр. 66.
- ²⁹ «Пусть с безопасностью торгуют генуэзские корабли во всех, где-либо расположенных местах царства моего, кроме России и Матрахов» (Fr. Miklosich et. I. Müller. Acta et Diplomata graeca medii aevi, III. 1865, стр. 35). Мы не можем согласиться с А. А. Васильевым (Готы в Крыму. ИГАИМК, V, 1927, стр. 265), видящим в этом договоре указание на усиление византийского владычества в Крыму. Наоборот, это было проявлением слабости Византии, которая уже не имела сил препятствовать проникновению генуэзцев в Черное море, хотя Таврика номинально и продолжала считаться византийской провинцией.
- ³⁰ Сказание о чудесах св. Евгения — патрона Трапезунта, где говорится, что «нагруженное собранными с Херсона и городов тамошней Готфии суммами и другими взносами судно, на котором находились как заведующий казенными сборами Алексей Пактиари, так и некоторые херсонские архонты, шло по направлению в нашу сторону (т. е. в Трапезунт, — А. Я.) с целью уплаты царю Гиду годичного взноса» (см.: Ф. И. Успенский. Очерки из истории Трапезунтской империи. Л., 1929, стр. 51).
- ³¹ Само создание Трапезунтской империи было результатом усиления почти самостоятельного трапезунтского удела или княжества, возникшего, в сущности, еще в конце XI в. См.: Ф. И. Успенский. Очерки из истории Трапезунтской империи, стр. 30—31; А. А. Васильев, ИГАИМК, V, стр. 276—278.
- ³² В XIII в. вся сельджукская Малая Азия оказалась раздробленной на ряд мелких феодальных владений, независимых от султана. См.: Ф. И. Успенский. Очерки из истории Трапезунтской империи, стр. 62—63.
- ³³ А. А. Васильев, ИГАИМК, V, стр. 276—281.
- ³⁴ См.: В. В. Латышев. Заметки к христианским надписям из Крыма. ЗООИД, XX, стр. 154, № 49а.
- ³⁵ В. Д. Смирнов. Крымское ханство под верховенством Османской Порты. СПб., 1887, стр. 102 сл.
- ³⁶ А. Л. Бертъе-Делагард. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Крыму. ИТУАК, вып. 57, 1920, стр. 105 сл.
- ³⁷ Geographie d'Aboulféda. Trad. M. Reinaud, II, Paris, 1848, стр. 319. См. также В. Д. Смирнов. Крымское ханство..., стр. 104.
- ³⁸ В. Тизенгаузен, Сборник..., стр. 112.
- ³⁹ «Аланское послание» епископа Феодора к константинопольскому патриарху Герману II, относящееся ко времени не позднее 1240 г., сообщает: «близ Херсона живут аланы столько же по своей воле, сколько и по желанию херсонцев, словно некое ограждение и охрана (города)» (Ю. Кулаковский. Епископа Феодора «Аланское послание». ЗООИД, XXI, 1898, мат., стр. 17).
- ⁴⁰ De administrando imperio, гл. 11 (русский перевод Н. Малицкого, стр. 11).

⁴¹ В. Д. Смирнов. Крымское ханство. . . , стр. 122; А. Л. Бертье-Делагард, ИТУАК, вып. 57, стр. 106.

⁴² «На море от Керсоны до устья Танаида находятся высокие мысы, а между Керсоной и Солдайей существует сорок замков; почти каждый из них имел особый язык» (П. Карпини и В. Рубрук. Путешествие в восточные страны, стр. 68). Следует заметить, что число 40 у Рубрука носит условный характер: сам он эти замки не видел, так как ехал морем и, очевидно, судил об этих замках по рассказам. Число 40 могло иметь легендарный характер. Ср. слова Абульфеда: «Крым есть имя страны, заключающей в себе 40 городов» (ук. изд., стр. 282). В. Д. Смирнов (Крымское ханство. . . , стр. 115) полагал, что под «40 замками» следует подразумевать Кырк-Ер, название которого («40») Рубрук и принял за 40 замков.

⁴³ См.: П. Кеппен. О древностях южного берега Крыма. СПб., 1837, стр. 3—4, 31, 152—153, 185—186, 189, 191, 194, 196—197, 207, 244—245.

⁴⁴ А. Л. Бертье-Делагард. Керменчик (Крымская глушь). Одесса, 1899, стр. 30—33; С. Н. Бибииков. Средневековое укрепление Исар близ с. Чоргун. КСИИМК, II, 1939, стр. 30. Сведения об остатках крепостей на южном побережье преимущественно этого времени см.: Н. И. Репников. Археологические памятники [южного берега Крыма]. Сб. «Археологические работы Академии [ГАИМК] на новостройках в 1932—1933 гг.», I, 1935, стр. 195—200, №№ 4, 7, 20, 22, 37, 42, 43, 44 и др.

⁴⁵ См.: Материалы Эски-керменской экспедиции (Изв. ГАИМК, вып. 117), 1935, статьи Н. И. Репникова и Е. В. Веймарна (стр. 43—80).

⁴⁶ В. П. Бабенчиков. Пещерный комплекс Шулдана. Матер. Эски-керменской экспедиции (ИГАИМК, вып. 117), Л., 1935, стр. 89.

⁴⁷ А. Л. Бертье-Делагард, ИТУАК, вып. 57, стр. 37, 50, 51, 128.

⁴⁸ Там же, карта епархий.

⁴⁹ Приблизительное представление о численности населения средневекового Херсона того времени можно получить исходя из числа раскопанных жилых усадеб (в I—III кварталах — в северо-восточной части городища и жилых кварталах в северном прибрежном районе, раскопанных в 1931—1956 гг.); всего в этих кварталах, составлявших около 11.5% всей жилой застройки города в XII—XIII вв., было 73—74 жилые усадьбы. Следовательно, всего в городе было около 650 усадеб. Принимая в каждой усадьбе по 7—8 чел., получим приведенную цифру населенности Херсона. См.: А. Л. Якобсон. О численности населения средневекового Херсонеса. ВВ, XIX, 1961, стр. 154 сл. В последнем издании путеводителя по Херсонесу (Херсонес Таврический, Симферополь, 1962, стр. 47) численность Херсона в V—VII вв. определена почти в 20 тыс. чел.! Но это неправдоподобная и произвольная цифра, ни на чем не основанная.

⁵⁰ Об этом говорят армянские граффити на фресках херсонских храмов. См.: Н. Я. Марр. Заметка о двух армянских надписях, найденных в Херсонесе. ИАК, вып. 10, 1904.

⁵¹ На наличие аланского элемента в городе указывает упоминавшееся «Аланское послание» епископа Феодора, см. ЗООИД, XXI, мат.

⁵² Их упоминает Киево-Печерский патерик в связи с событиями XI в. (Патерик Киево-Печерского монастыря. Изд. Д. Абрамовича, СПб., 1911, стр. 78—79). Вряд ли они исчезли в непосредственно последующее время.

⁵³ См.: А. Л. Якобсон. К истории русско-корсунских связей (XI—XIV вв.). ВВ, XIV, 1958, стр. 125, 128. На существование в Херсоне в XIII в. особого русского квартала намекает, в частности, находка в одной из усадеб северного прибрежного квартала русского напрестольного креста с изображением Бориса и Глеба, русского зиклония и предметов церковного обихода, т. е. комплекса, принадлежавшего скорее всего русскому священнослужителю (МИА, № 34, 1953, стр. 137—139, 147—148). Наличие русского прихода подтверждается «Повестью о Николe Заразском», где под 1228 г. рассказывается о перенесении из Корсуни в Рязанскую землю иконы Николая Корсунского, причем перенесение иконы Николая Корсунский поручил «служителю своему Астафию», т. е., по смыслу текста, русскому попу, жившему в Корсуни (см.: Д. С. Лихачев. Повести о Николe Заразском. Труды Отдела древнерусской литературы, VII, 1949, стр. 282—283) и имевшему, очевидно, свой приход там. Бегство русских людей в Херсон объясняется не только доступностью в то время водного пути в западный Крым, но и определенным пиететом к этому некогда славному городу с единоверным населением — городу, в котором Владимир принял христианство.

⁵⁴ Об этом упоминает приписка к греческому Синаксарию из Судакa. См.: ЗООИД, V, стр. 604, № 33. О том же сообщают арабские писатели. Ибн-ал-Асир (умер в 1233 г.) рассказывает: «Придя к Судаку, татары овладели им, а жители его разбрелись; некоторые из них со своими семьями и своим имуществом взобрались на горы, а некоторые отправились в море и уехали в страну Румскую» (т. е. в Малую Азию, в государство Сельджукидов) (В. Тизенгаузен, Сборник. . . , стр. 26; ср. стр. 502).

⁵⁵ В. Тизенгаузен, Сборник. . . , стр. 28.

- ⁵⁶ ЗООИД, V, стр. 597 и 611, №№ 10 и 104; В. Васильевский, Труды. III, стр. CLXXVI.
- ⁵⁷ В. Тизенгаузен, Сборник... стр. 63 и 192.
- ⁵⁸ П. Карпини и В. Рубрук. Путешествие в восточные страны, стр. 67.
- ⁵⁹ Солхат расположен к востоку от Феодосии на расстоянии дневного перехода (23 км). Название Солхат или Сурхат происходит, возможно, от названия армянского монастыря Сурб-Хач (св. Креста). См.: А. Л. Якобсон. Армянская средневековая архитектура в Крыму. ВВ, VIII, 1956, стр. 168.
- ⁶⁰ В. Тизенгаузен. Сборник..., стр. 112.
- ⁶¹ Нижеследующие строки — лишь кратко изложенное обобщение материала раскопок. Подробнее см.: МИА, № 17, гл. II—IV. Сводные планы жилых кварталов XII—XIII вв. в северо-восточной части города (раскопки Р. Х. Лепера в 1908—1912 гг.) и в северном прибрежном районе (раскопки Г. Д. Белова в 1931—1956 гг.) см.: А. Л. Якобсон, ВВ, XIX, рис. 2 и 3 (стр. 156).
- ⁶² См.: Г. Д. Белов, № 4, стр. 243, 252 и табл. II.
- ⁶³ Подобные сводчатые печи бытуют до сих пор в селах юго-западного Крыма.
- ⁶⁴ А. Л. Якобсон. Бани средневекового Херсонеса. СА, VIII, 1946, стр. 261 сл.
- ⁶⁵ В некоторых домах в кладовую можно было попасть лишь по деревянной лестнице через люк в деревянном полу комнаты второго этажа.
- ⁶⁶ О двухэтажных домах в Константинополе поздневизантийского времени сообщают письменные источники. В нижнем этаже таких домов также помещались хозяйственные кладовые для хранения запасов, устраивались стойла для скота. См.: Б. Т. Горянов. Византийский город XIII—XIV вв. ВВ, XIII, 1958, стр. 176.
- ⁶⁷ См.: А. Н. Бернштам. Жилище Крымского предгорья. ИГАИМК, т. IX, вып. 6—7, 1934, стр. 10, 27.
- ⁶⁸ Об одном таком водопроводе сообщает русская летопись, описывая осаду Херсона русским войском в 989 г. (см. гл. III). Водопроводы эти, хотя, может быть, и не все, продолжали функционировать и после X в.
- ⁶⁹ III квартал северо-восточной части города.
- ⁷⁰ Такие церкви открыты, например, раскопками Г. Д. Белова в 1955 г. в северной части городища. См. его отчет в Хсб, V, 1959, стр. 28, 66.
- ⁷¹ Раскопки 1947 г. (МИА, № 34, 1953, стр. 228—330). Сама церковка, составлявшая второй этаж постройки, не сохранилась.
- ⁷² Н. И. Третеский. Описание дверного замка, найденного в Херсонесе. ИАК, вып. 16, 1905, стр. 114—115; В. М. Маликов. Новый вариант дверного замка XIII—XIV вв. Сообщ. Херсонесского музея, II, Симферополь, 1961, стр. 62—66.
- ⁷³ См.: Г. М. Ахмедов, Труды Азербайджанской археологической экспедиции, т. I (МИА, № 67), 1959, стр. 216—218, табл. XII и рис. 4.
- ⁷⁴ A. F r a n t z. Middle byzantine pottery in Athens. Hesperia, 1938, N 3; J. du P. T a y l o r, Ars Islamica, V, 1938, стр. 80, 82.
- ⁷⁵ См., например: М. К. Каргер. Древний Киев, I. 1958, стр. 425, рис. 105.
- ⁷⁶ См.: МИА, № 17, стр. 105, рис. 59.
- ⁷⁷ Там же, стр. 104.
- ⁷⁸ На это указывают знаки собственности некоторых пифосов, нанесенные до обжига по сырой поверхности сосуда.
- ⁷⁹ См.: МИА, № 17, стр. 154—161.
- ⁸⁰ Там же, стр. 145 сл.
- ⁸¹ Там же, стр. 152—153.
- ⁸² В. Гордлевский. Государство сельджукидов Малой Азии. М.—Л., 1941, стр. 102.
- ⁸³ Таковы очень тонкие по исполнению шиферные иконки XII в., найденные при раскопках 1931—1937 гг. и в 1956 г. См.: Г. Д. Белов. 1) Шиферная икона из Херсонеса, СА, 1960, № 2, стр. 257 сл.; 2) Отчет о раскопках Херсонеса за 1935—1936 гг. Симферополь, 1938, стр. 290, рис. 122; 3) МИА, № 4, стр. 246, рис. 78, 79; 4) МИА, № 34, стр. 93, рис. 58.
- ⁸⁴ Н. Я. Марр, ИАК, вып. 10, стр. 107.
- ⁸⁵ Подробнее см.: МИА, № 17, стр. 237—252.
- ⁸⁶ Там же, стр. 249.
- ⁸⁷ Об Эски-Кермене см. два сборника статей, основанных на материале новых раскопок: Гсб (ИГАИМК, XII, вып. 1—8, 1932) и Материалы Эски-керменской экспедиции (ИГАИМК, вып. 117, 1935).
- ⁸⁸ Особенно выразительный материал дали раскопки Н. И. Репникова в 1936 и 1937 гг. (не изданы; лишь краткое сообщение о работах 1936 г. опубликовано: Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг., М.—Л., 1941, стр. 279—280).
- ⁸⁹ Тарапаны для давки винограда устраивались и на самом плато; они были связаны с жилыми домами. Например, один такой тарапан (в виде квадратной давилки 2.12×2.12 м и сливного бассейна 1.1×0.8×0.7 м, разделенных простенком) открыт в 1936 г. на восточном краю городища.

⁹⁰ Ср. аналогичную, но более раннюю пещерную церковь-мавзолей на главной улице Херсона (МИА, № 63, стр. 191). Об Эски-керменской церкви см.: Н. Л. Эрнст. Эски-Кермен и пещерные города Крыма. ИТОИАЭ, III, 1929, стр. 30—32; Н. И. Репников. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928—1929 гг. Гсб, 1932, стр. 108—110, 147.

⁹¹ У левой фигуры — красная нижняя одежда и зеленый плащ, у средней — красновато-желтая одежда и зеленый сарафан, у правой — зеленая нижняя одежда и коричневая верхняя.

⁹² В. Н. Лазарев. Образ Георгия-воина в искусстве Византии и древней Руси. ВВ, VI, 1953, стр. 199—208.

⁹³ Н. Л. Эрнст, ИТОИАЭ, III, стр. 32—34; Н. И. Репников, Гсб, стр. 120—122.

⁹⁴ Н. И. Репников, Гсб, стр. 122.

⁹⁵ Н. И. Репников. Городище Качи-кальон. Материалы Эски-керменской экспедиции 1931—1933 гг., Л., 1935, стр. 102—114; см. там же: В. П. Бабенчиков. Пещерный комплекс Шулдана, стр. 88—101; Н. А. Боровко. Тепе-Кермен. Зап. Крымск. общ. естествоиспыт. и любит. природы, III, 1913; А. Л. Бертье-Делагард, ЗООИД, XIV, 1886, стр. 208 сл., 231—234, 246 (Инкерман), 237—239 (Шулдан), 239—242 (Чилтер). От этих монастырей сохранились лишь немногие пещерные церкви и хозяйственные пещеры, в хронологическом отношении, однако, мало выразительные; систематических же раскопок внутри их не производилось; в приведенной литературе, не говоря уже о более старой, никаких данных для датировки, кроме общих соображений (А. Л. Бертье-Делагард, ЗООИД, XIV, стр. 212, 222, 234), также не содержится. Подъемный же материал дает по преимуществу керамику от XIII до XV в. См., например: Н. Л. Эрнст, ИТОИАЭ, III, стр. 38—39; вопреки автору, поливной керамики древнее XIII в. там мы не встречали.

⁹⁶ Открыты памятники только раннесредневековые и XIV—XV вв.

⁹⁷ См.: А. Л. Бертье-Делагард, ИТУАК, вып. 57, стр. 166 и сл. Вопрос о локализации Фуллы вызвал в последнее время дискуссию. В. В. Кропоткин (Из истории средневекового Крыма, СА, XXVIII, 1958, стр. 198 и сл.) считает, следуя Ю. Кулаковскому, что Фуллы находились в восточной части Крыма. А. Л. Якобсон (К вопросу о локализации средневекового города Фуллы. СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 108 сл.) отстаивает локализацию А. Л. Бертье-Делагарда.

⁹⁸ В. П. Бабенчиков, Материалы Эски-керменской экспедиции, стр. 89. Но чем объяснить отсутствие археологических данных о самих сельских поселениях XII—XIII вв. (да и последующего времени) в юго-западном Крыму, казалось бы, очень многочисленных? Объяснение этому можно дать только одно: действительно многочисленные средневековые поселки находятся точно на месте нынешних и полностью скрыты ими; признаки средневековых селищ время от времени дают о себе знать лишь при хозяйственных работах в современных сельских усадьбах — при рытье колодцев, погребов, канав и пр.

⁹⁹ Небольшие разведочные раскопки в крепости Судака были проведены ГАИМК только в 1927—1929 гг. (велись под руководством акад. Ю. В. Готье).

К главе V

¹ Выражение современника событий — арабского писателя Ибн-ал-Асира (В. Тизенгаузен, Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, I, СПб., 1884, стр. 2).

² В связи с событиями 1222—1223 гг. (В. Тизенгаузен, Сборник..., стр. 28).

³ Ногай (убит в 1300 г.) был одним из наиболее сильных и влиятельных эмиров Золотой Орды. Удельным владением его считался Крымский полуостров и примыкавшие с севера степи, однако фактически в его руках была сосредоточена вся власть в государстве. Непосредственным поводом к разгрому крымских городов полчищами Ногая послужило убийство в Кафе его внука, посланного туда для сбора дани. Об этом сообщает летопись Бейбарса (умер в 1425 г.). В. Тизенгаузен. Сборник..., стр. 111—112; ср. стр. 195.

⁴ Путешествие Иби-Батуты (1304—1377 г.). В. Тизенгаузен. Сборник..., стр. 303.

⁵ Б. Греков и А. Якубовский. Золотая Орда. 1937, стр. 84—85.

⁶ В. В. Радлов. Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга. ЗВОРАО, III, 1889, стр. 33, 34; Б. Греков и А. Якубовский. Золотая Орда, стр. 85.

⁷ В. В. Радлов, ЗВОРАО, III, стр. 21.

⁸ Возможно, инспектор, ревизор (В. В. Радлов, ЗВОРАО, III, стр. 24).

⁹ Вероятно, придворный чин, ведавший раздачей жалованья войску (В. В. Радлов, ЗВОРАО, III, стр. 24).

¹⁰ Казначей? (В. В. Радлов, ЗВОРАО, III, стр. 24).

- ¹¹ Т. е. ведавшие лодками и мостами (В. В. Радлов, ЗВОРАО, III, стр. 25).
- ¹² Возможно, зависимых, крепостных (В. В. Радлов, ЗВОРАО, III, стр. 34).
- ¹³ Что может служить указанием на общинный строй деревни.
- ¹⁴ Калан, как полагает В. В. Бартольд, это «подать с возделанных земельных участков, вообще с оседлого населения» (В. В. Бартольд, Персидская надпись на стене ангийской мечети Мануче. Ангийская серия, № 5, СПб., 1911, стр. 32).
- ¹⁵ В античную эпоху поселок входил в состав Боспорского царства. См.: Ю. Кулаковский. Новые данные для истории Старого Крыма. ЗРАО, X, вып. 3—4, 1899, стр. 9—11.
- ¹⁶ Да и само название Сорхат, Солхат, возможно, было испорченным армянским названием Сурб-Хач (св. Крест), как называли армяне гору Агармыш. См.: В. Д. Смирнов. Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 г. ЗВОРАО, I, 1887, стр. 287.
- ¹⁷ Сводку сведений по истории Солхата см.: И. Н. Бороздин. Солхат. «Новый Восток», № 13—14, 1926.
- ¹⁸ Об этом пути в XIV в. см.: М. Н. Тихомиров. Пути из России в Византию в XIV—XV вв. Сб. «Византийские очерки», М., 1961, стр. 10—13.
- ¹⁹ По сочинению ибн-Абдезахыра (умер в 1293 г.). В. Тизенгаузен. Сборник. . ., стр. 63.
- ²⁰ Судя по плану того времени, хранящемуся в рукописном отделении ГПБ (Ленинград).
- ²¹ В 1925 г. на территории караван-сарая велись небольшие раскопки, которыми руководил И. Н. Бороздин (см.: И. Н. Бороздин. Солхат, стр. 291—292).
- ²² В. М. Арутюнян. Караван-сарай и мосты средневековой Армении. Ереван, 1960 (на арм. яз.), стр. 52 сл.
- ²³ Паллас. Путешествие по Крыму в 1793 и 1794 гг. ЗООИД, XIII, 1883, стр. 45.
- ²⁴ Посол польского короля Стефана Батория к крымским ханам. Описание путешествия «*Tartariae descriptio*» издано впервые в 1595 г., затем в 1630 г. (русский перевод: ЗООИД, VI, 1867; о Салхате — стр. 346).
- ²⁵ По сообщению Эль-Макрихи (1365—1442). В. Тизенгаузен, Сборник. . ., стр. 435.
- ²⁶ В. Д. Смирнов, ЗВОРАО, I, стр. 281. Об архитектуре мечети и медресе см.: А. С. Башкиров. 1) Сельджукизм в древнем татарском искусстве. «Крым», № 2, 1926, стр. 109—123; 2) Художественные памятники Солхата. «Крым», № 1 (3), 1927, стр. 122—132.
- ²⁷ К. Егдманн. Das anatolische Karavansaray des 13. Jahrhunderts, I, Berlin, 1961, passim, особенно табл. XIII, XVIII.
- ²⁸ О происхождении и формировании «сельджукского» искусства Малой Азии см.: И. А. Орбели. Проблема сельджукского искусства. Докл. III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии, Л., 1939, стр. 152, 153.
- ²⁹ Из общих очерков и специальных работ по истории итальянских колоний в Крыму и прежде всего Кафы отметим: Ф. Брун. О поселениях итальянских в Газарии. Тр. I АС, т. II, 1871, стр. 365—403; W. Heyd. Histoire du commerce du Levant en Moyen-Âge, II. Leipzig, 1886, стр. 156—215, 365—407 (русский перевод ИТУАК, вып. 52, стр. 68—185); G. Bratiani. Recherches sur la commerce génoise dans la Mer Noire au XIII-e siècle. Paris, 1929. Гораздо глубже по историческому осмыслению фактов работы советских исследователей: Е. С. Зевакина и Н. А. Пенча. Из истории социальных отношений в генуэзских колониях в Северном Причерноморье в XV в. ИЗ, 7, 1940, стр. 3—33; И. А. Гольдшмидт. 1) Кафа — генуэзская колония в Крыму в конце XIII—первой половине XV в. (Автореферат кандидатской диссертации), М., 1952; 2) Некоторые данные о ремесленном производстве в Кафе в XIII—XV вв. Сб. «Средние века», X, 1957, стр. 195—205; М. К. Старокадошская. Очерки по социально-экономической истории генуэзской Кафы конца XIII—первой половины XV в. (тезисы кандидатской диссертации), М., 1950. Наиболее полное критическое издание генуэзских надписей Крыма: Е. Skrzinska. Inscriptions latines des colonies génoises en Crimée. Atti della Società Ligure di Storia Patria, vol. LVI, 1928. Основная литература специально о Солдае указана далее.
- ³⁰ По договору византийского императора Мануила с генуэзцами в 1169 г., подтвержденному в 1192 г., генуэзские купцы получили привилегии на Черном море: «Да смогут генуэзские корабли спокойно торговать во всех областях нашего (т. е. византийского) владения, за исключением России и Матрахи» (см.: Acta et Diplomata graeca medii aevi, ed. Fr. Miclosich et J. Müller, III, 1865, стр. 35). Россия — это, по всей вероятности, Керчь; Матраха — Тмутаракань.
- ³¹ Так было в XIV и XV вв. В конце XIII в. вывоз хлеба направлялся в Трапезунт. О Тане XIV—XV вв. см.: М. Ковалевский. Ранней истории Азова (XIV—XV вв.). Тр. XII АС, II, 1905, стр. 109—174; М. Н. Тихомиров, Сб. «Византийские очерки», М., 1961, стр. 9—16.
- ³² Круглый путь к Сараю-Бату на Волге через Астрахань, т. е. по территории Северного Кавказа, М. Н. Тихомиров объясняет населенностью этого района. От Таны до Астрахани добирались за 25 дней — на повозках, запряженных волами.

или за 10—12 дней в повозках, запряженных лошадьми (М. Н. Тихомиров, Сб. «Византийские очерки», стр. 10—13).

³³ Генуэзцы, по словам Никифора Григора, «прежде всего присвоили Эвксинский Понт (т. е. Черное море) по причине идущей оттуда наживы; они приказывали . . . византийцам (в конце фразы сказано, что и венецианцам) властно и преисполнившись бесстыдства воздерживаться от приближения к Меотиде и к Танаису, а также к Херсону и от плаванья у побережий Скифов по ту сторону Истра для торговли там, если только не получат от них, генуэзцев, разрешения» (Nicephorus Gregoras, XVIII, 2, Ed. Vonnave, II, 1830, стр. 877). Произошло это около 1350 г. О запрещении византийским кораблям плавать в Тану и Меотидское море говорится и в договоре императора Иоанна Каптакузина с генуэзцами от 1352 г. См.: Е. Ч. Скрижинская. Петрарка о генуэзцах на Леванте. ВВ, II (XXVII), 1949, стр. 258.

³⁴ Так его именует Устав Кафы 1449 г. (ЗООИД, V, стр. 643). Иногда его именovali еще более пышно: «Консул всей Газарии» (т. е. всего Крыма), «Консул всего Черного моря» и даже «Консул Кафы и всего великого моря и империи Газарии». См.: О. Ретовский. Генуэзско-татарские монеты. ИАК, вып. 18, 1906, стр. 1.

³⁵ Из Кафы московские и тверские купцы ездили в малоазийские города, между прочим, в Брусу, Токату, в Персию, а с другой стороны — в Царьград (Константинополь). См.: В. Сыроечковский, Гости-сурожане. Л., 1935, стр. 49—52.

³⁶ Там же, стр. 53 сл.

³⁷ Там же, стр. 83—84.

³⁸ Там же, стр. 47.

³⁹ Сводку данных о русском населении Кафы в XIV и XV вв. см.: М. К. Старокадская. Русское торговое население генуэзской Кафы. Сб. «История и археология средневекового Крыма», Изд. АН СССР, М., 1958, стр. 151—153.

⁴⁰ В. Тизенгаузен. Сборник. . . , стр. 280.

⁴¹ Современникам казалось даже, что Кафа столь же многолюдна, как Константинополь (W. Heud. Histoire du commerce . . . , стр. 174; ИТУАК, вып. 52, стр. 89—90, прим. 8).

⁴² Е. С. Зевакин и Н. А. Пенчко, ИЗ, 7, 1940, стр. 4; W. Heud. Histoire du commerce . . . , II, стр. 402 (ИТУАК, вып. 52, стр. 180). Баварский путешественник начала XV в. Иван Шильтбергер писал, что «во внутренней части (Кафы) 6000 домов», а «во внешней черте (т. е. в самом городе) всего 17 000 домов» (Зап. Новороссийск. унив., I, Одесса, 1868, стр. 57), а всего, следовательно, 23 тыс. домов, т. е., считая по 5—6 чел. в каждом доме, 115—140 тыс. населения; однако данные Шильтбергера скорее всего преувеличены.

⁴³ Греков, армян и евреев неоднократно упоминает Устав Кафы 1449 г. (ЗООИД, V, стр. 695, 731), как и восточные народности, которых генуэзцы объединяли под названием сарацины (там же, стр. 695, 814 и прим. 19, стр. 823).

⁴⁴ W. Heud. Histoire du commerce . . . , I, стр. 498; II, стр. 166, 177, 191 (ИТУАК, вып. 52, стр. 80—81, 93, 109).

⁴⁵ W. Heud. Histoire du commerce . . . , I, стр. 485, 498; Nicéphorus Gregoras, IX, 5 (ed. Vonnave, I, 1829, стр. 416); XV, 7 (там же, II, 1830, стр. 766). В связи с событиями 1328 г. Никифор указывает, что одной из трех опасностей, грозивших тогда византийской столице, была опасность голода вследствие того, что венецианцы стали задерживать генуэзские торговые суда, «возвращавшиеся из Понта», груженные «одни — пшеницей и ячменем, другие — соленой рыбой». «И вот, когда подвоз хлеба был остановлен, в Византии начался немалый голод, потому что эта осада продолжалась дней пятнадцать» (там же, I, стр. 416; русский перевод, изд. 1862 г., стр. 409—410).

⁴⁶ Устав Кафы 1449 г. ЗООИД, V, стр. 756 и 830, прим. 107.

⁴⁷ О торговле рабами в генуэзских колониях прямо говорит Устав Кафы 1449 г. (ЗООИД, V, стр. 795 — о покупке рабов в Чембало, 804 — о пошлине с каждого вывозимого из Копы невольника; ср. стр. 737 и прим. 142, стр. 834—835). Запрещение продавать в рабство жителей Кафы (там же, стр. 738) было, конечно, вынужденным; оно, очевидно, объясняется прежде всего боязнью вызвать недовольство горожан, а то и городское восстание, а также осложнения в отношениях с татарами, на что уже указывал В. Юргевич (там же, стр. 834).

⁴⁸ Материал собран в указанной статье И. А. Гольдшмидт (Сб. «Средние века», X, 1957, стр. 195—205).

⁴⁹ ЗООИД, V, стр. 837 (прим. В. Юргевича).

⁵⁰ См.: О. Ретовский, ИАК, вып. 18, стр. 12—13 (там же приведена предшествующая литература). Примечательно, что в 1471 г. чеканка кафской монеты была отдана на откуп (см. там же).

⁵¹ Перемена эта произошла при хане Хаджи-Гирее (1432—1465), одержавшем победу над генуэзцами в 1434 г. и обложившем после этого их данью. См.: В. Юргевич. О монетах генуэзских, находимых в России. ЗООИД, VIII, 1872, стр. 153. Примечательно, что такую же татарскую тамгу в сочетании с гербом Генуи кафские консулы помещали и на своих строительных надписях.

⁵² В 20-х и 30-х годах XV в. генуэзцы чеканили монету и специально для г. Крыма (т. е. Солхата). См.: О. Ретовский, ИАК, вып. 18, стр. 68—69.

- ⁵³ Там же, стр. 69—71.
- ⁵⁴ Устав Кафы 1449 г. ЗООИД, V, стр. 815.
- ⁵⁵ По официальной терминологии генуэзцев, это просто жители (*habitatores*).
- ⁵⁶ В 1308 г. их было в Кафе всего 300 человек, а в конце генуэзского владычества (1475 г.) — около 1000 человек на 70 000 населения города.
- ⁵⁷ Они имели право быть избранными в органы генуэзской администрации (Устав Кафы 1449 г. ЗООИД, V, стр. 652, 655, 674).
- ⁵⁸ Правда, в Кафе сидел и татарский наместник — тудун (*titanus, conlusogum*), как его называли генуэзцы), но он ведал делами лишь новоприсланных татар, которые по истечении года переходили в Кафе под юрисдикцию генуэзских чиновников (Устав Кафы 1449 г. ЗООИД, V, стр. 763).
- ⁵⁹ Там же, стр. 699—700.
- ⁶⁰ Там же, стр. 702—704.
- ⁶¹ Там же, стр. 675—679.
- ⁶² Там же, стр. 651—652.
- ⁶³ Там же, стр. 653.
- ⁶⁴ Там же, стр. 655 сл.: предусматривалось применение телесных наказаний и пыток.
- ⁶⁵ Там же, стр. 683.
- ⁶⁶ Там же, стр. 866.
- ⁶⁷ Там же, стр. 691 и 712.
- ⁶⁸ Там же, стр. 676 и 763.
- ⁶⁹ Там же, стр. 691.
- ⁷⁰ Там же, стр. 721—722.
- ⁷¹ Там же, стр. 676. Однако налог с лавок платили военному начальнику города (стр. 712).
- ⁷² Там же, стр. 699.
- ⁷³ Там же, стр. 649, 760—762. В Кафе, кстати сказать, существовал и налог за получение должности (там же, стр. 675), практиковалась и продажа выгодных должностей с публичных торгов (там же, стр. 747).
- ⁷⁴ Характерно, что право должностных лиц присваивать штраф и различные подати и сборы с населения — полностью или частично — предусматривает и Устав Кафы и других колоний (1449 г.). Например, полицмейстеру Кафы причитались деньги за каждого высеченного дозами, казенного или заклеянного человека, штраф с кабаков, торговавших ночью (ЗООИД, V, стр. 696—697); в личный доход консула Копы шли штрафы размерами до 50 аспров, налог с каждого вывезенного оттуда невольника и т. д. (там же, стр. 802, 804); он мог присвоить икру, заготовленную на месте до его приезда (там же, стр. 805), консулу в Танае назначалась в качестве жалования однопроцентная пошлина на ввозимые и вывозимые товары (там же, стр. 807).
- ⁷⁵ О взяточничестве неоднократно говорится и в Уставе Кафы (ЗООИД, V, стр. 681, 715, 784).
- ⁷⁶ Подробнее см.: Е. С. Зевакин и Н. А. Пенчко, ИЗ, 7, стр. 8 сл. 19—22.
- ⁷⁷ Там же, стр. 21.
- ⁷⁸ Там же, стр. 27.
- ⁷⁹ Устав Кафы 1449 г. ЗООИД, V, стр. 651, ср. стр. 682—683.
- ⁸⁰ E. Skrzinska, *Inscriptions latines* . . . , стр. 35 сл.; ср. ЗООИД, IX, стр. 401.
- ⁸¹ Устав Кафы 1449 г. ЗООИД, V, стр. 700—701.
- ⁸² С генуэзскими крепостными сооружениями Кафы знакомят книги: Н. С. Барсамов и А. Полканов. Феодосия. Прошлое города и археологические памятники. Феодосия, 1927; Н. С. Барсамов. Феодосия. Путеводитель. Симферополь, 1957.
- ⁸³ Рабочие-хамалы (*camalis*), являвшиеся грузчиками, упоминаются и в Уставе Кафы 1449 г. (ЗООИД, V, стр. 707). О квартале хамалов см.: В. Д. Смирнов. Крымское ханство. СПб., 1887, стр. 263—264.
- ⁸⁴ По Уставу Кафы 1449 г. (ЗООИД, V, стр. 718, § 16). Питейные дома, по тому же Уставу, были открыты только днем, но двум из них разрешалось торговать и ночью (там же, стр. 714).
- ⁸⁵ Там же, стр. 698, 711, 713 и 825 (прим. 70).
- ⁸⁶ За состоянием водопровода обязан был следить особый «смотритель за водой» (*custos aquarum*) (Устав Кафы 1449 г. ЗООИД, V, стр. 677).
- ⁸⁷ См.: Н. Н. Жуков. О древних гидротехнических сооружениях в ближайших окрестностях г. Феодосии. Сб. Феодосийск. отд. общ. по изучению Крыма, вып. 1. Феодосия, 1931, стр. 15—19.
- ⁸⁸ Один из них — с армянской надписью: «Бассейн в память Вардареса и супруги его Нур-Мелик. Лета 940» (=1491); Х. Кучук-Иоаннесов. Старинные армянские надписи. . . . Древности восточные. ТМАО, II, вып. 3, 1903, стр. 70. Другой «фонтан», также с надписью, относится к концу XIV в. См.: Л. М. Меликсет

Бек о в. Старинные армянские надписи в Музее Общества Истории и Древностей в Одессе. Тифлис, 1912, стр. 16 сл.

⁸⁹ Они названы в Уставе Кафы 1449 г. (ЗОИИД, V, стр. 704—707). Из них храм Агнесы считался кафедральным и был наиболее богатым: помимо частных пожертвований, к нему поступала особая подать с моряков. Латинские храмы частью были разрушены турками, частью были обращены в мечети, но и они не сохранились.

⁹⁰ Подробнее см.: Е. С. Зевакин и Н. А. Пенчко, ИЗ, 7, стр. 27.

⁹¹ Л. Колли. Кафа в период владения ею Банком св. Георгия. ИТУАК, вып. 47, 1912, стр. 88.

⁹² Монастырь Георгия и загородный монастырь св. Петра. См.: ЗОИИД, V, стр. 827.

⁹³ См.: А. Л. Якобсон. Армянская архитектура в Крыму. ВВ, VIII, 1956, стр. 166 сл.

⁹⁴ Подробнее см. там же, стр. 183—184.

⁹⁵ Сохранился почти весь монастырский ансамбль, правда разновременный, с хозяйственными постройками и двумя дворами; уничтожены только жилые помещения-клетушки, выходящие на галерею, которую поддерживали деревянные столбы (как в караван-сараях).

⁹⁶ В церкви были исключительные по тонкости резьбы три деревянные двери, украшенные растительным и геометрическим орнаментом; две из них позже были переданы в Феодосийский музей, третья была перенесена в церковь Михаила и Гавриила, а ныне хранится в Государственном Эрмитаже (Ленинград). См.: А. Л. Якобсон, ВВ, VIII, стр. 188, рис. 16.

⁹⁷ J. Saint-Martin, Journal Asiatique, II, 1823, стр. 24; W. Heyd. Histoire du commerce..., II, стр. 172 (ИТУАК, вып. 52, стр. 87).

⁹⁸ W. Heyd. Histoire du commerce..., II, стр. 392 (ИТУАК, вып. 52, стр. 168, прим. 2); Е. С. Зевакин и Н. А. Пенчко, ИЗ, 7, стр. 4.

⁹⁹ Х. Кучук-Иоаннесов. Древние армянские рукописи из Крыма. ИТУАК, вып. 47, 1912, стр. 114—115, 118.

¹⁰⁰ В восточной части церкви сохранилась композиция Деисуса и Тайной вечери; на западной стене — сцена Страшного суда и изображение человека, попирающего воню в кольчуге; кроме того, сохранились отдельные изображения архангелов, пророков и пр.

¹⁰¹ Н. Лапин. Судак. ГИЗ, 1928, стр. 48, 55; E. Skrzinska. Inscriptions latines..., рис. на стр. 32, 33, 91. Несколько неопубликованных фрагментов генуэзских строительных надписей с подобной орнаментикой хранятся в Феодосийском краеведческом музее.

¹⁰² О генуэзской Солдаи, помимо указанных работ по истории итальянских колоний в Крыму, см.: А. Полканов. Судак. Исторический очерк и путеводитель по крепости. Симферополь, 1926; С. А. Секиринский. Очерки истории Сурожа. Симферополь, 1955 (там же указана и литература). Обе работы содержат и общее описание крепости Солдаи.

¹⁰³ Они названы в генуэзских источниках. Их локализацию и расположение см.: А. Л. Бертъе-Делагард. Исследование некоторых недоумевших вопросов средневековья в Тавриде. ИТУАК, вып. 57, 1920, стр. 22—23 и карта.

¹⁰⁴ «...также Готия с ее селениями и ее народом, кои суть христиане, от Чембалло до Солдаи, также будут принадлежать великой коммуне (т. е. Генуе) и выше-названные селения (т. е. 18 селений около Солдаи), а также Готия, народ с землями и водами будут освобождены от власти империи» (т. е. татар) (цит. по: A. Vasiliev. The goths in the Crimea. Cambridge, 1936, стр. 178; П. Кеппен. О древностях южного берега Крыма (Крымский сборник). СПб., 1837, стр. 84—85). Под Готией здесь подразумевается, надо полагать, именно прибрежная полоса от Алушты на запад, «генуэзская область Готия», как ее назвал А. Л. Бертъе-Делагард (ИТУАК, вып. 57, стр. 19), а не горная «Готия», т. е. юго-западное нагорье, которым генуэзцы никогда не владели. Она, в сущности, и не названа в приведенном договоре.

¹⁰⁵ Кроме того, уже во второй половине XIV в. (не позднее 1374 г.) в наиболее крупных пунктах побережья существовали генуэзские консульства: в Горзоне (Гурзуфе?), Пергинике (т. е. Партените), Ялите (Ялте), Луске (Алуште), Босфоре (Керчи), Копории (Копе). См.: Устав Кафы 1449 г. (ЗОИИД, V, стр. 675, 676). Consulat Gorgonii, по мнению В. Юревича (там же, стр. 823, прим. 23), находился в Херсоне (Херсонесе), но это мало вероятно.

¹⁰⁶ В 20-х годах XV в. кафинские консулы не раз писали в Геную, что владельцы Феодоро распространяют свою власть на «Готию», которую они считали, по договору с татарами, своей (см.: Н. В. Малицкий. Заметки по эпиграфике Мангупа—ИГАИМК, вып. 71, 1933, стр. 42). Имелась в виду именно «приморская Готия», так как юго-западным нагорьем они не только никогда не владели, но на него и не претендовали. О слабости генуэзцев в приморском районе — в отдалении от Кафы и Солдаи — свидетельствует и та быстрота, с какой в 1433 г. захватил Чембалло князь Алексей, не встретивший там сильного сопротивления.

¹⁰⁷ Е. С. Зевакин и Н. А. Пенчко, ИЗ, 7, стр. 13.

¹⁰⁸ Устав Кафы 1449 г. (ЗОИИД, V, стр. 775—776).

¹⁰⁹ Братья Гуаско, «заботясь о приращении к своему богатству, захватили обширные участки земли вокруг Солдайи, так что жители Солдайи лишились возможности сеять хлеб, косить сено, заготавливать дрова. Солдайцы, вынужденные делать это не иначе, как на захваченной ди Гуаско земле, сделались зависимыми от них. И по их воле ходят к ним на работы. Ди Гуаско заставляют тех людей платить им сверх норм, установленных обычаями татар, нанося величайший вред и убыток жителям Солдайи». «Они установили четыре новых вида необычных налогов». Цит. по.: С. А. Секиринский. Очерки истории Сурожа, стр. 86, 89—91.

¹¹⁰ О «деле братьев Гуаско» см.: Е. С. Зевакин и Н. А. Пенчко, Изв. 7, стр. 12—14; С. А. Секиринский. Очерки истории Сурожа, стр. 75 сл.

¹¹¹ В позднейшее время этим развалинам татары дали название Чобан-Куле (Пастушья башня).

¹¹² Согласно Уставу Кафы 1449 г., гарнизон Солдайи состоял из двух подкомендантов (один — в крепости св. Креста, другой — в крепости св. Ильи), 20 наемных солдат (их старались набирать не из местного населения) и 8 оружен (конных стражников). Генуэзская администрация Солдайи включала, помимо консула с контроллировавшего его попечительского Совета (из двух человек), полицмейстера, следившего за торговлей на базаре, двух караульных у базарных ворот и двух — у «внешних ворот предместий», нотариа (письмоводителя), особого письмоводителя по греческому языку, двух рассыльных, музыканта, двух трубачей, цирюльника, «знающего хирургию», и мастера, «который бы проводил воду и смотрел за водопроводом» (ЗОИИД. V, стр. 768—772, 777, 779).

¹¹³ Наиболее ранняя дата строительства (1371 г.) установлена Е. Ч. Скрижинской (Е. S c r z i n s k a. *Inscriptions latines...*, стр. 107). 1414 год, как дату окончания крепости, усматривал В. Юргевич в строительной надписи воротной башни (ЗОИИД. V, стр. 173—174); Е. Ч. Скрижинская, исправляя чтение В. Юргевича, видит в этой надписи лишь указание на окончание постройки моста через ров крепости (*Inscriptions latines...*, стр. 119—120). Так или иначе, но надпись 1414 г. среди всех 11 сохранившихся строительных надписей Солдайи самая поздняя. При постройке крепости генуэзцы использовали, вероятно, и более старые укрепления, созданные здесь еще венецианцами.

¹¹⁴ Ниша в стене башни, в которой умещался поднятый мостик, видна и теперь.

¹¹⁵ В первом и втором этажах башни были устроены камини; в башню вел узкий сводчатый коридор.

¹¹⁶ Стены нетолстые, всего 1—1.5 м. Они сложены из известняка и песчаника на известковом растворе, плохо промешанном с добавкой морского песка.

¹¹⁷ Здание это генуэзцы превратили в католическую церковь, но, согласно надписи 1423 г., приписали построение ее целиком себе. После 1475 г. церковь стала турецкой мечетью, в XIX в. — православной церковью, теперь в ней помещается музей.

¹¹⁸ См.: Б. Н. Засыпкин. Памятники архитектуры крымских татар. «Крым». № 2 (4), 1927, стр. 134—139.

¹¹⁹ В XIII в. греки, как говорилось, составляли основную часть населения Сугдеи. После татарских погромов конца XIII и первой половины XIV в. (в 1299, 1322, затем 1327 и 1338 гг. — см.: Заметки на полях греческого синаксаря. ЗОИИД. V, стр. 596, 597, 611, 621, №№ 5, 11, 103, 181; В. Тизенгаузен, Сборник... стр. 195) Сугдея сильно запустела, о чем прямо говорит арабский путешественник Ибн-Бабуа, посетивший город в 30-х годах XIV в. (В. Тизенгаузен, Сборник... стр. 303), но этнический состав оставшегося или частью возвратившегося населения вряд ли сильно изменился.

¹²⁰ При Фредерико Астагвере, «достопочтенном консуле и коменданте Солдайи».

¹²¹ По словам Ибн-Батуты (1333 г.) (В. Тизенгаузен, Сборник... стр. 303), гавань Сугдеи была «одной из самых больших и самых лучших».

¹²² О том, что генуэзцы захватили этот поселок у греческих князей, упоминает и Мартин Броневский (1578 г.) (ЗОИИД. VI, стр. 343).

¹²³ Наряду с этим названием существовало и название Балыкая, упомянутое в «Хождении за три моря Афанасия Никитина» (1466—1472 г.) (см. издание АН СССР. серия «Литературные памятники», М.—Л., 1948, стр. 31, 50). Афанасий Никитин был проездом в Балаклаве в 1472 г., возвращаясь из Индии через Трапезунт.

¹²⁴ Об этом позволяет говорить сообщение падуанского хрониста Гатари о морском походе генуэзцев на Чембало в 1433 г. с целью вернуть под свою власть город, откуда незадолго перед тем генуэзцы были изгнаны владетелями Феодоро. См.: Л. Колл. Хаджи-Гирей-хан и его политика. ИТУАК, вып. 50, 1913, стр. 117.

¹²⁵ Надпись Чембало см.: В. Юргевич, ЗОИИД. V, стр. 158, 979; ЗОИИД. XI, стр. 319—320. Е. S c r z i n s k a. *Inscriptions latines...*, № 53—55 (стр. 129—134).

¹²⁶ Об этом сообщает дневник Гатари (ИТУАК, вып. 50, стр. 117).

¹²⁷ Фактические владения генуэзцев в западной части Крыма этим пунктом ограничивались.

¹²⁸ Оно в определенной степени сочеталось и с торговым значением, так как генуэзцы скупали здесь соленую рыбу и отправляли ее на запад.

¹²⁹ Уже в V—VI вв. здесь, как говорилось (см. главу I), была возведена крепость. В VIII в. в Инкермане возник монастырь. Инкерман обозначен и на компасных картах начала XIV в. См.: А. Л. Бертъе-Делагард. Каламита и Феодоро. ИТУАК, вып. 55, 1918, стр. 7.

¹³⁰ О крепости Каламита см.: А. Л. Бертъе-Делагард. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя. ЗООИД, XIV, 1886, стр. 179—183.

¹³¹ Там же, стр. 190—191, с чем большинство исследователей согласно. См.: Н. В. Малицкий. Заметки по эпиграфике Мангуна (ИГАИМК, вып. 71), 1933, стр. 27—28. Надпись гласит: «Построен храм сей с благословенной крепостью, которая ныне зрится, в дни господина Алексея, владельца города Феодоро и поморья и ктитора святых славных боговеченных великих царей и равноапостольных Константина и Елены в месяце октябре, индикта шестого, лета 6936», что соответствует 1427 г. См.: Сб. ГН, № 45, стр. 50—53.

¹³² О пещерных церквях Инкермана см.: А. Л. Бертъе-Делагард, ЗООИД, XIV, стр. 218—222. О надписи см.: Сб. ГН, № 32, стр. 37—40.

¹³³ Захват Чембалом князем Алексеем в 1433 г., иначе говоря, попытка закрепить положение Феодоро в «Приморье», вызвала энергичное противодействие генуэзцев: высланная в 1434 г. из Генуи карательная экспедиция (под начальством Ломеллино) не только восстановила в Чембало генуэзскую власть, но и обрушилась на Каламиту и сожгла ее. См.: Л. Колли, ИТУАК, вып. 50, стр. 110 сл.

¹³⁴ См.: А. Vasiliev. The goths in the Crimea. Cambridge, Mass., 1936, стр. 230.

¹³⁵ Еще в первой половине XVII в. Каламита (Инкерман, как его называли татары) оставался важным портом. По свидетельству попа Якова (1634 г.), к нему ведет «из моря пролива и тою проливом с моря приходят корабли от многих стран» (ЗООИД, II, 1848, ст. 688).

¹³⁶ Генуэзские правители были весьма встревожены строительством порта Каламиты в 1455 и следующих годах. См.: Н. В. Малицкий, ИГАИМК, вып. 71, стр. 39, 42; А. А. Vasiliev. The goths..., стр. 213. В Кафе тогда появились даже проекты нового захвата Каламиты, но перед лицом турецкой угрозы генуэзцы не решались на войну, наоборот, искали сближения с владельцами Феодоро.

¹³⁷ О княжестве Феодоро и Мангупе XIV—XV вв. см.: А. Л. Бертъе-Делагард, ИТУАК, вып. 55; Н. В. Малицкий, ИГАИМК, вып. 71; А. А. Vasiliev. The goths..., гл. V; М. А. Тиханова. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма. МИА, № 34, 1953, стр. 329—333.

¹³⁸ О Гаврасах см.: А. А. Васильев. Готы в Крыму. ИГАИМК, V, стр. 276—281. Имя Гаврасов сохранила и крымская топонимика: близ северного подножья горного массива Бойка (между рр. Бельбек и Коккозка) находится с. Гавры (совр. Отрадное Куйбышевского района). На это уже обратил внимание А. И. Маркевич. (Географическая номенклатура Крыма как исторический источник. ИТОИАЭ, II, 1928, стр. 24). В так называемой Бархатной книге (Родословная книга князей и дворян Российских и выезжих, ч. II, изд. Н. Новикова, М., 1787), составленной в XVI в. по старым источникам, про род Ховриных (Гаврасов) сказано, что к великому князю Василию I (1389—1425) «приде князь Степан Васильевич и сын его Григорей с своей вотчины из Суздака, да из Кафы» (стр. 270). В других списках Родословной добавлено: «... из своей вотчины с Судака, да из Мангуна, да из Кафы» (П. Кеппен. Крымский сборник, стр. 291, прим.; Временник Московского общества истории и древностей российских, кн. X, 1851, матер., стр. 89). Но скорее всего вотчина Гаврасов в восточной части Крыма находилась все же на территории именно «Готии», т. е. княжества Феодоро, доходившего в приморской части до Алушты (см. ниже), т. е. до района, смежного с Судаком (Солдайей) и Кафой. На эти владения греческих помещиков не раз, по-видимому, нападали генуэзские феодалы братья Гуаско (см. стр. 118). Н. В. Малицкий (ИГАИМК, вып. 71, стр. 25) полагал, что в конце XIV в. все эти вотчины могли еще не принадлежать Стефану Гаврасу и что упоминание их в Родословной могло отражать факт более поздний. Так или иначе, но названные вотчины Гавраса вряд ли можно связать с генуэзской территорией.

¹³⁹ Наряду с названием княжества Феодоро (у генуэзцев Theodorus, Tedori, Latedoro, даже Thodoreza и т. д.) продолжало держаться и название Готия (в греческих и генуэзских источниках); в XV в. генуэзцы иногда называли его Алексой.

¹⁴⁰ Один из них носил имя Хуитани (в надписи 1361—1362 гг.), другой — Чичикий (?) (в обрывке надписи 1380-х годов). Но первый из них одновременно имел и христианское имя Дмитрий и скорее всего принадлежал к греческой феодальной фамилии. См.: Н. В. Малицкий, ИГАИМК, вып. 71, стр. 5 сл., 9 сл., 19.

¹⁴¹ Н. В. Малицкий, ИГАИМК, вып. 71, стр. 9 сл. Название Поика нельзя не сопоставить с упомянутым нынешним названием горы Бойка (на что также указывал А. И. Маркевич — ИТОИАЭ, II, 1928, стр. 24), на плато которой имеются остатки крепостных стен, четырехугольного храма (Спаса?), раскопки которого начаты О. И. Домбровским, и средневековых поселений, еще ждущих своего исследователя.

¹⁴² Именно через Каламиту в XV в. татары, а затем турки направили свою заморскую торговлю; татарские князьки не раз находили убежище в Феодоро, а сын

князя Алексея даже носил татарское имя Олобей, что может быть объяснено связями этого греческого князя с татарским ханом Хаджи-Гиреем (см.: Н. В. М а л и ц к и й, ИГАИМК, вып. 71, стр. 40—41). По словам генуэзского консула Кафы (август 1455 г.), «они (т. е. владетели Феодоро) хвастают, что пока жив их отец и владыка хан татарский, они никого не боятся» (там же, стр. 39). Перемена политической ориентации и установление связей и даже союза с генуэзцами наступили лишь позднее — в конце 60-х или начале 70-х годов XV в. (там же, стр. 41—42), с усилением турецкой угрозы, одинаково нависшей и над княжеством Феодоро, и над генуэзской Кафой.

¹⁴³ Устав Кафы 1449 г. ЗООИД, V, стр. 725. Имелось в виду, конечно, не татарское государство, на торговлю с которым указывают генуэзско-татарские монеты, а именно греческое княжество Феодоро.

¹⁴⁴ О татарском опустошении начала XIV в. в местах, соседних с районом Солдайи-Сутдеи, сообщает грамота константинопольского патриарха от 1317—1318 гг. (ЗООИД, VI, стр. 445). Последующие татарские погромы начала XIV в. (1308, 1322 и 1327 гг.) были направлены преимущественно против Кафы и Солдайи.

¹⁴⁵ В. Д. Смирнов. Крымское ханство, стр. 131.

¹⁴⁶ По сообщению арабского писателя Ибн-эль-Варди (В. Тизенгаузен, Сборник..., стр. 530) и западных источников; W. Heyd. Histoire du commerce..., II, стр. 196 (ИТУАК, вып. 52, стр. 115); А. А. Васильев. The goths..., стр. 176. Ибн-эль-Варди сообщает, что число погибших в Крыму от чумы достигло 85 тыс. человек.

¹⁴⁷ В. Д. Смирнов. Крымское ханство, стр. 148, 169.

¹⁴⁸ Л. Колли. Исторические документы о падении Кафы. ИТУАК, вып. 45, 1911, стр. 17.

¹⁴⁹ Достаточно для сравнения сказать, что в 80-х годах XVIII в., до массовой эмиграции татар, общее количество жителей в Крыму вместе с городским было не более 260—280 тыс., в том числе сельского не более 230 тыс. См.: Б. П. Вологодин. К вопросу о численности населения в Крыму. «Крым», № 1 (3), 1927, стр. 105.

¹⁵⁰ Сб. ГН, № 70, стр. 78—79; Н. И. Репников. Партенитская базилика. ИАК, вып. 32, стр. 103—105.

¹⁵¹ Грамоты константинопольского патриарха, относящиеся к концу XIV в., посвященные спору между Херсонским епархом и Готским относительно округа Кинсанус (в районе Алушты), показывают, что этот небольшой район, соседний с Сутдейской епархией, принадлежал именно Готской и соответственно входил в княжество Феодоро (см.: А. Л. Бертье-Делагард, ИТУАК, вып. 57, стр. 60).

¹⁵² Там же, стр. 59—62.

¹⁵³ А. Л. Бертье-Делагард (ИТУАК, вып. 57, стр. 62) убедительно указывал, что «без этого было бы почти невозможно сообщение Феодоро... с Кинсанусом и южным берегом».

¹⁵⁴ Там же, стр. 65.

¹⁵⁵ А. Л. Бертье-Делагард, ИТУАК, вып. 55, стр. 16—19.

¹⁵⁶ Об этом упоминает М. Броневский (ЗООИД, VI, стр. 343) и русские источники [Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. IX. СПб., 1843, стр. 75 и прим. 247 (1569 г.) и 406 (1572 г.)].

¹⁵⁷ См.: Л. Колли. Исторические документы о падении Кафы. ИТУАК, вып. 45, 1911, стр. 17.

¹⁵⁸ Представление о дворце можно составить по раскопкам Р. Х. Лепера в 1912 г. (см.: ИАК, вып. 47, 1913, стр. 78—79 и 149—154) и раскопкам 1938 г. (см.: Памятники юго-западного Крыма, МИА, № 34, 1953, стр. 391—418). Постройка дворца датируется надписью 1425 г. О надписи см.: Н. В. Малицкий, ИГАИМК, вып. 71, стр. 33—35.

¹⁵⁹ См.: МИА, № 34, стр. 414—415.

¹⁶⁰ Сб. РИО, т. 41, 1884 (=Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом и ногайскими ордами, I), стр. 12—13.

¹⁶¹ Р. Х. Лепер. Археологические исследования на Мангупе в 1912 г. ИАК, вып. 47, 1913, стр. 149.

¹⁶² Н. В. Малицкий, ИГАИМК, вып. 71, стр. 20, 45. На этих надписях помещены два герба. Один из них — это герб Генуи в виде креста, в чем вряд ли можно видеть, следуя А. А. Васильеву, знак признания правителями Феодоро номинальной власти генуэзцев над территорией княжества (наоборот, в 20-х годах XV в. Алексей стремился изгнать их из западного Крыма, отняв у них Чембало); скорее этот герб, как указывал Н. В. Малицкий (стр. 29), обозначал притязания Алексея на приморские районы Крыма, захваченные генуэзцами (прежде всего Чембало). Другой герб — двуглавый орел, являвшийся гербом последней византийской династии Палеологов, что вернее всего объясняется брачными связями рода Алексея с трапезунтскими Палеологами (стр. 30—32).

¹⁶³ Эмиддио Дортелли д'Асколи. Описание Черного моря и Тарии (1634 г.). ЗООИД, XXIV, 1902, материалы, стр. 121.

¹⁶⁴ А. Л. Бертье-Делагард, ИТУАК, вып. 55, стр. 15—17, 28.

¹⁶⁵ ЗООИД, VI, стр. 343.

¹⁶⁶ По свидетельству упомянутого д'Асколи (1634 г.), «город почти разрушен и мало населен; его жители — греки, турки и евреи, но более всего евреев, возделывающих большое количество кож» (ЗООИД, XXIV, матер., стр. 124). Боплан (середина XVII в.) называет число жителей — евреев около 60 семей (П. К е п п е н, Крымский сборник, стр. 267).

¹⁶⁷ В XVIII в., по сведениям, собранным П. Кеппеном (Крымский сборник, стр. 290), евреев на Мангупе насчитывалось до 300 семей, но к 1783 г. число их уменьшилось до 70. Еще в 1775 г., как указано на плане Мангупа того времени, его населяли преимущественно евреи (А. Л. Б е р т ь е - Д е л а г а р д, ИТУАК, вып. 55, стр. 10, прим. 1).

¹⁶⁸ См.: В. Д. С м и р н о в. Крымское ханство, стр. 102. Впервые это название находим у Абульфеда (1321 г.).

¹⁶⁹ По словам Ибн-Халдуна (умер в 1406 г.), когда несогласные между собой эмиры после смерти Бирдибека стали править «самостоятельно в провинциях, то Мамай вступил в Крым, поставил ханом отрока из детей Узбека по имени Абдуллаха и двинулся с ним в Сарай». Однако здесь его постигла неудача, после чего «Мамай отправился в Крым и стал править им независимо». По Ибн-Халдуну, это произошло в 1374—1375 гг. и продолжалось до 1380 г., когда в борьбе с Тохтамышем он погиб (см.: В. Г. Т и з е н г а у з е н. Сборник..., стр. 389—391). Начиная с 1357 г. (смерть Джанибека) и до появления Мамай «Крым оставался совершенно без призора» (В. Д. С м и р н о в. Крымское ханство, стр. 131).

¹⁷⁰ В. Д. С м и р н о в. Крымское ханство, стр. 119—122.

¹⁷¹ Там же, стр. 105.

¹⁷² См.: Н. В. М а л и ц к и й, ИГАИМК, вып. 71, стр. 11—13.

¹⁷³ Хотя Тимур-Кутлуг и был провозглашен золотоордынским ханом, но правил лишь в Крыму. В ярлыке среди прочих назван и Кырк-Ер. См.: В. Д. С м и р н о в. Крымское ханство, стр. 169.

¹⁷⁴ Там же, стр. 248.

¹⁷⁵ Там же, стр. 116.

¹⁷⁶ Там же, стр. 103.

¹⁷⁷ О Кырк-Ере, как об убежище, говорит и Абульфеда (1321 г.).

¹⁷⁸ В. Д. С м и р н о в. Крымское ханство, стр. 120.

¹⁷⁹ См.: О. А к ч о к р а к л ы. Новое в истории Чуфут-Кале. ИТОИАЭ, II, 1928, стр. 168.

¹⁸⁰ См.: Б. Н. З а с ы п к и н, «Крым», № 2 (4), 1927, стр. 125—126; О. Акчокраклы (ИТОИАЭ, II, стр. 166) сомневается в правильности такой датировки, а старая строительная надпись исчезла.

¹⁸¹ Б. Н. Засыпкин справедливо считал, что портал пристроен позже.

¹⁸² А. Л. Б е р т ь е - Д е л а г а р д, ИТУАК, вып. 57, стр. 114.

¹⁸³ Об Эски-Юрте и его могильнике см.: А. Б а ш к и р о в и У. Б о д а н и н - с к и й. Памятники крымско-татарской старины. «Новый Восток», № 8—9, 1925; о датах надгробий (1369, 1390, 1407, 1410, 1419 гг.) см. стр. 307—308.

¹⁸⁴ Надгробия в виде архитектурной модели храма известны в греческой культуре юго-западного Крыма еще в XIII в. (см. главу IV); татарские надгробия в этом отношении следовали, вероятно, старой местной традиции.

¹⁸⁵ О памятнике см.: Б. Н. З а с ы п к и н, «Крым», № 2 (4), стр. 117—118.

К главе VI

¹ Капитальный труд по истории Крымского ханства, преимущественно политической, принадлежит В. Д. Смирнову (Крымское ханство. СПб., 1887). Хороший популярный очерк истории крымских татар написан С. В. Бахрушиным (Основные моменты истории Крымского ханства. «История в школе», 1936, № 3, стр. 29—61). Экономическую характеристику крымских татар в XV—XVI вв. см.: В. Е. Сыроечковский. Мухаммед-Герай и его вассалы. Уч. зап. МГУ, вып. 61, 1940. Для знакомства с экономикой Крымского ханства в XVII—XVIII вв. важна работа Ф. Ф. Лашкова «Исторический очерк крымско-татарского землевладения» (ИТУАК, вып. 21, 22, 23, 24, 25, 1895—1896; отд. изд.: Симферополь, 1897). О внутри- и внешнеполитическом положении Крымского ханства и об отношениях с Русским государством во второй половине XV, в XVI и XVII вв. см.: К. В. Б а з и л е в и ч. Внешняя политика Русского централизованного государства, вторая половина XV в. М., 1952, гл. II и III; И. И. С м и р н о в. Восточная политика Ивана III. ИЗ, 27, 1948, стр. 18—66; В. Е. Сыроечковский, Уч. зап. МГУ, вып. 61; А. А. Н о в о с е л ь с к и й. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М., 1948; Н. Б. Г р е к о в. Очерки по истории международных отношений восточной Европы. М., 1963. Столетней давности очерк Ф. Хартаха (Историческая судьба крымских татар. Вестник Европы, 1866, июнь, стр. 182—236; 1867, июнь, стр. 140—174) после выхода перечисленных исследований в значительной степени устарел.

² О родовом строе монголов см.: Б. Я. В л а д и м и р ц о в. Общественный строй монголов. Л., 1934, стр. 46 сл.

- ³ В XVIII в. их кочевья к западу доходили до Дуная.
- ⁴ По сообщению доминиканского монаха-миссионера Ж. де Люка (Описание перекопских и ногайских татар; около 1625 г.), у одного из мурз ногайских татар было 400 тыс. голов скота (ЗООИД, XI, 1879, стр. 486).
- ⁵ О родовом строе татар неоднократно сообщают современники, например: Э. Дортелли д'Асколи. Описание Черного моря и Татари (1634 г.) (русский перевод: Н. Пименов, ЗООИД, XXIV, 1902, стр. 114); M. de Peyssonel. *Traité sur le commerce de la Mer Noire*, t. II. Paris, 1787, стр. 267—279, 300—309.
- ⁶ См.: Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 87—120.
- ⁷ М. Броневский. Описание Татари (1578 г.). ЗООИД, VI, стр. 355.
- ⁸ Статейный список Василия Антемирова. ЗООИД, XIX, 1896, матер., стр. 7; ср.: т. XVIII, 1895, матер., стр. 16.
- ⁹ Французский консул в Крыму Пейсонель (середина XVIII в.), предлагая хану проекты различных реформ, в частности проект раздачи пустующих земель, принадлежащих мурзам, получил от одного татарского вельможи ответ, что дворянство слишком сильно в Крыму, а монарх не настолько абсолютен, чтобы отважиться на подобное нововведение (M. de Peyssonel. *Traité sur le commerce de la Mer Noire*, I, 1787, стр. 10).
- ¹⁰ Выразительную картину изгнания хана в конце XVII в. дает упомянутый В. Антемиров, см.: ЗООИД, XVIII, 1895, матер., стр. 47, 50.
- ¹¹ О феодализации татарского общества см.: С. В. Бахрушин, «История в школе», 1936, № 3, стр. 32.
- ¹² См.: Ф. Ф. Лашков. 1) Архивные данные о бейликах в Крымском ханстве. Тр. VI АС, IV, 1889, стр. 100—109; 2) ИТУАК, вып. 22, 1895, стр. 67—73.
- ¹³ С. В. Бахрушин, «История в школе», 1936, № 3, стр. 32.
- ¹⁴ Подробнее см.: В. Е. Сыроечковский, Уч. зап. МГУ, вып. 61, стр. 4—8.
- ¹⁵ О территории перекопских и ногайских татар см., например: M. de Peyssonel. *Traité sur le commerce de la Mer Noire*, II, стр. 300 сл.; «Описание» татар Ж. де Люка (ЗООИД, XI, стр. 474, 485), а также сочинение Боплана (XVII в.) («Северный архив», 1825, № 11, стр. 324).
- ¹⁶ Михаил Литвин. О правах татар, литовцев и москвитян. Русский перевод. «Архив ист.-юридич. сведений, относящихся до России, изд. Н. Калачовым», кн. 2, половина 2-я, М., 1854, стр. 15.
- ¹⁷ Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московских делах. Перевод А. И. Малеина, СПб., 1908, стр. 144.
- ¹⁸ М. Броневский, ЗООИД, VI, стр. 357.
- ¹⁹ См.: Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 37—38.
- ²⁰ Михаил Литвин. О правах татар, литовцев и москвитян, стр. 13—15.
- ²¹ ЗООИД, VI, 1867, стр. 357. О том, что «кочующие татары не употребляют хлеба» и что «лошадиное мясо вкуснее для них всякой другой пищи», рассказывает Боплан (XVII в.) («Северный архив», 1825, № 11, стр. 325), Ж. де Люк (1625 г.) (ЗООИД, XI, стр. 478, 485).
- ²² По свидетельству Ж. де Люка, у ногайских татар очень много скота. «Вот почему они никогда не остаются на одном месте, а беспрестанно переходят, отыскивая новые пастбища» (ЗООИД, XI, стр. 486). Итальянец (префект Кафы, Татари и пр.) Дортелли д'Асколи (1634 г.) рассказывает, что татары-ногайцы «не сеют и не жнут, но питаются полусырым мясом, преимущественно кониной, и пьют кобылье молоко... Хотя многие из... ногайцев живут привольно, тем не менее среди простонародья немало таких, которые никогда не сеют хлеба, а ногайцы, живущие в Скифии, не знают даже, что такое хлеб» (ЗООИД, XXIV, 1902, стр. 130). Ногайцы, по словам д'Асколи, «не имеют постоянных жилищ в деревнях, а живут в степи, на повозках... Там они варят пищу, сделав наверху отверстие для дыма, а также едят и спят... На этих повозках, запряженных волами, (они) переезжают с места на место в поисках пастбища для скота» (там же, стр. 130). Аналогичное сообщение у Михаила Литвина (О правах татар, литовцев, москвитян, стр. 13).
- ²³ Пейсонель (середина XVIII в.) писал, что степные татары (ногайские, имеется в виду знать) «совсем не имеют земельной собственности; позором у них считается обрабатывать для себя землю. Добро их заключается в стадах рогатого скота, лошадей и рабах» (M. de Peyssonel. *Traité sur le commerce de la Mer Noire*, t. II, стр. 304).
- ²⁴ Ф. Лашков, ИТУАК, вып. 23, 1895, стр. 97.
- ²⁵ Путешествие в Тану Иосафато Барбаро. Русский перевод: Библиотека иностранных писателей о России, издаваемая трудами В. Семенова. Барбаро. СПб., 1836, стр. 36—38. Барбаро рассказывает: «В исходе февраля по всей орде громогласно возвещают желающим делать посев, чтобы они заблаговременно приготовили все, для того нужное; ибо в такой-то день марта предположено отправиться к такому-то месту, избранному для посева. По этому объявлению все желающие немедленно делают свои приготовления: насыпают семенной хлеб на повозки и отправляются с рабочим скотом, женами и детьми или только с частью своих семейств к назначенному

месту, которое обыкновенно бывает не далее двух дней пути от пункта, где находилась Орда во время воззвания приказа о посеве. Тут они остаются до тех пор, пока вспашут землю, посеют хлеб и окончат полевые работы и потом уже возвращаются назад в Орду. . . . Когда же хлеб созреет, то все желающие, как сеятели, так и покупатели, отправляются туда для жатвы с повозками, волами, верблюдами и со всем нужным, как бы на собственную мызу».

²⁶ Например, сообщается, что татары «пришли на пашню на Орел, и на Самару и на Овечью Воду, туто пашню пашут» (донесение 1491 г. — Сб. РИО, т. 41, 1884, стр. 113); сообщается, что Менгли-Гирей «улусы свои на пашни и на жито распустил» (донесение 1491 г. — там же, стр. 108); «Орда пошла была к просом» (имеются в виду места между Валуйкой и Донцом; донесение 1491 г. — там же, стр. 118); «Орда пашню пахала на Куме» (донесение 1492 г. — там же, стр. 149); татары сообщают, что «нынешние дни у нас завсе о те поры жнут» (там же, стр. 414); не раз в татарских грамотах выступление на войну ставится в зависимость от сбора урожая: Менгли-Гирей не пойдет ратью, пока «хлеб свой возмет» (донесение 1491 г., — там же, стр. 117) или «как житиво будет» (донесение 1493 г. — там же, стр. 187, 190, 191); или «как житю поспеет и мы . . . дело королево сделаем» (Сб. РИО, т. 95, стр. 20), или «учнем его воевати, как житю поспеет» (там же, стр. 39).

²⁷ Книга Большому Чертежу. Под ред. К. Н. Сербиной, М.—Л., 1950, стр. 66. Полба — вид пшеницы, похожей на ячмень. Основной сельскохозяйственной культурой у татар в XV в. Шильдбергер называет просо (Зап. Новороссийск. ун-в., I, 1867, стр. 55).

²⁸ Сб. РИО, т. 41, стр. 167.

²⁹ Так, Мухаммед-Гирей (1515—1523) просил московского царя Василия III разрешить крымским купцам закупать хлеб и мед в Путивле (В. Е. Сыроечковский, Уч. зап. МГУ, вып. 61, стр. 12).

³⁰ Так, в 1645 г. султан запретил доставку хлеба из Константинополя в Крым, так как турецкие суда участвовали в средиземноморской войне. См.: А. А. Новосельский. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М., 1948, стр. 342, ср. стр. 418.

³¹ Там же, стр. 418.

³² В. Е. Сыроечковский, Уч. зап. МГУ, вып. 61, стр. 14. Аргумент этот не утратил значения и в XVII в. Турецкий историк Наима передает следующий ответ одного из татарских мурз посланнику султана в связи с татарскими набегами на Русь в 1648 г.: «А ведь есть больше ста тысяч татар, не имеющих ни земледелия, ни торговли: если им не делать набегов, то чем же они жить станут». Цит. по: В. Д. Смирнов. Крымское ханство, стр. 541.

³³ А. Новосельский. Борьба Московского государства. . . , стр. 390. В 1644 г., испрашивая у турецкого султана разрешение на поход в Московию, необходимость такого похода крымский хан обосновал тем, что в Крыму «меженина, хлеб не родился четыре года и от того де они (татары) голодни» (там же, стр. 333).

³⁴ ЗООИД, XI, стр. 479.

³⁵ ЗООИД, XXIV, стр. 123.

³⁶ А. А. Новосельский. Борьба Московского государства. . . , прилож. I и II, стр. 427—436.

³⁷ ПСРЛ, XX, вторая половина, стр. 453—454: «правду великому князю дали, что им, живучи в Крыму, служити великому князю прямо и добра хотети». Через Сулешевых московское правительство стремилось оказывать влияние на татарскую политику (как, впрочем, и татарские ханы использовали их для воздействия на московских государей), узнавало о военных планах татар, о их походах, о политической жизни Крымского ханства, о придворных расприх. За это Сулешевы получали богатые «поминки», которых они требовали и добивались. Подробнее см.: С. О. Шмидт. К характеристике русско-крымских отношений второй четверти XVI в. Сб. «Международные связи России до XVII в.», М., 1961, стр. 367—375. Бен Сулешевы и в дальнейшем, в течение всего XVII в., продолжали по традиции ведать сношениями Крымского ханства с Москвой. См. донесения московского гонца В. Антемирова (конец XVII в.): ЗООИД, XVIII, 1895, матер., стр. 17, 74.

³⁸ А. А. Новосельский. Борьба Московского государства. . . , стр. 337, 349.

³⁹ Об этом сообщает Михаил Литвин (О нравах татар, литовцев и москвитян, стр. 9, 11) и де Люк (ЗООИД, XI, стр. 481). Выразительные картины опустошительных татарских набегов на южнорусские и польские земли в XVII в. оставили нам современные события — Боплан («Северный архив», 1825, № 11, стр. 327—329) и Дортелли (ЗООИД, стр. 123—124). Несколько изменилась картина только в XVIII в. По словам Василия Зуева (был в Крыму в 1782 г.), «воинский снаряд (татар) состоит в ружье, сабле, одной или двух парах пистолет, дукке и стрелах, а всего главнее, чтоб была добрая лошадь. Воюют более как разбойники, не внимая ни человечеству, ни правам» (Выписки из путешественных записок Василия Зуева, касающихся до полуострова Крыма. 1782 г. Месяцеслов исторической и географической на 1783 г. СПб., при имп. Академии наук, стр. 148).

- ⁴⁰ Боплан, «Северный архив», 1825, № 11, стр. 329.
- ⁴¹ А. А. Новосельский. Борьба Московского государства... стр. 426. Сводка данных о русском полоне см.: М. Н. Бережков. Русские пленники и невольники в Крыму. Тр. VI АС, т. II, Одесса, 1888, стр. 345 сл.
- ⁴² Дортелли, ЗООИД, XXIV, стр. 124.
- ⁴³ Михаил Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян, стр. 21; ср.: Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московитских делах, стр. 144.
- ⁴⁴ Peyssonel, Traité sur le commerce de la Mer Noire, I, стр. 177.
- ⁴⁵ Этот порядок был обязательным (см.: А. Новосельский. Борьба Московского государства... стр. 183, 332, 334, 342). Турецкий султан нередко поощрял военные предприятия татар, так как турецкая сторона сама была заинтересована в невольниках. Так, в 1647 г. их во множестве увозили из Крыма в Турцию для использования в войне с французами (там же, стр. 390). Ср. слова В. Зуева (1782 г.) об обязательствах хана по отношению к туркам: «Войны без позволения турецкого двора ни с кем не начинать ниже мира заключать» (Месяцеслов исторической и географической на 1783 г., стр. 161).
- ⁴⁶ А. Новосельский. Борьба Московского государства... стр. 419. Относительно нищеты татарской массы очень выразительно замечание С. Герберштейна (середина XVI в.): татарский «народ... носит одежду, сшитую из овечьих шкур, и меняет ее только тогда, когда от долгого употребления она станет совершенно потертой и разорванной» (Записки о Московитских делах, стр. 143).
- ⁴⁷ А. Новосельский. Борьба Московского государства... стр. 421. прим.
- ⁴⁸ Там же, стр. 421.
- ⁴⁹ Там же, стр. 393—394.
- ⁵⁰ Об этом говорит М. Броневский (ЗООИД, VI, стр. 357).
- ⁵¹ На это обращает внимание В. Е. Сыроечковский (Уч. зап. МГУ, вып. 61. стр. 14).
- ⁵² Там же, стр. 13. О пожалованиях земель в районе Керчи и южного берега см.: Тарханные ярлыки 1468 и 1517 гг. — ЗООИД, VIII, 1872, приб. к сб. матер., стр. 13, 19; ярлыки второй половины XVI в. см.: В. Д. Смирнов. Татарско-ханские ярлыки из колл. ТУАК, ИТУАК, вып. 54, 1918, стр. 14—18.
- ⁵³ М. Броневский, ЗООИД, VI, стр. 357.
- ⁵⁴ ЗООИД, XXIV, стр. 130.
- ⁵⁵ О «несклонности татар к хлебопашеству» говорит и упоминавшийся Василий Зуев (1782 г.): «Из ста татар один пашет и сеет и собирает с избытком жатву как для себя, так и другим на продажу» (Месяцеслов исторической и географической на 1783 г., стр. 125—126). Татарин, по его словам, думает прежде всего о том, «что был бы лишь баран жирной и столько хлеба, сколько ему с сим бараном съесть надобно, так он и доволен» (там же, стр. 130).
- ⁵⁶ Ф. Ф. Лашков, ИТУАК, вып. 23, 1895, стр. 96.
- ⁵⁷ Там же, стр. 95—96. О слабой заинтересованности татарских феодалов в рабской силе для земледелия свидетельствует и тот факт, что пленники-рабы, которые использовались мурзами в своих поместьях, через 6 лет получали свободу. Так было по крайней мере в XVI в. (по сообщению Герберштейна. См.: В. Сыроечковский, Уч. зап. МГУ, вып. 61, стр. 16).
- ⁵⁸ Об этом дают представление тарханные ярлыки татарским феодалам еще XIV в. См.: В. В. Радлов. Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга. ЗВОРАО. III, 1889, стр. 21 сл.; А. Ю. Якубовский и Б. Д. Греков. Золотая Орда. 1937, стр. 85—87. Феодалные повинности местного населения отнюдь не исчезли и в следующие столетия. См.: Ф. Ф. Лашков. 1) Тр. VI АС, IV, стр. 104—105; 2) ИТУАК, вып. 23, стр. 88.
- ⁵⁹ См.: Ф. Ф. Лашков. Сельская община в Крымском ханстве. Симферополь, 1887, стр. 51. Ср. рецензию на эту работу: «Киевская старина», 1888, январь—март, стр. 14—16.
- ⁶⁰ Ф. Лашков, Сельская община... стр. 37.
- ⁶¹ Там же, стр. 38. Характерно, что и с захваченных участков пашни каждая пятая копка шла в пользу общины.
- ⁶² Ф. Лашков. Сельская община... стр. 43, ср. стр. 47, где говорится о праве наследственной собственности общинников, но с запрещением продавать и отдавать эту землю в аренду.
- ⁶³ Ф. Лашков, ИТУАК, вып. 22, 1895, стр. 42.
- ⁶⁴ В. Е. Сыроечковский, Уч. зап. МГУ, вып. 61, стр. 14.
- ⁶⁵ Об упадке городов в XVI в. писал Мартин Броневский (ЗООИД, VI, стр. 348).
- ⁶⁶ Боплан, «Северный архив», 1825, № 11, стр. 323.
- ⁶⁷ Дортелли, ЗООИД, XXIV, стр. 118, ср.: Voyages du chevalier Chardin en Perse et autres lieux de l'Orient, t. I. Ed. L. Langlès, Paris, 1811, стр. 125—130.
- ⁶⁸ Voyages du chevalier Chardin... I, стр. 130.
- ⁶⁹ M. de Peyssonel. Traité sur le commerce de la Mer Noire, I, стр. 165.
- ⁷⁰ С. В. Бахрушин, «История в школе», 1936, № 3, стр. 38.

⁷¹ ЗООИД, XXIV, стр. 100.

⁷² Подробную характеристику ввоза в Крым в XVIII в. дает Нейсонель (*Traité sur le commerce de la Mer Noire*, I, стр. 27—115).

⁷³ Барбаро (середина XV в.) дает яркую картину такого базара: «Лишь только хан изберет место для своего жительства, немедленно приступают к устройству базара, наблюдая притом, чтобы улицы были сколь можно шире . . . После устройства базара тотчас начинают делать печи, в которых татары варят и жарят мясо и приготавливают лакомства из молока, масла и творога . . . При орде во всякое время неотлучно находятся сукновалы, кузнецы, оружейники и всякого рода мастеровые» (стр. 31).

⁷⁴ Грамота хана Менгли-Гирея от 1504 г. упоминает о пожаловании одному знатному татарину «отца его место и базар и волости» (Сб. РИО, т. 41, стр. 518); в другом сообщении (от 1517 г.) говорится о походе хана «и с ордою, и с базаром, да и с детьми с своими, с салтаны, и с уланы, и со князми, и с мурзами и со всеми своими улусы и со всеми людьми» (Сб. РИО, т. 95, стр. 387).

⁷⁵ М. Броневский, ЗООИД, VI, стр. 357.

⁷⁶ Так, в 1495 г. хан Менгли-Гирей просил Ивана III прислать ему ювелиров (Сб. РИО, т. 41, стр. 220); для сооружения укреплений Перекопа турки, по просьбе татар, прислали в 1504 г. 1000 человек с мастерами из своих крымских владений — из Кафы и Мангуша (Сб. РИО, т. 41, стр. 540); в 1508 г. Менгли-Гирей просил Василия III о присылке мастеров-каменщиков (Сб. РИО, т. 95, стр. 21).

⁷⁷ См.: Дортелли (1634 г.), ЗООИД, XXIV, стр. 120.

⁷⁸ В 1793 г., по Палласу, в городе был 1561 дом с населением в 5776 чел. (ЗООИД, XII, 1881, стр. 77).

⁷⁹ См.: Ф. Лашков. К вопросу о количестве населения Таврической губ. в начале XIX в. ИТУАК, вып. 53, 1916, стр. 160; В. П. Вологдин. К вопросу о численности населения в Крыму до завоевания его русскими. «Крым», № 1 (3), 1927, стр. 105.

⁸⁰ «Славна татарских ножей распространена во всем мире. Они действительно имеют хорошую закалку и довольно красивую форму» (M. de Peussone l. *Traité sur le commerce de la Mer Noire*, I, стр. 143—144).

⁸¹ Там же, стр. 147.

⁸² Выразительное описание бахчисарайских цехов и празднеств, связанных с посвящением в мастера, см.: Н. В. Никольский. Бахчисарай и его окрестности. Симферополь, 1924; 2-е изд., 1927, стр. 12—24.

⁸³ В. Гордлевский. Организация цехов у крымских татар (из поездки в Карасубазар). Труды Этнографо-археологического музея I МГУ, IV, 1928, стр. 56—65.

⁸⁴ См.: Вл. Гордлевский. Государство Сельджуков Малой Азии. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 104—112.

⁸⁵ Сб. РИО, т. 41, стр. 220.

⁸⁶ ЗООИД, VI, стр. 344.

⁸⁷ Примером может служить Sirçali medrese 1258 г. в Конии. См.: *Belleten. Revue, publiée par la Société d'histoire turque*, XXV, 1961, Juillet, N 99, стр. 355 сл., 392—393.

⁸⁸ Об архитектуре мавзолея см.: Б. Н. Засыпкин. Памятники архитектуры крымских татар. «Крым», № 2 (4), 1927, стр. 126—127.

⁸⁹ Там же, стр. 120—124.

⁹⁰ Так вполне убедительно датирует здание Б. Н. Засыпкин [«Крым», № 2 (4) стр. 124].

⁹¹ Дворец сильно пострадал в 1736 г. при взятии русскими войсками Бахчисарая; он пострадал также во время русско-турецких войн 1738 и 1771 гг. Правда, в 1740 г. дворец начали восстанавливать: некоторые его части даже вновь строились. В 1783—1784 гг., перед приходом в Крым Екатерины II, дворец сильно реставрировали, реставрировали не раз и позднее, каждый раз искажая его. И все же старый облик дворца не исчез полностью: сохранившиеся его части вместе со старыми описаниями в состоянии дать довольно полное представление о прежнем дворце крымских ханов. Общий обзор дворца см.: В. Гернгросс (Всеволожский). Ханский дворец в Бахчисарае. «Старые годы», 1912, апрель, стр. 3—32; Н. В. Никольский. Бахчисарай. . . , стр. 28—47.

⁹² См.: Н. Л. Эрнст. Бахчисарайский ханский дворец и архитектор вел. кн. Ивана III Алевиз Новый. ИТОИАЭ, II (59), 1928, стр. 39—54. Ктиторская надпись (под фронтоном) гласит: «Приказал построить этот величественный порог и эту возвышенную высочайшую дверь султан обоих материков и хакан обоих морей султан сын султана Менгли Гирей хан сын султана Хаджи Гирей хана в дату 909 года», т. е. в 1503 г.

⁹³ Первоначально «Фонтан слез» находился поблизости или у стены мавзолея Дилира-Бикеч, с именем которой связана легенда, воодушевившая Пушкина. Перевесен был на нынешнее место после 1783 г. и явно составлен из двух разных кусков. Автором резьбы основной части фонтана является мастер Омер. О датах обоих фонтанов см.: В. Гернгросс, «Старые годы», 1912, апрель, стр. 6 и 13.

⁹⁴ Только вход в залу сооружен Селямет-Гирей-ханом в 1742 г. Этот зал — наиболее старая часть дворца.

⁹⁵ По описанию дворца 1736 г. См.: В. Гернгросс, «Старые годы», 1912, апрель, стр. 7.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Сохранилась роспись работы русских мастеров конца XVIII в.

⁹⁸ Цит. по: Ф. Хартахай, Вестник Европы, 1867, июнь, стр. 167—168.

⁹⁹ ЗООИД, II, отд. 2 и 3, 1850, стр. 581.

¹⁰⁰ Там же, стр. 589.

¹⁰¹ Надписи ханского кладбища см.: ЗООИД, II, отд. 2 и 3, 1850, стр. 499—522 (№№ 1, 2, 6, 19, 30, 85, 89).

¹⁰² Подробнее см.: В. Н. Засыпкин, «Крым» № 2 (4), стр. 140—143.

¹⁰³ Там же, стр. 143—146.

¹⁰⁴ Там же, стр. 146—148.

⁵ Очень выразительно рассказывает об этом Василий Зуев (1782 г.): «Любовь нынешнего татарского государя (Шагин-Гирея) к европейцам и склонность его к их обычаям столь велика, что в резиденции его находится оных великое множество в разных званиях. Самый его дворец и свита наполнены оными. Дворец внутри убран по европейскому вкусу и великолению. Сам хан уже не ездит верхом в сопровождении напереди и позади верховых своих дворян, но в английской пребогатой карете . . . цугом запряженной с ливрейными слугами и вместо адъютантов из своих полков с офицерами. Взирая на его светлость, ближние знатнейшие его дворяне завели у себя также кареты, кухни, посуду и внутреннее покоев украшение по европейскому вкусу» (Месяцеслов исторической и географической на 1783 г., стр. 150—151). Ср.: Ф. Ф. Лашков. Шагин-Гирей, последний крымский хан. «Киевская старина». 1886, сентябрь, стр. 62.

¹⁰⁶ См.: А. Н. Бернштам. Жилище крымского предгорья. Л., 1931 (ИГАИМК. т. IX, вып. 6—7); Б. А. Куфтин. Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова. «Мемуары Этнографического отделения Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», вып. I, 1925. Этот тип дома оседлого татарина, державшийся в течение всего XIX столетия и вплоть до недавнего прошлого, очень ясно описывал В. Зуев (1782 г.): «Строение домов как в городах, так и в деревнях по большей части деревянное . . . Вместо того чтобы класть из бревен целые стробы, они делают из брусьев клетки (т. е. каркас, — А. Я.) и промежутки оных богатые наполняют кирпичом, а бедные дерном, замазав все щели глиною и вымазав снаружи и внутри сверх того замазкою» (Месяцеслов исторической и географической на 1783 г., стр. 131—132).

¹⁰⁷ А. Л. Бертье-Делагард. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. ИТУАК, вып. 57, 1920, стр. 7—10; ср.: Ф. Хартахай, Вестник Европы, 1867, июнь, стр. 152.

¹⁰⁸ Надгробия изданы: МИА, № 17, стр. 246. Такое же надгробие по сей день стоит около бывшей церкви в с. Родниковое в Байдарское долине; надгробие датировано 1924 г.

¹⁰⁹ См.: А. Л. Бертье-Делагард. К истории христианства в Крыму (мнимое тысячелетие: вымысел и действительность в истории Георгиевского Балаклавского монастыря). ЗООИД, XXVIII, 1910, стр. 73—75; сообщение Ф. Лашкова. ЗООИД, XVII, 1834, отд. IV, стр. 6—7. Просьбы о выдаче «государевой милостыни» греческие монахи возобновили в 1681 г. (там же, стр. 7). В то же время существовало и несколько других греческих пещерных монастырей — в Инкермане (близ Севастополя), Чилтере и Шулдане, т. е. в том же юго-западном горном районе.

¹¹⁰ Осуществлению этой поддержки и вообще тогдашних культурных связей Москвы с Крымом очень способствовало несомненно наличие в Крыму в XVI—XVII вв. среди высшей татарской знати московской группировки (бей Сулешевы), о которой шла речь выше.

¹¹¹ Достаточно сказать, что на протяжении XVIII в., до присоединения к России, в Крыму сменилось 17 ханов. По словам В. Зуева (1782 г.), «Из прежних ханов нет почти ни одного, который бы четыре или пять лет царствовал. Иные не были на ханстве и года» (Месяцеслов исторической и географической на 1783 г., стр. 146).

¹¹² Анализ всей черноморской проблемы дан в работе Е. И. Дружининой (Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. М., 1955, гл. I, стр. 29—68).

¹¹³ Стимулом этого движения было стремление к расширению запашки и к увеличению сельскохозяйственной продукции, спрос на которую сильно увеличился в результате роста промышленности, а также в связи с ростом хлебного экспорта.

¹¹⁴ Русские торговые суда по Белградскому договору 1739 г. имели право плыть по Азовскому морю лишь до Керчи, где товары должны были перегружаться на турецкие суда.

¹¹⁵ Следует отметить, что русское правительство еще в начале 60-х годов XVIII в. ставило перед собой только вторую, ограниченную задачу — добиться независимости Крыма от Турции и считало это требование самым важным и самым главным (см.: Е. И. Дружинина. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г., стр. 67—68, 161).

¹¹⁶ Война, объявленная в 1787 г. Турцией России, не внесла существенных изменений. Мир 1791 г. подтвердил русское владение Крымским полуостровом.

¹¹⁷ С. Д. Ш и р я е в. Помещичья колонизация и русские усадьбы в Крыму в конце XVIII и первой половине XIX в. «Крым», № 2 (4), 1927, стр. 169 сл.

¹¹⁸ Русское крепостное население Крыма в 1835 г. составляло не более 4,5 тыс. душ мужского пола. Татары были освобождены от крепостной зависимости. См.: С. Ш и р я е в, «Крым», № 2 (4), стр. 175.

¹¹⁹ Они, как говорилось, обязаны были помещикам давать десятую долю урожая и отбывать 6—8-дневную барщину в году.

¹²⁰ В начале 1780 г. чуть ли не $\frac{2}{3}$ татарского населения эмигрировало (кто в Турцию, кто на Кубань, кто в Россию). В Крыму осталось не более 100—120 тыс. человек. См.: Е. И. Д р у ж и н и н а. Северное Причерноморье в 1775—1800 гг. М., 1959, стр. 104—106. Интересно свидетельство В. Зуева (1782 г.): «Многолюдство в сей малой части земли (т. е. в Крыму, — А. Я.) прежде было чрезвычайно велико. Число живших в Крыме татар, турок, греков, армян, жидов и прочих народов простиралось почти до двух сот тысяч. Ныне, когда жившие в сем полуострове христиане паябольшею частью поддались России и, следовательно, переселены в Азовскую губернию и другие города, а прочие, так как и татары перебежали в Тамань и в Абхазию, то осталось настоящих жителей не более 50 тысяч» (имея в виду, вероятно, только мужское население) (Месяцеслов исторической и географической на 1783 г., стр. 144); «ныне, куда не поедешь, везде встречаются одни только развалины больших слобод и пустыри бывших деревень» (там же, стр. 131).

¹²¹ В конце XVIII в., перед включением Крыма в состав России, население полуострова составляло, как сказано, 100—120 тыс. человек, а уже в 1790 г., по данным Палласа, около 140 тыс. человек. К началу XX в. в Крыму насчитывалось уже 650 тыс. человек. (в настоящее время, по переписи 1959 г. население Крыма достигло 1200 тыс. человек).

Таблица I. Боспор (Керчь). Предметы украшения из некрополя V в.
 а — серьги (склеп № 19/1904 г.); б — браслет (случайная находка 1854 г. в станице Сенной, Таман-
 ский полуостров); в — браслет (склеп 24 VI 1904); г — фибула (склеп Долгая скала, 1875 г.); д —
 фибула (случайная находка); е — пряжка (склеп № 1, 1905 г.).

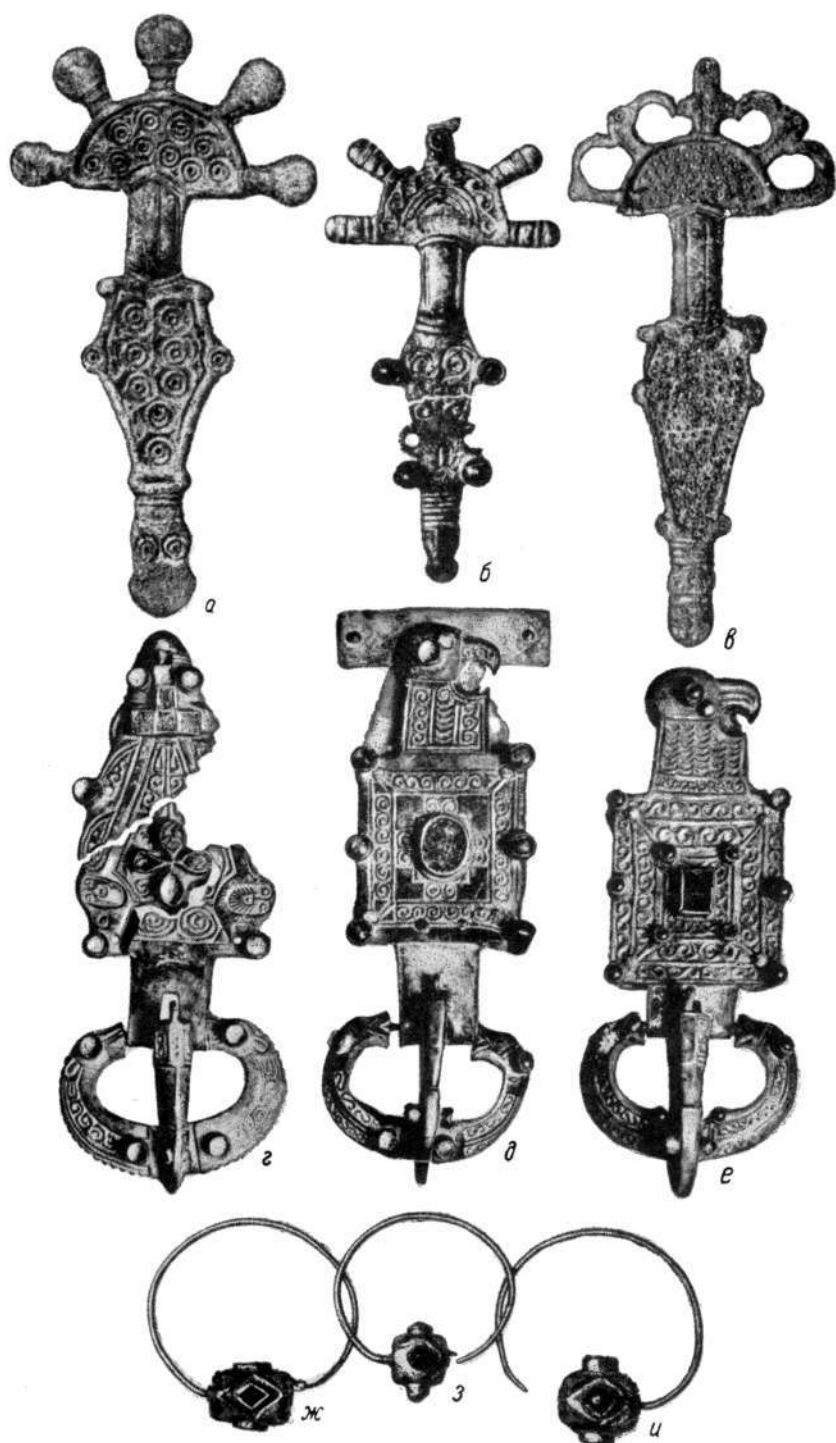

Таблица II. Предметы украшения из могильника Суук-Су. VI—VII вв.
а—в — фибулы; *г—е* — пряжки; *ж—и* — серьги с бусинной.

Таблица III. Херсон.

1 — главная улица; 2 — крестообразный храм «с ковчегом» VI в. Вид с северо-западной стороны.

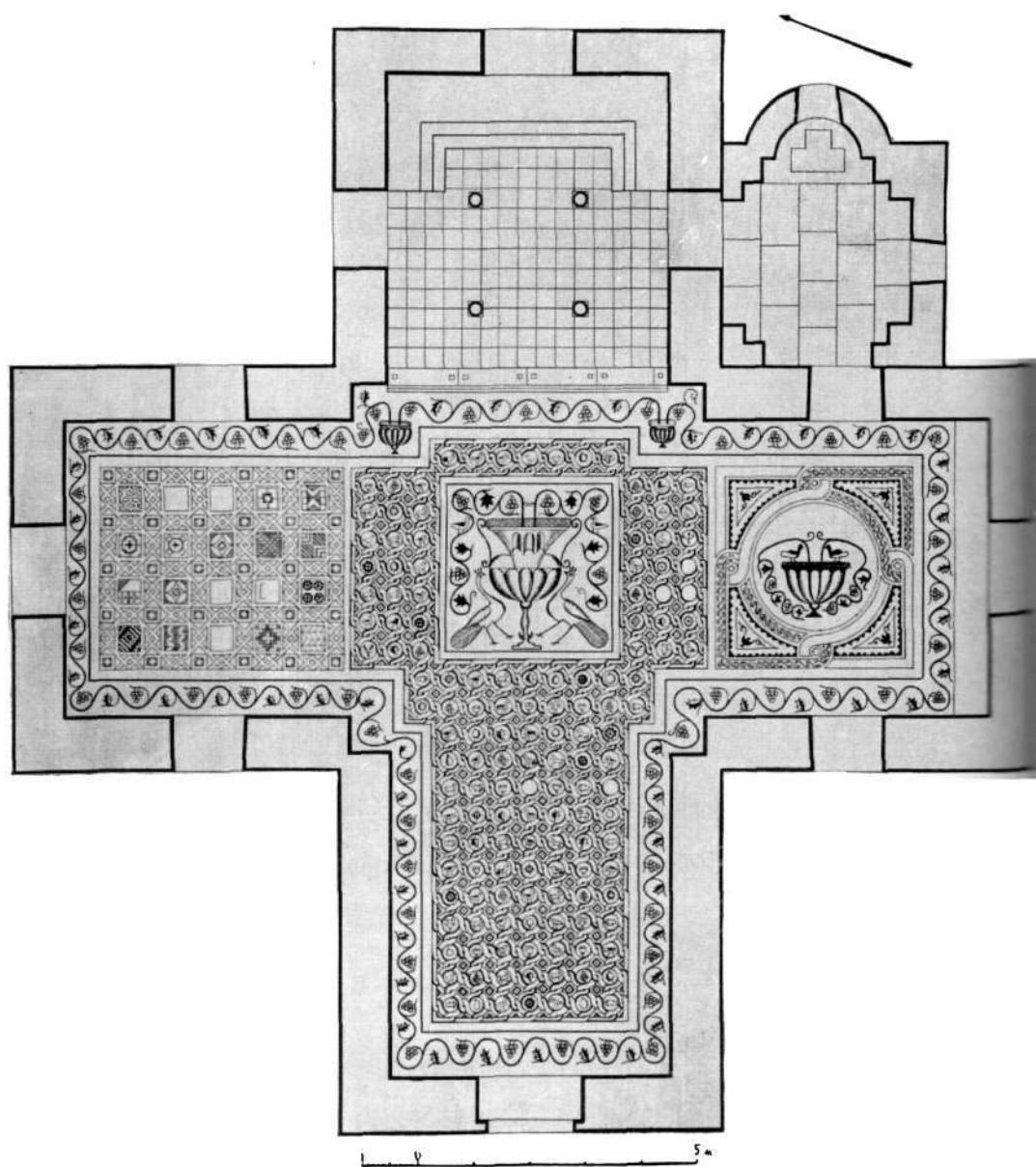

Таблица IV. Херсон. Крестообразный храм за городом. VI в. План с мозаичным полом.

Таблица V. Херсон. Крестообразный храм за городом VI в.
Мозаичный пол: 1 — общий вид; 2 — центральный квадрат мозаики с павлинами и канфаром.

Таблица VI. Херсон. Базилики и крещальня V—VI вв.

1 — Западная базилика с восточной стороны; 2 — Уваровская базилика, вид с западной стороны; 3 — северо-западная часть крещальни, вид внутри.

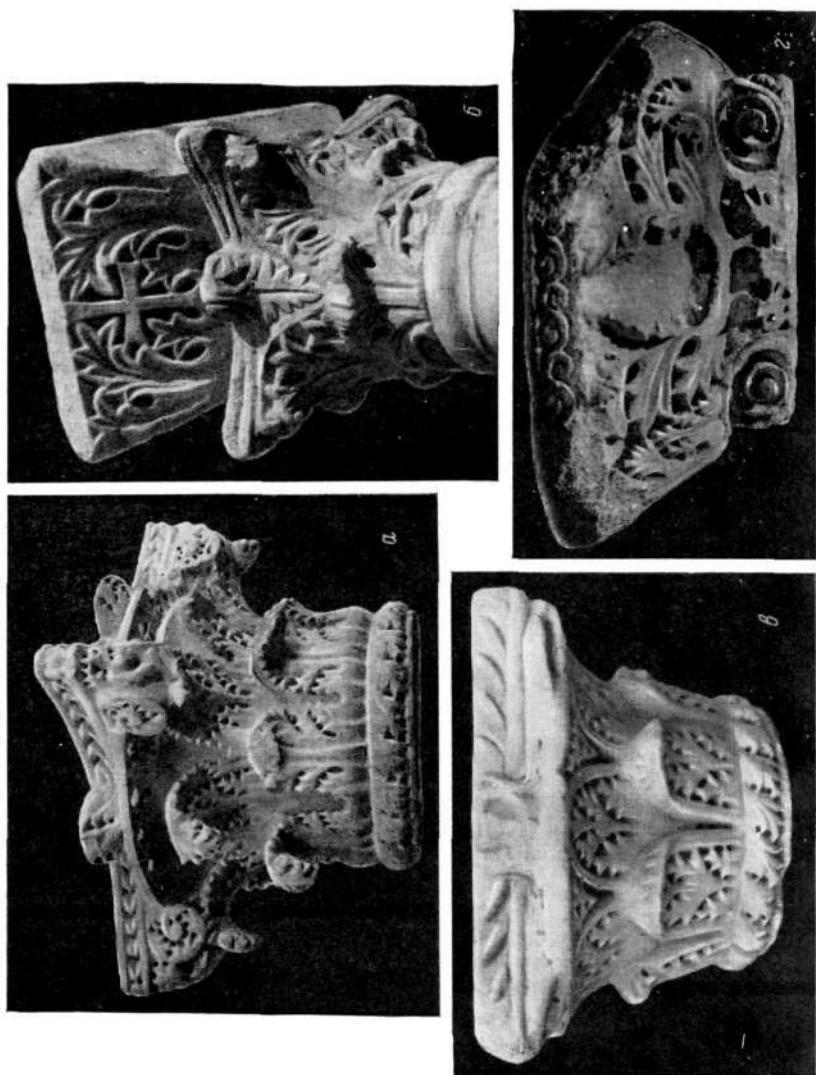

Таблица VII. Херсон. Проконнеские капители V—VI вв.
 а — феодосианская; б — коринфская с мягким аканфом и импост; в — с узором в виде зубчатого аканфа;
 г — ионическая с импостом.

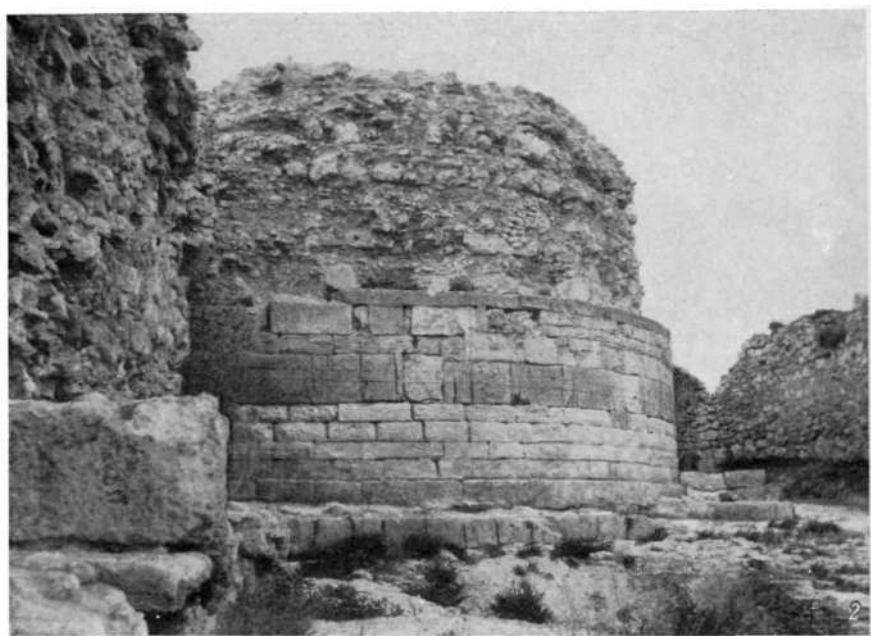
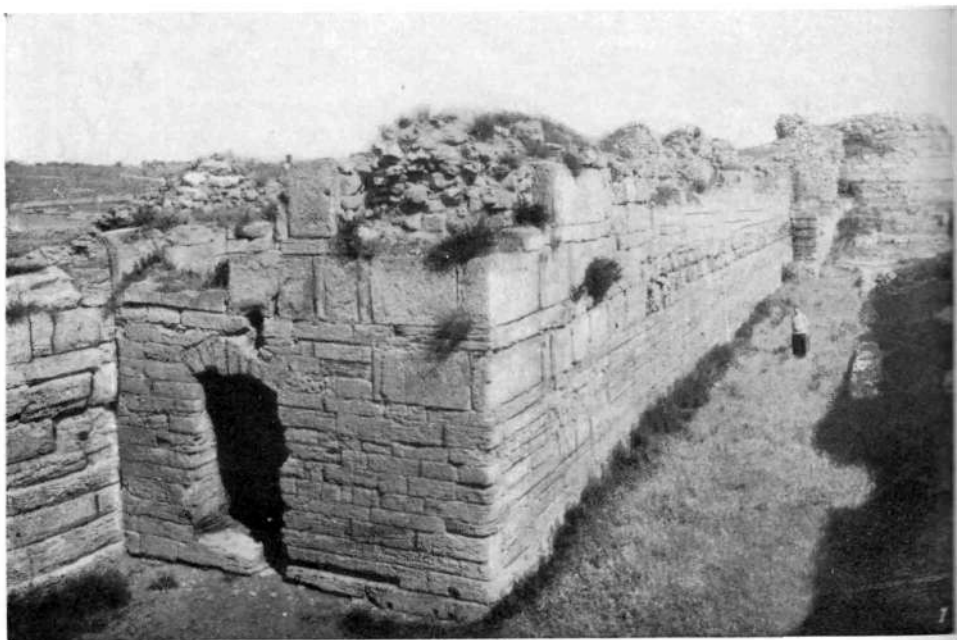

Таблица VIII. Херсон. Крепостные стены V—VI вв.

1 — куртина 19; 2 — башня Зипона, общий вид.

Таблица IX.

1 — Херсон, куртина 19 крепостной стены, кладка утолщения, VI в.; 2 — Сюреньское укрепление VI в., общий вид.

Таблица X.

1 — Планерское, восточная часть первоначальной базилики, VIII—IX вв.; 2 — Саркел, горшок со сплошным рифлением, из нижних слоев городища; 3 — Чобан-Куле, роспись фляги местного производства, VIII—IX вв.

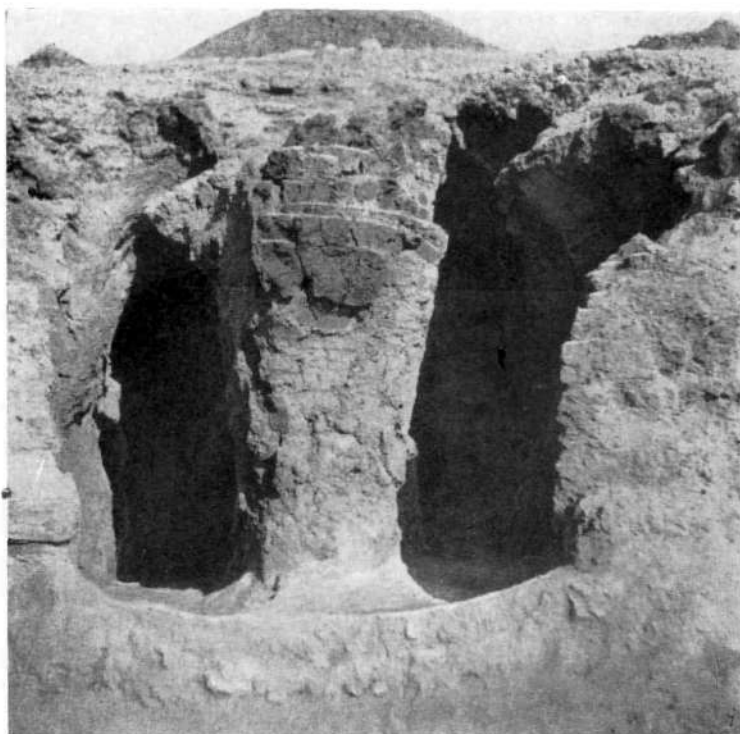

Таблица XI. Гончарная печь близ Чобан-Куле VIII—IX вв.
1 — устье топочных каналов; 2 — обязательная камера, видны прогары.

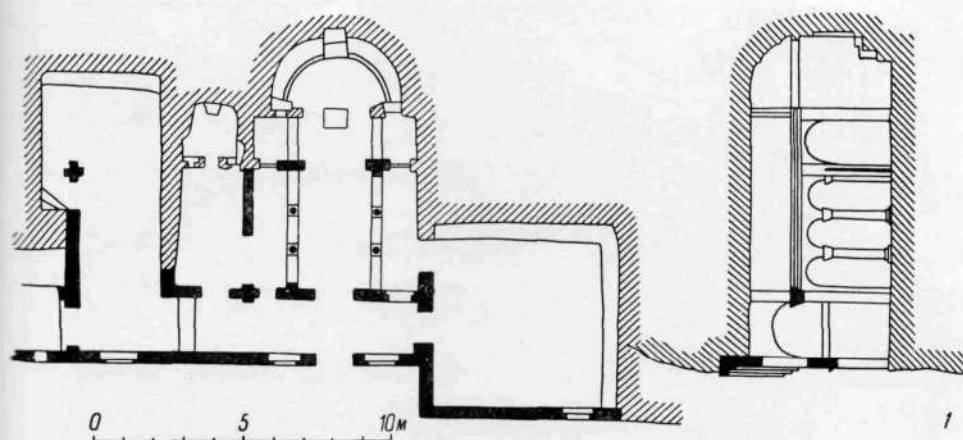

Таблица XII. Каламита (Инкерман).

Пещерная базиликальная церковь VIII—IX вв.: 1 — план; 2 — внутренний вид (фот. В. И. Грибова).

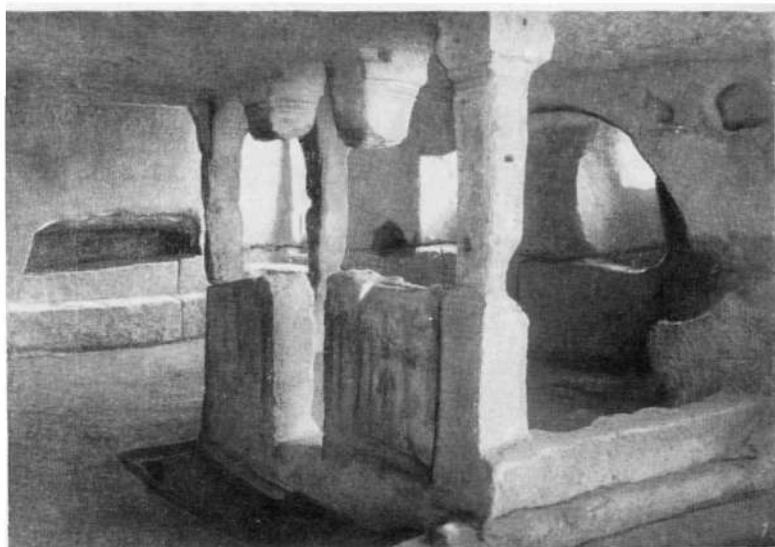

Таблица XIII.

- 1 — Тепе-Кермен. Пещерная церковь VIII—IX вв., вид внутри;
 2 — Боспор (Керчь), церковь Иоанна Предтечи VIII—IX вв.
 с юго-восточной стороны.

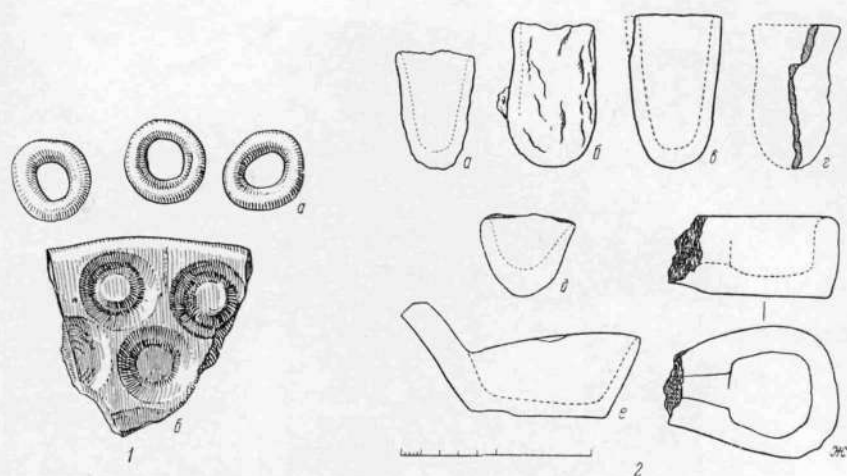

Таблица XIV. Херсон. Матрицы и тигельки.

1 — свинцовые рыболовные грузила (а) и матрица для отливки таких грузил (б);
2 — тигельки (а—г) и льячки (д—ж); 3 — матрица для изготовления креста с изображением распятия (а) и матрица для изготовления амулета с надписью и крестика (б, в).

Таблица XV. Херсон. Белоглиняные поливные блюда с рельефными изображениями, X в.

а — птица с пышным оперением; *б* — орел; *в* — барс; *г* — грифон; *д* — грифон с птичьей головой; *е* — грифон с человеческой головой; *ж* — геральдически расположенные грифоны; *з* — геральдически расположенные орлы.

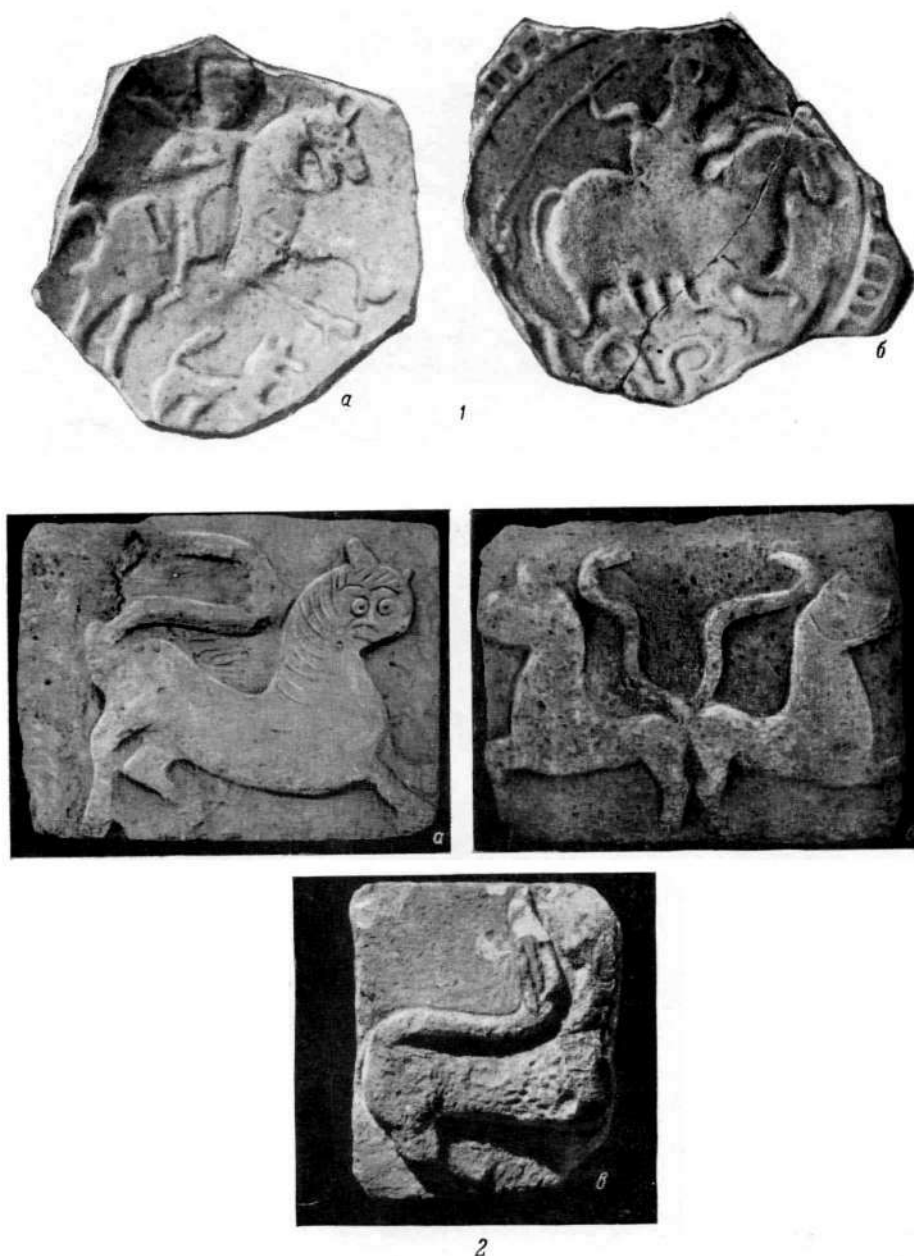

Таблица XVI. Херсон. Белоглиняные поливные блюда и каменные рельефы X в.

1 — белоглиняные поливные блюда с рельефными изображениями: а — всадник на охоте; б — Георгий драконоборец; 2 — рельефы с изображением барсов или пантер: а, б — из раскопок 1891 г.; в — из раскопок 1956 г.

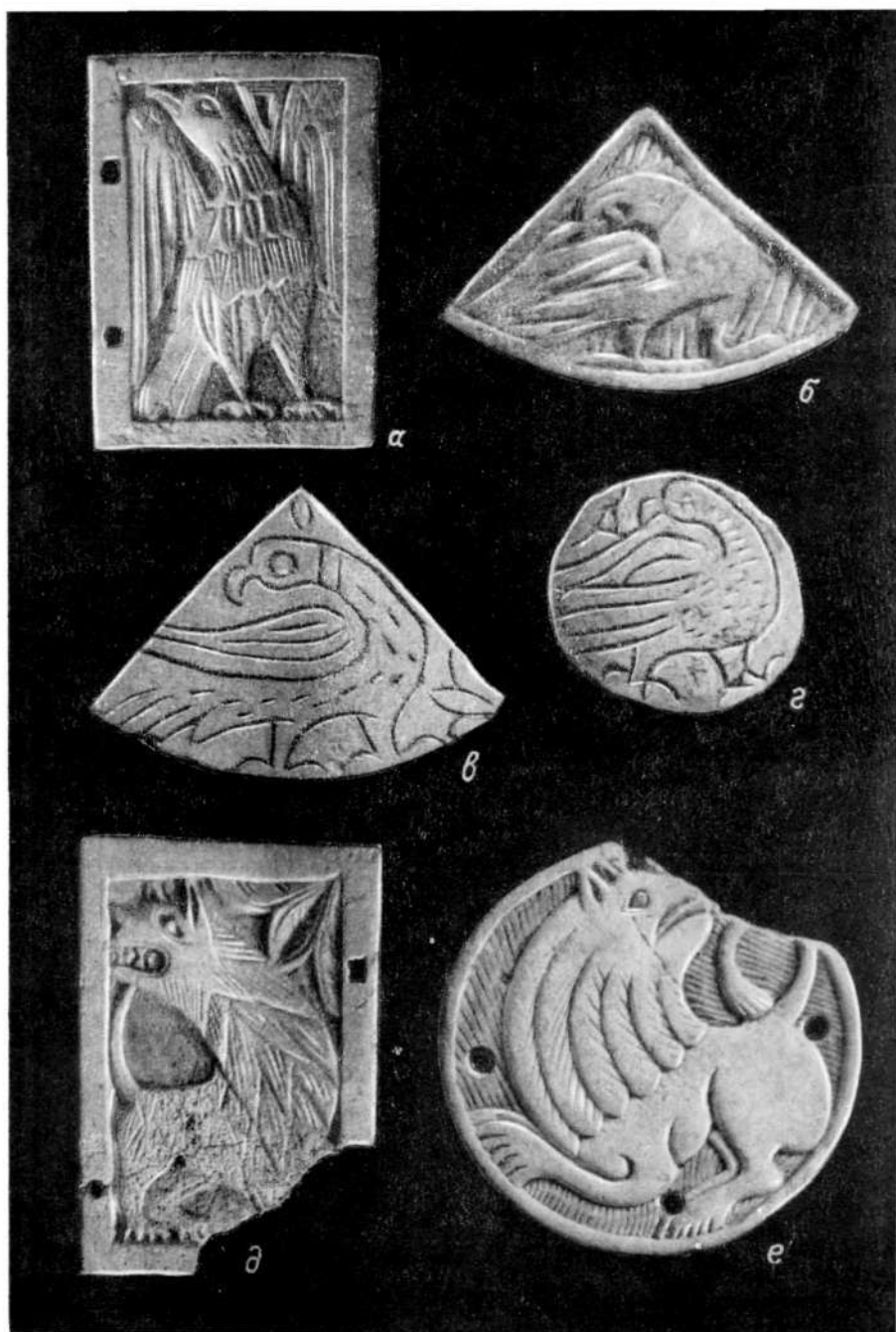

Таблица XVII. Херсон. Костяные пластинки с резными изображениями, X—XI вв.

а, б — орел; в, г — птицы, изображенные врезной линией; д — барс; е — барс (?) на круглой пластинке.

Таблица XVIII. Херсон.

1 — храм на акрополе IX—X вв., с западной стороны; 2 — пятиапсидный храм X в., с южной стороны.

Таблица XIX. Херсон. Храмы X—XI вв.

1 — шестистолбный храм (№ 34) с южной стороны; 2 — четырехстолбный храм (№ 9) с западной стороны.

Таблица XX. Херсон. Жилые кварталы XII—XIII вв.

1 — общий вид северо-восточных кварталов города (постройки верхнего слоя); 2 — баня во дворе жилого дома (в северном прибрежном районе города), вид со стороны топки.

Таблица XXI. Херсон. Жилые кварталы XII—XIII вв.
 1 — пифос в кладовой (в квартале VI северо-восточной части города); 2 — церковь во дворе жилого дома (раскопки 1956 г.).

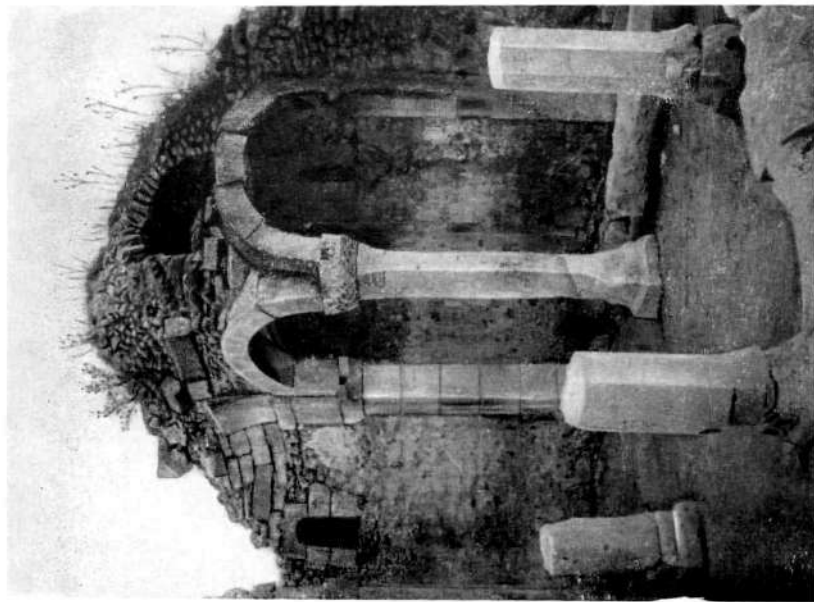
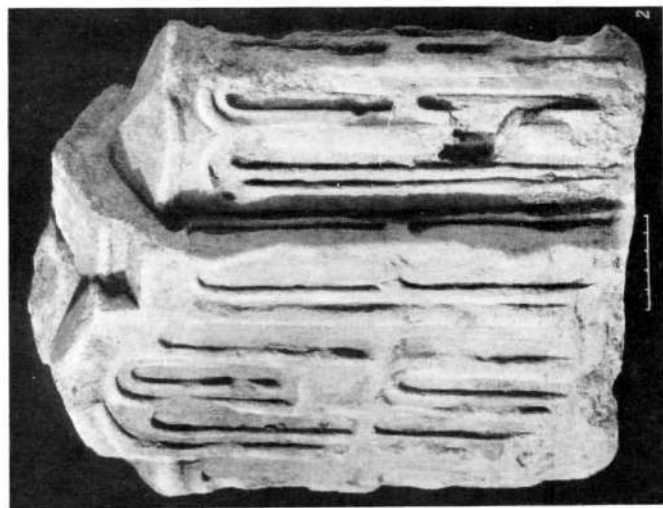
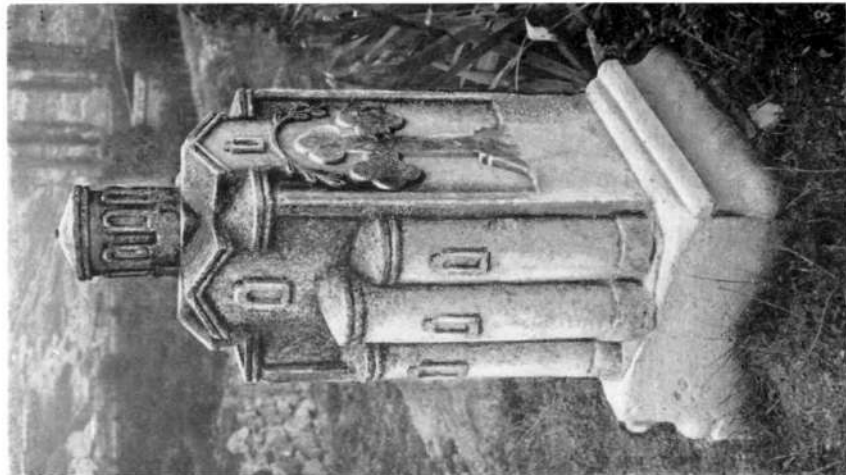

Таблица XXII.

1 — с. Горянка (бывш. с. Лака), храм Троицы, XII—XIV вв., с северо-западной стороны; 2 — надгробие в виде храма из раскопок Эски-Кермена, XIII в.; 3 — надгробие в виде храма на греческом кладбище Бахчисарая, начало XX в.

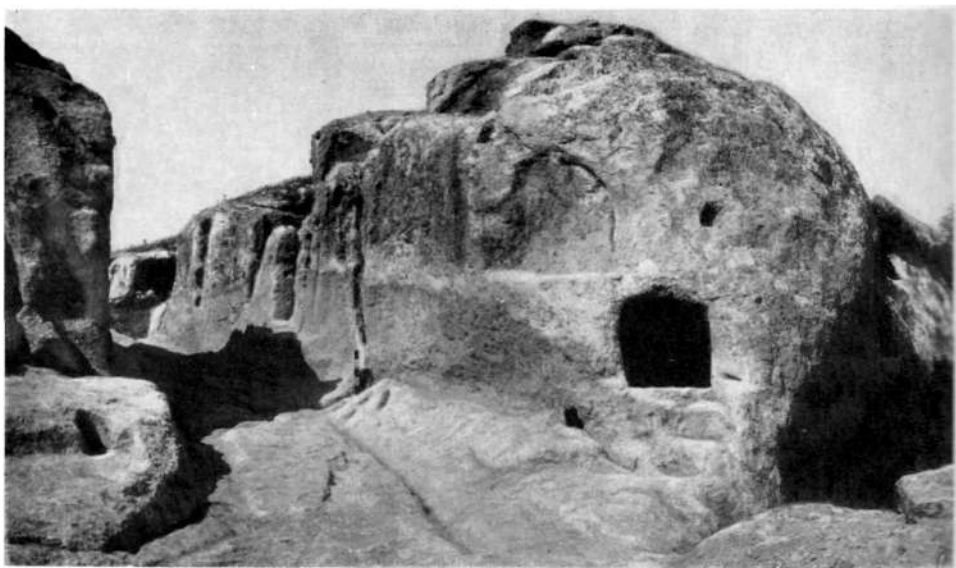

Таблица XXIII. Эски-Кермен.

1 — главная улица; 2 — жилые дома XII—XIII вв. (раскопки 1937 г.).

Таблица XXIV. Эски-Кермен.

1 — пещерная церковь «трех всадников», XIII в., вид снаружи; 2 — фрески пещерного «храма донаторов» XIII в. (по копии худ. Линко).

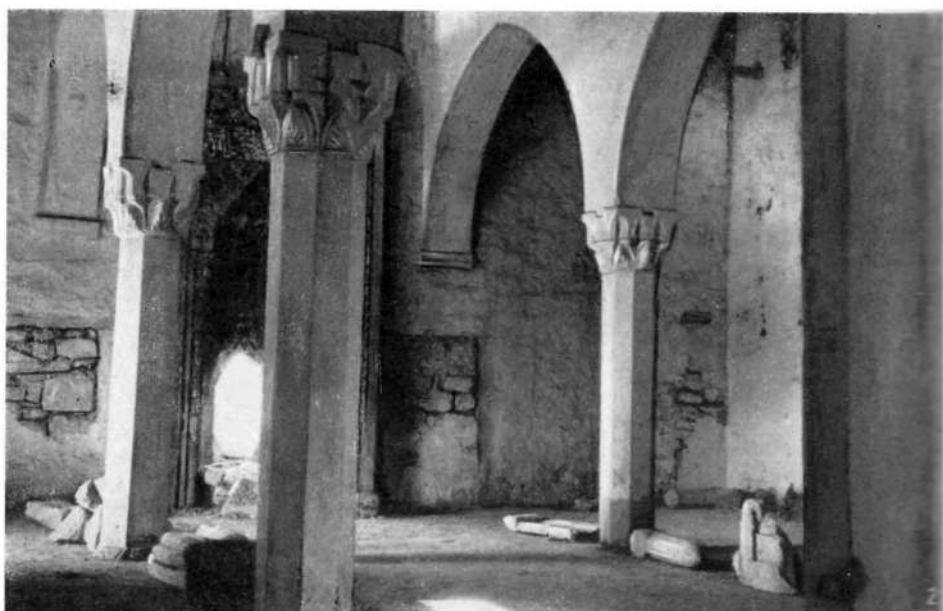

Таблица XXV. Солхат (Старый Крым). Мечеть-медресе хана Узбека, 1314 г.
1 — общий вид; 2 — мечеть внутри.

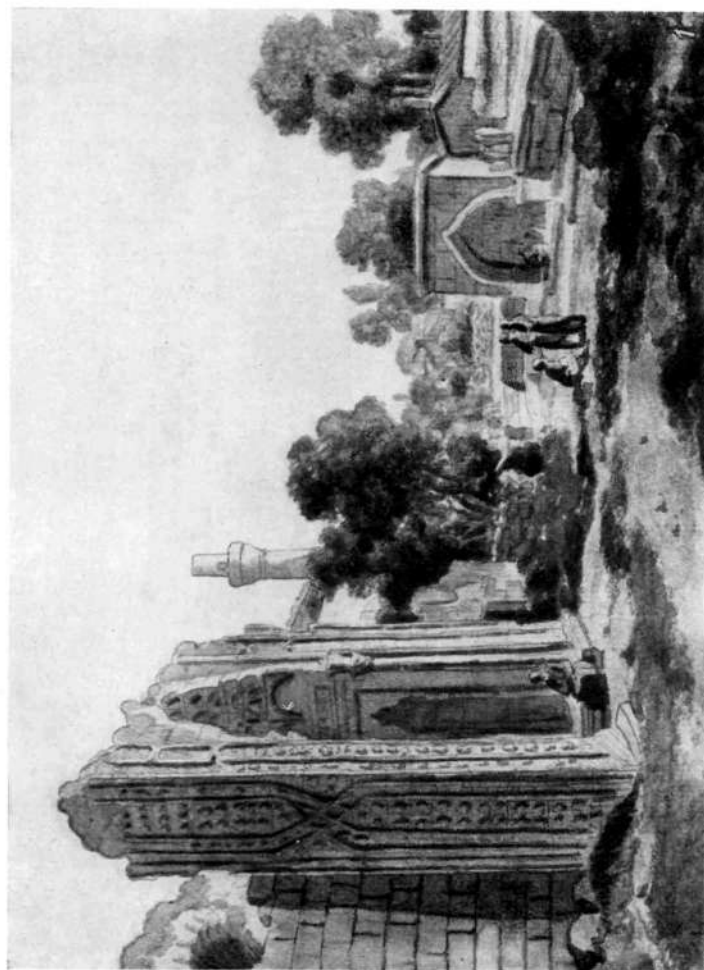

Таблица XXVI. Солхат (Старый Крым). Мечеть-медресе хана Узбека, 1314 г.
1 — портал медресе (рис. М. Иванова, конец XVIII в.); 2 — резьба портала мечети.

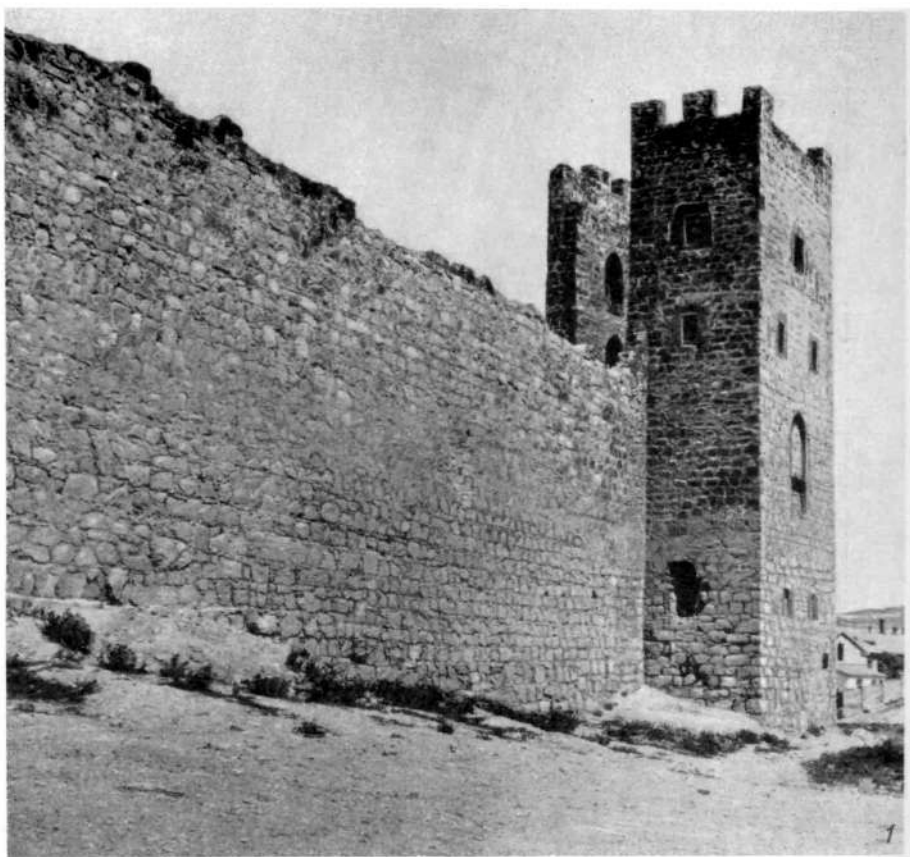

Таблица XXVII. Кафа (Феодосия).

1 — башня Климента VI, 1348 г.; 2 — башня Константина, XIV в.

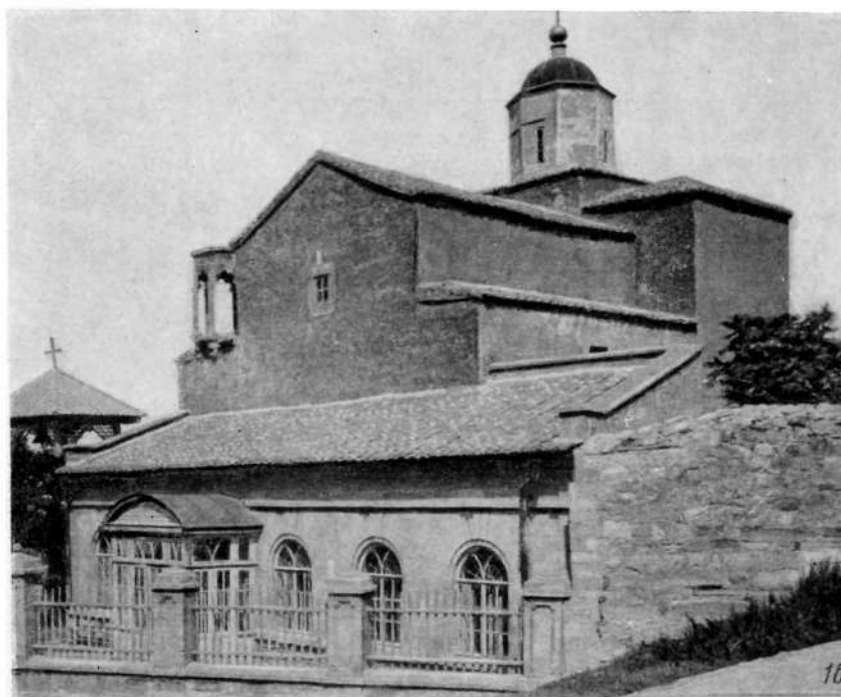
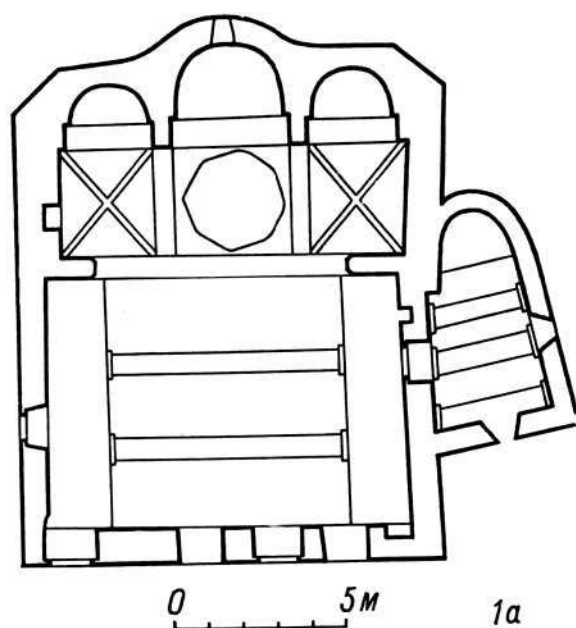

Таблица XXVIII. Кафа (Феодосия).

Армянская церковь Михаила и Гавриила, 1408 г.: 1а — план; 1б — вид с юго-западной стороны.

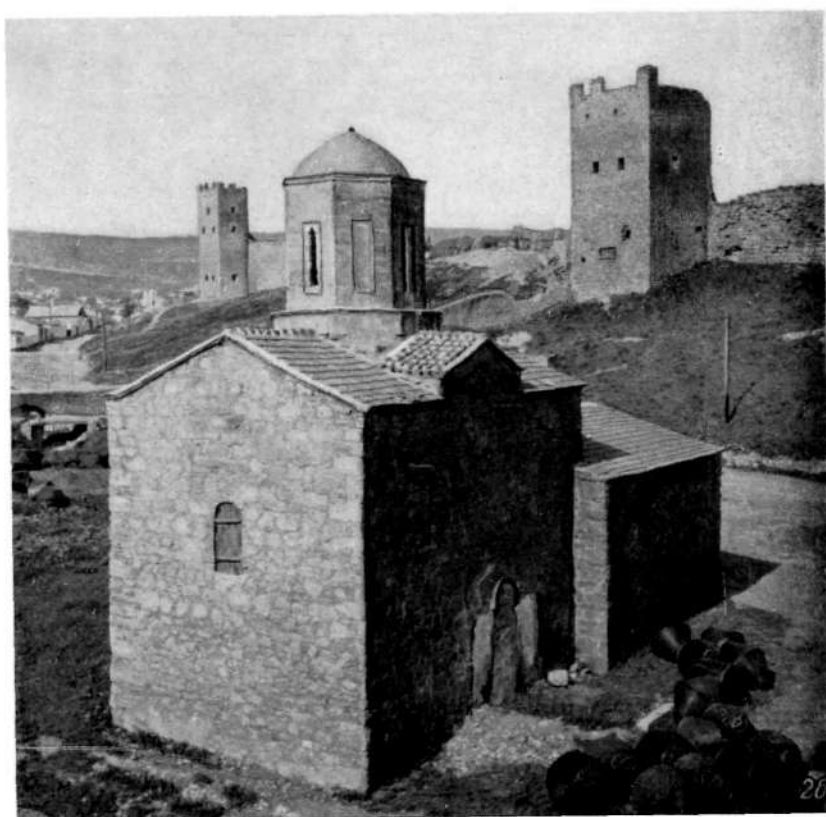
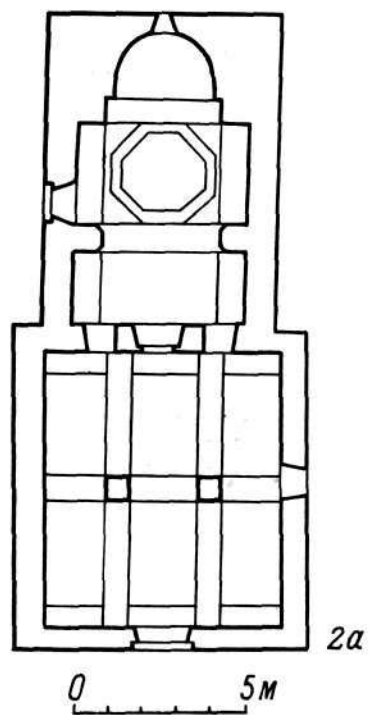

Таблица XXVIII (продолжение)

Армянская церковь Иоанна Предтечи на Карантине, XIV в.: 2a — план; 2б — вид с северо-восточной стороны.

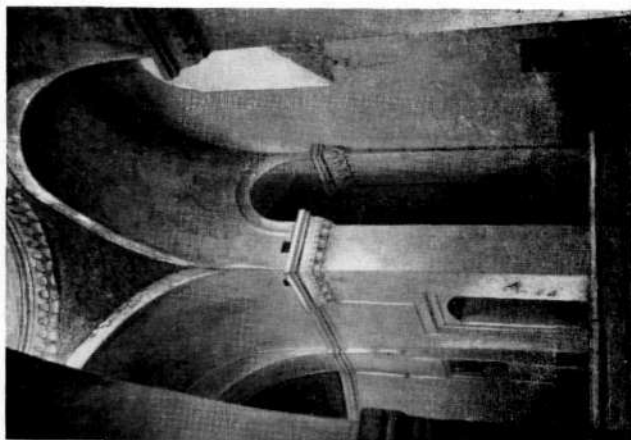
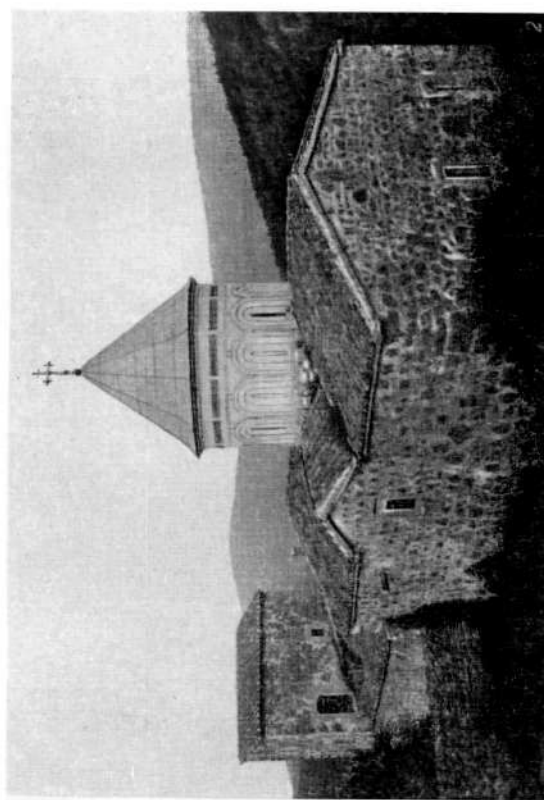
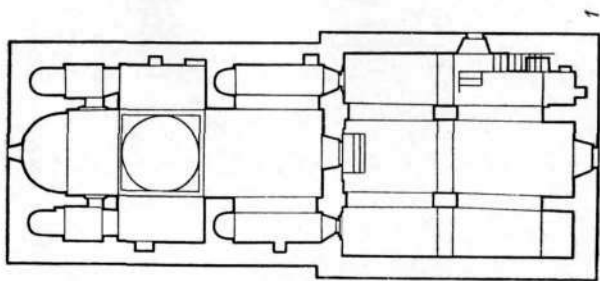

Таблица XXIX. Монастырь Сурб-Хач близ Старого Крыма, 1338 г.
1 — план; 2 — вид с юго-восточной стороны; 3 — вид внутри.

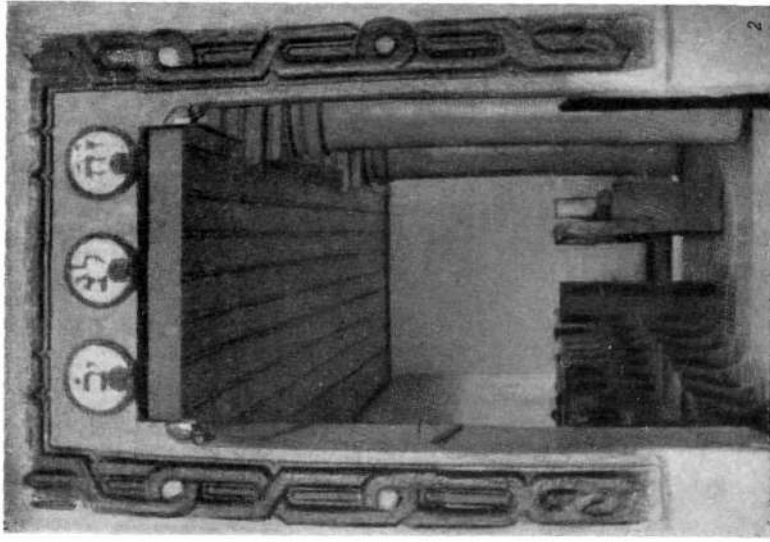
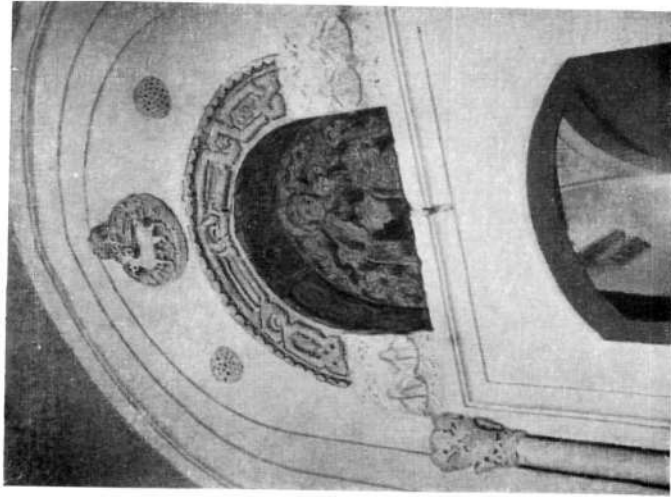

Таблица XXX. Порталы и наличники XIV и XV вв.

1 — монументы Сурб-Хач близ Старого Крама, резьба на портале храма 1338 г.; 2 — Кафа (Феодосия), собор св. Феодора (Мангуш), портал с «сельджуцкой цепью»; 3 — Феодоро

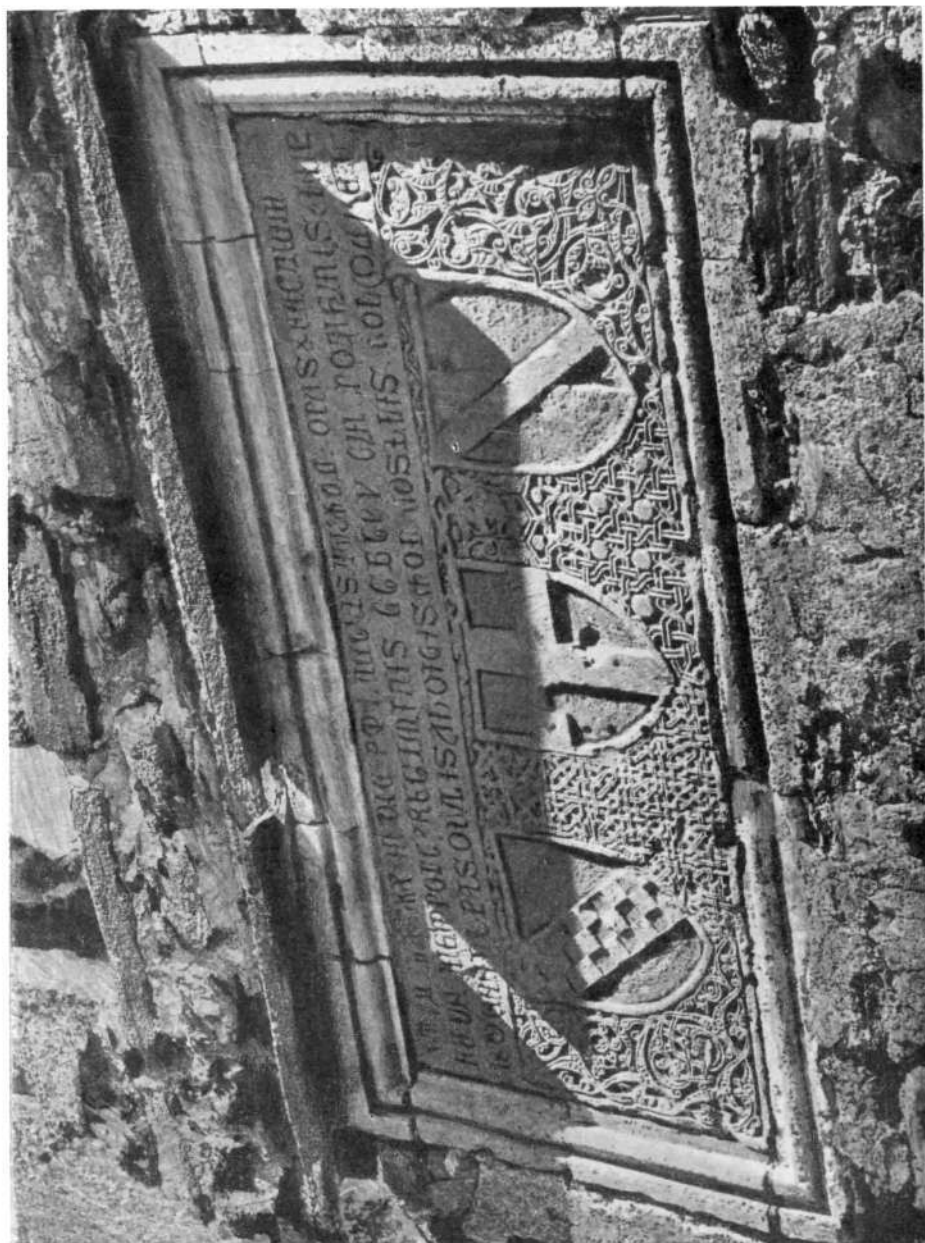

Таблица XXXI. Солдайя (Судак). Надпись на башне Джудиче 1392 г. с крымско-сельджукской орнаментикой.
Фот. А. А. Шалькевича.

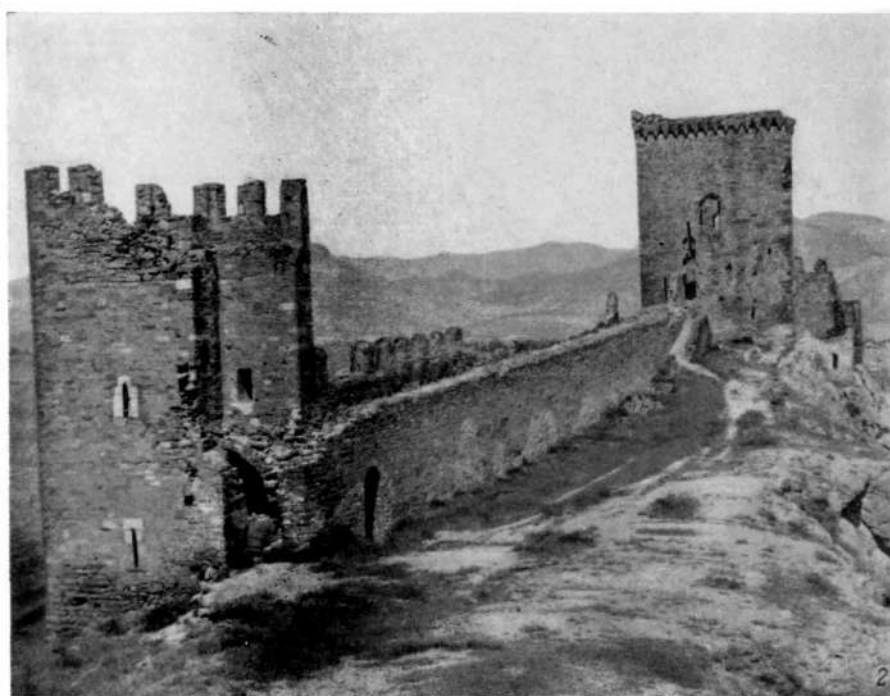
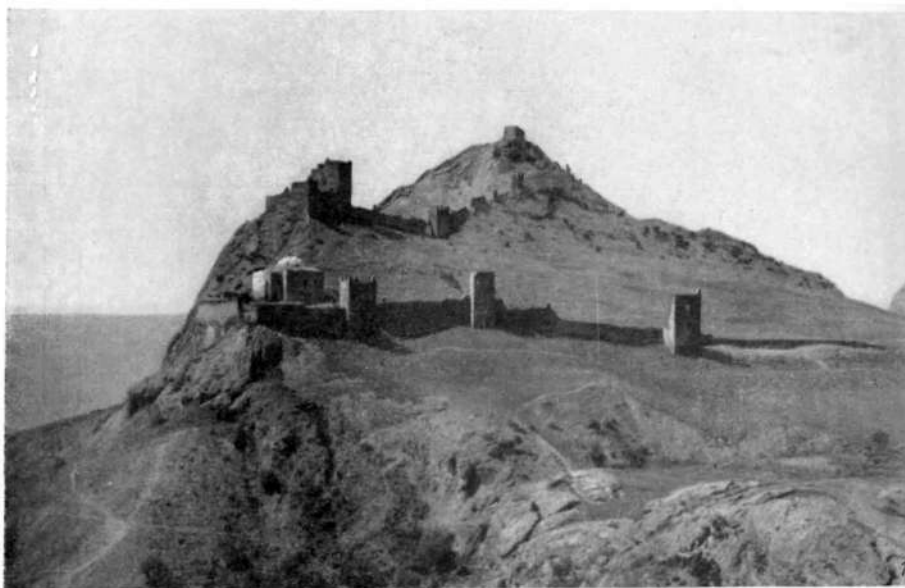

Таблица XXXII. Солдайя (Судак). Крепость XIV—XV вв.

1 — общий вид; 2 — цитадель.

Таблица XXXIII.

1 — Солдайя (Судак), воротная башня 1389 г.; 2 — Чембало (Балаклава), круглая башня в цитадели, XV в.

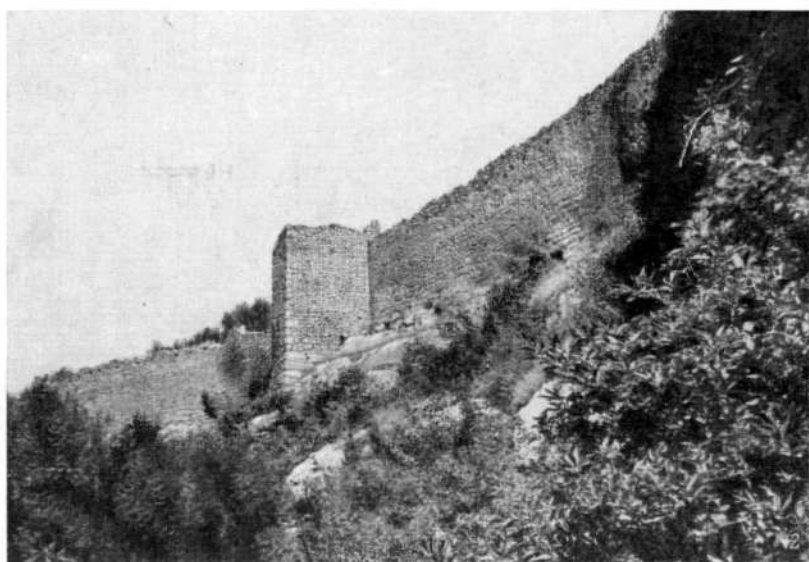

Таблица XXXIV.

1 — Каламита (Инкерман), въездная башня XV в.; 2 — Феодоро (Мангуп), крепостные стены XIV—XV вв.; 3 — Феодоро (Мангуп), замок на Тешкли-Буруне, XV—XVI вв.

Таблица XXXV.

1 — Эски-Юрт (близ Бахчисарая), мавзолей (дюрбе) XIV в.; 2 — Бахчисарай, Эски-Дюрбе, XV в

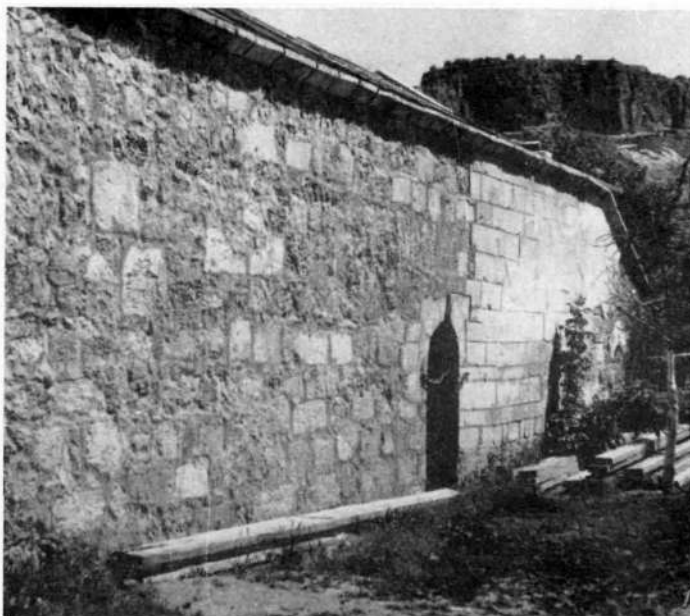

Таблица XXXVI. Салачик (близ Бахчисарая), медресе
1500 г.

1 — главный фасад с входом; 2 — внутренний дворик.

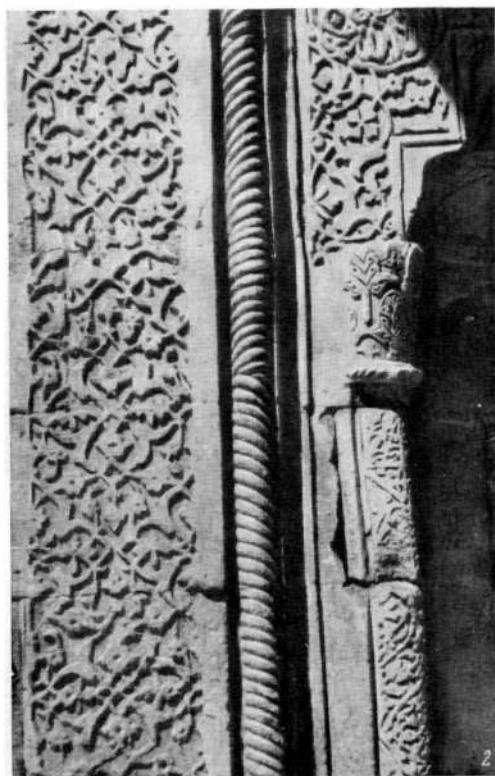

Таблица XXXVII. Салачик (близ Бахчисарая). Мавзолей
(дюрбе) Хаджи-Гирея 1501 г.

1 — общий вид; 2 — декоративная резьба порталной ниши.

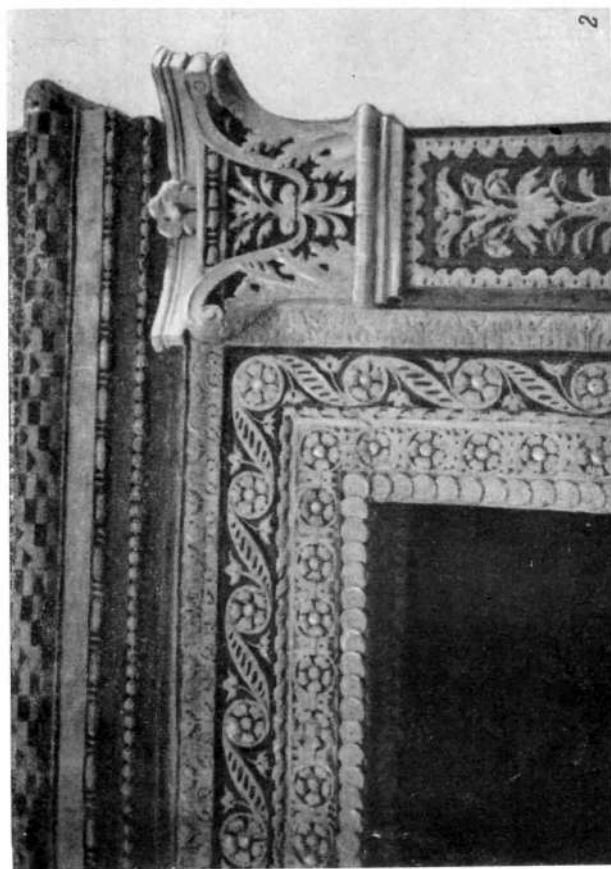
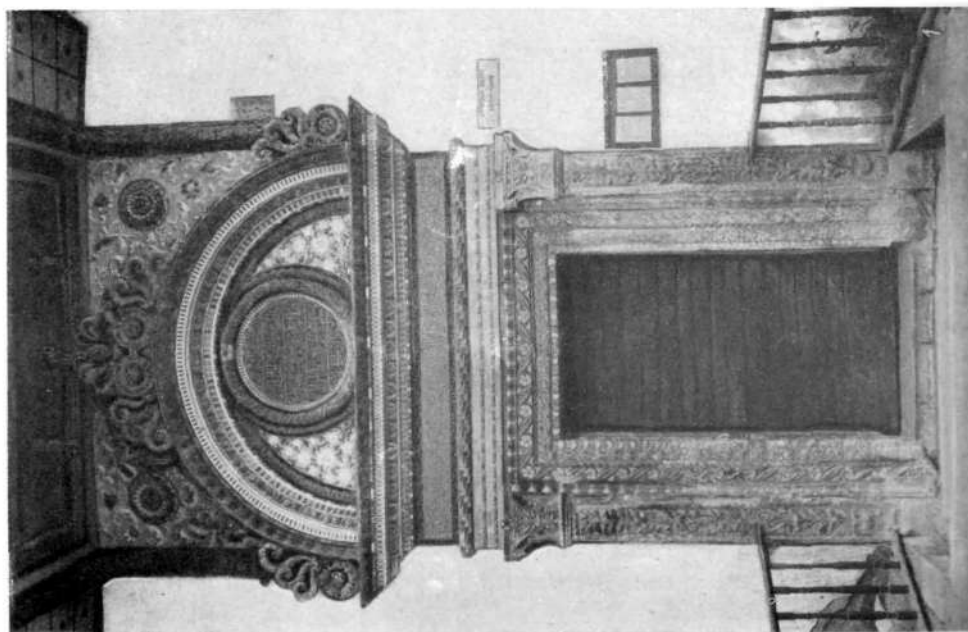

Таблица XXXVIII. Бахчисарай, дворец «Железные ворота» 1503 г.
1 — общий вид; 2 — деталь.

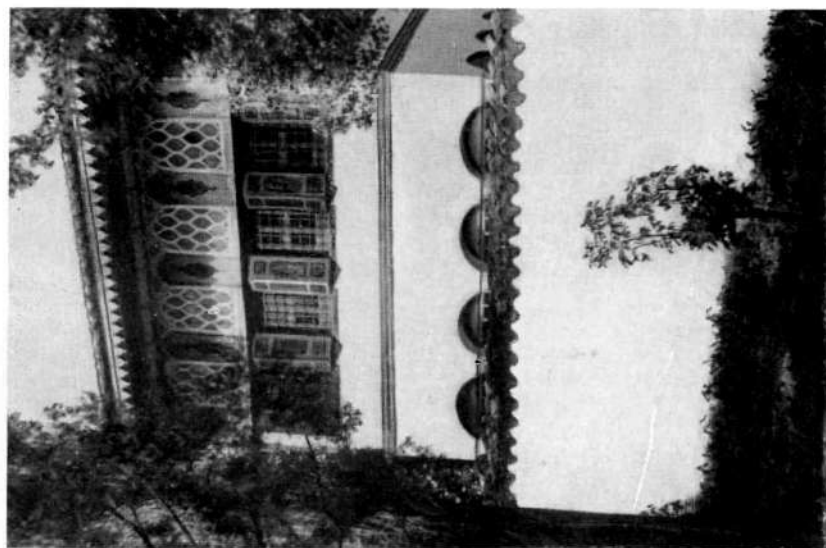

Таблица XXIX. Бахчисарай, дворец. «Золотой кабинет», 1764 г.
1 — вид снаружи; 2 — вид внутри.

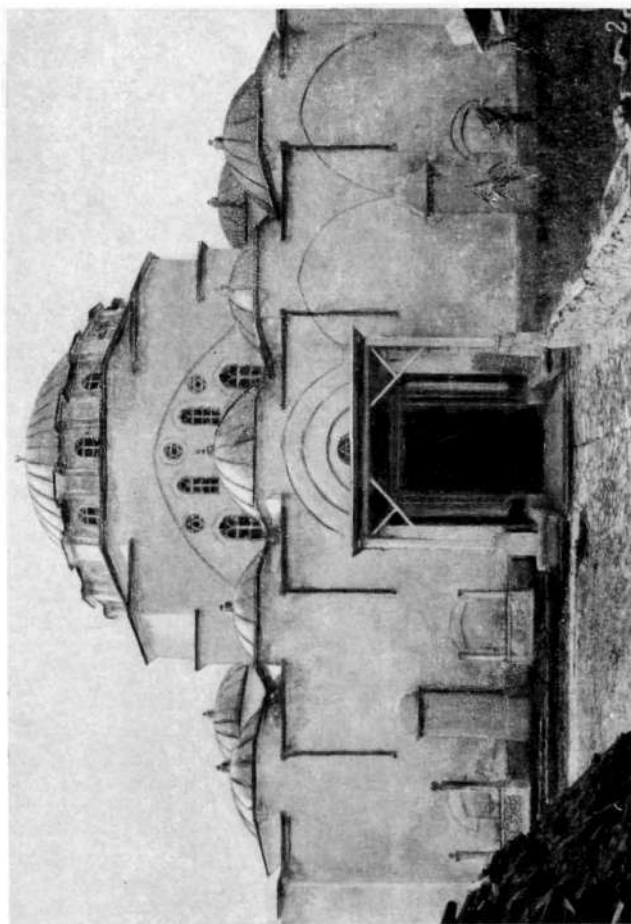
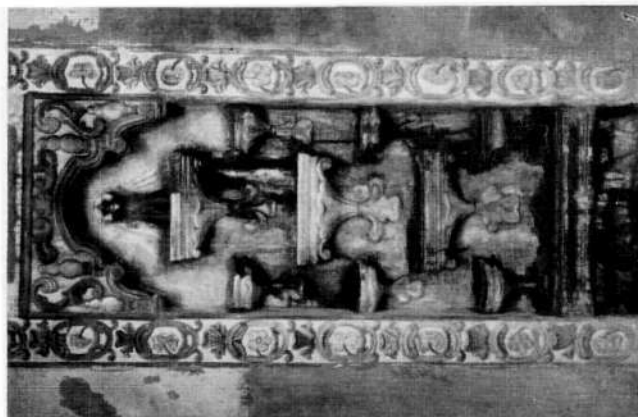

Таблица XL.

1 — Бахчисарай, дворец, «Фонтан слез» 1763 г.; 2 — Гезлеве (Евпатория). Мечеть 1552 г., общий вид.

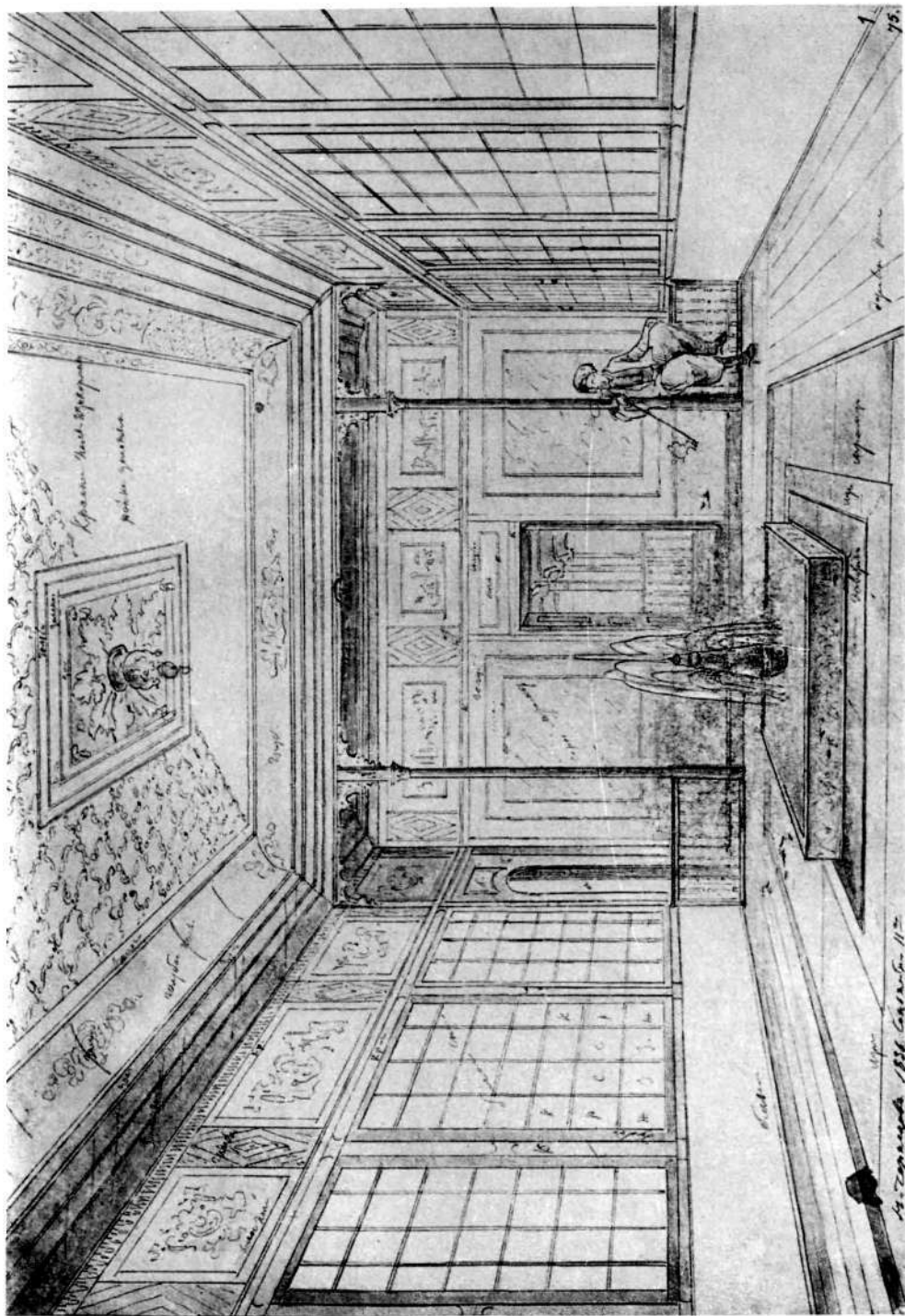

Таблица ХII. Бахчисарай, дворец. Акварели Н. Чернецова начала XIX в.
1 — один из залов с фонтаном.

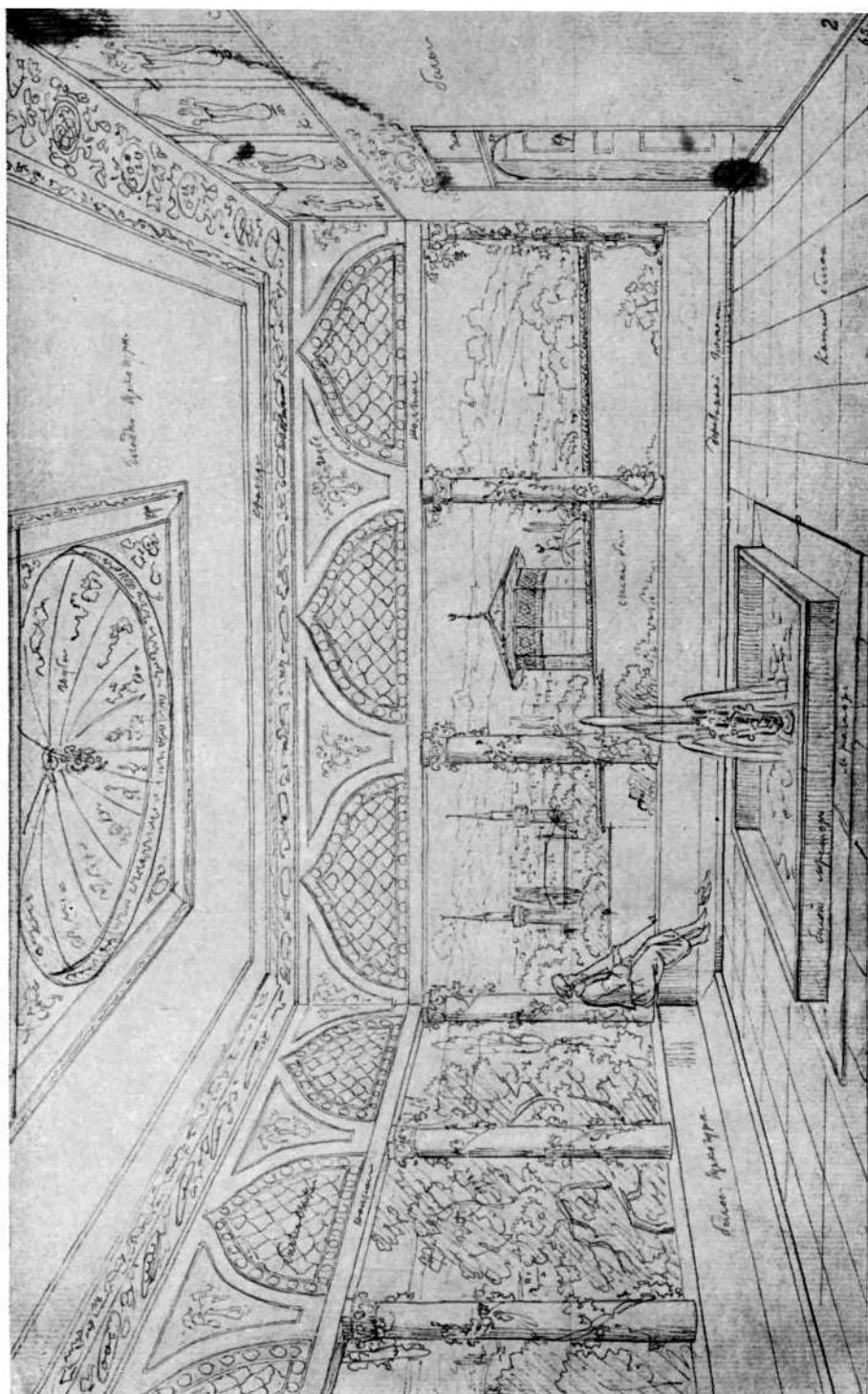

Таблица ХІІ. Бакчисарай, дворец. Акварели Н. Чернецова начала XIX в.
 2 — фонтан с фонтаном.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВВ	— Византийский временник.
ВДИ	— Вестник древней истории.
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры.
ГИМ	— Государственный Исторический музей.
Гсб	— Готский сборник. Известия Государственной академии истории материальной культуры. т. VIII, 1—8, 1932.
ГЭ	— Государственный Эрмитаж.
Д. ТМАО	— Древности. Труды Московского археологического общества.
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения.
ЗВОРАО	— Записки Восточного отделения Русского археологического общества.
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей.
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества.
ЗВОРАО	— Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества.
ИАК	— Известия Археологической комиссии.
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры.
ИЗ	— Исторические записки.
ИИМК	— Институт истории материальной культуры Академии наук СССР.
ИТОИАЭ	— Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии.
ИТУАК	— Известия Таврической ученой архивной комиссии.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР.
МАК	— Материалы по археологии Кавказа, изд. Московского археологического общества.
МАР	— Материалы по археологии России, изд. Археологической комиссии.
МГУ	— Московский государственный университет.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР, изд. Института истории материальной культуры АН СССР.
МИА, № 17	— А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.). М.—Л., 1950.
МИА, № 63	— А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. М.—Л., 1959.
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей.
СА	— Советская археология.
Сб. ГН	— В. В. Латышев. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. СПб., 1896.
Сб. РИО	— Сборник Русского исторического общества.
ТМАО	— Труды Московского археологического общества.
Тр. . . . АС	— Труды . . . Археологического съезда.
Хсб	— Херсонесский сборник.
ЧОИДР	— Чтение в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.
BZ	— Byzantinische Zeitschrift.
IosPE	— V. Latyshev. Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini.
MAMA	— Monumenta Asiae Minoris Antiqua.
SC	— В. В. Латышев. Известия древних писателей, греческих и латинских о Скифии и Кавказе. (Scythica et Caucasica), СПб., 1893.

УКАЗАТЕЛЬ ПАМЯТНИКОВ

- Алексеевка (Керченский полуостров), поселение VIII—IX вв. 34, 38.
 Алустон см. Алушта.
 Алушта (Алустон), византийская крепость VI в. 11.
 Армянские монастыри и храмы XIV—XV вв.: Сурб-Хач близ Старого Крыма 116; храмы в Феодосии 115, 116; монастырь близ с. Богатое (Белогорского района) 116.
 Артек см. Гурзуф.
 Бага (совр. Бобровка) см. Байдарская долина.
 Байдарская долина: равнесредневековый могильник Узеньбаши близ с. Родниковое (бывш. Скаля) 16; поселения VIII—IX вв. (Родниковое, Бобровка) 29, 30, 45—49.
 Бакла см. Скалистое.
 Балаклава (Чембало), генуэзская крепость XIV—XV вв. 120—121.
 Бахчисарай, город XVI—XVIII вв. 138—148; Эски-Дюрбе 142; ханский дворец 142—148; надгробия греческого кладбища 148.
 Баштановка (бывш. Пычки, Бахчисарайский район), раннесредневековый могильник 16.
 Белогорск (бывш. Карасубазар), город XVI—XVIII вв. 138—139.
 Бельбекская долина, поселения VIII—IX вв. (Поляна, Пампук-Кая) 29, 30, 45—49.
 Бобровка (бывш. Бага) см. Байдарская долина.
 Богатое (бывш. Бахчи-Ели, Белогорский район), армянский монастырь XIV в. 116.
 Боспор см. Керчь.
 Гезлеве см. Евпатория.
 Гончарное (бывш. Варнутка, Бахчисарайский район), поселение VIII—IX вв. 45.
 Горзувиты см. Гурзуф.
 Горянка (бывш. Лака), храм XIII в. 98.
 Гурзуф (Горзувиты), византийская крепость VI в. 11; могильник Суук-Су и Артек, VI—VII вв. 15—16; поселение и верхний слой могильника Суук-Су IX—X вв. 74—75.
 Дорос см. Мангуп.
 Евпатория (Гезлеве), город XVI—XVIII вв. 138—139; мечеть 1552 г. 146—147.
 Илурат (близ с. Ивановки, Керченский полуостров), поселение VIII—IX вв. 34, 38—39.
 Инкерман (Каламита), раннесредневековая крепость 11, 17, 26; монастырь VIII—IX вв. 32, 50, 51; крепость XV в. 121—123.
 Каламита см. Инкерман.
 Кафа см. Феодосия.
 Кекенепз, раннесредневековый могильник 16.
 Керчь (Боспор), склеп Савага и Фаиспарты 491 г. 12; предметы украшения из некрополя IV в. 13; некрополь V—VI вв. на Госпитальной улице 14—15; храм Иоанна VIII—IX вв. 53.
 Коктебель см. Планерское.
 Кыз-Кермен (близ Бахчисарая), поселение VIII—IX вв. 47, 48.
 Кырк-Ер см. Чуфут-Кале.
 Лака см. Горянка.
 Мангуп (Дорос, Феодоро), город, существовавший с V—VI до XVIII в.; раннесредневековые крепостные стены и базилика 11, 12, 17, 26; княжество Феодоро в XI—XIII вв. 80—81, 102—103; княжество Феодоро в XIV—XV вв. 123—128; крепость XIV—XV вв. 124—126; дворец XV в. 126; базилика XV в. 126.
 Маркур (совр. Поляна) см. Бельбекская долина.
 Мирмекский (близ Керчи), средневековое поселение VIII—IX вв. 38.
 Мисхор, гонимая печь VIII—IX вв. 44.
 Монастыри южного и юго-западного Крыма в VIII—IX вв.: Инкерман (Каламита), Партениты, Тепе-Кермен, Чилтсра, Шулдан 33—34.

Морское см. Чобан-Куле.
 Ореанда, раннесредневековый могильник 16.
 Пампук-Кая (долина р. Бельбек), храм VIII—IX вв. 50.
 Партепеты, монастырь VI и VIII вв. 12, 17, 33, 49—50.
 Плаверское (бывш. Коктебель), поселение VIII—IX вв. на горе Тепсень 34, 40—41.
 Поляна (бывш. Маркур) см. Бельбекская долина.
 Родниковое (бывш. Скеля) см. Байдарская долина.
 Салачик (близ Бахчисарая), медресе и мавзолей начала XVI в. 141—142.
 Скалистое (бывш. Бакла), раннесредневековый могильник 16.
 Скеля (совр. Родниковое) см. Байдарская долина.
 Солдайя см. Судак.
 Солхат см. Старый Крым.
 Старый Крым (Солхат), город XIV—XV вв.: 105—106; караван-сарай 106; ремесленное производство 106; мечеть-медресе хана Узбека 1314 г. 106—108; армянский монастырь Сурб Хач 1338 г. 116.
 Судак (Солдайя, Сугдея, Сурож), поселение VIII—IX вв. 34; город в XI—XIII вв. 78—80; город в XIV—XV вв. 104, 118; генуэзская крепость XIV—XV вв. 119—120; надпись на башне консула Джудиче 1392 г. 117; мечеть в крепости 120.
 Сууку-Су и Артек см. Гурзуф.
 Сюрень (мыс над р. Бельбек), византийская крепость VI в. 11, 26.
 Таманский полуостров, поселение VIII—IX вв. 34, 38—40; Тмутараканское княжество 77—78.
 Тепе-Кермен (близ Бахчисарая), полупещерный монастырь VIII—IX вв. 32, 51, 52, 102.
 Тепсень см. Плаверское.
 Тиритака (близ Керчи), поселение VI—IX вв. 12, 34, 36—38.
 Тмутаракань, Тмутараканское княжество см. Таманский полуостров.
 Узеньбаш см. Байдарская долина.
 Фанагория см. Таманский полуостров.
 Феодосия (Кафа), город XIV—XV вв. 80, 108—118; генуэзская крепость 112—114; благоустройство города 114—115; армянские храмы 115—116; греческие храмы 117; город XVI—XVIII вв. 138—139.
 Феодоро см. Мангун.
 Херсон (Херсонес), средневековый город:
 Город в V—VII вв.: могильник 17—19; планировка города 19; мавзолей 19, 22—23; мозаичные полы 19—22; базилики 12, 22—24; крещальня 23—24; декоративные мраморы 24; крепостные стены 11, 24—25.
 Город в VIII—X вв.: планировка города и жилых усадеб 60—62; гончарное ремесло 62—65; строительная керамика (черепица) 65—67; металлообрабатывающее ремесло 67—68; художественная керамика, резная кость и монументальные рельефы 68—71; крестовокупольная архитектура 71—74 (храм на акрополе 72; пятнаосный храм 73; храмы № 34 и № 9 73—74).
 Город в XI—XIII вв.: 82—83; планировка 84; жилые усадьбы 84—88; баня в доме 86; приходские церкви 88; металлообрабатывающее ремесло 88; гончарное ремесло 89—91; черепицеобжигательные печи 92; художественная поливная керамика 93—96; культовая архитектура 96—97.
 Чембало см. Балаклава.
 Чилтера, пещерный монастырь VIII—IX вв. 32, 102.
 Чобан-Куле (близ с. Морского, Судакский район): гончарные печи VIII—IX вв. 34, 36, 43—44; дозорная (дозорная башня) феодального замка братьев Гуаско, XV в. 118—119.
 Чуфут-Кале (близ Бахчисарая): остатки раннесредневековой крепости 11, 26; византийско-коринфские капители 17; раннесредневековый могильник 16; центр феодального княжества Кырк-Ер 81—82, 102; город XV—XVI вв. 128—129.
 Шулдан, пещерный монастырь VIII—IX вв. 32, 102.
 Эски-Кермен, город, существовавший с V—VI вв. до конца XIII в.: остатки раннесредневековых стен и базилика 11, 12, 17, 26; могильник 17; модель храма XIII в. 98; город в XII—XIII вв. 99—100; пещерные храмы 100; церкви-усыпальницы 101—102; остатки монастырей 102.
 Эски-Юрт (близ Бахчисарая), татарские мавзолей (дюрбе) 120.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
Введение	3
Глава I. Раннесредневековая Таврика (V—VII вв.)	6
Глава II. Таврика в VIII и первой половине IX в. Процесс феодализации . . .	27
Глава III. Таврика в IX—X вв. Возрождение Херсона. Город и деревня . . .	55
Глава IV. Таврика в XI—XIII вв. Период феодальной раздробленности . . .	76
Глава V. Итальянские колонии и феодальные княжества западного Крыма (XIV—XV вв.)	104
Глава VI. Крымское ханство (XVI—XVIII вв.)	131
Примечания	151
Список сокращений	229
Указатель памятников	230

Анатолий Леопольдович Якобсон

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ КРЫМ

*Утверждено к печати Ленинградским отделением
Института археологии АН СССР*

Редактор издательства М. А. Савицкая. Художник Д. С. Данилов
Технический редактор Н. А. Кругликова. Корректор Н. П. Яковлева

Сдано в набор 4/II 1964 г. Подписано к печати 20/IV 1964 г. РИСО АН СССР № 93—101В. Формат
бумаги 70 × 108¹/₁₆. Бум. л. 7¹/₄. Печ. л. 14¹/₂ = 19.86 усл.-печ. л. + 2 вкл. Уч.-изд. л. 20.46 +
+ 2 вкл. (0.23). Изд. № 2089. Тип. зак. № 601. М-08217. Тираж 1300. ТII 1964 г. № 140

Цена 1 р. 46 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука». Ленинград, В-164, Менделеевская линия, д. 1

1-я тип. издательства «Наука». Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
107	23 сл.	северо-восточный	северо-западный
128	5 сл.	В XIV в.	Однако уже в XIV в.
152	прим. 27	перевод: Е. Ч. Скржин- ская.	перевод Е. Ч. Скржин- ской:
156	прим. 83	«Жития епископов Херсонских», стр. 51, 54, 62, 73.	«Жития епископов Херсонских» (В. В. Ла- тышев. Жития ..., стр. 51, 54, 62, 73).

А. Л. Яковсон. Средневековый Крым.